

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Революция на местах

*Либеральная оппозиция в провинции накануне
Февральской революции*

Социалисты на Урале осенью 1917 г.

Промышленные рабочие и октябрьский переворот

Церковное управление в XVI–XVII вв.

Окончание «волоколамской гегемонии» в XVI в.

Бюджет Вологодского архиерейского дома в XVII в.

Монастырские промыслы на новых землях в XVII–XVIII вв.

*Что узнавали наследники престола о России
из лекций в эпоху Великих реформ?*

*Женское движение 1914–1917 гг. в отечественной
историографии*

*Образовательная политика в Западной Белоруссии
в конце 1930-х гг.*

«Антикультурные» кампании в школах в 1956 г.

Обсуждаем книгу

В.П. Буддаков, Т.Г. Леонтьева
Война, породившая революцию

МОСКВА
НАУКА

5
сентябрь
октябрь
2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И. А. Христофоров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**В.В. Алексеев, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, В.Н. Плешков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции:

117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. Война, породившая революцию

Книга известных учёных, докторов исторических наук В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917»¹ – незаурядное явление в нашей историографии. Пожалуй, меньше всего это – юбилейное издание, хотя невозможно не заметить его связь с прошедшим юбилеем начала Первой мировой войны, предстоящим столетием её окончания, и, конечно же, столетней годовщиной революционной катастрофы в России, непосредственно связанной с потрясениями военного времени (и ставшей самым крупным из них). Прошедшие в 2014–2017 гг. научные конференции, естественно, дали импульс подготовке солидных коллективных монографий и многочисленных сборников статей и документов. При всех их очевидных достоинствах (уже отмечавшихся в журнале²) в этих трудах неуловимо ощущалось стремление современных историков занять «общую» позицию, если не ступать в рядах авторитетных исследовательских групп и собраний. Такая потребность вполне естественна: отмечаемые события столь грандиозны и необозримы (как и их историография, изобилующая острыми камнями и мелями), а память о них настолько травматична – само собою возникает желание сплотиться и занять «круговую оборону» в надежде на то, что «большие батальоны всегда правы». Булдаков и Леонтьева – одни из немногих, решившихся пойти «против течения» и представить собственный («единоличный» и «двуединный» одновременно) «авторский» взгляд на едва ли не всю совокупность проблем и противоречий русской истории 1914–1917 гг. Причём речь идёт не о концептуальном эссе, обозначающем позицию, или полухудожественном очерке, каких немало, а о серьёзном семисотстраничном академическом исследовании, опирающемся на обширный круг источников и превосходное знание историографии. Таких книг по данной тематике за последние годы появилось совсем немного.

Однако монография Булдакова и Леонтьевой выделяется не только ярко выраженной индивидуальностью (иногда даже эпатажной), но и своей тональностью. Появившиеся в юбилейные годы публикации о войне и революции носят преимущественно обобщающий и уточняющий (детализирующий) характер. После бурных споров конца 1980-х – 1990-х гг. всё чаще говорится о необходимости (возможность при этом подразумевается) создания некоего нового исторического канона, общепризнанного и «общепримирающего». И тут авторы движутся «против течения», предельно обостряя и проблематизируя освещаемые сюжеты и дискуссионные вопросы, на каждой странице напоминая о несводимости полифонии прошлого к одному монологически

---

¹ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с. В издательском библиографическом описании книги подзаголовков (указанный только на титульном листе) отсутствует.

² Пушкарёва И.М. Российское общество в годы Первой мировой войны // Российская история. 2016. № 4. С. 138–156.

«объяснительному» голосу. Вместе с тем авторы не менее остро ощущают пагубность «дурного» субъективизма, разрывающего единую ткань истории на нитки мнений и случайностей. Отсюда упорное стремление выявить общее, передать непередаваемое – стихийное и иррациональное и т.п. Авторы, похоже, уверены в том, что «верх над конечным возьмёт бесконечное». Действие книги разворачивается как бы на двух уровнях: на одном находятся герои «повседневности» – переживающие и рефлексирющие современники революционных событий, на другом – боги эпистемологии, социологии и хаоса. Встреча этих «уровней» оборачивается трагедией...

Едва ли в такой работе могло обойтись без противоречий. Но авторы, кажется, их вовсе не боятся, напротив, стремятся, по возможности обнаружить и сделать предметом дальнейшего анализа. Тем самым они по сути «вызывают огонь на себя». Указывая на те или иные «нестыковки» и «неувязки», многие, видимо, смогут сказать, что «нет проку в осмеянном, всем ненавистном безумном учении». Впрочем, за минувшие два года этого не случилось. Книга ещё нуждается и в осмыслении, и в обсуждении, в каком-то смысле она ещё ищет своего читателя. «Мы же возбудим течение встречное»...

В обсуждении монографии приняли участие: доктор исторических наук профессор Б.И. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории РАН), почётный профессор Мичиганского университета У. Розенберг и кандидаты исторических наук В.Б. Аксёнов (Институт российской истории РАН), С.С. Войтиков (Центральный государственный архив города Москвы) и Ф.А. Гайда (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

Борис Колоницкий: Многоликий патернализм

Boris Kolonitsky (European University at Saint Petersburg; Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): A multifaceted paternalism

Новая монография В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой может отпугнуть современного читателя внушительным объёмом – 45 печатных листов. Для многих студентов ныне и не столь большие тексты становятся, к сожалению, непреодолимым препятствием. Но внимание специалистов – и не только историков – этот труд, безусловно, привлечёт, поскольку его авторы хорошо известны как учёные, давно изучающие историю России XIX–XX вв. Читатель, следящий за их творчеством, увидит, что в данном исследовании получили развитие некоторые сюжеты, уже затронутые ими в ранних работах.

Главным героем книги является многоликий, многомерный, вездесущий *российский патернализм* начала XX в. Он то предстаёт в виде «патерналистской государственной системы» (или «патерналистски-полицейской системы»), то оборачивается патриархальным социумом, в котором действует власть, то выражается в «имперско-патерналистском сознании», делающем возможной существование такой системы и этого социума. В то же время речь всегда идёт о «патерналистской власти» и самых разных чертах и аспектах «патерналистского деспотизма» (с. 65) – их анализ представляет для авторов важную исследовательскую задачу.

Российский патернализм описывается ими как «вотчинный», социально-пассивный, в отличие, например, от японского, которому приписывается

«военно-дисциплинирующее начало», стимулируемое сначала снизу, а затем и сверху (с. 66). При всей своей внешней авторитарной мощи патернализм весьма уязвим в условиях серьёзных кризисов, ибо стремится «самоубийственно» запрятать внутрь деструктивные процессы (с. 6). В иных обществах и культурах разные социальные и политические силы постоянно проходят подготовку к грядущим кризисам, участвуя в открытых конфликтах меньшего масштаба, а патернализм стремится максимально долго откладывать решение острых проблем, «замораживать» ситуацию, представлять её бесконфликтной, что ослабляет систему в тот час, когда игнорировать вызовы уже невозможно. Привыкая ощущать себя объектом руководства, заботы и опеки со стороны «всемогущей» государственной власти (с. 62), люди становятся пассивными. Патерналистские империи порождают особый тип культуры, основанной на романтизированном преклонении перед «настоящей» властью (с. 608). До какой-то степени это отношение, доходящее до сакрализации, способствует стабильности «патерналистского деспотизма», однако если ожидания не оправдываются, подобные настроения могут существенно усугубить кризис.

Российская политическая система воспроизводила «застойные» явления, которые часто отмечались и болезненно переживались современниками. Бюрократическая элита заботилась о текущей конъюнктуре, а не о будущем, стабильность была для неё важнее прогресса. При таких обстоятельствах расчёты на модернизационный рывок на «автохтонной социокультурной базе» вызывали сомнения (с. 178). В условиях же кризисов, требующих инициативы, оперативного принятия самостоятельных решений на разных уровнях управления, тяга к стабильности может поставить страну в заведомо проигрышное положение, парализуя и крайне затрудняя общественную мобилизацию (с. 349). Характерно, что и в «низах», ждавших приказов и распоряжений, заботы и опеки, проявлялось порой отсутствие самостоятельности. Так, нараставшие в годы войны сбои в снабжении населения продовольствием сопровождались не ростом предпринимательской активности, а усилением неоправданно завышенных потребительских ожиданий (с. 425).

По мнению авторов, патерналистская система и присущая ей психология пассивности в условиях тотальной войны постоянно порождали катастрофические сбои в работе административного механизма (с. 67). И хотя не очевидно, была ли Первая мировая война для России «тотальной», связь между специфическим настроением общества (или, точнее, его «политической культурой») и кризисом управления, несомненно, существовала. Кроме того, в экстремальной ситуации власть слабела, становилась всё агрессивнее, и одновременно падала склонность к взаимному сотрудничеству различных сил, в том числе — предпринимателей и правительства (с. 206).

Сложившаяся система затрудняла и использование опыта экономической мобилизации иных стран, прежде всего Германии, где вмешательство государства в экономику позволяло рациональнее использовать ресурсы в военное время. До войны у России имелся свой опыт государственной организации народного хозяйства, но следовать немецкому примеру было сложно, поскольку российская экономика строилась на патерналистских, а не рационально-организационных основаниях. Империя была расколота в культурном, сословно-социальном, хозяйственном отношениях, и в экстремальной ситуации это приводило к окончательному разрыву коммуникативных связей (с. 215).

Авторы исходят из известной концепции многоукладности российской экономики, но полагают, что многие социальные и экономические проблемы были обусловлены не столько самим фактом наличия различных укладов, сколько особенностями связей между ними. Действия бюрократии, замыкавшей продуктообмен на себя, сочетались с замкнутостью наиболее архаичных укладов и усиливались отсутствием общего гражданского понимания хозяйственного блага, в результате в условиях войны многоукладность оборачивалась «многоконфликтностью». Архаичная хозяйственная система активно отторгала распределительные интенции государства, а это подрывало основы и авторитет патерналистской власти (с. 220).

Особенности же патерналистского сознания определяли общественную реакцию на кризисные явления: перебои в поставках продовольствия воспринимались как «голод», а это вызывало недовольство властью, поскольку «монополия на насилие в России всегда подкреплялась иллюзией о том, что она не даст умереть с голоду в экстремальных обстоятельствах» (с. 413).

Авторы обращают внимание на принципиальную несовместимость с патерналистской властью деятельности всех российских политических партий независимо от взглядов их лидеров, часть которых искренне стремилась к достижению национального единства в условиях войны. При этом наиболее деструктивную роль сыграли не левые, а центристские партии и даже правые силы (с. 345). По словам Булдакова и Леонтьевой, «вся российская партийно-политическая система работала на самоуничтожение, а не на организацию страны для победы» (с. 372). Исследователи намеренно заостряют свой вывод: «Свергать правительство было некому, но некому было его и защищать» (с. 372). Такая сознательно провоцирующая читателя формулировка непременно вызовет немало возражений, однако нельзя не признать, что успех революции объяснялся не только борьбой революционеров (которые, разумеется, не сидели без дела), но и готовностью (или неготовностью) сторонников власти оказывать им организованное, слаженное и инициативное сопротивление. И нарастание активности противников правительства, и распространение пассивности в рядах тех, кому следовало его отстаивать, нуждаются в изучении, хотя, конечно, действия анализировать проще, чем бездействие.

Существенным аспектом кризиса власти была общественная деморализация (действительная или воображаемая), составлявшая контекст политических конфликтов. Критика падения нравов и «разложения верхов» играла большую роль в делигитимации режима в военную эпоху, которая отбрасывает многие моральные запреты, и авторы книги немало пишут об этом. Они полагают, что в условиях патерналистской системы подобная деморализация особенно опасна в период потрясений, когда за первоначальным эмоциональным перевозбуждением подданных может последовать «моральное выгорание» (с. 384). Как энтузиазм, так и апатия нередко создавали рамку для борьбы за власть.

Размышляя о влиянии патернализма на положение Российской империи в период революционного кризиса, авторы описывают её как устойчиво неравновесную систему, которая держится за счёт микроконфликтной самоорганизации, но не выносит чрезмерно жёстко навязываемого «порядка». Самонастройку имперской системы стимулировали «малые войны», которые были для неё «обычным» состоянием (с. 18). Однако они стабилизируют лишь некоторые измерения патерналистской империи, необычайно чувствительной к любым

нарушениям внутреннего баланса (с. 18–19). Изменить же его может, например, резкое возрастание доли молодёжи в стране. Впрочем, подобные демографические изменения представляют серьёзный вызов не только для патерналистских систем. Да и сами авторы, похоже, признают глобальное значение омоложения населения и влияние этого фактора на восприятие социального неравенства (с. 27). В целом же Булдаков и Леонтьева справедливо отмечают, что «казённо-православный патернализм», какие бы цели ни ставили его адепты, объективно не способствовал укреплению интегрирующего ядра империи (с. 558).

Важным элементом развала патерналистской иерархии являлась ситуационная консолидация сообщества антисистемных элементов. По мнению авторов, в России такую роль играла «интеллигенция», мировоззренческие установки которой резонировали с народными утопиями и предрассудками (с. 19). Между тем противопоставление «интеллигенции» и «народа», имеющее давнюю традицию, требует оговорок. Оно игнорирует, например, ряд важных культурных, политических и социальных процессов, которые современники описывали, используя неточные понятия «народная интеллигенция», «рабочая интеллигенция». Впрочем, в какой степени историки могут использовать язык революции для создания своего исследовательского понятийного инструментария?

Вызовы мировой войны потребовали социальной мобилизации. Авторы книги считают, что были возможны два её варианта: имперский — основанный на безусловной верности сакральной фигуре вождя, и гражданский — подразумевающий общественную спайку с помощью «коммуникативного разума» (термин Ю. Хабермаса). Но ресурс патерналистской солидарности был ограничен, а гражданское общество, как утверждают авторы, в России ещё не сложилось. Во всяком случае, его потенциал был недостаточен для масштабного развёртывания социальной мобилизации в условиях войны. Патерналистская система ставила непреодолимые препятствия для «коммуникативного разума», а когда авторитет вождя оказался поколеблен, возникла почва для распространения того, что Булдаков и Леонтьева именуют «коммуникативной дурью»: оставшись наедине со своими страхами и предрассудками, люди подвергались общественным психозам (с. 106). Так, «настроение 1914 года», исследованное уже историками, изучавшими его особенности в Германии, Франции и Великобритании, в России было скорее не пробуждением осознанных национально-патриотических чувств, а малоизвестным ранее приступом агрессивной эйфории. Людей охватывала вера в чудо преображения войной, которая подпитывала очень разные, иногда противоречивые ожидания (с. 280). Причём разные люди ждали далеко не одних и тех же общественно-политических чудес, и это сулило многомерные конфликты в будущем. Хотя, конечно, следует отметить, что завышенные ожидания и эйфорические переживания в начале войны были присущи и народам других воюющих стран с иной культурой.

Авторы полагают, что подогреваемый патерналистскими иллюзиями «догражданский патриотизм», проявившийся в 1914 г., грозил самыми непредсказуемыми трансформациями, а надежды верхов на благополучный выход из создавшейся ситуации были преждевременными (с. 303). Одновременно начало войны пробудило ощущение неуверенности и страха, что способствовало архаизации общественного сознания, «скрашенной выжидательным эсхатологизмом» (с. 174). Неудивительно, что срывы массовой психики, в 1915 г. происходившие уже «повсеместно и постоянно», беспокоили современников. В ноябре

на страницах газеты «Сибирская жизнь» обсуждался даже вопрос о создании «психологического тыла» (с. 296). С другой стороны, «очень многие ощущали «нарушение внутреннего равновесия», связывая его – в соответствии с логикой патерналистской психоментальности – с теми или иными “врагами”». Между тем в исторических работах начала XXI в. «тогдашнего “нарушения равновесия”» современные авторы уже не ощущают и тем охотнее бросаются на поиски всевозможных “заговорщиков”» (с. 319). Всплеск шпиономании и конспирологии в годы мировой войны наблюдался и в Европе, но Россию, в силу патерналистского сознания, потрясла не война и даже не военные поражения, а подозрения относительно того, кто в них виновен (с. 385–386). Различные политические силы пытались использовать общественную подозрительность в своих целях, выдвигая собственные конспирологические интерпретации. Однако, несмотря на то, что ими назывались разные «предатели», все подобные толки вели к делегитимации власти.

И всё же вряд ли волны шпиономании и конспирологии следует связывать исключительно с патернализмом и авторитаризмом – ведь такие явления в годы Первой мировой войны были присущи всем воюющим странам. В Германии некоторые силы даже имперского канцлера обвиняли в том, что он являлся «агентом влияния» Британии, а в Англии бдительные патриоты обрушились на гомосексуалистов, заявляя, что разложение «старых добрых нравов» было следствием коварного плана немецких спецслужб, давно уже де подрывавших здоровье и нравственность потенциального противника...

Социальная и психическая напряжённость переходила в конфликт культур. Как пишут Булдаков и Леонтьева, в России на протяжении многих лет сохранялся латентный конфликт между «городской» (чиновничьей, предпринимательской, «барской») и «сельской» (традиционной) культурой, в условиях же войны он обострился и получил антивоенную и антиправительственную направленность (с. 322). Вместе с тем этот конфликт культур мог получать иное выражение, поскольку в нём проявлялись этнические, религиозные, сословные, поколенческие и другие противоречия, о чём, собственно, и сказано на других страницах книги.

Имперско-патерналистское сознание определяло и те обстоятельства, при которых произошло крушение «старого режима»: «Власть, которая столетиями отучала своих подданных рассчитывать на собственные силы, должна была пасть жертвой не коварных заговорщиков и не организованных революционеров, а стихийного бунта» (с. 397). Подобное намеренно заострённое утверждение указывает на позицию, которую занимают авторы в давней дискуссии о соотношении «стихийности» и «организованности» в февральских событиях 1917 г. В последнее время повышенный интерес историков, журналистов, читателей вызывают всевозможные заговоры – генеральские, масонские, либеральные, германские, британские... В этом историографическом контексте задиристое заявление Булдакова и Леонтьевой следует с оговорками поддержать, хотя вряд ли вообще стоит использовать противопоставление «организованность» и «стихийность» при исследовании сложных социальных явлений. Всякая подобная оппозиция является очень грубым инструментом познания, и никогда массовые движения не бывают ни полностью «стихийными», ни исключительно «организованными».

Характер уже свергнутого строя продолжал влиять на постмонархическое общество: революция в империи, выстроенной на архаических принципах,

не могла свестись к простой смене политического режима, ибо в системе власти и подчинения слишком многое было обусловлено эмоциями, связанными с фигурой императора (с. 465). Возникшая же при царизме партийно-политическая система в своём развитии в период революции испытывала ограничения, объяснявшиеся всё более архаизирующейся и радикализирующейся политической культурой населения (с. 493). Вместе с тем революция не ослабила, а усилила патерналистский компонент общественного сознания, о легитимности власти судили лишь на основании того, как разрешались насущные повседневные проблемы (с. 497). Архаичные формы социальных отношений в новой «социалистической» оболочке получали всё более широкое распространение (с. 531). Патерналистская система проявила необычайную живучесть и приспособляемость к иному идеологическому оформлению (с. 699), «коммуникативный разум» подавлялся «коллективным инстинктом», и привыкшие к опеке народы в своём «бегстве от свободы» видели выход из кризиса в поддержке «своего» диктатора.

Наиболее эффективный способ проникновения в эпоху Булдаков и Леонтьева видят в сопоставлении «объективных» и «универсальных» данных с источниками личного происхождения (с. 24). Они часто обращаются, например, к интересным материалам цензуры, выявленным в Государственном архиве Российской Федерации (лишь часть их ранее анализировалась специалистами). Широко используются ими и воспоминания, в том числе и впервые обнаруженные в архивах. Однако временная дистанция всегда искажает восприятие прошлого, и по мемуарам всё же нельзя судить о непосредственной реакции участников событий. Более оправдано привлечение авторами такого неожиданного источника, как фантастическая художественная литература начала XX в., — эти тексты ярко передают ожидания и страхи эпохи.

Авторов книги отличает прекрасное знание исследовательской литературы и источников, они используют и зарубежную литературу, и российские издания, появляющиеся в провинции (последние порой содержат очень ценную информацию, но, к сожалению, не всегда поступают даже в библиотеки крупных университетов и научных институтов).

В книге встречаются некоторые неточности. На с. 296 указывается: «Первыми в октябре выступили моряки на Гангуте». Но в данном случае речь идёт не о топониме, а о линейном корабле «Гангут». К сожалению, есть в монографии и несколько «глухих сносок»: порой важный вывод делается на основе отсылки к архивному делу, однако читателю не сообщается о том, что именно в нём находится (ссылка 239 на с. 77, ссылка 90 на с. 122, ссылка 1 на с. 175 и др.).

Порой Булдаков и Леонтьева чрезмерно «экзотизируют» Россию, преувеличивая её исключительность и своеобразие. Так, они утверждают, что российские города, являвшиеся прежде всего административными центрами, были куда более взрывоопасны, чем европейские (с. 19). Вряд ли можно говорить о едином феномене «европейского города», улицы некоторых провинциальных центров и там становились местом острых социальных и политических столкновений, малых и больших гражданских войн, достаточно вспомнить, например, историю Барселоны в XX в.

Не все утверждения авторов в равной степени убедительны. В большинстве случаев они кажутся весьма правдоподобными, но нуждающимися в более жёсткой аргументации. Поэтому некоторые оригинальные выводы авторов, видимо, только намечают путь для дальнейших исследований. Но это не упрек:

в науке постановка важного и актуального вопроса является весьма сложной задачей, требующей и высокой квалификации, и воображения. Такое сочетание встречается крайне редко, и авторы его успешно демонстрируют.

Научные труды, возбуждающие всеобщее согласие, редко живут долго. Напротив, тексты, пробудившие острые споры, оказывают обычно большее влияние на изучение темы, чем многочисленные штудии, «уточняющие» и «дополняющие» авторитетные концепции. Можно с уверенностью сказать, что рассматриваемая книга вызовет полемику. Её авторы ставят вопросы не только актуальные для профессиональных историков, но и необычайно важные для читателей начала XXI в.: страхи и надежды нашего времени заставляют по-новому задуматься о фобиях и утопиях столетней давности.

К достоинствам данного исследования следует отнести и его «непартийность». К сожалению, до сих пор немало историков, следуя конъюнктуре или по зову души, предлагают читателям монархистские и либеральные, имперские и националистические, неосталинистские и троцкистские, «белогвардейские» и «красноармейские» интерпретации минувшего. Книга же Булдакова и Леонтьевой приближает нас к тому моменту, когда мы сможем сказать, перефразировав известного французского историка: «Российская революция закончилась». Впрочем, время это наступит не скоро.

Уильям Розенберг: Трагедия конкурирующих невозможностей

William Rosenberg (University of Michigan, USA): A tragedy of competitive impossibilities

Важнейшие исследования последних лет, посвящённые революционному периоду истории России, можно условно разделить на четыре типа. Во-первых, это широкий спектр весьма полезных монографий, в которых продолжается разработка тем, давно признанных принципиально важными для осмысления этого времени, таких как состояние российских финансов, железных дорог, аграрного сектора и крестьянства, военно-промышленного комплекса, политических партий и организаций, национальных движений и имперского управления, влияние Церкви и различных общественных и культурных институтов на ход социальных и политических процессов в революционной России, их локальная и региональная специфика и т.д. Эти труды существенно подкрепляют новые сборники архивных документов. В целом, необходимое изучение эмпирического материала по-прежнему притягивает внимание основной массы серьёзных учёных как в России, так и за рубежом³.

Во второй, чрезвычайно интересной, хотя и не столь значительной, группе работ представлены попытки раскрыть новые исследовательские направления, используя последние теоретические изыскания в области исторических и социальных наук. Среди них – публикации Б.И. Колоницкого о роли символов и слухов в формировании представлений о власти, А.Б. Асташова

---

³Трудно отметить все книги. Многие историки изложили выводы своих последних работ в издательской серии «Russia's Great War and Revolution», подготовленной издательством Slavica Publishers (Bloomington (Indiana), USA), под общей редакцией Э. Хейвуда, Д. Макдональда и Дж. Стейнберга. См. также: Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999; Человек и личность в истории России, XIX–XX век / Отв. ред. Н.В. Михайлов и Й. Хелльбек. СПб., 2013; Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года) / Под ред. Б.И. Колоницкого и Д. Орловского. СПб., 2017.

и О.С. Поршневой о настроениях и ментальности русских солдат в годы Первой мировой войны и т.д.⁴ Их авторы, как правило, не принимая, но и не отвергая те или иные теории *per se* (как таковые), тем не менее используют их концептуальные возможности для постановки ранее не изучавшихся проблем, применяя при этом основные (и традиционные) практики эмпирической верификации.

Третий тип публикаций охватывает различные опыты, направленные на достижение нового «великого синтеза» знаний о революционной эпохе. Они по необходимости вынуждены опираться преимущественно на уже издававшиеся и хорошо известные документы и монографии. Но в историографическом смысле эти работы, несмотря на кажущийся «ревизионизм», скорее заново подтверждают, нежели опровергают прежние «большие нарративы». К их числу можно отнести и детальную «Трагедию народа» О. Файджеса, где неизбежность народного бедствия привычно обосновывается политической несостоятельностью Николая II и грубой злонамеренностью амбиций Ленина⁵, и трёхтомник Б.Н. Миронова, в котором из более чем 2 100 страниц текста лишь 25 посвящены непосредственно революции, представленной «побочным продуктом успешной модернизации». Огромную массу статистических и иных сведений Миронов в этом и других своих произведениях приводит для подтверждения знакомого, даже затасканного тезиса, согласно которому дореволюционная Россия твёрдо шла по пути европейской модернизации, что расходится как с выводами лучших позднесоветских и постсоветских работ, так и с наблюдениями зарубежных авторов. Миронов не согласен с тем, «что главной и необходимой причиной этих революций является угнетение и обеднение народа». Напротив, по его мнению, «непосредственная причина российских революций заключалась в борьбе за власть между разными группами элит (курсив Миронова. — У.Р.): контрэлиты в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом и на революционной волне отнять власть у старой элиты»⁶.

На таком историографическом фоне книга В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой демонстрирует всё самое лучшее, что только способен предоставить четвёртый, наиболее сложный, вид изучения революционного периода русской истории, который отвергает идеологическую заданность и привычный «модернизационный» телеологизм, искажающий исследуемый предмет, и предусматривает реконцептуализацию прошлого с учётом реалий и обстоятельств, определявших его контекст. Подобно И.В. Нарскому и его коллегам, критически пересмотревшим условия обыденной «жизни Урала

---

⁴ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М., 2004; С. 355–398. Астахов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война: психологическое исследование военного опыта // Там же. С. 399–426; Астахов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012; Астахов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.

⁵ Figes O. A People's Tragedy. N.Y., 1997.

⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3. СПб., 2014. С. 732–733.

в катастрофе» Гражданской войны⁷, Булдаков и Леонтьева рассмотрели громадный массив документов, отражающих как субъективные характеристики, так и объективные параметры событий 1914–1918 гг. При этом они стремились показать, как отдельные люди и целые сообщества пытались рационализировать былые ужасы в поисках «лучшего» прошлого для того, чтобы чувствовать себя более комфортно в настоящем и мечтать о «достойном» будущем (с. 5). Ими показан механизм исторического перевоображения невообразимых физических и душевных страданий времён войны и революции — как в целях их осмысления, так и для сокрытия реально пережитого опыта. При этом проделан впечатляющий анализ позиций ведущих фигур и многомерных процессов.

Как и в других монографиях Булдакова, *смута* и *хаос* выступают в книге основными факторами русской революции⁸, а её катастрофические антигуманистические результаты объясняются не столько политикой или идеологией, сколько тем контекстом, в котором она развивалась, и в том числе — воздействием на людей эмоциональных и физических лишений военного времени. Булдаков и Леонтьева проделали особенно основательную работу по демифологизации многих «трюизмов», относящихся к социально-экономической и политической истории революционной России. Столь дерзкая, удивляющая своими масштабами концепция практически не имеет аналогов в литературе.

Авторы книги выводят на новый уровень прежние дискуссии о патриотизме первых месяцев войны⁹. Они стараются оценить воздействие на общество широко распространённого ощущения её «безнадёжности» и показать, насколько важной стала в то время трансформация культурных элементов «патернализма» в кризис коллективной зависимости подданных от государства, как менялось субъективное восприятие церковных обрядов, национальной идентификации, а также международных обязательств России — как имперских, так и демократических. В их изложении новые интерпретации многоукладности российской экономики удачно сочетаются с описанием сложностей фискальной политики в условиях разрушительной инфляции¹⁰, анализ транспортной проблемы — с выявлением материальных условий жизни и эмоциональных переживаний железнодорожников. Говоря о деятельности политических партий на общенациональном и местном уровнях, Булдаков и Леонтьева констатируют: «То, что в России называется политикой, в сущности, является сгустком эмоций, которые пребывают в спячке до того момента, пока не зашатается “всевидящая” власть» (с. 344). Однако то обилие острых и сложных вопросов, которое можно обнаружить в монографии, является признаком

---

⁷ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 211–236.

⁸ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2. М., 2010; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

⁹ Подробнее см.: Jahn H. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; N.Y., 1995; Костяев А.И. Цивилизационный процесс и патриотическое сознание в России: очерк новейшей историографии. М., 2008; Патриотизм как идеология возрождения России: Сборник статей и докладов / Отв. ред. А.И. Костяев, Т.С. Гузенкова. М., 2014.

¹⁰ Подробнее см.: Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. СПб., 2002; Gatrell P. Russia's First World War. A Social and Economic History. L., 2005.

исследования высшего уровня в любой историографической традиции. А неизбежные при этом дискуссии лишь усиливают ценность их работы. «Война, породившая революцию», несомненно, станет важной вехой в переосмыслении революционного опыта России.

Читая книгу Булдакова и Леонтьевой, нельзя не задуматься о том, можно ли научно обосновать влияние коллективных эмоциональных и психологических установок на ход событий? В контексте позитивистских традиций русской и советской историографии, согласно которым история воспринимается как наука, а не искусство, такая постановка вопроса звучит вызывающе¹¹. Выражение гнева, благоговения или страха, конечно, легко увидеть в текстах и действиях людей начала XX в. Но, как тонко подметили Булдаков и Леонтьева, в 1914 г. массовые (внезапные?) проявления русского патриотизма, любви и поддержки царя и отечества далеко не в полной мере отражали истинные чувства манифестантов. Как утверждал У. Рэдди, сама по себе вовлечённость в «патриотические» акции зачастую позволяет их участникам реально *испытать* те эмоции, которые они демонстрируют. Точно так же рабочие или крестьяне, участвуя в выступлениях против фабрикантов или помещиков, могли действительно ощущать выражаемый ими гнев¹². Можно также сказать, что патриотически настроенные демонстранты или солдаты, кричащие «Ура!», когда они бросаются из окопов в атаку, создают более широкие «эмоциональные пространства», а не просто следуют мимолётному порыву¹³. Сложность этой проблемы не делает её, однако, исторически маловажной. Со своей стороны, авторы книги доказывают, что знаки и символы «патриотической культуры» во время войны способны ввести в заблуждение, особенно людей, находящихся у власти. Таким образом, выходит, что царский режим рухнул отчасти потому, что «эмоциональные поля», призванные его поддерживать, никогда не были столь сильными, как казалось, или же могли легко растворяться в противоположных им чувствах неудовлетворённости и гнева по отношению к тем, кто считался виновником растущих неурядиц, разочарований и страхов.

Можно ли доказать это эмпирически? Вряд ли удастся это сделать историкам, анализирующим человеческие переживания только по документам. Не всегда это получится даже у историков-антропологов, имеющих возможность

---

¹¹О наиболее важных недавних дискуссиях и исследованиях, посвящённых истории эмоций, в зарубежной литературе, см.: *Rosenwein B. Emotional Communities in the Early Middle Ages.* Ithaca; N.Y., 2006; *Rosenwein B. Worrying about Emotions in History // The American Historical Review.* Vol. 107. 2002. № 3. P. 821–845; *Kagan J. What is Emotion: History, Measures, and Meaning.* New Haven; L., 2007; *Plamper J. Geschichte und Gefühl: Grundlagen der Emotionsgeschichte.* Siedler, 2012; *A History of Emotions 1200–1800 / Ed. by J. Liliequist. L., 2012; Fear: Across the Disciplines / Ed. by J. Plamper and B. Lazier. Pittsburgh, 2012; Facing Fear: The History of an Emotion in Global Perspective / Ed. by M. Laffan and M. Weiss. Princeton (N.J.), 2012. См. также: Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe / Ed. by M. Steinberg and V. Sobol. DeKalb (Ill.), 2011; *Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory.* Vol. 49. 2010. № 2. P. 237–265; *Language and the Politics of Emotion / Ed. by C. Lutz and L. Abu-Lughod.* Cambridge, 1990; *Lyon M.L. Missing Emotion: The Limitations of Cultural Constructionism in the Study of Emotion // Cultural Anthropology.* Vol. 10. 1995. № 2. P. 244–263; *Beatty A. How Did it Feel for You? Emotion, Narrative, and the Limits of Ethnography // American Anthropologist.* Vol. 112. 2010. № 3. P. 430–443.*

¹²*Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions.* Cambridge, 2001.

¹³Дискуссию об этом см.: *Rosenberg W. «Reading Soldiers» Moods: Russian Military Censorship and the Configuration of Feeling in World War I // The American Historical Review.* Vol. 119. 2014. № 3. P. 714–740.

брать интервью и лично расспрашивать людей о прошлом. В обоих случаях подлинные эмоции минувших лет могут быть отфильтрованы и представлены более «респектабельно» (к примеру, в случае страха, испытанного солдатами), либо признаны «недостойными воспоминаний». Самые дотошные учёные сумеют только убедительно показать (как это и делают Булдаков и Леонтьева), что эмоциональная атмосфера, в которой протекали события войны и революции в России, существенно воздействовала на их исход. Между тем большинство историков Первой мировой войны по-прежнему предпочитают описывать эмоционально насыщенные процессы и эпизоды в чисто объективистских терминах, игнорируя цифры «потерь», как будто они не имели значения и вовсе не воздействовали на обстановку в стране. Здесь нет середины, и приходится выбирать: либо эмоции значат что-то в истории, либо нет. Можно критиковать Булдакова и Леонтьеву за то, что они не в полной мере раскрыли методологические трудности, возникающие при аргументации их позиции, но не в неспособности её обосновать. В данном случае игнорирование эпистемологических и методологических проблем никоим образом не снижает ценности проделанной работы для действительно необходимого выявления возможной, пусть эмпирически и не установленной, исторической роли эмоций. Это особенно важно для понимания обстоятельств таких великих «поворотных точек», как «революционные ситуации» 1914–1918 или 1989–1993 гг.

Всматриваясь в конфликты, возникавшие в военное время между правительством и «общественностью», Булдаков и Леонтьева стремятся определить, что выражалось в них: «политика или агония властного начала?» (гл. 6). Авторы настаивают на том, что «в ходе войны *вся* российская партийно-политическая система вольно или невольно стала работать против существующего режима», но это происходило «вопреки субъективным намерениям большинства партийных лидеров, искренне рассчитывающих на достижение национального единства перед лицом врага». Таким образом, «сама власть провоцировала людей, далёких от революции, на самоубийственный образ действий» (с. 345).

Но всё же выражение «самоубийство» не отражает всей сложности действий, совершавшихся тогда в политической жизни. Необходимо отделять институционализированную форму власти (authority), указывающую на признанную легитимность правящего режима, и собственно власть (power), как наличие силы и возможности её применять. Либералов различного толка, а также умеренных социалистов серьёзно беспокоило их промежуточное положение между легальной властью и силой масс. И это беспокойство лежало в основе того, что авторы называют «самоубийственным образом действий». Политики самых разных убеждений повсюду считают допустимыми «законные» протесты. Между тем и женщины в очередях, требовавшие хлеба, и рабочие, мирно настаивавшие на повышении заработной платы, столкнувшись с угрозой применения против них избыточных и смертельно опасных действий, могли моментально превратиться в необузданную силу, что было особенно заметно летом 1915 г. Чувства гнева, тревоги и страха (среди прочего) зажгли пламя как революционного разрушения, так и созидания. Нужно в большей степени, чем к этому бывают склонны авторы, учитывать, что существовала тонкая дилемма, которая в революционное «смутное время» заставляла просыпаться по ночам многих чутких и ответственных политических деятелей, как входивших в сменявшие друг друга правительства, так и остававшихся вне их.

Трудно вообразить, что В.Г. Громан, А.И. Шингарёв, А.И. Коновалов, А.Н. Потресов, П.Б. Струве или П.Л. Барк не пытались честно справиться с проблемами, толкавшими царскую, а затем и революционную Россию к краху. Громан в Комиссии по изучению современной дороговизны настойчиво указывал на опасности, связанные с неконтролируемым ростом стоимости жизни. С.В. Рухлов и Н.В. Некрасов, каждый по-своему, неудачно пытались преодолеть железнодорожный кризис. М.И. Скобелев буквально впал в отчаяние, не сумев остановить разрушительные конфликты в промышленности, несмотря на создание в возглавляемом им первом в России Министерстве труда специального отдела для урегулирования взаимоотношений между рабочими и предпринимателями. Участники Демократического совещания и Предпарламента в сентябре–октябре 1917 г., стремясь предотвратить надвигающуюся катастрофу, упорно твердили об усиливавшемся хаосе. Есть разница между безнадежными потугами неосведомлённых и незадачливых деятелей и бессилием хорошо информированных и знающих людей, попросту не имевших полномочий или средств, необходимых для решения возникавших проблем. Иными словами, тупиковость различных ситуаций – от продовольственного снабжения и стабилизации финансов до брожения на национальных окраинах, рабочих выступлений, крестьянских требований земли, а также – падения боеспособности армии и почти всеобщего ожидания скорого мира, – с конца февраля 1917 г. была обусловлена такими фундаментальными противоречиями, которые исключали какую-либо единую линию поведения как у «правых» политиков, так и у их противников. Можно сказать, что это был не столько «самоубийственный», сколько «немогущий» образ действий: управление без авторитета легальной власти или без силы.

Неясно, было ли это связано только с войной. Как убедительно показали Булдаков и Леонтьева, давление на власть объяснялось ухудшением экономической ситуации, коллективными и индивидуальными лишениями, а также отсутствием эффективных средств правовой защиты, программ посредничества в социально-экономических конфликтах и регулирования дефицита, инфляции и распределения товаров первостепенной важности. Естественно, безудержные и ничем не ограниченные электоральные практики, составившие суть новой формы демократии в революционной России, не могли обеспечить решения проблем. Охлократия, безусловно, проявила себя в 1917 г. так, как это обычно и происходит во времена великих социальных и политических потрясений. Однако исход событий определялся не насилием толп, а провалом попыток демократически удовлетворять повседневные насущные потребности. По сути, провалились все подобные опыты на всех уровнях: от фабрично-заводских и сельских собраний, городских и районных советов, дум и земств до самых высоких общенациональных совещаний и представительств. Взамен демократические выборы помогли возобладать наиболее нереалистичным и радикальным требованиям из выдвигавшихся тогда альтернатив. И это было не столько проявлением охлократии, сколько выражением всеобщих чувств по отношению к неразрешимым проблемам и ухудшению условий жизни. Опять же, состояния тревоги, страха, гнева, разочарования, отчаяния и иные субъективные побуждения, которые легко могли привести к насилию и беспорядкам, лежали в основе различных политических махинаций, порочивших даже самые лучшие намерения политиков.

Булдаков и Леонтьева пронизательно связывают сложный комплекс культурных проявлений патернализма с усиливающимся давлением обстоятельств на революционное государство, заставлявшим его вмешиваться в социальную, экономическую и политическую жизнь России. Коренящийся в православных традициях, семейных и общественных отношениях, структурах аграрного производства, а особенно в авторитарных методах царского управления патернализм формировал ожидания, значительно превосходившие реальные возможности власти. При этом и до революции местные администраторы различного уровня то и дело нарушали распоряжения центра, а в центре редко были достаточно хорошо осведомлены о ситуации на местах, больше заботясь об опасностях политического инакомыслия и социальных волнений, нежели о нуждах населения. Вместе с тем многие влиятельные официальные лица остро ощущали риски, связанные с включением общества в обеспечение его насущных потребностей, видя в этом опасность для самодержавия, стабилизировавшего, по их мнению, основания режима. Характерно, что реакция в такой же степени была обусловлена эмоциональными переживаниями, как и ожидание перемен.

Под давлением обстоятельств военного времени царизм усиливал традиционный патернализм и увеличивал бытовую и эмоциональную зависимость людей от государства, в какой-то мере предвосхищая то, что составит ядро коммунистической диктатуры: всеильное государство, призванное удовлетворить все справедливые социальные нужды. Это во многом объясняет не только то, почему и как война и революция привели к установлению большевистской власти, но и то, как большевикам удалось сравнительно быстро потушить пожар разрушения и затмить последствия катастрофы празднованиями. Нельзя не согласиться с Булдаковым и Леонтьевой в том, что русская революционная политика представляла собою трагедию конкурирующих невозможностей.

Фёдор Гайда: Обратная сторона русского мессианства

Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia):

The reverse side of Russian messianism

Фундаментальное и новаторское исследование В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой посвящено восприятию Первой мировой войны в российском обществе и тем психологическим процессам и явлениям, которые были с ней связаны и до сих пор ещё мало изучены. Страна переживала тогда неслыханные прежде изменения: индустриализацию, урбанизацию, кризис сословного строя, революционные перемены в политической сфере. Массовое сознание напоминало о себе всё сильнее и сильнее, сталкиваясь в 1914–1918 гг. с кризисом как традиционных, так и – несколько позднее – вестернизаторских, модернизационных стереотипов. Своеобразным символом происходившего стала императрица Александра Фёдоровна, пострадавшая и за стремление быть слишком русской – её обвинили в связи с «сибирским мужиком», и за попытку изменить образ недостижимого величия, служа вместе с дочерьми в лазарете. То и другое пришлось не по вкусу образованной публике (с. 408–409).

Авторы книги придерживаются «заезженного», но совершенно верного подхода, пропуская через человеческую природу все исторические явления и процессы (с. 7). Только так и возможно понять перспективы их дальнейшего развития, особенно если речь идёт о переломном времени.

Размышляя о массовом сознании и человеческой психологии, Булдаков и Леонтьева анализируют прежде всего источники личного происхождения. При этом ими введён в научный оборот значительный массив архивных документов, среди которых особый интерес представляют дневники и переписка, в том числе — материалы перлюстрации, сохранившиеся в делопроизводстве Департамента полиции (ГА РФ, ф. 102). Полиция, естественно, интересовалась прежде всего негативными оценками происходившего в стране, но это лишь облегчает авторам монографии выявление различных форм девиантности, которые позволяют судить об общих тенденциях ушедшей эпохи. Впрочем, смешивать реальность психологическую и социальную всё же не стоит. Нельзя, например, делать вывод о развале российской промышленности к началу 1917 г. на основании одного панического письма из Екатеринослава (с. 195).

Обращаясь к причинам общеевропейской катастрофы «короткого XX века», Булдаков и Леонтьева указывают на имперские амбиции, демографический перегрев, развитие техники и т.п. В этом же ряду, быть может, слишком осторожно, почти вскользь упоминается и феномен национализма (с. 10—11). Между тем предыдущий «долгий XIX век», начавшись националистическим порывом Великой французской революции, закончился тем, что национальным государствам и движениям в Европе стало слишком тесно. Не случайно авторы пишут про германский «милитаризм снизу» (с. 27). Старая Европа жила дипломатическим балансом, «равновесием», поддерживать которое, как правило, приходилось монархам и представителям аристократии. Сформировавшиеся же «нации» были полны боевого задора и спешили решить старые вопросы раз и навсегда. Известный в будущем философ-экзистенциалист М. Шелер (перешедший в католичество сын немца-протестанта и еврейки) в начале войны требовал отеснить Россию от Балтики и Чёрного моря (с. 35), т.е. лишить её не только статуса великой державы, но и внешнеполитической самостоятельности. Невероятная решимость создавала новые глобальные проблемы, в том числе англо-германское соперничество, от выпячивания которого в качестве основной причины войны авторам книги так хотелось уйти (с. 14).

Как констатируют Булдаков и Леонтьева, большую войну в Европе ждали давно. Именно со столь долгим ожиданием связана её «неожиданность»: ставшее привычным состояние предчувствия, с которым уже смирились, закончилось в одночасье. Тем интереснее изучение предвоенных прогнозов будущего конфликта. Точную по своему предвидению записку П.Н. Дурново обойти в данном случае совершенно невозможно, но были и иные примеры. Опубликованная в Петербурге в 1912 г. анонимная фантастическая книга «Европа в огне» в каком-то смысле также оправдала себя: по мнению её автора, в результате неудач в войне с Германией и Австро-Венгрией Россия должна была поменять политический строй, однако затем агрессоров ожидало поражение от Франции и балканских государств (с. 28—29).

Булдаков и Леонтьева отмечают распространённость среди российских военных «ура-патриотических» настроений, хотя и признают, что в сложившихся обстоятельствах это вполне соответствовало общественным ожиданиям (с. 17, 27). На самом деле в правительственных кругах империи к перспективе большой войны относились скорее настороженно. На фоне тогдашней воинственности общества «ура-патриоты» из военного ведомства смотрелись весьма скромно. 23 марта 1913 г., в разгар Первой Балканской войны, министр иностранных дел С.Д. Сазонов пригласил на «чашку чая» представителей всех

либеральных фракций Думы. После долгих рассуждений главы внешнеполитического ведомства о сложности международной обстановки председатель Думы М.В. Родзянко задал ему неожиданно прямой вопрос: «А нельзя ли нам теперь Проливы хапнуть?»¹⁴. На следующий день, когда Сазонов принял правых, националистов и октябристов, все депутаты продемонстрировали недовольство слишком осторожными действиями МИД на Балканах¹⁵. За восемь месяцев до знаменитой статьи военного министра В.А. Сухомлинова октябристский «Голос Москвы» писал: «Мы неоднократно отмечали различные дефекты нашего военного ведомства, мы и теперь не можем согласиться с тем, что там всё обстоит благополучно, но справедливость требует сказать, что многое уже сделано... Россия впервые за долгие годы оказалась *готовую* (подчёркнуто в тексте. — *Ф.Г.*) встретить надвигающуюся грозу во всеоружии народных сил»¹⁶. После капитуляции Болгарии во Второй Балканской войне в июле 1913 г. на «славянской трапезе» с участием правых, националистов и октябристов была составлена телеграмма, призывавшая правительство овладеть Проливами, заставить Румынию отвести войска из Болгарии и пригрозить Австро-Венгрии оккупацией Галиции¹⁷. 14 июля 1914 г., через три дня после австро-венгерского ультиматума Сербии, А.И. Гучков в письме к Сазонову призывал МИД не предавать братьев-славян¹⁸. Как в этой обстановке, усугублявшейся русско-германской газетной войной, должен был держаться Сухомлинов? Признание слабости России не отдаляло, а скорее приближало бы военную развязку.

Авторы книги не могли не высказаться по поводу споров о причинах поражения России в войне. Булдаков и Леонтьева решительно выступают против всех «патриотических» и «конспирологических» мифов, согласно которым Россия могла выстоять в конфликте, но этому помешали политики-демагоги, масоны, германские или британские шпионы и проч. — тут можно выбирать или, напротив, объединять их всех в гремучую смесь (с. 5), смахивающую на зло вселенского масштаба. Но, как ни парадоксально, эти «теории» являются изнанкой идей, возникавших в оппозиционной среде ещё в период войны. Те же члены Прогрессивного блока были уверены, что Россия не может одержать победу либо вследствие косности её государственного аппарата, либо из-за засилья «тёмных сил». 1 ноября 1916 г. Милюков, как известно, чётко сформулировал эту альтернативу: «Глупость или измена?». В ответ присутствовавший в думском зале лидер правых Н.Е. Марков спросил у кадетского оратора: «А Ваша речь — глупость или измена?». Таким образом, уже тогда сложились роковые формулы, возлагавшие вину за поражение России на чиновников, камарилью, политиканов или внешние силы. С тех пор исследователям не раз доводилось блуждать в этих четырёх соснах.

Вырываясь из данной системы координат, авторы книги выстраивают чёткую логическую связь событий. Обусловленное началом войны «эмоциональное перевозбуждение» российского общества постепенно вылилось в «моральное выгорание». В результате патерналистская государственная система, не справившаяся с решением текущих задач, утратила авторитет. Все ожидания элиты и масс оказались связаны с её устранением и созданием альтернативного утопического проекта (с. 384). При таком видении

¹⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 921, л. 599.

¹⁵ Новое время. 1913. 24 марта.

¹⁶ Военное ведомство и Государственная дума // Русские ведомости. 1913. 13 июня.

¹⁷ Свет. 1913. 13 июля.

¹⁸ ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 1432, л. 1.

российская власть становится скорее жертвой глобальных событий. Однако авторы книги склоняются к мысли о том, что самодержавие само себя свергло (с. 434). Ведь в его ликвидации основное участие принимали государственные структуры (в первую очередь — Дума) и существовавшие по большей части на казённые средства общественные организации. Власти не смогли ни наладить распределение, что стало центральной проблемой экономики (с. 208—209, 213), ни создать информационно-пропагандистское обеспечение национального единства перед лицом врага. Иными словами, в экстремальных условиях правительственный аппарат империи проявил свою инерционность. Безусловно, тот, что был выстроен в СССР к началу Второй мировой войны, по всем этим параметрам вышел на порядок сильнее. Его субъектность уже никем не подвергалась сомнению.

По мнению Булдакова и Леонтьевой, революция произошла не вследствие невыносимости социальных тягот как таковых, а из-за краха связанных с войной ожиданий. Общественность не в состоянии была трудиться на благо победы: правые партии развалились, либералы боялись взять власть в свои руки, левые-оборонцы оказались слишком слабы (с. 371—372). Всё это в результате и спровоцировало бросок в утопию. Хотя, как показывают авторы монографии, утопистами являлись и те, кто пытался действовать во Временном правительстве (с. 455). Выходит, это качество было свойственно всем общественным силам, патологически зависимым от государства с его реалистичным подходом. Но тогда сильное государство становится исторической неизбежностью: его самоликвидация порождает смуту, единственный выход из которой — воссоздание государственности на более жёстком и прагматичном основании.

Особое место в книге Булдакова и Леонтьевой занимает церковная тематика. Как утверждают авторы, Российская империя будто бы упорно претендовала на звание Третьего Рима, а православная вера считалась его щитом (с. 221). Это отнюдь не бесспорно, поскольку, согласно распространённым религиозным представлениям, наоборот, империя и царская власть выступали опорой («катехоном») веры. Но, как бы то ни было, рассматриваемый в монографии вопрос об ответственности «российских конфессий» за катастрофу 1917 г. действительно имеет большое значение. Православная Российская Церковь не помешала революционным процессам. Булдаков и Леонтьева объясняют это жёстко иерархизированной и бюрократизированной церковной структурой (с. 221, 279). Недовольство этим высказывала и интеллигенция, ушедшая из Церкви под влиянием литературы (с. 266). «Казённая» Церковь не могла также бороться с ростом предрассудков в народной среде, которые в конечном счёте обернулись революционной верой (с. 279). Однако церковное управление в России ещё до Петра было полностью встроено в государственное. В странах Северной Европы со схожей системой церковно-государственных отношений официальные структуры религиозных общин и конфессий политически были столь же слабы (их предназначение заключалось не в этом), секуляризационные процессы там происходили в том же направлении, но срыва в утопию не произошло. Так ли велико тогда значение собственно структурных проблем? И что имеют в виду авторы монографии, когда пишут о возможности появления веры «на основе сознательной гражданственности» (с. 511)?

Состояние Церкви накануне революции изображается в книге в мрачных тонах, а авторские оценки во многом соответствуют часто цитируемым

мемуарам протопресвитера Г. Шавельского, склонного к резким и нелюбимым высказываниям. При этом не учитываются более взвешенные и менее пристрастные взгляды, выраженные в ряде современных работ по истории Церкви¹⁹. Впрочем, в некотором уточнении нуждаются не только оценочные суждения, но и используемые термины: «схизматики» превратились в тексте в «схимников» (с. 499), «архиереи», которые почему-то именуется «отцами церкви» (с. 502) – в «иереев» (с. 498, 503, 506).

По словам авторов, духовенство не ожидало, что его сочтут опорой «прежнего порядка» (с. 498). Между тем думское большинство с 1910 г. вело жёсткую критику «синодальной бюрократии», архиереи открыто обвинялись в «распутинстве», в борьбе против Синода либералы поддерживали и мятежного иеромонаха Илиодора (Труфанова), и афонских имяславцев. III Дума добивалась выведения из юрисдикции духовного ведомства церковно-приходских школ. К 1917 г. консервативно настроенные священнослужители находились в политической изоляции. Авторы монографии пишут, что либералы никогда не выступали за отделение Церкви от государства (с. 614), но именно об этом говорила ст. 2 программы кадетской партии. А после Февральской революции в этих кругах звучали заявления о том, что Церковь – лишь одна из общественных организаций²⁰.

Церковь в 1917 г., вопреки мнению авторов книги (с. 279), не обрела реальной самостоятельности. Революционный обер-прокурор В.Н. Львов диктовал свою волю Синоду (с. 503, 508–509). «Церковную бюрократию» новая власть воспринимала как одну из потенциально контрреволюционных сил²¹. Обвальная демократизация в рамках «церковной революции» не «освобождала» клириков и мирян, а лишь усугубляла кризис приходской и епархиальной жизни. Временное правительство, заинтересованное в либерализации устройства Церкви, поддерживало эти процессы. На Поместном соборе они могли бы достичь кульминации, но обстоятельства сложились иначе: большевики быстро поменяли настроения верующих.

Общая тональность книги отличается остротой и хлесткостью. В ней можно встретить рассуждения о «природных холуях» (с. 416), о революции как «бабьем бунте» (с. 699), заявления о том, что «миром управляют идеи, а Россией – лозунги» (с. 478). Похоже, подобные утверждения являются оборотной стороной того самого русского мессианства, которое столь усердно бичуют авторы. Poleмика с «мифологизаторами» часто напоминает обмен риторическими ударами. Однако в целом известная публицистичность

¹⁹ См.: *Ореханов Г., иерей*. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002; *Гайда Ф.А.* Русская политическая общественность последних лет Империи о вере и Церкви // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 16–24; *Гайда Ф.А.* Совет министров о проблемах Православной Российской Церкви (1906–1914) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 2. С. 23–37.

²⁰ *Гайда Ф.А.* Русская политическая общественность... С. 23–24.

²¹ *Гайда Ф.А.* Церковная политика Временного правительства весной 1917 г. // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, январь 2012 г.). Материалы. М., 2012. С. 66–69.

и полемичность авторов не только не вредит научному анализу темы, но и придаёт ему широкое общественное звучание.

Сергей Войтиков: Империя в системном кризисе

Sergey Voitikov (Central state archive of Moscow city, Russia): The crisis-ridden Empire

Ещё в 1996 г. В.П. Булдаков и П.В. Волобуев указали на необходимость «рассматривать и революции 1917 г., и Гражданскую войну как часть системного кризиса империи»²². Именно так этот период и исследовался Булдаковым в дальнейшем. Написанная вместе с Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию», «Красная смута» и «Утопия, агрессия, власть» представляют собой своего рода трилогию — исследование-эпопею, посвящённую смутным годам нашей новейшей истории²³. Название книги Булдакова и Леонтьевой несколько уже её содержания. Речь в ней идёт не только о том, как «недовольство бессмысленной и бесперспективной войной легко трансформируется в ненависть к тем, кто на неё послал» (с. 538), но и о восприятии современниками военных и революционных обстоятельств столетней давности (с. 7).

Авторы представляют происходившее в годы Первой мировой войны как паноптикум вселенского масштаба, следствие тотального «поглупения» Европы (с. 10). Полагая, что «даже с учётом перспективы внутренней дестабилизации активное подключение России к мировому конфликту нельзя безоговорочно считать роковым актом, приведшим её к пропасти», ибо «всё зависело от гибкости системы, её способности сделать рывок в сторону модернизации, т.е. сбалансировать динамику развития с учётом потребности войны», Булдаков и Леонтьева ставят перед собой амбициозную цель: «Задача историка — не только рассказать о событиях, но и показать, что таилось за их видимой поверхностью. Он обязан разглядеть то, что невозможно было увидеть его “героям”, а не тащиться в хвосте благоглупостей прошлого» (с. 20).

Констатируя, что «Европа уже давно — едва ли не со времён франко-прусской войны — балансировала на грани военного конфликта» (с. 14), авторы монографии не склонны объяснять столкновение великих держав их экономическим соперничеством или «сводить всё к непримиримости геополитических интересов Германии и Великобритании», хотя, «несомненно, судьбу Европы определяло поведение» именно этих государств. Со своей стороны, Булдаков и Леонтьева отмечают, что «даже малые страны и народы, эгоистично мечтавшие о собственных выгодах от мирового конфликта, смогли сыграть в развязывании войны непропорционально большую роль». Вообще же «судьбу войны и мира решил Его Величество Случай» (с. 14).

Вместе с тем, как полагают авторы монографии, «в том, что война смогла состояться, Российская империя сыграла немалую роль самим фактом своего существования» (с. 11). Как, впрочем, и Австро-Венгрия. Размышляя о Сараевском убийстве, авторы пишут: «То ли “случайная трагедия”, то ли “трагическая случайность” породила глобальный *casus belli*: проснулись имперские амбиции Австро-Венгрии, а Россия, отступив, одновременно

²² Булдаков В.П., Волобуев П.В. Октябрьская революция: Новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 29.

²³ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 (изд. 2 — М., 2010); Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть...

и теряла влияние на Балканах, и роняла свой авторитет в глазах Антанты, отнюдь не обезопасив себя при этом от будущего столкновения с Германией. Любопытно при этом, что, словно осознавая нелепость повода, будущие противники до последнего момента не хотели верить, что война станет *мировой*» (с. 13). Так или иначе, у Булдакова и Леонтьевой «нет сомнений, что наибольшую лепту в разжигание войны внесли престарелый Франц-Иосиф и “сумасбродный” кайзер» (с. 14). Собственно с тем, что «в сложившейся ситуации» Николай II «всё равно бы не смог» уклониться от «столкновения» с Германией, согласится, пожалуй, большинство историков²⁴. При этом сами авторы убеждены, что «вопрос о степени адекватности тех или иных правителей новым историческим реалиям вовсе не выводит на понимание подлинных причин войны». «Недостаточная компетентность управления — постоянно действующая величина истории, — считают исследователи, — и то, что она порой зашкаливает, чаще бывает вызвано объективными обстоятельствами. К началу XX века в Европе возник качественно новый, скрытый от современников, дисбаланс сил, который и определил поворот в её судьбе независимо от государственных мужей» (с. 27). Будучи принципиальными противниками «конспирологии» и сосредоточившись на анализе неувиденного историческими деятелями, Булдаков и Леонтьева невольно впадают в другую крайность и иногда забывают о том, что же лежало на этой самой «видимой поверхности». Порою даже создаётся впечатление, будто в России никаких заговоров вовсе не бывало (см. с. 319).

Булдаков и Леонтьева особо обращают внимание на то, что «свои цели в войне и российские правители, и общественность определили достаточно поздно». Более того, «единого мнения на этот счёт не было»: «Часть высших политиков и общественности, вопреки реальным возможностям, вдохновляемая не столько экономическими соображениями, сколько славянофильскими иллюзиями, рассчитывала навсегда завладеть черноморскими проливами и вновь утвердить крест на Святой Софии» (с. 44). В то же время авторы книги полемизируют с теми западными учёными, которые уверены, будто Россия летом 1914 г. объявила мобилизацию «вовсе не из-за Сербии, а исключительно для того, чтобы получить контроль над Константинополем и проливами» (с. 44). Но если конкретную выгоду от участия в смертельно опасной схватке Россия не могла не только получить, но даже сколько-нибудь точно очертить, следовало ли вмешиваться в борьбу Австро-Венгрии с великосербскими грёзами Белграда?

Специально рассмотрев представления российских либералов о возможных выгодах войны, авторы монографии сделали парадоксальный вывод о том, что оппозиционная общественность считала её «едва ли не единственным средством избавления от застоя» (с. 60). Но и в правительственных кругах на войну возлагали надежды. В книге убедительно показано, что «эйфория 1914 года» являлась частью агитационно-пропагандистского мифотворчества воюющих держав, тогда как для населения неверие в победу было не менее характерно, чем ура-патриотизм²⁵. Между тем, напоминают Булдаков и Леонтьева, «исто-

²⁴ См.: *Тютюкин С.В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // *Тютюкин С.В.* Десять лет в журнале «Отечественная история». М., 2005. С. 182.

²⁵ Возможно, идеи и выводы Булдакова и Леонтьевой выглядели бы ещё более убедительно, если бы опирались на количественные подсчёты. Авторы приводят немало цифр из источников

рический самообман обходится дорого. “Оптимистическая эсхатология” легко приобретает революционную перверсию» (с. 83).

Изучив материалы перлюстрации, авторы констатировали противоречивость массовых представлений о «друзьях-врагах» (с. 128). С одной стороны, по мере усложнения обстановки на фронтах во всех странах усиливалось недоверие к союзникам (с. 126). Так, в России «наиболее отчётливо антианглийские ноты зазвучали» осенью 1916 г., прежде всего – в кругу правых политиков. Но и простой обыватель в ноябре жаловался родственнику на «начало английского засилья вместо немецкого» (с. 127). С другой стороны, интеллектуальная «элита», напротив, демонстрировала беспокойство за «имидж России в глазах союзников, который к 1917 г. оставлял желать лучшего» (с. 128). По мнению Булдакова и Леонтьевой, «столь противоречивые представления... обычно характерны для безынициативной общественной среды» (с. 128). Разобщённость русского общества достигла в годы Первой мировой войны своего апогея. И всё же трудно согласиться с хлётским заявлением о том, что «вся российская партийно-политическая система работала на самоуничтожение, а не на организацию страны для победы» (с. 372).

В этих условиях балансировать «между ненавидевшими друг друга силами власть не могла» (с. 352). Характерно, что о необходимости заключения сепаратного мира накануне революции всё чаще задумывались представители самых разных течений и партий (с. 348). Подписание Брестского мира, заключённого от безысходности и в силу категорического нежелания армии воевать неизвестно за что, по мнению авторов, не завершало войну, а означало лишь её переход «в иное измерение», и «вовсе не в то, на которое рассчитывали большевики»: с накопившимися проблемами «нельзя было поступить как с гордиевым узлом, ибо они пропитали души людей» (с. 696–697). Однако в дальнейшем, по справедливому замечанию авторов, «именно вера и решительность большевиков обезоруживала тех, кто, казалось бы, должен был восстать против них» (с. 684). При освещении событий, предшествовавших падению Временного правительства, у исследователей «создаётся впечатление, что руководители противостоящих лагерей действовали почти вслепую, но при этом за антибольшевистскими силами стояла слабеющая инерция слепой репрессивной машины, а за их противниками – энергия растущего хаоса» (с. 661).

В большом и сложном исследовании неизбежно встречаются те или иные – досадные или забавные – *qui pro quo*. Есть они и в книге Булдакова и Леонтьевой. Так, в тексте встречается «Кузьма Минин, герой 1612 года» (с. 576), будто бы упомянутый в письме Андрея Белого. «Хрусталёвы, Ленины, Миныны “демократичнее”», – сообщал он Р.В. Иванову-Разумнику 16 июня 1917 г. (с. 575). При этом в данном случае речь явно шла о председателе Царицынского городского Совета рабочих и солдатских депутатов С.К. Минине. Непонятное же

и литературы, однако контент-анализ не применяют, хотя при работе с перлюстрированной корреспонденцией этот метод, безусловно, позволил бы более наглядно показать происходившее в обществе изменение отношения к войне. Частично данный материал просчитан в статье: *Измозик В.С.* Настроения российского общества в годы Первой мировой войны (по материалам перлюстрации) // Исторические чтения на Лубянке. Ч. 1. 2014 год. М., 2015. С. 57–71.

авторам прозвище «социал-дьячок» (с. 576) объяснялось просто: Сергей Константинович родился в семье священника.

Владислав Аксёнов: Эмоции как фактор революции

*Vladislav Aksenov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
Emotion as a factor of revolution*

Известные учёные В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева, уже давно успешно изучающие социокультурные явления и процессы, наблюдавшиеся накануне и в период революции и Гражданской войны в России²⁶, в своей новой книге погружаются в исследование предвоенных настроений русского общества, распространённых в нём образов врагов и союзников, динамики и особенностей религиозных и патриотических чувств, социальных и этнических конфликтов, роли партий в революционизации масс, изменения экономического потенциала страны в годы войны, и т.д. Этот уникальный труд, развивающий и углубляющий прошлые научные изыскания, выгодно отличается от большинства коллективных монографий концептуальной и стилистической целостностью.

Авторы избегают метанарративных концепций, навязывающих прошлому несвойственные для него шаблоны современности, и полагают, что история пока ещё не выработала универсального языка, позволяющего описывать механизмы развития человеческого общества (с. 11). Вместе с тем Булдаков и Леонтьева нащупывают те темы, которые лейтмотивом проходят через всю историю российской смуты XX в. и помогают понять её природу. Одна из них – патерналистские отношения общества и государства, сохранявшиеся в массовой психологии значительной части россиян и препятствовавшие модернизационным процессам, проходившим в социальной, экономической и отчасти политической сферах. Другой сюжет, тесно связанный с патернализмом, основанным на архаичных связях между младшими и старшими членами рода, – насилие, особенно остро проявляющееся в кризисные эпохи. Третья проблема – человеческие эмоции, в определённые моменты истории блокирующие рациональное восприятие действительности и порождающие аффекты, в которых, опять-таки, велика роль насилия. В монографии Булдакова и Леонтьевой отражён процесс накопления в обществе эмоционального напряжения, вылившегося затем в революцию.

Эмоциональное начинало превалировать над рациональным ещё во время патриотической эйфории лета–осени 1914 г. Авторы обращают внимание на особенности официальной пропаганды и поведения подданных Российской империи, которое определялось широким спектром мотивов: от эсхатологической покорности и искреннего желания защитить родину до жадности лёгкой наживы за счёт выпуска соответствующей продукции. Не случайно в монографии упоминается о «карнавальном эффекте» мобилизации, свойственном всем странам-участницам мирового конфликта. На квазипатриотической волне известные персоны нередко опешляли дело благотворительности, обращали сакральное в профанное и наоборот. Булдаков и Леонтьева приводят примеры того, как поездки на фронт знаменитых особ с целью поддержать армию

---

²⁶ См., например: *Булдаков В.П. Красная смута...*; *Булдаков В.П. Хаос и этнос...*; *Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв.* М., 2002.

заканчивались закрытыми застольями с офицерами, что порождало неблагоприятные слухи и толки среди солдат. Поэтому неудивительно, что молва, в конце концов, даже сестёр милосердия в полевых госпиталях начинала обвинять в разврате.

Патриотическая пропаганда приводила к смешению «высокого» и «низкого» в изобразительном искусстве, к жанру лубка обращались тогда известные художники – А. Лентулов, К. Малевич, И. Машков, Д. Моор и др. При этом, по словам авторов книги, «воинственная графика порождала скорее недоумение, нежели патриотические чувства. Образованного человека она скорее всего отталкивала своей искусственной легковесностью, а простой человек ни трагедии происходящего, ни опасности поражения не ощущал – мобилизационный эффект лубка вряд ли мог быть высок» (с. 89). Вместе с тем отдельные технические достижения XX в. (в частности самолёт) наполнялись эсхатологическим смыслом. Так, авторы упоминают картину Н. Калмакова «Пушка», на которой было изображено гигантское монстрообразное орудие на мохнатых лапах. Подобные образы встречались и в журнальных иллюстрациях. В «Будильнике» осенью 1915 г. появилась карикатура, изображавшая громадную пушку-паука²⁷. Булдаков и Леонтьева считают возможным даже говорить об особом психотипе личности, воспринимавшей войну как состязание техники, порождавшее «новых дикарей», поклоняющихся «анонимной машине смерти» (с. 114). Отсюда и характерные эмоции военного времени, перетекавшие впоследствии в массовые фобии и неврозы.

Рассуждая о результатах патриотической пропаганды, авторы отмечают её быстрое перерастание в революционную агитацию, особенно характерное для маргинальных слоёв и студенчества. Неопределённость социального статуса и психовозрастные особенности молодёжи делали её особенно податливой на эмоциональные порывы. Отправлявшиеся добровольцами на фронт студенты говорили, что идут умирать за Россию не настоящую, а будущую, и демонстративно выражали неуважение к царю (с. 146). Впрочем, сочетание патриотизма и революционности проявилось в первые же дни мобилизации. Во время известной патриотической манифестации 20 июля 1914 г. в Петербурге наряду с «Боже, царя храни» звучали «Рабочая Марсельеза» и «Варшавянка»²⁸. Протестная риторика не вызовет удивления, если вспомнить о росте забастовочного движения, наблюдавшемся по всей России с мая по июль 1914 г., об уличных боях рабочих с полицией на Выборгской стороне Петербурга и проч.

В крестьянском сознании также происходило разделение понятий «царь» и «отечество». Так, призванный в армию 22-летний крестьянин Костромской губ. Александр Метлин 16 августа 1915 г., будучи в нетрезвом состоянии, матерно ругал императора, заявляя: «Я иду служить за веру и отечество»²⁹. Находившийся на побывке в Вологодской губ. 27-летний крестьянин Василий Кузнецов, георгиевский кавалер, в ноябре 1916 г. говорил: «А мне что царь: я не царю служу, а за веру и родину. А царь у нас кровосос и только истребляет народ»³⁰. Со временем даже у монархически настроенной интеллигенции обнаруживался «патриотизм без царя». «А наш великолепный полковник сидит себе в ставке обузою неподъёмной и в ус не дует, – писал 25 июня 1915 г.

²⁷ Будильник. 1915. № 43. С. 7.

²⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 976, л. 23.

²⁹ Там же, л. 52.

³⁰ Там же, л. 125.

Б.В. Никольский. — Нет, в эту династию невозможно более верить. Я верю только в Россию, потому что в ней будущее человечества»³¹.

Однако разочарование в царе не означало стремления к демократии. Критикуя Николая II, многие тут же подыскивали ему адекватную замену. Самым очевидным кандидатом в широких народных массах называли верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича (любопытно, что тогда же ходили слухи, будто царь давно бежал из России). Патернализм, по мнению Булдакова и Леонтьевой, блокировал консолидацию социума на почве новой, демократической гражданственности (с. 86). Какое-то время он мог поддерживаться и подогреваемой властями германофобией, выражавшейся как в бытовых конфликтах, так и в массовых погромах. Как правило, их сопровождала народная молва, выдумывавшая совершенно дикие истории. Например, о том, что немцы сознательно распространяют венерические болезни в прифронтовой полосе, чтобы заразить русских солдат (впоследствии в том же стали обвинять евреев). Извозчики рассказывали своим пассажирам, что в деревнях крестьяне часто принимали велосипедистов за шпионов, отравлявших колодцы³². Рассказывали, как крестьяне на конях бросались за ними в погоню, но догнать не могли — неуловимость была важным атрибутом «внутреннего врага».

Активно использовались в пропаганде сведения о «немецких зверствах» (изнасилования женщин, издевательства над ранеными и т.д.). При этом скудные известия о предосудительных действиях «своих» оправдывались тем, что «мы, мол, за вас бьёмся, а вы даже не позволяете солдатишкам погулять». Авторы объясняют это поведенческим стереотипом, при котором «униженный унижает, угнетаемый ищет свой объект угнетения» (с. 161). Солдатская психология начала быстро распространяться в тылу. Л.А. Тихомиров в 1915 г. обращал внимание на то, что в Московской губ. участились случаи изнасилования женщин солдатами. Это происходило даже рядом с Троице-Сергиевой лаврой³³.

В целом «возникла опасность того, что внешний враг уподобится своему внутреннему двойнику в лице самодержавной власти, или, напротив, чужая маска “прилипнет” к знакомому лицу. Нечто подобное и происходило» (с. 107). Современники не только осознавали это, но и старались использовать в пропаганде. В условиях жёсткой цензуры фельетонисты и карикатуристы, высмеивая недостатки России, часто переносили действие в Германию. Так, на иллюстрации к известной статье В.А. Маклакова о «безумном шофёре» в несущемся к пропасти автомобиле рядом с водителем изображалась германская императрица, а в подписи к рисунку указывалось: «Немцы о себе»³⁴. Тем не менее читатели хорошо понимали, что речь идёт о катастрофическом положении России. Как полагают авторы книги, тут сказывалось и то, что «со времён славянофилов русская интеллигенция под видом критики Запада подсознательно выражала своё негативное отношение к бюрократической этатизации российской общественной жизни» (с. 107–108).

Эсхатологические сюжеты также легко переносились на родную почву. Авторы указывают на инфернализацию образа Вильгельма II, в частности, в кинематографе. В апреле 1915 г. киностудия «Люцифер» даже выпустила фильм «Антихрист», посвящённый кайзеру. Но в русских деревнях иногда

³¹ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2. СПб., 2015. С. 220.

³² Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917. М., 2008. С. 84–85.

³³ Там же. С. 99.

³⁴ Будильник. 1915. № 42.

Антихристом объявляли Николая II³⁵. Одной из персонификаций Антихриста в народном фольклоре выступал иудейский царь Ирод. Любопытно, что крестьянское сознание проводило параллель между гибелью невинных в Первой мировой войне и убиением младенцев. Крестьяне Воронежской губ., ожидая второго пришествия, толковали: «Говорят, что народится Ирод. Вот и народился Ирод — это наш царь Николай»³⁶. Царя награждали и такими эпитетами, как чёрт или леший³⁷.

Вероятно, фатальной ошибкой официальной пропаганды было то, что правящие круги и поддерживавшие их представители интеллигенции не учли эмоциональную природу патриотизма и пытались выстроить на его основе некую рациональную концепцию, отталкиваясь то от абстрактного противопоставления «славянства» и «германизма», то от идеи о русском народе-богоносце и т.д. Однако, по словам Булдакова и Леонтьевой, «в российском патриотизме был слишком силён эмоциональный компонент, что придавало ему эфемерный характер» (с. 146). Скоротечные настроения и чувства выветривались из массового сознания, как только власть и её носители переставали соответствовать общественным идеалам.

Авторы книги считают, что патриотизм в целом угас в обществе уже к концу 1914 г. Это подтверждается и активностью кинопредпринимателей: с августа по декабрь 1914 г. были сняты 43 военно-патриотические картины (8.6 картин в месяц и 18% от всех фильмов, снятых за год), тогда как за весь 1915 г. — всего 17 фильмов (1.4 в месяц и 4.6% от всей кинопродукции), а за 1916 г. — 6 (0.5 в месяц и 1.2% от всех картин)³⁸. Причём данный спад нельзя объяснить экономическими причинами (плёночным кризисом и т.п.), поскольку в самом плодотворном 1916 г. было выпущено 499 фильмов, включая короткометражные, — в 2 раза больше, чем в 1914 г. Массовый зритель требовал новых впечатлений (среди жанров лидировала салонная драма), квасной патриотизм ему наскучил.

Религиозное самосознание также находилось в состоянии кризиса. Авторы отмечают, что в России «между верой и паствой стояла церковь — жёстко иерархизированная и бюрократизированная структура» (с. 221). Рост усталости солдатской массы от войны был прямо пропорционален падению престижа полковых священников, которым предписывалось наблюдать за политическими настроениями солдат и вести патриотическую пропаганду, вызывавшую с некоторых пор раздражение: «Упование на Бога, вера в силу молитвы и охранительную мощь креста сохранялись у них только в начале войны. Боевые неудачи, голод, вши, плохое обмундирование, инфекционные болезни, а равно и слухи об “измене” царя и царицы, похождениях Распутина резко снизили уровень “окопной религиозности”» (с. 244). Неудивительно, что учащались случаи богохульства, а солдатский фольклор породил образ волочившегося за сестрой милосердия попа. «Антипоповские» настроения получили распространение и среди солдаток (с. 270). Всё это накладывалось на разнообразие

³⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 442, 443 об.

³⁶ Там же, л. 332.

³⁷ Там же, л. 443 об. О смешении политических и религиозных концептов и смыслов в сознании обывателей подробнее см.: *Леонов С.В.* «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.) // *Ментальность в эпохи потрясений и преобразований.* М., 2003. С. 95–172; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»... М., 2010.

³⁸ Подсчитано по: *Вишневский В.* Художественные фильмы дореволюционной России (Фильмографическое описание). М., 1945.

народные поверья, нередко весьма далёкие от православных догматов. Среди крестьян, в частности, бытовало представление о том, что очередное убийство Христа станет началом новой, счастливой жизни³⁹. В военное время миссионеры отмечали дальнейшее расцерковление прихожан и усиление авторитета всевозможных мистических сект. Так, в 1915 г. только в Ставропольской епархии из православия ушёл 481 человек⁴⁰.

Рост «показательной обрядности» в первые месяцы войны авторы вполне оправданно относят скорее «к области магического, чем религиозного» (с. 261). В газетах и журналах тогда отмечали заметный всплеск интереса обывателей к гаданиям на картах, хиромантии, нумерологии и проч. Власти пытались бороться с нездоровыми проявлениями мистицизма. Некоторые губернаторы запрещали публикацию каких-либо пророчеств о будущем⁴¹; 19 февраля 1915 г. товарищ министра внутренних дел разослал по губерниям циркуляр: «Прошу воспретить бродячим шарманщикам продажу публике билетов с предсказаниями о войне и мире»⁴². Но подобные запреты ни к чему не приводили. Убийство Распутина в декабре 1916 г. породило новую волну слухов: дух старца якобы продолжал влиять на политику, вселяясь в тех или иных членов Совета министров (чаще других называли А.Д. Протопопова)⁴³. В начале 1917 г. в частных письмах горожане называли правительство «спиритическим», приписывая ему общение с духами⁴⁴.

Понять природу стихийных событий февраля 1917 г. без учёта предшествовавшей им «эмоциональной истории» трудно — велик будет соблазн скатывания в вульгарную конспирологию. Между тем, как пишут Булдаков и Леонтьева, «проницательность наблюдателя грандиозных событий (как и историка) состоит не в том, чтобы найти “виновника” того, что не укладывается в обыденное сознание, а в том, чтобы за “стихийностью” происходящего признать логику более высокого порядка» (с. 446). В толпе эмоции заразительны, и авторы верно отмечают, что в февральские дни один только вид истерично вопящей женщины, требовавшей хлеба, делал из рядового обывателя революционера. При этом практически всеобщее принятие революции — аристократией, офицерством, солдатами, рабочими, студенчеством, духовенством — объяснялось тем, что каждый невольно выдавал желаемое за действительное: кто-то видел в случившемся лишь отстранение от власти Николая II, кто-то — начало демократических перемен, и т.д. В основе восприятия революции большинством её современников и участников лежала не осознанная рациональная концепция, а массовый эмоциональный порыв, типичный и даже «банальный» для любых человеческих обществ (с. 452).

История российской смуты — это в том числе и история столкновения архаично-традиционных и современных систем, в котором патерналистское сознание населения играло порой неожиданные роли. Вместе с тем, хотя патернализм, безусловно, порождает свой психотип, проблема соотношения в человеке культурно-приобретённого (включая все социальные связи) и психически-врождённого (характер) вряд ли может быть решена в рамках

³⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 278 об.

⁴⁰ Там же, ф. 797, оп. 86, отд. 3, ст. 5, д. 136а, л. 159.

⁴¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 73, д. 86, л. 4.

⁴² Там же, л. 2.

⁴³ Там же, оп. 265, д. 1069, л. 186.

⁴⁴ Там же, д. 1068, л. 95.

одной исторической науки. Впрочем, Булдаков и Леонтьева не надеются на помощь смежных дисциплин. Как им кажется, «беда социологизирующих авторов в том, что они всякий раз пытаются хаос эмоций перевести на язык удобной для них “логики”» (с. 697). Но ведь и их книга вскрывает сущность и ту логику событий прошлого, которая с определённого момента сделала неизбежной российскую революцию, указывает на «деиндивидуализацию» истории, выдвигающую на первый план не замысел её деятелей, а страстную человеческую природу (с. 698).

Исследуя общие системы – патернализм, религиозность, патриотизм и т.д., авторы не забывают о «маленьком человеке», его «банальности» и «глупости». Характерно, что эпиграфом к книге стали строчки Г. Иванова: «Рассказать обо всех мировых дураках, / Что судьбу человечества держат в руках? / Рассказать обо всех мертвецах-подлецах, / Что уходят в историю в светлых венцах?..» В конце монографии, «вместо заключения», Булдаков и Леонтьева предлагают собственную формулу смуты: «Что же определяло спектр противоречивых настроений периода войны и революции в России? Можно сказать просто: “глупость правителей”, на которую некогда надеялся революционер К. Маркс, сомкнулась с эмоциями того “дурака-зверя”, который, по словам П. Сорокина, просыпается во всякой революции» (с. 698).

Несовершенство природы человека, неустойчивого перед соблазнами (особенно в экстремальной обстановке), заставляет задуматься о соотношении «системного» и «внесистемного» в его поведении. Являлся ли «дурак» порождением патерналистско-традиционной системы, изменение которой превращается в рецепт от «глупости», или же эта «дурость» сугубо биологического происхождения, и тогда особое внимание к патернализму излишне? Нельзя не отметить и то, что, по мнению М.М. Бахтина, в традиционном сознании «глупость» являлась своеобразной «изнанкой правды» и при случае оборачивалась «вольной праздничной мудростью, свободной от всех норм и стеснений официального мира, а также и от его забот и его серьёзности»⁴⁵. В современном русском языке «дурачество» и «баловство» могут использоваться как синонимы, однако крестьяне под «баловством» нередко понимали погромы, поджоги, грабежи и проч. «Деревенские жители рассказывают, – 17 октября 1916 г. записал в дневнике Тихомиров, – что у них, по деревням, очень “большое баловство”, т.е. другими словами – грабежи. Очень плохой признак. Бабы говорят, что жить стало страшно»⁴⁶. «Дурак» порою оказывался не так далёк от смутьяна, разбойника или даже революционера.

Авторское противопоставление граждански развитых и недоразвитых обществ⁴⁷ предполагает линейность развития, позволяющую изжить пережитки прошлого. Вместе с тем не исключено и то, что в массовом сознании постоянно сосуществует несколько пластов разной степени рациональности, и в критической ситуации они напоминают о себе в обществах всех типов. «Дурость» или иррациональность, сидящая в каждом человеке, но на разной глубине, вполне может носить обратимый и временный характер.

---

⁴⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 148.

⁴⁶ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 295.

⁴⁷ Например, в главе «Динамика и очаги социального бунта» племенная бестиаризация врага представлена как признак «граждански недоразвитых обществ» (с. 283).

Нижегородская либеральная оппозиция накануне Февральской революции 1917 г.

Владимир Сапон

Liberal opposition in Nizhny Novgorod on the eve of the February Revolution of 1917

*Vladimir Sapon (Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
(Minin University), Russia)*

Изучение движущих сил революционных событий февраля–марта 1917 г. в центре и на местах всегда шло непросто. Долгое время победа революции трактовалась как результат энергичной деятельности большевистской партии, которая повела за собой на штурм самодержавия наиболее сознательные слои пролетариата, а влияние иных политических организаций всячески умалялось. Утверждалось, например, что «революционный переворот в Нижнем был совершён рабочими Сормова и Канавина, во главе которых стояли большевики», и лишь после свержения самодержавия «меньшевики, эсеры, “народные” социалисты, анархисты выползли из своих убежищ, в которых они отсиживались при царизме, и стали уверять рабочих, что именно они-то и есть истинные и доподлинные революционеры», а местная буржуазия якобы и вовсе «пробралась к власти в силу “богатства, организации и знания”»¹. Это описание типично для публикаций советского периода², хотя даже из них порой следовало, что партия большевиков, ослабленная систематическими репрессиями, была не в состоянии организовать столь грандиозную акцию³.

В постсоветский период фокус внимания исследователей оказался перенесён с большевиков на ранее игнорируемые политические организации и общественные структуры. Особую популярность приобрела теория «заговора элит»⁴. Однако активность противников самодержавия рассматривается по большей части применительно к Петрограду и Москве. Значительно

© 2017 г. В.П. Сапон

¹ *Маслов К.П.* Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и её упрочение. «Красное Сормово» на великом рубеже. Горький, 1964. С. 81–83.

² См., например: Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. Горький, 1957. С. 10–11; *Фадеев В., Шульпин П., Парусов А.* Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. I. 1891–1918. Горький, 1961. С. 343–345.

³ Так, в одном из местных изданий советского периода отмечалось, что в некоторых более крупных рабочих районах «большевики-подпольщики исчислялись единицами», а на всю Нижегородскую губ. их насчитывалось не более 300 человек. Организации действовали разрозненно, поскольку руководящий партийный центр в Нижнем Новгороде в декабре 1916 г. почти в полном составе был арестован (*Фадеев В., Шульпин П., Парусов А.* Указ. соч. С. 341). См. также: *Сапон В.П.* Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период). Н. Новгород, 2014.

⁴ См., например: *Платонов О.А.* Покушение на русское царство. М., 2004; *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005; *Куликов С.В.* Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской

меньше в этом плане повезло провинции — в частности Нижегородской губ., где исследование сюжетов такого рода только начинается⁵. Из-за этого до сих пор открытыми остаются многие вопросы — например, о том, как нижегородские умеренные и левые либералы готовили общество к революции, то содействуя, то противодействуя друг другу, в различных организациях и на страницах местной печати.

О том, насколько энергичной была партийная активность нижегородского отделения Партии народной свободы (ПНС), судить трудно. Представитель нижегородских кадетов Е.М. Ешин принимал участие в работе партийной конференции в июне 1915 г. и в VI съезде партии в феврале 1916 г.⁶ Однако в областном совещании ПНС, проходившем 20–21 октября 1915 г. в редакции самарской газеты «Волжский День», где присутствовали делегаты из Самары, Оренбурга, Симбирской, Саратовской, Уфимской губерний, по сведениям начальника Самарского жандармского управления, «Нижний Новгород от участия отказался без всяких мотивов»⁷.

Нижегородские кадеты и прогрессисты, при общем критическом отношении к монархии, далеко не всегда находили между собой общий язык. Это ярко проявилось уже осенью 1915 г., в ходе формирования Нижегородского областного военно-промышленного комитета (НВПК). Участие в этой организации открывало широкий доступ к выполнению военных заказов (и к соответствующему государственному финансированию). В силу этого возникли противоречия между крупными промышленниками и предпринимателями, лидером которых являлся Д.В. Сироткин, занимавший ряд высоких постов в общественных и предпринимательских организациях Нижнего Новгорода и бывший одним из лидеров российского старообрядческого движения⁸, с одной стороны, и представителями средней и мелкой промышленности, а также земской интеллигенцией кадетского толка — с другой. Война предоставила Сироткину, который прежде «слыл лишь хорошим и ловким дельцом, не забывающим своё личное я и составившим из ничего довольно

революции 1917 года // Российская история. 2012. № 1. С. 69–90; *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман: Подлинная история отречения Николая II. М., 2013.

⁵См., например: *Селезнев Ф.А.* Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 134–137; *Сапон В.П.* «Нижегородский листок» в 1916 г. — рупор кадетской оппозиции // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник статей участников XIV региональной научно-практической конференции (1 декабря 2016 г.). Вып. XIII. Арзамас, 2017. С. 93–98; *Сапон В.П.* Нижегородские либералы и «прогрессисты» о роли Государственной думы и Прогрессивного блока в 1916 году // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международной научной конференции. Ч. 2. Иваново, 2017. С. 429–434.

⁶См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 87, 268. Так, в частности, по предложению Ешина съезд рассмотрел вопрос «о подтверждении воззвания ЦК от 22 июля 1914 г.». Нижегородский делегат настаивал, что «воззвание — раз это есть воззвание, а не что-либо иное — должно быть кратко, сильно, должно вселять бодрость и укреплять волю к победе, призывать население к помощи армии и организации тыла; оно также должно быть изложено понятным для населения языком» (Там же. С. 342). Активность нижегородского делегата на съезде была отмечена: он вошёл в состав ЦК ПНС (Там же. С. 304).

⁷*Семёнова Е.Ю.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 — начало 1918 гг.): Сборник документов и материалов. Самара, 2011. С. 311.

⁸Подробнее см.: *Селезнев Ф.А.* Д.В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 78–90.

солидное состояние»⁹, широкие возможности для обогащения и упрочения своего положения.

Уже на первое организационное собрание НВПК 25 сентября 1915 г., созванное по инициативе Нижегородского биржевого ВПК (также возглавляемого Сироткиным), пригласили лишь представителей 5–6 предприятий, за которыми стоял крупный региональный капитал. Против подобной дискриминации выступил целый ряд местных организаций (Губернский земский комитет по снабжению армии, Нижегородский губернский комитет Всероссийского земского союза, Нижегородский отдел Совета съездов представителей мелкой и средней промышленности и торговли, Нижегородский ярмарочный ВПК, Нижегородский союз учреждений мелкого кредита, Губернский кооперативный комитет, Губернская земская управа¹⁰). «Антикупеческую» оппозицию возглавили представители либеральных кругов, в частности, видные нижегородские кадеты (Г.Р. Килевейн, А.С. Салазкин, Ф.А. Ермолаев), беспартийные до поры до времени либералы (А.А. Остафьев, П.А. Демидов) и умеренные социалисты (в частности, В.М. Владиславлев). Конфликт дошёл даже до председателя Центрального ВПК А.И. Гучкова, который «обещал уладить дело и уговорил депутацию не обращаться к министру внутренних дел, под тем предлогом, что представители промышленности скомпрометируют себя, как не умеющие организовать самостоятельно без руководства администрации»¹¹. Тем самым он объективно поддержал «сироткинцев».

На выборах в НВПК 21 октября 1915 г. председателем стал Сироткин, его заместителем — Н.М. Башкиров, товарищами председателя — И.Н. Кемарский, З.М. Таланцев и Н.И. Волков. Таким образом, руководство в новой структуре довольно бесцеремонными методами захватили влиятельные «купцы», которые в экономической деятельности проявляли незаурядную предприимчивость, а в политике — довольно умеренную «прогрессивность» и оппозиционность¹². Общественности оставалось лишь заявить очередной протест¹³. В декабре 1915 г. начальник Нижегородского жандармского управления (НГЖУ) рапортовал директору Департамента полиции МВД, что «Сироткин не только игнорирует [общественные] организации, но тормозит дело по снабжению армии, передавая таковое исключительно в руки крупных капиталистов, своих сторонников, и главную часть берёт в те организации, где он заинтересован лично»¹⁴. Можно констатировать, что в процессе формирования НВПК лидеры крупной торгово-промышленной буржуазии сумели отеснить от рычагов распределения государственного финансирования представителей среднего и мелкого капитала. В политико-идеологическом отношении это означало

⁹ Центральный архив Нижегородской области (далее — ЦА НО), ф. 918, оп. 1, д. 980, л. 37.

¹⁰ Там же, л. 46 об.—47.

¹¹ Там же, л. 48.

¹² Так, Башкиров и Волков входили в состав Нижегородского губернского комитета Умеренно-прогрессивной партии, созданной в 1905 г. московскими предпринимателями-старообрядцами во главе с Рябушинским. Кемарский тогда же состоял членом Нижегородского бюро Союза 17 октября, а на выборах в IV Государственную думу баллотировался как «беспартийный прогрессист». Сироткин «на выборах в Гос. Думу выступал как октябрист, а при Столыпине высказывался как и националист». «Определённой политической физиономии у него, в самом деле, как будто нет», — заклеил его по этому поводу журналист. См.: *Перо*. Случайные заметки // Нижегородский листок (далее — НЛ). 1916. 3 июля. № 179. С. 3.

¹³ Подробнее см.: *Сянов В.П.* Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период). Н. Новгород, 2014. С. 80–84.

¹⁴ ЦА НО, ф. 918, оп. 1, д. 980, л. 48.

локальную победу умеренных элементов над леволиберальными. Однако баталии между ними на этом не завершились, продолжившись на страницах газет — и в этом случае финансовое превосходство прогрессистов уже не имело решающего значения.

Одной из особенностей политического процесса в поздней Российской империи было то, что официальная пресса почти не пыталась заниматься тем, что позже назовут «политическим пиаром». Инициатива в этой сфере практически полностью находилась в руках оппозиции. Либеральная периодика выходила значительными тиражами, пользовалась спросом у публики и могла оказывать серьёзное, если не решающее воздействие на общественное мнение в губернии. Ведущими изданиями нижегородской легальной оппозиции являлись «Нижегородский листок» и «Голос Волги». Обе газеты различались по характеру своего либерализма. Первую следует назвать кадетским изданием. Будучи ветераном общественной и культурной жизни, эта газета держалась вполне определённой леволиберальной линии, своей стойкостью заслужив уважение даже идеологических оппонентов¹⁵. Вторая же появилась в мае 1916 г. по инициативе и на деньги нижегородских «биржевиков», возглавляемых Сироткиным, и выражала прогрессистские взгляды.

На страницах «Нижегородского листка» постоянно появлялись материалы о партийных мероприятиях общегосударственного масштаба, перепечатки интервью кадетских лидеров (прежде всего П.Н. Милюкова). Например, в одной из публикаций подробно рассказывалось о VI съезде ПНС, который прошёл 18–21 февраля 1916 г. в Петрограде. «Программа съезда была очень широкая, — говорилось в газете. — Ему прежде всего предстояло переизбрать состав центрального комитета, выслушать и утвердить отчёт о деятельности этого комитета за восемь лет, заслушать и обсудить тактический доклад о деятельности партии и её парламентской фракции в прошлом и ближайшем будущем и наметить в основных чертах план финансово-экономических собраний в связи с войной, с её неизбежными последствиями, и высказаться по вопросу об использовании общественных сил в деле обслуживания фронта и упорядочения тыла страны»¹⁶.

Особого внимания газеты был удостоен доклад Милюкова съезду от имени ЦК партии. Говоря о создании Прогрессивного блока, докладчик оценил «образование в Г[осударственной] думе сплочённого большинства с единой программой политических требований... как исключительно важный факт, определяющий собой новый фазис политической истории России», и назвал «сохранение в целостности блока и устранение внутренних трений в нём... одной из задач тактической деятельности к.-д. партии»¹⁷. Газета приводила и мнение «так называемого левого течения партии», которое имело разногласия с большинством во «второстепенной области отдельных тактических шагов». Одобряя оформление Прогрессивного блока, левые призвали не преувеличивать его значения как фактора политической борьбы, указывая «на временность нынешней парламентской комбинации и на необходимость не забывать, что в будущем партии придётся соединяться главным образом с другими политическими течениями»¹⁸. Им казалось, что руководство партии слишком увлеклось

---

¹⁵ См.: По поводу 40-летнего юбилея «Волгара» // Козьма Минин. 1915. 4 июля. № 23. С. 2–3.

¹⁶ Съезд Партии народной свободы // НЛ. 1916. 25 февраля. № 54. С. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. 26 февраля. № 55. С. 2.

парламентскими формами политической деятельности, не уделяя должного внимания организации широких демократических сил¹⁹.

Сообщалась читателям и «Общая резолюция по поводу тактического доклада Центрального Комитета», в которой формулировались ближайшие задачи ПНС и Прогрессивного блока: «1) необходимо продолжать борьбу с дезорганизующей деятельностью настоящего правительства и с его теперешним составом до достижения поставленной в программе блока цели — создания объединённого правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определённой программы; 2) необходимо проводить дальнейшие меры к организации обороны и хозяйственной жизни страны, использовать активное сотрудничество всех граждан в этом неотложном для надлежащего успеха войны деле путём усовершенствования форм участия общественных сил в обслуживании армии и тыла и использования наличных организаций для удовлетворения общегосударственных нужд, а также и путём создания для этой цели новых организаций, объединяющих те элементы, которые недостаточно использованы в существующих союзах, и прежде всего кооперативные силы и рабочих; 3) партия и при временной комбинации блока должна неустанно отстаивать интересы демократии и равноправия национальностей и по возможности поддерживать контакт с другими демократическими партиями; 4) выбор средств для достижения намеченных целей должен соотноситься с обстоятельствами военного времени»²⁰.

В центре внимания прессы находились, конечно, актуальные общественно-политические проблемы. Редакция «Голоса Волги» в программной статье с удовлетворением отмечала, что война устранила «те политические разногласия, которые в течение десяти лет парламентского строя России подтачивали её государственный организм», что «оказалось возможным примирить противоположные течения, найти один общий язык, на котором стали говорить представители России, поставившие на этот раз интересы своей родины выше политических доктрин, казавшихся им до того непогрешимыми». Организационным воплощением данной тенденции стал, по мнению «сироткинцев», Прогрессивный блок в Государственной думе — «центробежная сила, которая и вдохновляет Россию, и в которой как в фокусе отражается вся современная русская общественная жизнь». Весьма пафосно редакция сформулировала задачи своего издания: «Все начинания власти, направленные в сторону общенности, имеющие целью вызвать свободное развитие производительных сил страны, будут газетой приветствоваться и рассматриваться как стимул

---

¹⁹ Представитель нижегородских кадетов Ешин, не относясь к числу критиков Милюкова, тем не менее почувствовал «оттенок самодовольства, отсутствие скромности у автора тезисов». Комментируя оптимистические прогнозы лидера кадетов о перспективах борьбы с министрами, нижегородец отметил: «Кроме тактики партии и блока, есть ещё ряд причин, ведущих к падению правительства, и прежде всего развал и дезорганизация власти на местах и полная неразбериха в экономическо-хозяйственной области. Указания из центра иногда просто не исполняются. Кривошеин издал, например, циркуляр о приостановке землеустроительных работ, а уже после этого циркуляра в Нижегородской губернии из-за производства таких работ было несколько бунтов». «Общественные силы должны учесть все эти обстоятельства, — полагал он, — и на местах создавать организации как для распространения идеи и значения Прогрессивного блока, так и для практической работы по организации тыла» (Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 268–269).

²⁰ Съезд Партии народной свободы // НЛ. 1916. 26 февраля. № 55. С. 2.

укрепления основы общественного строя. Также будут приветствоваться начинания, откуда бы они ни исходили, направленные в сторону выявления самостоятельности и склоняющиеся к развитию производительных сил страны. Для того чтобы Россия сбросила оковы экономического рабства, ей нужно развитие общественных организаций, широкое, общее и профессиональное образование, развитие профессиональных органов, распространение печатного слова, уравнение в правах всех национальностей, населяющих Россию и доказавших ей свою преданность. Всё то, что будет стоять на пути развития этих факторов, являющихся рычагами прогресса страны, будет получать со стороны новой газеты самую резкую критику, все явления иного порядка, имеющие целью затормозить движения русской мысли и производительности, будут получать отпор столбцов нашей газеты»²¹.

Редактор «Нижегородского листка» А.А. Дробыш-Дробышевский, публиковавшийся под псевдонимом Перо, тут же откликнулся на выход «Голоса Волги». Он весьма язвительно отозвался о косноязычии новой газеты и подверг критическому разбору её политические декларации: «В передовой статье “Наши задачи” прогрессивный блок, – временный парламентский союз партий для достижения нужного стране минимума, – ставится, как средоточие нашей жизни». Прогрессивный блок, по мнению газеты, «та центробежная (?) сила, которая вдохновляет Россию»²². В другой заметке публицист развил свой скептический взгляд на политические возможности коалиции оппозиционных фракций: «Прогрессивный блок имеет значение для утверждения Думы, но в реформах он может дать, кажется, такой минимум, который далеко не удовлетворит потребности населения... Гораздо пригоднее, чем к реформам, прогрессивный блок к отстаиванию минимума тех порядков, которые обеспечивали бы жизнь и в мирное время и оборону во время войны. Обстоятельства выдвинули его не столько для государственного творчества, как для защиты Государственной Думы»²³.

По-разному нижегородскими «биржевиками» и их оппонентами оценивался и преобразовательный потенциал народного представительства. Так, 16 мая 1916 г. «Голос Волги» доброжелательно отмечал открытие Государственной думы и советовал: «Намечая план работ предстоящей сессии, президиум Думы должен обратить самое главное внимание на подготовку работ по заключению международных договоров экономического характера на случай окончания войны, которая не может длиться бесконечно... Так как правительство зачастую медлит с разрешением вопросов, имеющих кардинальное значение, то инициатива в деле подготовки и рассмотрения материалов должна исходить от Государственной Думы, которая теперь же в эту сессию должна была бы избрать целый ряд соответствующих комиссий. На Государственной Думе лежит долг встретить окончание войны и последующие за тем экономические конференции во всеоружии готовых материалов»²⁴. Газета видела в Думе своего рода «коллективного Кузьму Минина», которому по плечу решить многие текущие экономические и политические проблемы, а также подготовить почву для послевоенной эпохи, когда в результате победы России и её

²¹ Наши задачи (от редакции) // Голос Волги (далее – ГВ). 1916. 6 мая. № 1. С. 1–2.

²² Перо. Случайные заметки // НЛ. 1916. 7 мая. № 123. С. 3.

²³ Там же. 17 мая. № 133. С. 3.

²⁴ Н.-Новгород, 16 мая // ГВ. 1916. 16 мая. № 11. С. 1.

союзников «создадутся новые соотношения между мировыми экономическими единицами»²⁵.

«Нижегородский листок» отводил современному «парламенту» намного более скромную роль. «Сама по себе Дума существо бессильное, — полагали в газете. — Не она должна диктовать лозунги, а страна. Она должна выражать мнение страны, опираться на страну. И тем более Дума 3-го июня, Дума, заседающая при таких необычайных условиях. Чем больше мы, обыватели (почему теперь, в годину всемирной войны, не сказать “граждане”?), будем требовать от Думы, чем больше мы признаем её своей, тем больше она нам даст. Дума не может висеть в воздухе. И именно потому, что она Дума 3-го июня, что она выбрана не всем народом, а только частью его, она особенно нуждается в опоре». Отношение к Думе было снисходительно-покровительственное: «Какая бы Дума ни была самая что ни на есть третьеиюньская, она единственное организационное начало имперского общественного мнения. Её надо не только “беречь”, а “питать”. Помочь же ей можно только связывая большую политику с малой, только противопоставляя организованному центру организации на периферии»²⁶. Открытие думской сессии в мае 1916 г. было встречено газетой без особого энтузиазма: «Как бы ни была несовершенна настоящая Дума, это всё-таки отдушина, сквозь которую прорывается общественное мнение». Скептическое настроение вызывалось сомнением в том, что «народное представительство» сможет стать чем-то большим, чем «отдушина», заняться эффективной преобразовательной деятельностью: «Прежде говорили: “сначала успокоение, потом реформы”, теперь говорят: “сначала война, потом реформы”. Реформы всегда у нас потом. И к этому, конечно, отрицательно относится прогрессивная печать. Но вопрос в том, какие реформы может провести теперешняя Дума. Хотя реформы у нас весьма желательны, трудно ожидать, чтобы они могли быть проведены хорошо при данном положении»²⁷.

«Голос Волги» систематически выступал как рупор крупного российского торгово-промышленного капитала, претендующего на определённое политическое влияние, стремящегося к модернизации народнохозяйственного механизма и решительной экспансии на внешние рынки. «Промышленный класс выделяет из своей среды с каждым годом всё большее и большее количество людей образованных, которые начинают рассматривать промышленность не только под углом зрения классовых интересов, но придавая ей характер крупного государственного дела»²⁸. Наша промышленность достигает громадных оборотов, которые в особенности начали расти за последние три года до войны, промышленность покрыла Россию целой сетью фабрик и заводов, но хотелось бы, чтобы представители этой промышленности напрягли все усилия

²⁵ См.: Там же; *Musca*. Народный трибун // ГВ. 1916. 9 мая. № 4. С. 3.

²⁶ *Философов Д.* Политика большая и малая (Петроградские письма) // НЛ. 1916. 19 февраля. № 49. С. 2.

²⁷ *Перо.* Случайные заметки // НЛ. 1916. 17 мая. № 133. С. 3.

²⁸ В одной из публикаций эти промышленники-государственники называются поимённо. «На сцену русской жизни выступили из торгово-промышленной среды люди широкого кругозора, большого масштаба, как Бугров, Морозовы, Рябушинские, Коновалов, Четвериков и другие, вышли они из семей старого закала. Из самых глубин русской почвы выросли эти первые деятели будущей русской промышленности и торговли» (*Кириллов И.* Накануне // ГВ. 1916. 6 мая. № 1. С. 2). Автор выступал против «аномалии» в общественном мнении, которое незаслуженно возвышало «интеллигентные профессии», в то время как именно «витязи русской промышленности и торговли» являлись подлинными создателями.

и поставили бы её на должную высоту». Автор, впрочем, обозначил и целый ряд факторов, препятствовавших развитию производства: большое количество праздничных дней, устаревание оборудования, неудовлетворительное состояние профессионального образования, завышенные ставки вознаграждения представителей фабрично-заводских администраций, недостаточная протяжённость железнодорожного и шоссейного сообщений, далёкая от совершенства законодательная база. Следствием этого была «высокая себестоимость наших изделий», являвшаяся «главным тормозом в деле развития нашей промышленности и использования иностранных рынков»²⁹.

Газета защищала «промышленный класс» от обвинений в безудержном стремлении к наживе: «Нашей целью должно быть поставлено создание национальной промышленности. Мы должны примириться с тем, что рост промышленности будет происходить за счёт частных капиталов, что не все плоды такого роста будут поступать в пользу общества, а та или иная часть их останется в руках предпринимателей, — это неизбежное зло, это неустранимый результат экономического процесса, не зависящего от роли отдельных лиц. При настоящих условиях накопление национального богатства иным путём совершаться не может». В своём послые автор решил опереться на авторитет... Карла Маркса, который, по его мнению, «отметил глубокий неустранимый трагизм капитализма: промышленность в современном капиталистическом строе обслуживает общественные потребности, но двигателем её являются личные интересы отдельных капиталистов»³⁰.

Эти декларации не остались без ответа. «Ну, до плодов ли нам, потребителям, довольно с нас того, если нас не обдерут на пользу промышленности, как липку», — комментировал Дробыш-Дробышевский данное высказывание «человека, пишущего “от Маркса” в защиту наших торговопромышленников». Далее он вступал в воображаемый диалог с коллегой: «Это потребительская точка зрения, — презрительно говорит, желая смутить нас, публицист новой газеты г. Н. Кор-н. Да, конечно, потребительская, а не предпринимательская, но ведь и мы, потребители, — Россия. Россия тоже! — возражает г. Н. Кор-н, а не понимаете того, что должны дорого платить для создания национальной промышленности. Да, не понимаем, потому что ведь давно наша промышленность ограждена очень высокими пошлинами от заграницы, а наши промышленники и их идеологи “от Маркса”, как г. Н. Кор-н, всё требуют от нас новых жертв. Только Маркс, кажется, совсем тут не причём, он вовсе не был защитником покровительственной системы и на национальную точку зрения никогда не становился. Так что его имя г. Кор-н поминает совсем всеу»³¹.

Впрочем, у кадетов и прогрессистов находились и точки соприкосновения. Например, явное и устойчивое англофильство. Так, 17 мая 1916 г. на страницах «Голоса Волги» вышла статья «Англичане и мы», полная дифирамбов в адрес союзника. При этом главным поводом для славословий явилось предвкушение экономических выгод для русской торговли и промышленности от политического сближения двух стран. По мнению автора, «Англия сама заговорила о необходимости для России проливов; таким образом, для будущей русской промышленности раскрываются совершенно новые, неведомые горизонты. Трудно даже просто перечислить те благие последствия, которые вытекут из

²⁹ *Новый С.* Нужды промышленности // ГВ. 1916. 8 мая. № 3. С. 1.

³⁰ *Кор-н Н.* Русская пресса и русская промышленность // Там же. 10 мая. № 5. С. 2.

³¹ *Перо.* Случайные заметки // НЛ. 1916. 11 мая. № 127. С. 3.

экономического общения России и Англии. Первая полна ещё неразработанных богатств, ещё не покрыта достаточно густой сетью железных дорог, и вторая... придёт к ней на помощь своими неисчислимыми денежными средствами. Обмен между Россией и Англией будет основан не на желании тянуть сок, не на желании превратить контрагента в дойную корову, что проделывала много лет Германия, скрывая свои жадные инстинкты под личиной традиционной дружбы, вперемешку с грозным бряцанием оружия». В превосходных тонах подавалась речь английского посла Дж. Бьюкенена на приёме в Московской городской думе в мае 1916 г.: «Это не официальная “дипломатическая” речь, это даже не речь посла великой державы, это речь англичанина, искренно полюбившего Россию, её народ, и тронутого единоклассным сердечным приёмом». Автор не скупился на патетику: «Надо почаще нам (купцам и промышленникам обеих стран. — В.С.) видаться друг с другом и тогда начавшееся сближение незаметно перейдёт в тесную взаимную дружбу и даже более — в любовь. В русской и английской душевности что-то бесконечно близкое, что делает возможным то самое высшее из человеческих чувств»³².

Несколько спокойнее симпатии к британцам выражали в «Нижегородском листке». Поводом стало, например, судебное дело молодой преступницы, отравившей мужа своей сестры: «Наши присяжные оправдали Грызлову, но в Англии закон в душах людей непреклонен: смерть за смерть, — и “последняя из д’Обервилей” приговаривается к казни... В английском понятии о непреклонности закона есть своё обаяние, создавшее английскую свободу, но “по человечеству” симпатичнее русские и французские присяжные, отступающие от закона, вникая в душу подсудимого. И англичане, конечно, понимают душу, но закон прежде всего»³³.

Ещё одним объединяющим началом для прогрессистской и кадетской оппозиции являлась устойчивая неприязнь к монархии. На практике это выражалось в последовательной дискредитации самодержавия — как правило, под видом критики правительства и его представителей на местах³⁴ или разоблачения окружавших его «тёмных сил»³⁵. Публицисты обвиняли «правлящие сферы» в том, что те всё делают для урезания «земского союзного движения», а предстоящую реформу волостного самоуправления готовят для «обуздания самостоятельности и ущемления творческой инициативы» оно, что они не в состоянии разработать соответствующее современным требованиям акционерное и кооперативное законодательство, не умеют правильно организовать «железнодорожное дело» ни в военное, ни в мирное время³⁶.

³² *Веди*. Англичане и мы // ГВ. 1916. 17 мая. № 12. С. 1.

³³ *Перо*. Случайные заметки // НЛ. 1916. 15 мая. № 131. С. 3

³⁴ Например, в мае 1916 г. в «Нижегородском листке» была опубликована заметка о срыве в с. Ичалки Лукояновского уезда мероприятия, посвящённого чествованию памяти Козьмы Минина. Учительница пригласила местных крестьян на «чтения о Минине с туманными картинками», однако не смогла предъявить уряднику официального разрешения. В итоге мероприятие было запрещено. Читателям предлагался общеполитический вывод: «Урядник действовал, конечно, вполне правильно, ибо известно, что у нас всё, специально не разрешённое, следует считать запрещённым» (Несостоявшееся чествование Минина // Там же. 13 мая. № 129. С. 2).

³⁵ См.: *Перо*. Случайные заметки // Там же. 2 июля. № 178. С. 3; Н. Новгород, 3 июня // ГВ. 1916. 3 июня. № 28. С. 1.

³⁶ В.Ч. Отклики. Борьба трёх // НЛ. 1916. 12 июля. № 188. С. 2; Н.-Новгород, 22 мая // ГВ. 1916. 22 мая. № 17. С. 1; Н.-Новгород, 23 мая // Там же. 23 мая. № 18. С. 1; Н.-Новгород, 27 мая // Там же. 27 мая. № 22. С. 1.

По мнению как умеренных, так и леволиберальных оппозиционеров, единственной альтернативой беспомощной и архаичной власти могли стать организации типа Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК), Всероссийских земского и городского союзов. Нижегородская пресса уверяла, что эти энергичные «общественные силы» внесли громадный вклад в процесс мобилизации промышленности и поставили дело снабжения армии так хорошо, что это признали даже военные авторитеты³⁷. Фактически Земгор и ЦВПК, существуя на казённые средства, всячески стремились при этом дискредитировать правящий режим и перехватить у него власть³⁸. В этих структурах складывалось своеобразное «второе правительство», и им важно было сохранить в качестве опорных пунктов оппозиции местные отделения. Поэтому кадеты и прогрессисты с удивительной солидарностью защищали структуры «творческой инициативы» от «травли» со стороны правительства и консервативных сил³⁹ — иногда даже забывая, кто «главный в доме». Так, одна из публикаций гласила: «Травля, поднятая представителями правых кругов и рептилиями... сгустила атмосферу настолько, что правительство, продолжающее чутко прислушиваться к голосам из чёрного стана, поставило себя в положение явной оппозиции по отношению к [военно-промышленным] комитетам»⁴⁰!

В июле «Нижегородский листок» опубликовал в выдержках отчёт Милюкова о совещании его «политических единомышленников» с левыми депутатами французского парламента⁴¹. Лидер кадетов подверг сомнению тезис о тесной связи «победы и реакции», ссылаясь, в частности, на консолидацию российского общества во время текущей войны и «настроение Государственной Думы в связи с громадными задачами момента». Подчеркнув, что большинство французских депутатов выслушало его с интересом и сочувствием, Милюков заключал, что «наша беседа не есть простой обмен сведений с исключительной целью информации. Казалось, что эта встреча есть некоторый взаимный поступок, который будет иметь жизненные последствия»⁴². Эти слова звучали как выражение надежды на плодотворное межпарламентское сотрудничество, но в них можно было усмотреть и завуалированный сигнал «политическим единомышленникам», что западные радикальные круги окажут им всяческое содействие в реализации «широких, исторических перспектив».

Постепенно оппозиционная активность на местах усиливалась. Осенью 1916 г. нижегородские земские и промышленно-деловые круги — уже не только на губернском, но и на уездном уровне — стали демонстрировать строптивость и политические амбиции. Они ставили вопрос «о необходимости существования объединённых общественных Всероссийских организаций и по

³⁷ См.: Н.-Новгород, 27 мая // ГВ. 1916. 27 мая. № 22. С. 1; Н. Новгород, 3 июня // Там же. 3 июня. № 28. С. 1.

³⁸ Подробнее см.: Куликов С.В. Указ. соч.

³⁹ См., например: Судьба военно-промышленных комитетов // НЛ. 1916. 4 мая. № 120. С. 3; *Перо*. Случайные заметки // Там же. 2 июля. № 178. С. 3; Москва, 1 июля // Там же; *X.Y.Z.* На лету // Там же. 5 июля. № 181. С. 2–3; *В.Ч.* Отклики. Борьба трёх // Там же. 12 июля. № 188. С. 2.

⁴⁰ Н.-Новгород, 3 июня // ГВ. 1916. 3 июня. № 28. С. 1.

⁴¹ Милюков входил в состав делегации членов Государственного совета и Государственной думы, которые в период с 16 апреля по 19 июня 1916 г. побывали в Швеции, Норвегии, Англии, Франции и Италии. По словам кадетского лидера, «политическое лицо делегации» представляли он и его товарищ по партии А.И. Шингарёв. См.: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 419.

⁴² Среди газет и журналов // НЛ. 1916. 15 июля. № 191. С. 2.

окончании войны»⁴³. В начале ноября на совещании Горбатовской земской управы с участием депутата Государственной думы М.А. Мосеева в отнюдь не лояльном тоне обсуждался предложенный «в срочном порядке» проект положения о волостном земском управлении. «Останавливаясь на общих основаниях проекта министра внутренних дел, — говорилось в газетном отчёте, — совещание нашло, что означенные основания в значительной части расходятся с принципами истинного самоуправления и не отвечают настоятельным потребностям в самоуправлении деревни»⁴⁴. 26 ноября Сироткин принял участие в расширенном совещании Главного комитета Всероссийского союза городов. Официально оно было созвано для обсуждения продовольственного вопроса, однако не обошлось без политических деклараций. Так, заместитель главноуполномоченного Союза кадет Н.М. Кишкин фактически призвал «объединённые общественные силы» взять в свои руки не только продовольственное обеспечение населения, но и «всю борьбу с дезорганизацией тыла». Он также предложил от имени «всей городской России» публично поддержать Государственную думу в этой борьбе⁴⁵. 12 декабря участники чрезвычайного собрания Нижегородской городской думы, прошедшего под руководством Сироткина, утвердили текст телеграммы, отправленной председателю Союза городов М.В. Челнокову (копии — лидерам Земского союза Г.Е. Львову и П.П. Рябушинскому): «Только призывом к власти и управлению людей, облечённых доверием думы, как выразительницы истинных чаяний и настроений родины, может быть устранена внутренняя разруха и достигнута победа над врагом»⁴⁶.

4 января 1917 г. экстренное собрание губернского союза мелкого кредита приняло по инициативе доктора В.Б. Либина резолюцию, в которой «с болью сердца и тревогой» отмечалась «растущая продовольственная разруха, происходящая от бессистемных мероприятий власти, безответственной пред народными представителями и не пользующейся доверием страны». Участники собрания пожелали Государственной думе в лице её председателя М.В. Родзянко «успеха в её борьбе за спасение родины от врагов и от тёмных сил, за ответственное правительство и неотложное объединение всех общественных сил сверху донизу»⁴⁷. Между тем ещё летом это кредитное товарищество демонстрировало в отношении властей надлежащее почтение. В частности, его члены телеграфировали в Ставку верховного главнокомандующего: «Повергая к стопам Вашего императорского величества наши верноподданнические чувства... мы, кооператоры — люди земли, — не можем не засвидетельствовать своей духовной связи с нашими братьями, и, мысленно находясь в рядах их, здесь, на местах, отдаём наши силы доблестным героям на снабжение всем необходимым для победы над врагом и, разделяя с ними труды и радости ратного дела, шлём им душевный привет и полную уверенность в успехах нашего оружия. Ура Верховному Руководителю и героям!»⁴⁸. Прошло всего полгода, но как изменилась общественная атмосфера!

⁴³ О волостном земстве // Там же. 7 ноября. № 306. С. 3; Очерк деятельности Нижегородского Городского Комитета Всероссийского Союза Городов. Вып. 1. Н. Новгород, 1917. С. 3.

⁴⁴ О волостном земстве // НЛ. 1916. 7 ноября. № 306. С. 3

⁴⁵ Москва, 26 ноября // Там же. 27 ноября. № 326. С. 3.

⁴⁶ Протоколы заседаний Нижегородской городской думы. 1916 г. Н. Новгород, 1916. Ст. 49, 50.

⁴⁷ ЦАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2449, л. 2.

⁴⁸ См.: Местная хроника // НЛ. 1916. 3 июля. № 179. С. 2.

Ещё одним катализатором радикальных процессов в воюющей стране стала Государственная дума. Поначалу нижегородские кадеты ничего особого не ждали от её ноябрьской сессии 1916 г. «Вчера открылась Государственная Дума. Недавно на [неё] возлагались большие надежды, да и теперь, она, конечно, является некоторой искрой света во тьме нашей жизни. К сожалению, приходится констатировать большое ослабление надежды на неё. Конечно, не вообще на Думу, потому, что переустройство нашей родины должно выйти из неё, но по отношению к данному документу⁴⁹. Это разочарование не в Думе, а в возможности для неё что-либо сделать при данных обстоятельствах». Правда, высказывалось пожелание, что «Дума не ограничится только рассмотрением маленьких дел, оставляя в тумане большее»⁵⁰. Однако 1 ноября с думской трибуны выступили представители либерально-оппозиционных и умеренно-социалистических фракций, которые в той или иной форме выразили правительству вотум недоверия. Уже на следующий день после громкого выступления П.Н. Милюкова «Нижегородский листок» опубликовал заметку на эту тему, назвав его «прекрасную речь» «самым ярким моментом» заседания: «Оратор очертил внешнее и внутреннее положение страны, говорил о главе правительства, причём цитировал отзывы о нём германской печати, и закончил указанием, что единственным выходом из тупика является проведение в жизнь программы прогрессивного блока»⁵¹. Через несколько дней тот же печатный орган информировал читателей о том, что «в Думе чувствуется разрежение атмосферы... Часть министров высказывается за удовлетворение хотя бы части требований, высказанных в сенсационной речи Милюкова»⁵². Здесь же приводились сведения о неких угрозах, которые сгущаются вокруг фигуры лидера кадетов, что, несомненно, также укрепляло его имидж борца с «тёмными силами».

Речь Милюкова (и других «пламенных ораторов», Н.С. Чхейдзе и А.Ф. Керенского) активно обсуждалась в Нижнем Новгороде. В частности, как докладывал 30 ноября балахнинский уездный исправник нижегородскому губернатору, в откровенном разговоре с членами правления Сормовского общества трезвости профессор Московского сельскохозяйственного института М.И. Назаревский (читавший в то время лекции) комментируя её, высказал мысль, что «немецкая придворная партия состоит из бывшего председателя Совета министров Штюрмера, Протопопова, епископа Питирима, Распутина и секретаря Манусевича-Мануйлова, и дирижёр этой партии её императорское величество императрица Александра Фёдоровна, и что Протопопов, за содействие к заключению Россией сепаратного мира с Германией и Австрией, получил три миллиона рублей»⁵³.

Ещё одним поводом для выражения солидарности и сплочения рядов оппозиционных групп стал скандал, разгоревшийся в Думе 22 ноября, когда правый депутат Н.Е. Марков 2-й выступил с возражениями против нападок на власть и с опровержениями речи Милюкова и Пуришкевича. НВПК, «возмущённый гнусным поступком представителя тёмных сил», в телеграмме за подписью Сироткина на имя Родзянко выразил крайнее негодование по поводу нанесённого председателю Государственной думы оскорбления, а также «своё сочувствие

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду декларация Прогрессивного блока.

⁵⁰ *Перо*. Случайные заметки // НЛ. 1916. 2 ноября. № 301. С. 2.

⁵¹ Государственная дума (Впечатления) // Там же. № 300. С. 3.

⁵² Правительство и Государственная Дума // Там же. 6 ноября. № 305. С. 1.

⁵³ ЦА НО, ф. 2, оп. 7, д. 589, л. 120–120 об.

и горячее пожелание бодрости и сил в борьбе за укрепление конституционного строя в России»⁵⁴. С «сироткинцами», несмотря на распри местного масштаба, единым строем выступили и левые либералы, в частности, руководство Нижегородского союза учреждений мелкого кредита, которым «глубокоуважаемый Михаил Владимирович» в ответной телеграмме принёс сердечную благодарность⁵⁵. «Может быть, даже это был умысел не одного Маркова 2-го, — размышлял Дробыш-Дробышевский. — Так думать, по крайней мере, можно, судя по очевидной преднамеренности и беспочвенности произведённого им скандала. Конечно, если был тут расчёт, то плохой, так как грубость оскорбления вызвала всюду величайшее негодование, даже поколебались и некоторые из врагов. Если Марков 2-ой желал кому-то оказать эту услугу, то услуга вышла медвежьей»⁵⁶. Не остались в стороне даже местные старообрядцы. Белокриницкий епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий (Усов) в телеграмме от имени своей паствы выразил возмущение и сочувствие, высказав в то же время изумление и смущение по поводу желания Родзянко вызвать оскорбителя на поединок⁵⁷.

23 ноября «Нижегородский листок» опубликовал фрагменты очередного выступления Милюкова в Думе: «Страна находилась в апатии, но Дума пустила электрическую искру, дала луч света, показала стране, где опасность, — и затеплилась надежда». Далее приводились требования Прогрессивного блока: «Правительство, говорит Милюков, согласно работать с Думой, но ограничивает эту работу только законодательной деятельностью, а программа блока требует согласования правительственной деятельности с думской и в области управления... Милюков указывает: правительство само сознаёт, что деятельность его не согласована и не соответствует требованиям действительности. Необходима сильная, твёрдая власть, необходима немедленно коренная реформа системы управления... Таким образом, настоящее правительство, заканчивает оратор, не может разрешить ни одного вопроса, поставленного великой войной. Единственный исход — добиться правительства, заслуживающего доверия страны»⁵⁸.

Декларации партийного лидера дружно подхватывались кадетскими печатными органами в провинции. Так, в статье «На Новый год» партия конституционных демократов изображалась чуть ли не ключевым субъектом политики. В 1915 г., напомнил автор статьи, когда «при страшном свете войны выступили ярко недостатки нашего внутреннего устройства», ПНС инициировала «блок нескольких партий для проведения необходимых реформ и прежде всего министерства общественного доверия». А в 1916 г., «когда была собрана Дума, в исторических заседаниях 1–3 ноября были произнесены знаменитые речи, резко обрисовавшие нашу государственную разруху». Благодаря усилиям думской оппозиции «Штюмеру пришлось уйти в отставку под гнётом общественного негодования, а на его место был назначен Трепов, но он не мог составить кабинета из лиц, которые могли бы работать с Думой. Дума была распущена, а распад власти продолжался дальше, причём наша внутренняя разруха завершилась громким скандалом, за которым последовал уход в отставку большинства членов кабинета»⁵⁹. Завершалась статья то ли предсказанием, то

⁵⁴ Местная хроника // НЛ. 1916. 25 ноября. № 324. С. 2.

⁵⁵ Местная хроника // Там же. 30 ноября. № 329. С. 2.

⁵⁶ *Перо*. Случайные заметки // Там же. 25 ноября. № 324. С. 3.

⁵⁷ Местная хроника // Там же. 29 ноября. № 328. С. 2.

⁵⁸ Государственная Дума // Там же. 23 ноября. № 322. С. 3.

⁵⁹ На Новый год // Там же. 1917. 1 января. № 1. С. 2.

ли изложением плана практических действий для посвящённых: «Замечается большой подъём общественности... Можно подумать, что мы стоим на пороге обновления нашей государственной жизни. Конечно, это не делается сразу и возможно, что в будущем ещё ждёт нас много испытаний. “Дело веков поправлять нелегко”, и то, что долго существовало, продолжает держаться и тогда, когда в нём уже нет внутренних сил для жизни». Либералы, таким образом, имели вполне легальные возможности не только передавать партийные установки из организационного центра на места, но и знакомить широкие слои общества с ключевыми элементами своей политической платформы. И пользовались этим преимуществом в полной мере.

Интенсивная идеологическая «артподготовка», наряду с объективными проблемами военной эпохи, не могла не оказать серьёзного влияния на массовые настроения и представления о правящей элите. Так, в декабре 1916 г. на Кулебакских заводах циркулировали слухи о том, что вскоре предстоит забастовка сормовичей с требованием, инициированным думской оппозицией — заменить царский Совет министров «ответственным правительством». Полковник И.П. Мазурин в докладе Департаменту полиции МВД 11 декабря 1916 г. откровенно признавал, что «вообще настроение заводских рабочих сильно повышено в связи с газетной агитацией и продолжающейся продовольственной неурядицей, почему выступления вполне вероятны не только в Кулебаках, но и в Сормове, при возникновении осложнений в Москве»⁶⁰.

Взрывоопасная психологическая атмосфера царил не только среди рабочих. Как доносил в начале декабря ардаатовский уездный исправник начальнику НГЖУ, до него дошёл невероятный слух — солдат одной из частей гарнизона в магазине на Большой Покровской улице рассказал публике, что «им ротный командир объявил, что в Петрограде совершается что-то важное, что будто Государь даже арестован»⁶¹. О тревожных настроениях в деревне свидетельствовали письма нижегородцев, попадавшие в поле зрения военной цензуры. Например, 14 ноября через почтовое отделение Панино русскому военнопленному А.В. Кряжеву была отправлена посылка с письмом. Автор письма (видимо, отец) сетовал на то, что скоро на воинскую службу будут брать стариков от 55 лет и старше, «останутся у нас одни малы дети да женщины, да немощные старики». В этом же письме передаются пугающие слухи: «По волостям навозили пулемётов и, похоже, что это припасли для нас: у нас хлеба не будет, нас с пулемётов и накормят»⁶².

В целом, оппозиция разных социальных и идеологических оттенков сделала очень многое для того, чтобы сформировать в российском обществе критическое или даже революционное мироощущение. В то же время, сложно приписать массовые антиправительственные настроения исключительно успеху её агитации. Трагедия заключалась в том, что сама обстановка войны, в ходе которой элиты Российской империи демонстрировали свою неэффективность (или, по крайней мере, многим так казалось), высекала искры крамолы в беспокойном народном сознании.

⁶⁰ Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии (1907 — февраль 1917 гг.). Горький, 1971. С. 287.

⁶¹ ЦА НО, ф. 918, оп. 8, д. 568, л. 281; см. также: л. 288.

⁶² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2633, л. 108. См. также: *Архангельский С.И.* Крестьянство и крестьянское движение в Нижегородском крае в период 1906—1917 гг. // Нижегородский край. Ч. 3. Н. Новгород, 1926. С. 98.

Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции

Михаил Фельдман

Industrial workers of Russia in 1917: some approaches to the «socialist» revolution

Michael Feldman (Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ekaterinburg branch)

Историки, которые станут готовить публикации, приуроченные к «двухсотлетию Октябрьской революции», наверняка изумятся тому, как в короткий срок (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) люди, прославлявшие «гегемона революции», не просто изменили свои взгляды, но даже вовсе перестали упоминать о какой-либо роли рабочих в событиях 1917 г. Более того, стали адептами теории «заговора либералов», якобы определившего весь ход революционного процесса¹. Впрочем, гадать, что будет спустя сто лет, – занятие неблагодарное, куда легче соскользнуть на столетие назад.

Гигантский пласт советской историографии оставил мифологическую парадигму «закономерности Октябрьской революции», «руководящей роли рабочего класса», «научности действий партии большевиков» и иных такого рода концептов. Причём мифы, тем более столь длительный срок внушавшиеся на всех информационных уровнях, не исчезают под давлением критики, а трансформируются в новые, не менее далёкие от научности конструкции.

Каким же был в реальности сконструированный в трудах марксистских идеологов и повторённый в монографиях и статьях советских историков «рабочий класс» нашей страны в 1917 г.? Какую роль сыграли промышленные рабочие в революции, десятилетиями называвшейся «пролетарской»? Сопоставление «идеального типа», мысленного конструкта и конкретного исторического материала – нелёгкий и зачастую опасный путь. Но по нему шли настоящие учёные советской эпохи. Попробуем продолжить.

Сравнение с историей промышленного переворота за рубежом² подводит к выводу о специфике нашей страны: в силу её огромной территории индустриализация могла носить только «островной», локальный характер, а техническая революция шла волнообразно. К 1914 г. о завершении промышленного переворота можно говорить применительно только к небольшому кругу «передовых» регионов – Петербург, Юг, Польша, Прибалтика, Центральный Промышленный район (ЦПР) и некоторые предприятия других провинций империи. В остальных же этот процесс пришёлся уже на 1920–1930-е гг.³

© 2017 г. М.А. Фельдман

¹ См., например: *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М., 2011.

² См.: «Круглый стол» Промышленный переворот и его социально-экономические последствия // Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 70–92.

³ См.: *Соловьёва А.М.* Промышленная революция в XIX в. М., 1990; *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994.

Марксистской парадигме, говорящей о пролетариате «как о самом передовом, революционном классе, как ведущей социальной силе, способной сокрушить твердыни капитала, совершить социалистическую революцию»⁴, противоречат основные характеристики социума промышленных рабочих России. Сам В.И. Ленин отмечал его глубокую внутреннюю неоднородность, недостаточные численность, сознательность и организованность⁵. Красно-речиво описаны им текстильщики, «количество которых в России в 1905 г. более чем в два с половиной раза превышало количество металлистов», но которые «представляют самую отсталую, хуже всех других оплачиваемую массу, которая часто ещё не порвала окончательно своей связи со своей крестьянской роднёй в деревне»⁶. Фактически отмечается переходный характер крупнейшего по численности отраслевого отряда промышленных рабочих России.

В свете этого представляется необходимым рассмотреть в сжатом виде характеристики российского рабочего социума в наиболее значимых плоскостях: работа на современных предприятиях, подразумевающая занятость индустриальным трудом; принадлежность к кадровым рабочим; условия труда; образовательный и профессиональный уровень; социальные корни; имущественные права.

Характер индустриализации, специфика «промышленного переворота» в России не могли не сказаться на параметрах слоя индустриальных рабочих. В советский период исследователи-профессионалы привыкли высказываться по этому вопросу с максимальной деликатностью: опираясь на статистику, не следовало забывать и про идеологические каноны. Так, в монографии, написанной на основе изучения анкетных обследований Министерства промышленности и торговли июня 1914 г. и июня 1916 г., отмечалось, что в России можно выделить тонкий слой высококвалифицированных рабочих (1.1%); значительный слой рабочих средней квалификации (более 35%); и большое количество (более 60%) малоквалифицированных и неквалифицированных, плохо оплачиваемых рабочих⁷. Однако выход на суждение о преобладании последних в составе рабочего социума отсутствовал, поскольку даже в 1987 г. мог дорого стоить автору.

Изучение результатов переписи 1918 г. позволило прийти к аналогичным выводам. В рабочем классе выделялись две противоположные группы: наиболее развитая часть, состоявшая из квалифицированных рабочих крупных предприятий (примерно $\frac{1}{3}$ всех рабочих), и группа неквалифицированных, низкооплачиваемых, частично – временных, сезонных рабочих (приблизительно $\frac{1}{4}$). Как вытекает из дальнейшего текста, большинство промежуточного слоя (оставшиеся примерно $\frac{2}{5}$ пролетариата страны) составляли малоквалифицированные рабочие⁸.

Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907–1914 гг. Социально-экономическое исследование. М., 1995; *Воронкова С.В.* Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996; и др.

⁴ История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 1. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний. М., 1984. С. 21.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 157.

⁶ Там же. Т. 30. С. 314.

⁷ *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России 1910–1914 гг. М., 1987. С. 137.

⁸ *Соколов А.К.* Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. М., 1987. С. 119.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что к началу Первой мировой войны среди промышленных рабочих России существовал слой численностью примерно в 1 млн человек, который может быть отнесён (с рядом существенных оговорок, например, в зависимости от механизации производства) к разряду индустриальных рабочих. В иной плоскости находились почти две трети рабочих — мало- и неквалифицированных, низкооплачиваемых.

При этом столица Российской империи по индустриальному развитию заметно отличалась от провинций, во-первых, сосредоточением крупных современных заводов, во-вторых, концентрацией ведущих машиностроительных и механических предприятий. Характерно, что почти пятая часть (17,5%) металлистов Европейской России трудилась в Петербургской губ. В-третьих, там была выше энерговооружённость промышленных рабочих, и наконец, располагались два важнейших центра: власть (общегосударственные учреждения) и крупнейшие банки, что позволяло проводить постоянную модернизацию производства в первую очередь на заводах и фабриках Петербурга⁹. В итоге по степени вовлечённости в индустриальный труд пролетарии столицы существенно отличались от рабочих всей страны в целом.

По материалам опроса членов союза металлистов в 1908 г. выяснилось, что 38,7% металлистов Петербурга работали на одном месте свыше 5 лет, а 12,9% — свыше 10 лет¹⁰. Иными словами, на современных заводах столицы к началу войны примерно половина пролетариев по стажу относились к разряду кадровых. Питерские рабочие заметно выделялись в лучшую сторону и по уровню образования, и по уровню квалификации¹¹. Тогда чем можно объяснить их повышенную политизацию? Ведь в 1905 г., в июле 1914 г. и дважды в 1917 г. определённая часть питерских пролетариев инициировала политические забастовки. Очевидно, что перед нами феномен особого социума в рабочей среде.

В начале XX в. только 34,4% рабочих обрабатывающей промышленности и 7,9% горной индустрии трудились на предприятиях, размещённых в городах¹², а три четверти российского пролетариата (примерно 73%) были размещены в заводских посёлках и фабричных сёлах. Приоритет в этом плане принадлежал Уралу, где 90% рабочих трудились на предприятиях, размещённых вне городов (данные 1902 г.)¹³. Новым рабочим — выходцам из деревни — вообще было легче приспособиться к работе на индустриальном производстве, если оно располагалось в посёлке или в сельской местности.

Такой вывод подкрепляется и тем, что более половины пролетариев России к началу XX в. составляли рабочие переходного типа, «рабочие с наделом», переставшие быть земледельцами, но «остающиеся владельцами наделных земельных участков, стремившимися из последних сил поддержать

⁹ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 142–143.

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ Иванова Н.А. Структура рабочего класса России... С. 139, 145–146.

¹² См.: *Погожев А.В.* Учёт численности и состав рабочих в России: материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 59; *Серый Ю.И.* К вопросу об особенностях формирования рабочих в различных районах России // Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. Ростов н/Д, 1972. С. 23–25.

¹³ Угаров И.Ф. Численность и отраслевой состав пролетариата России в 1900 и 1908 гг. (Сравнительный анализ данных переписей) // Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977. С. 197.

своё падающее хозяйство»¹⁴. Принципиально иная картина наблюдалась в столице. В Петербургской губ. 84% рабочих трудились на предприятиях её центра и лишь 16.5% имели связь с деревней, причём только 7.6% вели своё хозяйство¹⁵.

Рассматриваемый период характеризовался не только процессом ослабления связи рабочих с землёй. Следует помнить как о значительном росте земельных владений у рабочих Урала в 1893–1917 гг.¹⁶ и широком распространении земельных участков у рабочих России вообще¹⁷, но и понимать закономерность этого процесса в аграрно-индустриальной стране с преобладанием аграрного строя. Наконец, не следует забывать и о значении земельного участка на обширных малопродуктивных пространствах с суровым климатом. Сохранение участка земли позволяло вчерашним крестьянам, перешедшим на производство, «создавать систему общественных связей, которая сглаживала их дезорганизацию и склонность к нарушению закона, поскольку у новых рабочих было меньше мотивов взять на себя риск забастовок, чем у тех, чьё будущее было связано только с городом»¹⁸.

Можно определить параметры массива рабочих — владельцев земли. На Урале в конце XIX в. 71.3% рабочих имели земельные участки (свыше 0.5 десятины)¹⁹. К 1917 г., несмотря на рост численности горнозаводского населения и дробление семей, эти показатели практически не изменились²⁰. Статистические материалы позволяют сделать вывод о типичности картины связи рабочих с землёй также в Центральном промышленном и Центральном земледельческом районах, где к 1914 г. доля рабочих, имевших земельные наделы, превышала 40%²¹. Примерно треть рабочих России имела прочные хозяйственные связи с деревней, около четверти их — личные (родственные) связи, а более пятой части «пролетариев» сами обрабатывали землю, являясь полурабочими-полукрестьянами. Это обстоятельство свидетельствовало о наличии прочной социально-психологической базы влияния крестьянских традиций на образ жизни и менталитет рабочей среды²².

Заметим, что уход из деревни имел не только положительные последствия. Путь от крестьянина к индустриальному рабочему был долгим, но в силу разрыва с таким устойчивым социокультурным институтом, как крестьянская

¹⁴ *Иванов Л.М.* Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1966. С. 77.

¹⁵ *Крузе Э.Э.* Указ. соч. С. 144.

¹⁶ См.: *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 194–201.

¹⁷ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг. М., 1928. С. 22.

¹⁸ *Эктон Э.* Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 74.

¹⁹ См.: *Сигов В.П.* Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наёмный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 175–176.

²⁰ См.: *Алеврас Н.Н.* Указ. соч. С. 194–201, 209; *Фельдман М.А.* Рабочие Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 106–107.

²¹ Рабочий класс в России 1907–1917 гг. М., 1982. С. 62.

²² *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2005. С. 119.

община, нередко это был путь не приобретения, а потери многих человеческих достоинств²³.

В качестве ещё одной важной особенности стоит отметить преобладание рабочих — владельцев собственных домов в Центральном чернозёмном районе и на Урале. Однако статистика свидетельствует о наличии значительного массива таковых и по России в целом. Не только более половины (51.5%) рабочих Центрального чернозёмного района и почти 40% рабочих Вятской губ., но и 29.8% рабочих Центрального промышленного района (в том числе 44.3% в Нижегородской, 50.7% в Иваново-Вознесенской губерниях), 27.5% в Среднем и Нижнем Поволжье, примерно треть в Белоруссии; 59% всех горно- и фабрично-заводских рабочих Урала проживали в собственных домах или домах своей семьи, что, среди прочего, позволяло восстановить силы после изнурительного труда на промышленных предприятиях. Принципиально иным полюсом выступали рабочие Петербурга, из которых только 1.7% жили в своих домах, а основная масса (89.5%) оплачивала жильё из зарплаты²⁴.

Резюмируем: в большинстве случаев в провинции переход вчерашних крестьян и полукрестьян в разряд индустриальных рабочих носил относительно сглаженный характер за счёт собственного жилья, земельных участков, сохранения привычного уклада жизни в заводских посёлках.

Совсем другая картина прослеживалась в Петербурге и новых индустриальных центрах. Согласно результатам столичной городской переписи 1900 г., лишь 18% рабочих назвали себя потомственными; 82% являлись рабочими в первом поколении²⁵. В 1902 г. пришлых рабочих насчитывалось уже 90% (впрочем, в их число не попали или попали частично выходцы из Петербургской губ.²⁶). Это объяснялось тем, что в столичном регионе треть всех предприятий, существовавших к 1902 г., возникла в 1891—1900 гг. Та же группа предприятий отличалась стремительным ростом производственных мощностей в последнем десятилетии XIX в.²⁷

Городская перепись 1912 г. указала на наличие всего 10.1% фабрично-заводских рабочих, родившихся в Москве. Среди занятых в металлообработке этот показатель повышался, но незначительно — до 12.7%²⁸. На сопоставимость удельного веса пришлых в 1902 г. в Питере и Москве — 90 и 90.5% — обратила внимание Н.А. Иванова²⁹. Даже с учётом того, что часть пришлых составляли выходцы из городов и рабочих посёлков, приведённые факты указывают на молодость, неустоявшийся состав и социальный облик значительной части пролетариата Петербурга и Москвы.

Абсолютное большинство столичных рабочих проживало на площади 3 м² и менее. 10—30% их квартир размещались в подвалах и полуподвалах, от 1/6 до 1/3 всех помещений были холодными³⁰. В большинстве случаев в подобных

²³ См.: *Михайлов Н.В.* Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861—1917. СПб., 1997. С. 153.

²⁴ *Кириянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX в. — начало XX в.). М., 1979. С. 230—232.

²⁵ *Иванов Л.М.* Преемственность фабрично-заводского труда... С. 81.

²⁶ *Погожев А.В.* Учёт численности и состав рабочих в России... С. 92, 95.

²⁷ *Крузе Э.Э.* Указ. соч. С. 142.

²⁸ Там же. С. 114. Данные по рабочим, проживавшим в Москве более 10 лет, — за 1902 г.

²⁹ *Иванова Н.А.* Промышленный центр России... С. 243.

³⁰ *Кириянов Ю.И.* Указ. соч. С. 245, 249.

жилищах рабочие не успевали восстановить свои силы. Панорамная картина жилищно-бытовых условий подводит к выводу: внутри массива рабочих промышленности России сосуществовали два социальных слоя: собственники и пролетарии³¹.

Отмеченные особенности российских и столичных рабочих не могли не отразиться на семейном положении пролетариев. В конце XIX в. из 241 514 рабочих-мужчин Петербурга 200 076 (82.3%) проживали одиноко и вне семьи. Аналогичная картина была и у женщин-работниц — 34 399 из 41 412 пролетарок (85.8%)³². В столицу пришла масса новых рабочих, оставивших семьи на родине, и поэтому процент семейных, живших в своих семьях, среди текстильщиков составлял всего 8%, а среди металлистов — около 10³³.

Принципиально иной была картина на Урале. Так, в Пермской губ. удельный вес одиноких рабочих составлял менее $\frac{1}{3}$ всех промышленных рабочих; ещё ниже — примерно $\frac{1}{4}$ — был указанный показатель в остальных губерниях региона³⁴. Между тем проживание рабочего вне семьи во многом формировало круг интересов, манеры поведения и отношения к окружающим, определяло меньшую психологическую устойчивость, большую склонность к радикальным действиям.

Безотносительно к конкретному политическому режиму индустриализация сопровождалась многочисленными издержками. Так, в фабрично-заводской промышленности России стремительно росло число несчастных случаев: с 14.6 на 1 тыс. рабочих в 1901 г. до 45.8 в 1912 г. При этом полную или частичную инвалидность повлекли за собой 170 из 1 тыс. несчастных случаев в 1901 г. и 240 в 1908 г.³⁵ Негуманный характер ранней индустриализации проявился в том, что в среднем по российской ценовой промышленности, несмотря на рост механизации производственных процессов, потери рабочего времени в год на одного человека были примерно равными: в 1885 г., 1904 г., 1913 г. они составляли 19 дней, в том числе по болезням — 8³⁶. В среднем по России в 1913 г. расходы на медицинское обслуживание одного рабочего промышленности составляли 62% минимальной нормы³⁷. Закономерно, что более 10 лет в промышленности трудились только 25–33% рабочих России. Наиболее значительным контингентом рабочих по продолжительности стажа были те, кто трудился на заводах и фабриках от 3 до 10 лет (25–50%)³⁸.

Парадокс: рабочие передовых по меркам начала XX в. предприятий столиц и Юга России оказались в намного более трудных жизненных условиях, нежели большинство прочих пролетариев страны. Такая ситуация, усугублённая концентрацией богатства и элементов европеизированной культуры в столице, затрудняла эволюционный процесс превращения «пришлых» рабочих в городских жителей, делала психологически более сложным приспособление

³¹ См.: *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 120–126.

³² Подсчитано по: Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 64–65 (табл. 2).

³³ *Крузе Э.Э.* Указ. соч. С. 141, 143.

³⁴ Подсчитано по: Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой Всеобщей переписи населения... С. 56–57.

³⁵ *Бейлихис Г.А.* Очерки истории охраны труда и здоровья рабочих СССР. М., 1971. С. 45.

³⁶ *Миронов Б.Н.* Отношение к труду в дореволюционной России // Сопис. 2001. № 10. С. 103.

³⁷ Горный журнал. 1916. № 7–8. С. 117, 139.

³⁸ *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России... С. 133.

к заводской жизни. На предприятиях оказался массив обездоленных, мало- и неграмотных людей. Пришлым рабочим было сложнее разорвать связи с деревней: от их заработка зависела судьба оставленных домочадцев. В этой связи вывод о том, что менталитет и облик рабочих России в первые годы XX в. находились в стадии ломки старых и утверждения новых представлений³⁹, прежде всего должен быть отнесён к пролетариату Петербурга.

Сам рабочий социум в общей массе населения был относительно невелик: рабочие ценовой промышленности (без учёта членов семей) составляли в 1913 г. 2,7%⁴⁰. Более того, в городах (за исключением столиц) обитали, как правило, рабочие немногочисленных коллективов предприятий лёгкой и пищевой отраслей. Рабочие крупной промышленности преимущественно размещались в заводских посёлках, численность населения которых нередко превышала городское население.

Поскольку среди жителей заводских поселков на протяжении ряда поколений преобладали местные мастеровые, т.е. выходцы из семей рабочих, представляется возможным говорить о формировании промежуточного слоя рабочих, которому больше подходит определение «полугорожанин-полуселянин», чем «полурабочий-полукрестьянин». Правда, предложенное определение носит собирательный характер и его конкретное раскрытие зависит от степени урбанизации посёлка, ведомственной принадлежности и технологической оснащённости предприятия.

Обратившись к сравнению с Германией, отметим, что в 1907 г. в её крупных городах (с населением более 100 тыс. человек) располагалась примерно четверть промышленного пролетариата страны. Половина же промышленных рабочих располагалась в средних и мелких городах и поселениях городского типа (от 2 тыс. до 100 тыс. человек). Ещё четверть проживала в сельских общинах, что отражало процесс недавно завершившегося промышленного переворота⁴¹. При некотором внешнем сходстве размещения германского и российского пролетариата следует выделить принципиальные различия: в 42 крупных городах Германии были сконцентрированы более 2 млн рабочих, составлявших почти 40% самодеятельного городского населения, тогда как в 19 крупных городах России массив промышленных рабочих был примерно вчетверо меньше⁴².

Но отличия не ограничивались количественными показателями. Рост массива рабочих, чьи характеристики соответствовали требованиям индустриальной эпохи, ограничивался невысоким уровнем подготовки рабочих кадров в России⁴³. Между тем, например, секрет успеха подготовки таковых в Германии был связан с тем, что к 1914 г. там все дети с 6 до 14 лет были обязаны обучаться в восьмилетних государственных общеобразовательных школах. В силу этого многочисленные низшие профессиональные школы в Германии были рассчитаны на молодых людей, уже окончивших курс восьмилетней школы.

---

³⁹ *Кириянов Ю.И.* Изучение классового сознания рабочих России конца XIX – XX вв. // *Историк и время.* 20–50-е годы XX в. М., 2000. С. 61.

⁴⁰ Подсчитано по: *Волбуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 16–17.

⁴¹ Подсчитано по: *Вобль К.* Третья профессионально-промысловая перепись в Германии. Киев, 1911. С. 407, 409, 418.

⁴² Подсчитано по: Там же. С. 408, 410, 417.

⁴³ См., например: *Очерки истории профессионально-технического образования в СССР.* М., 1981. С. 140; *Фельдман М.А.* Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. // *Вопросы истории.* 2007. № 10. С. 13–30.

Естественно, профессиональные школы могли сосредоточиться на технических и специальных дисциплинах для конкретной отрасли. Черты обязательности были присущи не только общеобразовательному обучению, но и системе профессиональной подготовки рабочей молодежи⁴⁴, что придавало отличиям значительной части российского рабочего класса от промышленных рабочих развитых стран Запада качественный характер.

На формировании слоя индустриальных рабочих сказались отсутствие в России закона об обязательном начальном образовании и государственных программ технического образования рабочих, слабость профсоюзного движения. Власть допустила очевидное промедление с внедрением уже принятых в 1912 г. законов о страховании рабочих. К июлю 1914 г. правом на страхование могли воспользоваться только 54% рабочих и служащих крупной промышленности; на 1 апреля 1916 г. — 62%⁴⁵. Как известно, между изданием правового документа и его реализацией чаще всего лежит немалый срок. В целом в период войн и революций рабочие вступали разобщёнными по степени социальной защиты, имущественным правам, условиям жизни, качеству трудовой деятельности.

Сблизить различные социальные слои рабочих могла дальнейшая модернизация экономики страны, но этому помешала Первая мировая война, изменившая весь ход истории России. Сколь велики были изменения в составе рабочих в годы войны? В исторической литературе высказаны различные мнения по этому поводу. Диапазон оценок итогов мобилизации достаточно велик: от трети промышленных рабочих⁴⁶ до значительно меньшей — 20%⁴⁷, что обусловлено различными принципами статистического учёта призывников. Отмечалось, что по отношению к мужской части рабочего класса военные изъятия составляли 20–25%, а по отношению ко всему довоенному пролетариату — 15–19%. На первый взгляд, это сравнительно небольшие цифры, но, учитывая недостаточную общую численность рабочего класса в России и особенно обученного, легко понять, как тяжело отразилось всё это на его качественном составе⁴⁸. Так, по данным 36 крупнейших заводов Петрограда, убыль рабочих в среднем составила не менее 25%. Обратим внимание и на то, что «механизм предоставления отсрочек действовал с перебоями даже в Петрограде»⁴⁹. Масштаб мобилизации в ЦПР составлял 20–28% мужчин⁵⁰, на Урале — до 30%⁵¹.

⁴⁴ Кидд В.А. Пути и формы распространения профессиональных знаний. Пг., 1916. С. 102–105. См. также: *Погожев А.В.* Фабричный быт Германии и России. М., 1882. С. 35. Автор, в частности, сообщает о законе от 16 мая 1853 г., согласно которому для допущения подростка к фабричной работе требовалось свидетельство о его удовлетворительных школьных познаниях. Закон требовал исправного посещения школы подростками в возрасте от 12 до 14 лет по крайней мере 3 часа в день.

⁴⁵ См.: *Фалькова Ж.З.* Страхование рабочих накануне и в годы Первой мировой войны (до февраля 1917 г.) // Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1968. С. 354–359, 366.

⁴⁶ *Гильберт М.* К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны // История пролетариата СССР. 1934. № 2. С. 211.

⁴⁷ *Дробизhev В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 33.

⁴⁸ *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 20.

⁴⁹ Рабочий класс в России 1907–1917 гг. С. 247.

⁵⁰ *Трукан Г.А.* Октябрь в Центральной России. М., 1967. С. 17.

⁵¹ Подсчитано по: Государственный архив Свердловской области (далее — ГА СО), ф. 1-р, оп. 1, д. 200, л. 1; ф. 73, оп. 1, д. 108-а, л. 131–149.

Подводя итог, можно сказать, что диапазон призванных в армию промышленных рабочих России, скорее всего, может быть определён в рамках от 600 тыс. до 1 млн человек (20–33% численности довоенного промышленного пролетариата). В любом случае мобилизация 1914–1917 гг. способствовала деклассированию пролетариата, так как в армию попала значительная часть квалифицированных рабочих.

Оценка такого явления неоднократно звучала в советской исторической литературе. Для исследователей было очевидно, что произошло ухудшение качественных характеристик промышленных рабочих⁵². Конечно, приходилось оглядываться на идеологические каноны («рост рабочего класса в годы войны, вовлечение в промышленную деятельность к 1917 г. более 1 млн новых рабочих являлись, несомненно, прогрессивным явлением большой важности»⁵³), но историки тут же добавляли: «Война... оказала крайне отрицательное влияние на качественный состав (промышленного пролетариата. — *М.Ф.*) как в физическом, так и в особенности в социальном отношении»⁵⁴. Отвлечённые на службу рабочие преимущественно пребывали в тыловых подразделениях, но возвращение их из войск шло в России гораздо тяжелее, чем в других странах, носило запоздалый характер, проводилось в форме частных, а не плановых мер⁵⁵.

Обратим внимание на факт, в советской историографии обычно звучавший приглушённо: в годы Первой мировой войны рабочие коллективы Петербурга захлестнуло «второе крестьянское пришествие». Только так можно расценить преобладание крестьян (50–75%) в общей массе новых пополнений⁵⁶. Этот факт трактовался как преобладание в составе новых пополнений рабочих коллективов «мелкобуржуазных представителей». Ещё одним социальным потрясением для условий труда и быта работников промышленности стало стихийное массовое перемещение десятков тысяч рабочих с частновладельческих предприятий на казённые заводы и фабрики, где существовала броня от призыва в армию. Например, причина роста численности рабочих казённых горнозаводских округов Урала (с 51 438 до 108 090 человек) была очевидна: впервые в истории предприятий 60% рабочих Ижевского завода (крупнейшего на Урале, где были сконцентрированы 34,6 тыс. рабочих — почти 10% пролетариата края) и 35% Воткинского составило пришлое население. В то же время численность мужчин, занятых в частновладельческих и посессионных округах, сократилась с 174,3 до 111,9 тыс.⁵⁷

Таким образом, внутри категории рабочих казённых округов — казалось бы, наиболее благополучной социальной группы рабочего социума⁵⁸ — ока-

---

⁵² См.: *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 19; *Баевский Д.А.* Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974. С. 242–243.

⁵³ *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 18.

⁵⁴ Там же. С. 19.

⁵⁵ *Гриневицкий В.И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922. С. 19.

⁵⁶ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 г. — март 1917 г.). М., 1979. С. 17.

⁵⁷ Подсчитано по: ГА СО, ф. 1, оп. 1, д. 108-а, л. 131 об. — 149; д. 1, л. 1; *Рафиков И.К.* Численность рабочих горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период. Свердловск, 1988. С. 33–34; *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 11.

⁵⁸ См.: *Фельдман М.А.* Ижевско-Воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории // Российская история. 2012. № 3. С. 13–30.

зались как местные жители, сохранившие дом, семью, огороды и т.п., так и пришлые, ставшие классическими пролетариями. Но если до 1914 г. кадровые рабочие представляли подавляющее большинство, то к 1917 г. соотношение заметно изменилось не в их пользу. Замечание, касающееся не только Урала. И даже в официальных публикациях советской эпохи звучало признание того, что уже «первые мобилизации существенным образом отразились на производстве, ибо в армию попала значительная часть квалифицированных рабочих, даже в металлообрабатывающей промышленности»⁵⁹. Ухудшение качественного состава рабочего класса России в 1914–1917 гг. коснулось всех его социальных характеристик⁶⁰, отмечал другой, казалось бы, вполне идеологически выдержанный труд. «За кадром» оставался вопрос: какой же тогда рабочий класс в 1917 г. был нацелен на революционные завоевания?

Однако главной проблемой для социума промышленных рабочих стала даже не столько очевидная маргинализация рабочих коллективов, сколько милитаризация труда, резко ухудшившая положение на производстве. В совокупности с введением обязательных сверхурочных работ, сокращением числа праздничных и летних «гулевых» дней и другими подобными мерами можно говорить о девальвации системы социальной защиты, откате назад от того потенциала социального партнёрства, который с таким трудом общество нарабатало за период после 1861 г.

Напряжение от тягот мировой войны, военных поражений, усиливавшаяся убеждённость в её бессмысленности вызывали в рабочей среде растущее недовольство⁶¹. В сочетании с консолидацией политической оппозиции⁶², нарастанием антивоенной пропаганды социалистических партий и другими факторами это создало предреволюционную ситуацию. Поводом для взрыва антиправительственных настроений рабочих Петрограда в конце февраля 1917 г. стало нарушение продовольственного снабжения. Но подлинными причинами оказались все вышеперечисленные особенности столичного пролетариата, умноженные на потрясения военных лет.

Тем не менее главным детонатором событий 1917 г. стала армия, где, как уже отмечалось, оказались до 1 млн рабочих. Армия представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров насчитывалось 9 620 тыс.; ещё 1.5–2.3 млн находились в запасных частях военных округов. Части действующей армии понесли потери, пережили тяготы отступления и поражений. Наиболее частым диагнозом тех, кто успел повоевать, был психический невроз; многие фронтовики были подвержены депрессивному состоянию⁶³.

За второе полугодие 1914–1916 гг. в вооружённые силы были призваны 12.75 млн новобранцев, в том числе 600–650 тыс. поляков, 400 тыс. евреев, 350 тыс. грузин, 350 тыс. азербайджанцев, 250 тыс. литовцев, 180 тыс. латышей, 120 тыс. армян, 100 тыс. эстонцев. Общее количество солдат-мусульман

⁵⁹ Рабочий класс в России 1907–1917 гг. С. 246–247.

⁶⁰ Баевский Д.А. Указ. соч. С. 243.

⁶¹ Поршнев О.С. Указ. соч. С. 165–174.

⁶² Айрапетов О.Г. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 105, 151–156.

⁶³ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 472, 477.

составило 1 млн человек⁶⁴. В такой ситуации (нередкий случай в истории империй) дисциплина в многонациональной армии могла сохраниться только в условиях успешных боевых действий. Масштаб дезертирства⁶⁵ свидетельствовал об обратном. В результате массив рабочих, призванных в армию, оказался под прямым воздействием антигосударственной агитации всех видов. После Февральской революция угнетённое состояние военнослужащих стремительно сменилось социальной эйфорией. Приказ № 1 превратил её в саморазрушающий процесс⁶⁶. Армия не желала больше воевать — и любая власть, монархическая, либеральная или какая-то иная, продолжающая войну, — становилась враждебной помехой. Судьба власти попала в зависимость от решения вопроса о войне.

В исторической литературе советского периода доминировали утверждения о том, что законы о труде, принятые Временным правительством, были направлены против коренных интересов рабочего класса⁶⁷. Однако отрицание любых позитивных сдвигов наталкивалось на вопрос: чем же тогда можно объяснить преемственность указанных документов с трудовым законодательством советского и белогвардейских правительств?⁶⁸

Новая эпоха приносит новые оценки: современная исследовательница события весны 1917 г. называет опытом социального реформирования, пришедшимся на благоприятный период взаимных уступок рабочих и предпринимателей⁶⁹, поскольку, в свете прихода к власти либералов и, вскоре, умеренных социалистов, существовала возможность сузить поле и накал трудовых конфликтов. Но была ли использована эта возможность?

Как известно, Временное правительство учредило при Министерстве торговли и промышленности особый отдел труда, приступивший к работе с 15 марта 1917 г. Не сразу, но рабочие и предприниматели получили в нём равное представительство⁷⁰. В апреле отдел был преобразован в Министерство труда, ставшее официальным руководителем и проводником рабочей политики. Фактическим его лидером был сторонник тред-юнионизма меньшевик П.Н. Колокольцев; официальным — эсер М.И. Скобелев. Программа нового ведомства была развёрнута в их выступлениях на I Всероссийском съезде Советов и в резолюциях съезда. Министерство брало на себя следующие обязательства: максимально быстро выработать и издать декреты о 8-часовом рабочем дне, об учреждении примирительных камер; создать комиссии по установлению заработной платы, сеть бирж труда; устранить недостатки страховых законов 1912 г.⁷¹ Таким образом, в России по примеру передовых капиталистических стран был создан институт, позволявший превратить социальную политику в сфере труда в составную часть

⁶⁴ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М., 2010. С. 22, 26.

⁶⁵ Астаиов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52.

⁶⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч.

⁶⁷ Баева Л.К. Социальная политика Октябрьской революции. М., 1977. С. 28.

⁶⁸ См.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг.: численность, состав, социальный облик. Екатеринбург, 2001. С. 65–66.

⁶⁹ Орлова Н.Е. Социальная политика Временного правительства. Март–октябрь 1917 г. // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007. С. 351.

⁷⁰ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 110–112.

⁷¹ Там же. С. 196–199.

экономической стратегии. Выполнение заявленной программы могло лишить леворадикальные партии возможности расширить своё влияние на массы.

Уже в марте 1917 г. Временное правительство пошло на содействие в развитии профсоюзов, примирительных учреждений, бирж труда. Однако вскоре стало очевидным отсутствие у него концепции в сфере трудовых отношений, что ярче всего проявилось при обсуждении вопроса о 8-часовом рабочем дне. Узаконив таковой в столице, правительство уклонилось от его введения по всей России после того, как с резким протестом выступили представители капитала⁷². Курс правительства оказался, бесспорно, недалёковидным: оно не имело реальных сил помешать введению 8-часового дня на местах, а оттягивая решение назревшего вопроса, лишь способствовало углублению и расширению конфликтов между рабочими и предпринимателями.

12 апреля правительство приняло закон, провозглашающий (с некоторыми ограничениями) свободу собраний и союзов. Прерогативы профсоюзного движения были существенно расширены принятием 23 апреля «Положения о рабочих комитетах». Оно узаконило статус ФЗК, определило их функции представительством материально-бытовых и культурных нужд рабочих перед предпринимателями и правительством⁷³. Фактически оказались легитимизированы уже возникшие органы.

Ещё в 1964 г. П.В. Волобуев отметил: одним из побудительных мотивов принятия закона о фабзавкомах было намерение создать орган местного рабочего представительства, способствующий мирному урегулированию конфликтов между предпринимателями и рабочими⁷⁴. Однако в советское время мирное урегулирование взаимоотношений «антагонистических» социальных слоёв рассматривалось как «соглашательство и отступление от революционности»⁷⁵.

Обоснованно отмечается стихийный характер появления и распространения ФЗК и то, что они с самого начала стали ареной острых столкновений противоборствующих политических группировок⁷⁶. Но кто же стал инициатором радикализации этих органов? Их деятельность находилась под контролем Советов. Социалисты всех видов, прежде всего большевики, принимали энергичные меры по усилению своего влияния в фабзавкомах (что совпало с процессом постепенной большевизации Советов). Именно под влиянием леворадикальных сил на рубеже весны—лета 1917 г. ФЗК были поставлены перед задачей «перехода от защитных функций к рабочему контролю»⁷⁷ в контексте отрицания всей системы ценностей буржуазного общества. Бесспорно, государственные структуры власти должны были учитывать рост влияния комитетов и гибко выстраивать отношения с ними.

Ещё одной формой социального диалога могли и должны были стать примирительные учреждения (камеры), получившие широкое распространение в странах Западной Европы и ставшие там важной составляющей

⁷² Там же. С. 110–115.

⁷³ Собрание узаконений Временного правительства. 1917. № 98. С. 540; № 100. С. 551.

⁷⁴ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 327.

⁷⁵ История советского рабочего класса. Т. 1. М., 1984. С. 57.

⁷⁶ Там же. С. 57.

⁷⁷ Там же. С. 50, 56, 70–71.

государственной политики в 1890-е гг.⁷⁸ В России пункты о создании примирительных камер, способных смягчать острые классовые конфликты на производстве, были включены в программные документы левобуржуазных партий, а затем и меньшевиков. С принятием 5 августа 1917 г. «Положения о примирительных камерах» появилась и законодательная основа для установления социального партнёрства на промышленных предприятиях. Летом в стране наметилась тенденция к организации примирительных камер при отраслевых профсоюзах и их объединению.

III Всероссийская конференция профсоюзов (20–28 июня) рекомендовала всемерно содействовать организации примирительных камер⁷⁹. Так рождался один из видов социального партнёрства. На многих предприятиях примирительные учреждения в марте–июне выполнили свою задачу — направляли процесс трудовых отношений в правовое русло и предотвращали проявления самоуправства с обеих сторон⁸⁰. С помощью примирительных камер и их взаимодействия с Советами удалось стабилизировать производственную деятельность предприятий. Однако большевистские организации подталкивали рабочих к более жёстким методам борьбы, что отрицательно сказалось на утверждении в социальной практике примирительных процедур. В конечном итоге роль примирительных камер оказалась довольно скромной.

Отсутствие повсеместной примирительной системы сказалось на переговорах о повышении заработной платы. Определённый успех они имели во многом благодаря деятельности специальной комиссии Временного правительства. Сами предприниматели оценивали увеличение заработной платы весной 1917 г. в 50% по сравнению с дофевральским периодом⁸¹. Им было несвойственно преуменьшать размер уступки, и с этими цифрами можно согласиться. Особенно сильно возросла оплата труда низкооплачиваемых категорий (на 150–200%). В результате произошло выравнивание оплаты труда между квалифицированными и неквалифицированными категориями, характерное для уравнительных тенденций всякой народной революции.

В целом за первые четыре послефевральских месяца Временное правительство по количеству различных законодательных актов в сфере трудовых отношений превзошло всех своих предшественников, издав более полдюжины различных декретов. Был утверждён 8-часовой рабочий день, частично повышена заработная плата, улучшены общие условия труда, расширены права рабочих на производстве. Рабочие организации превратились в большую силу на предприятиях. Удалось не только затормозить падение производства, но и несколько поднять его⁸².

Однако и цены с февраля по июнь выросли на 50% и повышение заработной платы оказалось поглощено. Июнь явился поворотным пунктом: увеличение номинальной платы по ряду причин (в первую очередь вследствие возрастания сопротивления предпринимательских организаций) замедлился,

⁷⁸ *Войтинский И.* Примирительные камеры на Западе. М., 1917. С. 14, 16, 20.

⁷⁹ *Ходяков М.В.* Социальное партнёрство в 1917 г. (опыт примирительных камер Петрограда) // Материалы межвузовской научной конференции «Февральская революция в России и современность» (к 80-летию юбилею Второй российской революции). СПб., 1997. С. 40.

⁸⁰ *Абрамовский А.П., Буданов А.В.* Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. С. 47–48, 51.

⁸¹ *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 136.

⁸² Там же. С. 137–143.

реальная же зарплата начала резко падать. Промышленники стремились увязать процесс повышения оплаты с повышением производительности труда или, по крайней мере, с выводом производительности труда на уровень 1916 г. Рабочие же доказывали невозможность такого повышения в силу изношенности технического оборудования и утраты части квалифицированных кадров⁸³.

Переговорный процесс продолжался до июля 1917 г. и позволил заметно сократить масштаб забастовочного движения. Статистика свидетельствует, что с 19 апреля по 6 июля в забастовках приняли участие лишь менее 1/6 части рабочих промышленности. Незначительным было и количество бастующих на закрытых предприятиях (с марта по август) — примерно 3% от их общей численности⁸⁴. Анализ статистических материалов забастовочного движения за период 1895—1917 гг. даже с учётом неполноты данных свидетельствует, во-первых, о снижении в разы числа бастующих и потерянных рабочих дней в марте—сентябре 1917 г. не только в сравнении с январём—февралём того же года, но и с 1916 г.⁸⁵ А факт того, что 70.7% потерянных из-за стачек и забастовок рабочих дней в марте—сентябре 1917 г. приходилось на протестные акции экономического характера⁸⁶, подтверждает тезис о самостоятельности интересов и действий рабочего социума в стремительных событиях революции. Наконец, если в дореволюционный период (1895—1916 гг.) доля забастовок, закончившихся для рабочих безрезультатно, составляла 40.7%, то в марте—сентябре 1917 г. она снизилась до 28% (по стачкам эти показатели соответственно равнялись 34.9 и 23.1%)⁸⁷.

Неустойчивость достигнутого в марте—июне 1917 г. социального партнерства определялась рядом факторов. Сказывались слабость профсоюзного движения, сохранение очагов социального напряжения в заводских поселках, где предприятия в период войны переживали кризис. Принимаемые правительством законы о труде (например, о биржах труда, примирительных камерах) носили догоняющий характер, закрепляя то, что уже существовало. Но согласие, вырванное силой, вне переговорного контекста, потенциально чревато ростом социальной напряжённости. Главной же проблемой в отношениях Временного правительства и рабочих оставался вопрос о продолжении войны. Сама концепция экономической политики новой власти брала за образец опыт жёсткого государственного регулирования в Германии и России. Реализация законов о труде наталкивалась на милитаризацию экономики и массовые призывы в армию.

Тем не менее при всей своей сложности и противоречивости социально-политическое развитие марта—июня 1917 г. свидетельствовало о возможности и даже частичном успехе диалога рабочих и органов власти в рамках правового поля. Анализ социальной политики Временного правительства, пусть непоследовательной и запаздывающей, подтверждает оценку Февральской революции как «демократической».

⁸³ Там же. С. 17.

⁸⁴ Орлова Н.Е. Указ. соч. С. 354.

⁸⁵ Наёмный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг. / Под ред. С.С. Струмилина. Ч. 1. М., 1927. С. 152.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 157.

В то же время, без сомнения, промышленные рабочие России оценивали не только содержание трудового законодательства, но и его исторический контекст. Правительство, продолжая непопулярную войну, заведомо ставило себя в трудное положение. Стремительную потерю доверия населения невозможно было компенсировать качеством законотворчества; новации весны—лета 1917 г. оказались существенно девальвированы. Увы, в очередной раз подтвердилась излишняя зависимость всей внутренней политики России от внешнеполитического курса власти.

Это был главный просчёт правительства — и его целенаправленно использовали леворадикальные силы. Установление контроля над ФЗК передало мощный рычаг воздействия на рабочие массы в руки большевиков⁸⁸, которые последовательно отвергали и извращали рациональные элементы социальной политики зарождающейся демократической республики. Курс на усиление конфронтации, разжигание классовой борьбы, нацеливание рабочих организаций на захват власти затрудняли обсуждение проектов законодательных актов в сфере труда, лишали реального наполнения принятые документы. Фабзавкомы превратились в барьер на пути реализации законодательства в сфере трудовых отношений.

Но какая же часть промышленных рабочих России вступила в конфронтацию с властью? Сильной стороной большевиков в 1917 г. стала способность сфокусировать и возглавить социальный протест пролетарских слоёв рабочего класса (тезис, заметим, разделяемый не только большинством современных историков⁸⁹, но и многими западными исследователями⁹⁰). Этим можно объяснить, например, тот факт, что к октябрю 1917 г. более 80% всех пролетариев столицы в той или иной степени поддерживали большевистский курс⁹¹. Однако возникает вопрос: какая часть приняла *активное* участие в событиях конца октября 1917 г.? Известна точка зрения, согласно которой петроградский пролетариат, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев, не участвовал в октябрьском вооружённом восстании⁹². Проверить её можно, установив численность Красной гвардии, комплектовавшейся непосредственно из рабочих.

Аксиомой для публикаций советского времени были утверждения о ней как о «передовом отряде армии пролетарской революции»⁹³. Цифра её численности — не менее 200 тыс. вооружённых рабочих⁹⁴ — превратилась в неоспоримую догму. Правда, в 1960—1980-е гг. исследователи⁹⁵ начали выделять два массива красногвардейцев: количество первых удалось установить

---

⁸⁸ Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С. 50, 56.

⁸⁹ См.: Материалы «круглого стола» «Февральская революция 1917 г. в российской истории» 15 марта 2007 г. в ИРИ РАН // Отечественная история. 2007. № 5.

⁹⁰ См.: Согрин В.В. Осмысливая советский опыт. О новейших трудах по истории XX в. // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 116.

⁹¹ Соболев Г.Л. Петроградский авангард в 1917 г.: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993. С. 24—25.

⁹² Яров С.В. Пролетарий как политик. СПб., 1999. С. 7.

⁹³ Цыткин Г.А., Цыпкина Р.Г. Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции: По материалам Центрального промышленного района, Урала и Поволжья. М., 1977. С. 15. Наиболее полно эта концепция изложена в трёхтомной истории Октябрьской революции: Милиц И.И. История Великого Октября. Т. 1—3. М., 1967, 1968, 1973.

⁹⁴ Милиц И.И. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской революции // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 33.

⁹⁵ См., например: Цыткин Г.А., Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 12.

на основании документальных источников и исторической литературы, вторых — лишь предположительно. Однако в научной литературе фигурировала суммарная величина научных подсчётов и гипотетических предположений. Так, число установленных красногвардейцев накануне 25 октября 1917 г. составляло в Москве 3.5 тыс., «предполагаемых» — 5 тыс., «всего» получалось 8.5 тыс., в Центральном промышленном районе — соответственно 8, 14 и 22 тыс., на Урале — 3, 5 и 9 тыс. Несложно заметить, что число *документально установленных* красногвардейцев было почти втрое меньше абстрактной «общей величины». В 404 отрядах Красной гвардии — большинстве её подразделений в европейской части страны (за исключением Петрограда) — «общая величина» определялась в 47.5 тыс. красногвардейцев, реально установленных же было всего 18 тыс.⁹⁶

Согласно данным официальной советской литературы, накануне Октября численность Красной гвардии составляла по России 75 тыс. человек, а в дни восстания — 200 тыс., в том числе 40 тыс. в Петрограде⁹⁷. Крупнейший специалист по этой проблеме В.И. Старцев ещё в 1965 г. в весьма осторожной форме отметил завышенность этих цифр, отчасти в силу смешения понятий «рабочая милиция», «заводская рабочая милиция» и собственно «Красная гвардия». По его подсчётам, накануне октябрьских событий в 53 городах и промышленных центрах числилось около 26 тыс. красногвардейцев, в том числе в Петрограде — 20 тыс. (из которых 18 тыс. были вооружены), в Москве — 4 тыс. человек⁹⁸. Следует задуматься над приведёнными цифрами — немногочисленность участия рабочих России (за исключением питерского пролетариата) в захвате власти очевидна. Даже в «юбилейном» исследовании 1957 г. отмечалось, например, что военно-техническая подготовка восстания в Москве была значительно слабее, чем в Петрограде, а Красная гвардия — сравнительно малочисленна и плохо вооружена⁹⁹. Из официальных данных видно ещё и то, что две трети красногвардейцев Петрограда были призваны в ряды Красной гвардии уже непосредственно в дни переворота. Вряд ли можно говорить о взвешенном, продуманном выборе рабочих в обстановке многодневных экзальтированных митингов¹⁰⁰.

Внимательное прочтение обстоятельного труда, посвящённого составу Красной гвардии Петрограда, позволяет сделать выводы, сознательно заретушированные в советской историографии, прежде всего уточнить данные о численности и вооружении красногвардейцев Петрограда к началу октябрьских событий. Автор на основе учёта всех имеющихся источников насчитал в столице к 23 октября 1917 г. 20 тыс. красногвардейцев¹⁰¹. За 23—31 октября в отряды Красной гвардии вступили ещё 12 тыс. человек и на 31 октября в ней насчитывалось 32 тыс. Из них только 8—10 тыс. красногвардейцев приняли непосредственное участие в вооружённом восстании и 4—5 тыс. — в борьбе с восставшими юнкерами¹⁰². Как видим, активное

⁹⁶ Там же. С. 114.

⁹⁷ История советского рабочего класса. Т. 1. С. 81, 116.

⁹⁸ *Старцев В.И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965. С. 195, 292.

⁹⁹ *Ерыкалов Е.Ф.* Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1957. С. 58.

¹⁰⁰ Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С. 367—368.

¹⁰¹ *Старцев В.И.* Очерки... С. 195, 228.

¹⁰² Там же. С. 200.

вооружённое участие в революционных событиях приняла примерно половина красногвардейцев столицы.

Исследователи осторожно, в косвенной форме отмечали наличие внутри отрядов Красной гвардии двух различных по статусу и положению массивов: кадровые и остальные. При этом руководящие органы гвардии были против создания её постоянных кадров¹⁰³. Характерно, что, к примеру, в Москве общая численность красногвардейских отрядов после октябрьских боёв составляла около 12 тыс. человек. Спустя месяц это число не превышало 2 550¹⁰⁴, что позволяет отнести их к разряду «кадровых».

В советской научной литературе фигурируют утверждения о слабом вооружении красногвардейцев даже на оборонных заводах (например, Ижевском)¹⁰⁵, сведения об их фрагментарной военной подготовке¹⁰⁶, вследствие чего они выполняли главным образом милицейские функции¹⁰⁷. В них преобладали молодые, политически неопытные люди. Так, 54% красногвардейцев столицы были моложе 25 лет, а 29% — не старше 20 лет. Только 29.9% красногвардейцев родились в Петрограде, подавляющую часть остальных составляли уроженцы сельской местности. Характерно, что на подавление первых антибольшевистских выступлений в ноябре—декабре 1917 г. были посланы ещё более молодые рабочие: 47.8% красногвардейцев оказались не старше 20 лет, а 73% — моложе 25 лет¹⁰⁸. Обобщающие данные по Москве, Центральному промышленному району, Поволжью и Уралу показали, что и здесь основу отрядов Красной гвардии (81%) составляли люди возрастом до 30 лет¹⁰⁹.

Обобщив сказанное, получим, что в целом рабочие России довольно сдержанно откликнулись на призыв вступать в отряды Красной гвардии. Определённым исключением являлся Петроград, где среди красногвардейцев преобладали молодые рабочие, уроженцы сельской местности. Именно в этой социальной группе большевистская пропаганда нашла горячий отклик: почти половина красногвардейцев являлись членами РСДРП(б)¹¹⁰.

Однако в политическом перевороте Красная гвардия сыграла лишь вспомогательную роль, решающая же досталась на долю войск. Как известно, единственным политическим руководителем солдат тыловых гарнизонов (с 1 марта 1917 г. в Петрограде, с 6 марта — по всей стране) выступали Советы рабочих и солдатских депутатов¹¹¹. Мысль о значительной, даже решающей роли солдатских масс в событиях 1917 г. прочно укоренилась в современной научно-исследовательской литературе¹¹².

¹⁰³ Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 179.

¹⁰⁴ Там же. С. 178.

¹⁰⁵ Там же. С. 63.

¹⁰⁶ Ерыкалов Е.Ф. Указ. соч. С. 41—42.

¹⁰⁷ См.: Журухин А.Н. Формирование и деятельность отрядов милиции, боевых дружин и Красной гвардии в ЦПР в марте—октябре 1917 г. Ярославль, 2010. С. 21—22.

¹⁰⁸ Старцев В.И. Очерки... С. 267—268, 282.

¹⁰⁹ Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 119.

¹¹⁰ Старцев В.И. Очерки... С. 261.

¹¹¹ Старцев В.И. Революция и власть (Петроградский совет и Временное правительство в марте—апреле 1917 г.). М., 1978. С. 48—52, 66—67.

¹¹² См., например: Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Характерным можно считать такое положение: в Москве в октябрьских событиях участвовали 20 тыс. солдат и 5 тыс. вооружённых рабочих, при этом последние были полностью вооружены только 28–29 октября¹¹³. Аналогичная картина наблюдалась и в Петрограде: основу наступающих на Зимний дворец отрядов составили солдаты трёх полков гарнизона и матросы 2-го гвардейского экипажа¹¹⁴.

Октябрьский переворот в столице был только верхушечным явлением социальной революции в России. Тяготы мировой войны обусловили преимущественно антивоенный его формат: выбраться из воронки цивилизационной катастрофы страна могла уже только путём одностороннего выхода из войны. Все достижения довоенной модернизации (равно как и её издержки)¹¹⁵ в конкретно-исторической ситуации осени 1917 г. отошли на второй план. Антивоенный формат революции объединил требования по рабочему, крестьянскому и национальному вопросам, отражённые в первых декретах советской власти.

В мифологизированной советской истории эти документы получили название «первых социалистических преобразований». Однако даже беглый их анализ доказывает: ни о какой «пролетарской революции» речи идти не может. Сейчас стало ясно: словесная эквилибристика советского официоза заслонила как общедемократические нарративы, реальное воплощение которых зависело от целого комплекса обстоятельств, так и существенное: «синергетический (а не линейный) процесс самосохранения сложноорганизованной имперской системы»¹¹⁶. Фраза «большевики отнюдь не стали разрушать старую управленческую машину, а просто направили в соответствующие ведомства своих комиссаров»¹¹⁷ знаменательна и относится не только к событиям первых послеоктябрьских месяцев. Воинственность коммунистической идеологии, направленной на разрушение старого мира на всей планете, стала своеобразной базой возрождения Российской империи в оболочке социалистических одежд и лозунгов пролетарского интернационализма.

Быстрый захват власти в столицах леворадикалами, опиравшимися на многочисленные армейские и флотские части и поддержку части промышленных рабочих Петрограда и Москвы, наиболее продуктивно трактовать как *политический переворот в рамках антивоенного движения*. Длительный (осень 1917 — зима 1918 г.) переход власти в руки большевиков в провинциях России осуществлялся прежде всего с помощью распадающейся, но всё ещё многочисленной армии, при незначительной поддержке рабочих, немногочисленных большевистских организаций и отрядов Красной гвардии. Эти события, вызвавшие консолидацию и активное сопротивление антибольшевистских сил, можно определить как начальный период Гражданской войны.

---

¹¹³ Цыткин Г.А., Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 10, 135.

¹¹⁴ Революционный Петроград. Год 1917. С. 339.

¹¹⁵ Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 27–29.

¹¹⁶ Материалы «круглого стола» «Российские революции: 90 лет спустя» 23 и 30 октября 2007 г. в ИРИ РАН // Отечественная история. 2008. № 6. С. 170–173.

¹¹⁷ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 666.

Органы многопартийной социалистической власти на Урале осенью 1917 г.

Валерий Кружинов, Зинаида Сокова

Multi-party socialist authorities in the Urals in the autumn of 1917

Valeriy Kruzhinov, Zinaida Sokova
(both – Tyumen State University, Russia)

Падение Временного правительства и образование на II Всероссийском съезде Советов большевистского Совнаркома (СНК) придали особое звучание поискам альтернативных правительственных комбинаций, с которыми связывались надежды на ослабление политической конфронтации и достижение гражданского консенсуса – непреложных условий выхода страны из всеобъемлющего кризиса. Центральное место в реализации этих планов заняли переговоры об однородном (многопартийном) социалистическом правительстве, проходившие в последние дни октября – начале ноября 1917 г. в Петрограде.

Инициированные Всероссийским исполнительным комитетом союза железнодорожников (Викжель) и поддержанные левыми течениями в меньшевистской и эсеровской партиях и большевиками переговоры об однородном социалистическом правительстве вызвали широкий резонанс во многих регионах страны. Своё отношение к ним высказали организации политических партий и профсоюзы, органы местного самоуправления, Советы, фабрично-заводские и солдатские комитеты. Одновременно в Астрахани, Екатеринбурге, Иркутске, Курске, Перми, Рязани, Симбирске, Смоленске, Тамбове, Томске, Туле, Уфе и других городах возникли городские или губернские органы коалиционной власти с участием большевиков и умеренных социалистов, свидетельствовавшие о популярности идеи многопартийного социализма, её позитивном потенциале.

Несмотря на обширную историографию революции 1917 г. в российских регионах, эти события не получили адекватного отражения в трудах историков и в лучшем случае представлены фрагментарными сведениями, которые мало что решают в плане целостного и системного понимания проблемы. В предлагаемой читателю статье история органов многопартийной социалистической власти исследуется на материалах Урала, где тенденция к компромиссу между враждовавшими социалистическими группировками проявилась в больших масштабах, чем на неудачных переговорах в Петрограде, и привела к образованию коалиционных властных структур в девяти городах региона. Сравнительный анализ обстоятельств их возникновения, функционирования, а затем ликвидации необходим для воссоздания целостной картины формирования послеоктябрьского политического пространства и места в этом процессе региональных институтов.

* * *

1917 г. стал переломным в истории России. Многочисленные противоречия, назревавшие в ней на протяжении десятилетий и до предела обострившиеся в результате трёх лет мировой войны, поставили страну на грань национальной

катастрофы и привели к резкой поляризации общественных настроений. На этом фоне всё большую популярность среди рабочих и солдат завоевывал большевистский лозунг «Вся власть Советам!», ориентированный на радикальное изменение всей политической системы снизу доверху и привлекавший массы бескомпромиссностью в отношении буржуазии, в которой виделась основная причина тяжёлого положения народа. На Урале к концу октября 1917 г. этот лозунг поддерживали около половины Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в том числе 11 из 15 окружных, объединявших большинство рабочего класса¹ и солдат региона².

Наряду с усилением большевистских позиций ускорились размежевание в рядах меньшевистской и эсеровской партий (левые течения которых выступили против коалиции с либералами, предлагая создать широкий революционный фронт социалистических партий, нацеленный на изоляцию «соглашателей», «бежавших от власти как чёрт от ладана»), завоевание Советов и образование однородного социалистического правительства с участием большевиков³.

На Урале вопрос о таком правительстве (выдвинутом Советами и ответственном перед ними) впервые был поставлен в начале мая 1917 г. екатеринбургским Советом рабочих и солдатских депутатов. По предложению группы левых меньшевиков он осудил вхождение лидеров меньшевистско-эсеровского блока во Временное правительство, призвав «товарищей рабочих, солдат и крестьян по-прежнему сплываться вокруг своих Советов» и «готовиться к переходу власти в руки представителей революционной демократии»⁴.

Эта тенденция продолжала нарастать летом, достигнув наивысшего уровня в дни корниловского выступления, когда резолюции в поддержку создания многопартийного социалистического правительства приняли II Пермская губернская конференция ПСР, съезды Советов Уфимской губернии, Глазовского и Камышловского уездов, Советы Екатеринбурга, Невьянска, Уфы, Челябинска и других уральских городов. Для реализации этого требования предлагалось срочно созвать Всероссийский съезд Советов, который, как подчёркивалось в резолюции Уфимского городского Совета, «только один может осуществить программу революционной демократии»⁵.

Такой взгляд на происхождение и задачи однородного социалистического правительства, хотя и не был идентичен большевистскому лозунгу «Вся власть Советам!», так как не ставил вопрос о замене старого аппарата управления новым, советским, но и не противоречил ему, выдвигая Советы (хотя бы до созыва Учредительного собрания) на роль главного арбитра, определяющего судьбу России. В этом контексте он разделялся представителями умеренного крыла в ЦК РСДРП(б) (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков и др.), многими руководителями региональных большевистских организаций, в том числе на Урале (Н.Н. Крестинский, Л.С. Сосновский, И.Я. Тунтул и др.), рассматривавшими Советы в качестве своеобразной «коммуникативной площадки» для консолидации «революционной демократии России» с целью завоевания власти⁶.

¹ Обухов Л.А. Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992. С. 62.

² Попов Н.Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трёх революциях. Саратов, 1983. С. 62.

³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 246–247.

⁴ Уральская правда. 1917. 7 мая.

⁵ Известия Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 сентября.

⁶ Уральская правда. 1917. 7 июня.

Непременным условием такой комбинации, которую при определённых условиях не отрицал и В.И. Ленин, считался отказ большевиков от попыток свержения Временного правительства вооружённым путём. Однако если для умеренных большевиков интерес к однородному социалистическому правительству оставался неизменным на протяжении всего 1917 г. и даже усиливался, то «умеренность» Ленина, напротив, носила импульсивный характер и в середине сентября окончательно сменилась требованием организации вооружённого восстания, «не теряя ни минуты»⁷.

Причины поворота Ленина к революционному насилию не раз обсуждались в исторической литературе и в данном случае вряд ли заслуживают специального анализа. В то же время на одно обстоятельство, обычно ускользающее из поля зрения исследователей, думается, указать следует. После корниловского выступления, когда доверие масс к либералам упало до самого низкого уровня, голоса в поддержку однородного социалистического правительства, ранее звучавшие прежде всего на левом фланге меньшевиков и эсеров, стали раздаваться также в рядах их центристски настроенных однопартийцев и даже правее. Это особенно проявилось в ходе подготовки Демократического совещания, когда при обсуждении вопроса о принципах формирования Временного правительства нового состава многие организации меньшевиков и эсеров, в том числе на Урале (Екатеринбург, Кизеловские копи, Нижний Тагил, Пермь, Уфа, Чусовской завод и др.), высказались за отстранение кадетов от участия в коалиции, обвинив их в поддержке корниловцев.

Однако в отличие от левого крыла меньшевистско-эсеровского блока (выступавшего за создание однородного социалистического правительства под эгидой Советов) его центр отводил решающую роль в этом процессе Учредительному собранию, органам местного самоуправления, кооперативам и другим общественным объединениям, которые опирались на более широкую социальную базу и находились под влиянием умеренных социалистов, а не большевиков.

О масштабах нарастания этой тенденции на Урале свидетельствует проведённый нами анализ материалов эсеровских газет Екатеринбург («Вольный Урал»), Камышлова («Заря народоправства»), Перми («Народная воля») и Уфы («Земля и воля») за сентябрь–октябрь 1917 г. Из опубликованных в них 17 статей и резолюций, выражавших отношение к идее однородного социалистического правительства, лишь 2 связывали его происхождение с Советами, тогда как остальные – с Учредительным собранием. Одновременно поменялась оценка Советов, которые начали ассоциироваться с деструктивными силами и, по словам корреспондента газеты «Народная воля», «не могут брать на себя прав и полномочий государственной власти», поскольку превратились в «классовые организации» и «придаток политических партий», чьи представители «составляют большинство в советских исполкомах»⁸.

На схожих позициях находилось большинство меньшевистских организаций Урала, исходивших из того, что «Советы сыграли свою роль и теперь умирают»⁹, а передача им власти будет означать «конец революции»¹⁰. Как и правые эсеры, «фундамент благополучия трудового народа» меньшевики видели

⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 239–247.

⁸ Народная воля. 1917. 19 октября.

⁹ Пермская жизнь. 1917. 20 сентября.

¹⁰ Там же. 20 октября.

в органах местного самоуправления и иных «демократических объединениях», чью «волю объявит Учредительное собрание»¹¹.

Такое понимание природы однородной социалистической власти отодвигало Советы на периферию политической жизни и ассоциировалось в представлении большевиков, особенно их крайне радикального крыла во главе с Лениным, с продолжением старого курса на сотрудничество с буржуазией. Причём ближайшие события только подтвердили это положение: состоявшееся 14–22 сентября 1917 г. Демократическое совещание отклонило декларацию большевистской фракции, призывавшую умеренных социалистов порвать с «цензовой буржуазией», и образовало новое Временное правительство с участием кадетов, введя представителей буржуазии в состав созданного на совещании Предпарламента.

В результате к октябрю 1917 г. стороны пришли не только без единой концепции однородного социалистического правительства, но и с таким грузом разногласий, что преодолеть их в условиях социального взрыва и крушения послефевральских институтов государственной власти, если и было возможно, то, скорее всего, на основе признания революционно-октябрьского пути развития революции. Ему в большей мере соответствовал «просоветский» вариант однородной власти левых меньшевиков и эсеров, чем «антисоветский» — из центристов и правого крыла.

Эти обстоятельства существенно повлияли на предоктябрьскую тактику уральских большевиков. В развёрнутом виде она была изложена в статье Г.И. Сафарова «Булыгинская дума», напечатанной 18 октября 1917 г. в газете Уралобкома РСДРП(б) «Уральский рабочий». В ней говорилось, что Демократическое совещание и Предпарламент не выражают интересов народа и разрыв с ними является необходимым предварительным условием, которое позволит на II Всероссийском съезде Советов добиться перехода власти к Советам. «Столбовая дорога революции, — резюмировал автор, — идёт не через коалицию, а через классовую борьбу, не через предпарламентское сотрудничество классов, а через решительное столкновение их, не через Предпарламент, а через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Статья Сафарова представляет интерес ещё и потому, что в ней высказывалось мнение одного из руководителей уральских большевиков по проблеме сотрудничества социалистических партий в борьбе за советскую власть и радикальные преобразования. Не возражая в принципе против союза с «промежуточными» силами, автор скептически оценивал их революционный потенциал и полагал, что «последовательную революционную политику может вести только партия большевиков». Претензии на особое место РСДРП(б) в советской системе власти ощущались также в большевистской резолюции, принятой 15 октября на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Екатеринбургского округа. Она призывала к образованию «сильного революционного правительства», способного реализовать лозунги «единственно революционной партии пролетариата и беднейшего крестьянства — партии большевиков»¹².

В преддверии II Всероссийского съезда Советов подобные заявления (нередкие в те дни) звучали весьма симптоматично, отражая как нараставшую в большевистской партии нетерпимость к возможным союзникам по революционной власти, так и затухавшую, но всё ещё сохранявшуюся надежду на компромисс с ними при определённых условиях.

¹¹ Народная воля. 1917. 23 сентября.

¹² Уральский рабочий. 1917. 18 октября.

В большевистских «верхах» вторая тенденция проявилась наиболее рельефно в позиции Каменева, пытавшегося на переговорах под эгидой Викжеля найти «промежуточную» формулу однородного социалистического правительства, которая вобрала бы в себя сильные стороны «просоветского» и «антисоветского» вариантов, что расходилось с доминирующими в партии настроениями. Возникший на этой почве конфликт принял настолько острые формы, что привёл к выходу Каменева и его сторонников из ЦК РСДРП(б) и Совнаркома.

Как показали последующие события, демонстративная отставка оппозиционеров лишь укрепила позицию крайних радикалов в большевистском ЦК и не встретила поддержки на нижних этажах партии, где была воспринята как серьёзное нарушение партийной дисциплины и шаг к расколу. На Урале с резкими заявлениями в адрес «дезорганизаторов» выступили екатеринбургская городская конференция большевиков, собрание мотовилихинской организации РСДРП(б), конференция союза рабочей молодёжи Екатеринбурга. Каменева и других сторонников умеренной тактики обвиняли в том, что они «покинули свой пост, на котором им должно как вождям стоять твёрдо и смело», в «трусости и паникёрстве». После подобных деклараций обычно ставился вопрос об их пребывании в партии¹³. В результате внутрипартийная оппозиция оказалась в изоляции и уже через несколько дней признала собственное поражение¹⁴.

Капитуляция лидеров умеренного крыла большевистской партии оказала существенное влияние на перспективы создания однородной социалистической власти на Урале, где эта идея, особенно в первые послеоктябрьские дни, пользовалась немалой популярностью. Здесь только в первой половине ноября 1917 г. было принято 32 резолюции с требованием создания однородного социалистического правительства, с которым связывались надежды на ослабление политической конфронтации (14 резолюций), преодоление экономической разрухи и социального раскола (9), прекращение мировой войны (5)¹⁵. В поддержку переговоров в Петрограде выступили Пермский губернский комитет ПСР, эсеровские и меньшевистские организации Алапаевска, Верхотурья, Екатеринбурга, Камышлова, Тюмени, Челябинска, Уфимское губернское совещание Советов, съезд Советов крестьянских депутатов Пермской губ., Советы рабочих и солдатских депутатов Воткинска, Глазова, Сарапула, Нижней Салды, многие органы местного самоуправления.

Не исключали «мягкого» варианта выхода из политического кризиса и уральские большевики, реакция которых на октябрьское восстание в Петрограде была отнюдь не столь единодушной и восторженной, как традиционно изображается в литературе. «В большевистском штабе, — вспоминал позднее член Уралобкома РСДРП(б) В.А. Воробьёв, — шли горячие споры. Одни не верили в возможность поражения революции и настаивали на самой активной

¹³ Там же. 16, 19 ноября; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО), ф. 41, оп. 2, д. 343, л. 13.

¹⁴ Правда. 1917. 8 ноября; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 154.

¹⁵ Подсчитано по: *Обухов Л.А.* Указ. соч. С. 71; Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 — май 1918): Сборник документов и материалов. Уфа, 1979. С. 22—23; Вперёд! 1917. 3, 7 ноября; Вятская речь. 1917. 11 ноября; Елабужская рабочая газета. 1917. 20 ноября; Заря народоправства. 1917. 8, 13 ноября; Зауральский край. 1917. 12, 17, 21 ноября; Кама. 1917. 16 ноября; Камская волна. 1917. 11 ноября; Кунгурский листок. 1917. 7 ноября; Народная воля. 1917. 6, 8, 13 ноября; Народная свобода. 1917. 6 декабря; Уральская жизнь. 1917. 7, 15 ноября; Уральский рабочий. 1917. 7, 10, 18 ноября; Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее — ЦАОО РБ), ф. 2, оп. 1, д. 32, л. 67; ф. 1832, оп. 2, д. 40, л. 20 об.; ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 340, л. 11.

политике, другие допускали возможность победы Керенского, но сдаваться ему без боя не хотели. Были и такие, которые предлагали, не выжидая даже хода событий, сложить оружие, считая, что петроградцы слишком зарвались вперёд, что массы ещё не достаточно созрели для осознания пролетарской революции и активной борьбы за неё». Причём, подчёркивал Воробьёв, обсуждение всех этих предложений велось «самым активным образом»¹⁶.

Поскольку протоколы заседаний Уралобкома РСДРП(б) тех дней не сохранились (или не велись вообще), у исследователей нет возможности персонифицировать возникшие разногласия в полном объёме. Тем не менее имеются веские основания полагать, что когда из-за саботажа чиновников и служащих, поддержавших Временное правительство, Екатеринбург оказался на несколько дней отрезанным от внешнего мира и местные большевики не располагали достоверной информацией о положении в Петрограде, особый вес здесь приобрели сторонники умеренной тактики, считавшие, что единственный шанс защитить и сберечь завоевания революции – однородная социалистическая власть.

В этом ключе следует, в частности, рассматривать заявление Сосновского, избранного 25 октября председателем екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. На следующий день, выступая на заседании Совета с информацией о событиях в Петрограде, он высказался за единство действий всех социалистов и предложил «забыть прежние раздоры и объединиться в одно целое для предстоящей работы»¹⁷. Причём призыв Сосновского отражал не только его личное мнение, как полагают отдельные исследователи¹⁸, но совпадал с настроениями многих депутатов-большевиков, преобладавших в Совете¹⁹. В этом убеждает последующая позиция Совета: провозгласив себя единственной властью в городе, он через несколько дней, 31 октября, передал её специально созданному Комитету народной власти, в который, как предполагалось, должны были войти представители всех социалистических партий, екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, уральского областного Совета крестьянских депутатов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и кооперативов²⁰.

Наши расчёты позволяют в общих чертах определить политико-идеологические позиции и партийный состав комитета, из 19 членов которого шестеро (Л.И. Вайнер, П.Л. Войков, Н.Н. Крестинский, И.М. Малышев, Г.И. Сафаров, И.Я. Тунтул) являлись большевиками. В нём также состояли два меньшевика, бундовец, три эсера, в том числе два левых, и беспартийные (по крайней мере, один из них, П.П. Браницкий, примыкал к большевикам). Ещё в большей мере большевики были представлены во Временном бюро комитета, где заняли три места (П.Л. Войков, Н.Н. Крестинский, И.Я. Тунтул) из шести. Остальными членами Бюро стали П.П. Браницкий и левые эсеры М. Зайде и С.М. Стриженов²¹.

¹⁶ Цит. по: *Моисеев С.* К истории Октябрьской революции на Урале // Уральский коммунист. 1929. № 20. С. 34.

¹⁷ Уральская жизнь. 1917. 28 октября.

¹⁸ См., например: *Моисеев С.* Указ. соч. С. 35; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. Свердловск, 1974. С. 299.

¹⁹ Из 339 депутатов екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов 219 (64,6%) являлись большевиками (Уральский рабочий. 1917. 28 октября).

²⁰ Уральская жизнь. 1917. 7 ноября; ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, л. 340, л. 11.

²¹ Рассчитано по: *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928. С. 29; Уральская жизнь. 1917. 7 ноября; Государственный архив Свердловской области, ф. 62, оп. 2, д. 20, л. 1, 2; ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 322, л. 176–177.

Учитывая, что на состоявшихся 5 ноября выборах в екатеринбургскую городскую думу входившие в комитет партии получили в общей сложности 69% голосов избирателей (в том числе большевики — 46%)²², такой состав нового органа власти следует признать достаточно представительным и в основном соответствующим расстановке политических сил в городе. При этом все участники коалиции признали октябрьские события в Петрограде «не большевистским мятежом, а народным восстанием»²³.

В значительной степени столь радикальная позиция комитета объясняется тем, что главными (но, разумеется, не единственными) партнёрами екатеринбургских большевиков в нём являлись местные эсеры, городская организация которых тяготела к левому крылу ПСР и в основном поддержала решения II Всероссийского съезда Советов. Кроме того, по ряду принципиальных вопросов с большевиками солидаризировались представители меньшевиков и беспартийные члены комитета. В этом отношении екатеринбургская коалиция являла собой пример сотрудничества крупных политических сил, опасавшихся создания единого антибольшевистского фронта, и в основном совпадала с макетом однородной власти, который с весны 1917 г. обсуждался на левом фланге меньшевистско-эсеровского лагеря.

Зададимся, однако, вопросом: была ли у большевиков Екатеринбурга возможность удержать власть, опираясь исключительно на поддержку Совета, в котором, как уже указывалось, они преобладали? Осознавая, что корреляционный анализ подобной ситуации во многом может носить гипотетический характер, авторы данной статьи, тем не менее, не исключают, что при развитии событий по такому сценарию вероятность победы большевиков в Екатеринбурге по-прежнему оставалась достаточно высокой. Об этом свидетельствуют и весьма благоприятные для них результаты выборов в городскую думу, и продолжавшийся рост популярности партии среди рабочих и солдат города, и падение влияния её основных оппонентов, и ряд других обстоятельств.

В то же время нельзя не признать, что попытки установить власть большевистского Совета «во что бы то ни стало», вероятнее всего, оттолкнули бы вправо левых эсеров и меньшевиков и спровоцировали на более решительные действия открытых противников левых радикалов, чья активность в связи с Октябрьским восстанием в Петрограде, поставив перед местными большевиками и без того немало острых проблем, вызывала серьёзные опасения. В конце концов, следование этим курсом привело бы к дальнейшему нарастанию конфронтации в городе с перспективой перерастания её в вооружённую борьбу между сторонниками и противниками нового режима.

Тем не менее было бы ошибочно преувеличивать объединительный потенциал Комитета народной власти, образование которого лишь ослабило, но не ликвидировало антибольшевистскую оппозицию. Против комитета выступали не только местные либералы и ориентировавшиеся на них «буржуазные» организации, чей электорат был достаточно широким (на выборах в екатеринбургскую городскую думу он составил 28% избирателей)²⁴, но и правые эсеры, а также правые меньшевики и энесы, рассматривавшие новый орган как «прикрытие большевистской диктатуры»²⁵. Повод к этому давали и наиболее радикальные представители большевиков, не скрывавшие, что «нисколько не обольщают себя на счёт жизненности

²² Уральская жизнь. 1917. 10 ноября.

²³ Уральский рабочий. 1917. 3 декабря.

²⁴ Там же. 11 ноября.

²⁵ Уральская жизнь. 1917. 14 ноября; Уральский рабочий. 1917. 3 декабря.

нового учреждения» и пошли на его образование «лишь в силу необходимости, не отказываясь от своего лозунга “Вся власть Советам!”»²⁶.

В свете таких заявлений нетрудно заметить двусмысленность положения, в котором оказывалась большевистская организация Екатеринбургa, с одной стороны, призывавшая все социалистические группировки к сплочению, а с другой — остававшаяся верной революционной программе своей партии, если и допускавшей возможность компромисса с умеренными социалистами, то при условии признания ими приоритета советской системы власти. Неудивительно, что в глазах оппонентов комитета — правых эсеров и правых меньшевиков — такие требования казались неприемлемыми. В этом смысле «умеренность» екатеринбургских большевиков представлялась им не более чем «ловушкой» и, кажется, кроме подозрений, не вызвала никаких ассоциаций.

Другой вопрос, требующий дополнительной «расшифровки», связан с причинами ликвидации Комитета народной власти и отношением к этому его участников. Касаясь первой части данной проблемы, большинство исследователей обычно обращают внимание на неудачу переговоров о многопартийном социалистическом правительстве в Петрограде, считая, что именно она в первую очередь повлияла на тактику екатеринбургских большевиков. «Политика компромисса в Екатеринбурге, — пишет Л.А. Обухов, — в тех условиях долго продолжаться не могла. Идея однородного правительства очень быстро потерпела крах в центре, стороны заняли враждебные позиции по отношению друг к другу. Это, безусловно, сказалось и на местах»²⁷.

Однако, если применительно к другим регионам данное рассуждение и не лишено оснований, то в отношении Екатеринбургa вряд ли приемлемо. Ведь созданный здесь комитет почти наполовину состоял из большевиков и левых эсеров (хотя, повторимся, ещё из центристски настроенных меньшевиков, эсеров-центристов, представителя Бунда, беспартийных, часть которых тяготела к умеренным социалистам), не отрицавших необходимость совместных действий. За приглашение левых эсеров в СНК, как известно, высказывались даже самые непримиримые большевики, в том числе и Ленин. Кроме того, к большевистско-левоэсеровскому блоку в комитете примыкали некоторые беспартийные, гарантировавшие леворадикальную направленность этого органа. Поэтому утверждение о невозможности сколько-нибудь длительного сотрудничества этих сил в Екатеринбургe нуждается либо в расширенной аргументации, либо в существенных коррективах. Второй вариант представляется нам наиболее плодотворным, поскольку с ликвидацией Комитета народной власти большевистско-левоэсеровская коалиция в городе не только не распалась, а, напротив, окрепла.

Нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: негативное отношение екатеринбургских большевиков к переговорам под эгидой Викжеля обнаружилось не тогда, когда идея многопартийной социалистической власти «потерпела крах в центре», о чём пишет Обухов, а чуть ли не на следующий день после их начала. Так, при первых известиях о переговорах в газете «Уральский рабочий» появилась статья «Однородное министерство», где говорилось, что лозунг однородного социалистического правительства в том виде, как он трактуется правыми меньшевиками и эсерами, «имеет определённое классовое содержание и отражает колебания мелкой буржуазии». «Такое министерство, даже если оно и образуется в результате бесконечных переговоров, — отмечалось далее, — будет

²⁶ Вольный Урал. 1917. 3 ноября; Уральский рабочий. 1917. 1 ноября.

²⁷ Обухов Л.А. Указ. соч. С. 68.

кратковременным перемирием и, разумеется, шагом назад от советской власти. Оно не будет решением вопроса, но отсрочкой этого решения, ибо нельзя общественные классы, пришедшие в движение, привести к молчанию»²⁸. Поэтому, не возражая против включения в СНК представителей левых течений в рядах меньшевиков и эсеров, находившихся на платформе II Всероссийского съезда Советов, руководители екатеринбургских большевиков скептически отнеслись к перспективам такого сотрудничества с их правым флангом²⁹. Ситуация в Екатеринбурге полностью вписывалась в данную схему и не представлялась им отличной от партийной линии на переговорах с Викжелем. Отсюда становится понятным, почему, выступая против многопартийного социалистического правительства с участием всех социалистических группировок «от большевиков до энесов», они не связывали этот вопрос с Комитетом народной власти, который по своему составу был куда более радикальным.

Основной «недостаток» комитета видится авторам не в его «партийной физиономии», а следовательно, и не в «политике компромисса» с левым крылом умеренных социалистов, которая будто бы «долго продолжаться не могла» (Обухов), а в практически полной его зависимости от исполкома екатеринбургского Совета, из членов которого было сформировано даже Временное бюро комитета, а решения последнего осуществлялись через советский аппарат. Иными словами, комитет был придатком екатеринбургского Совета. Но если в тревожной обстановке, сложившейся в городе после первых сообщений о большевистском восстании в Петрограде, передача власти комитету, хотя во многом и формальная, в той или иной мере всё же позволяла нейтрализовать враждебные большевизму силы, то по мере укрепления позиций большевиков и ускорившегося размежевания в рядах эсеров и меньшевиков надобность в комитете отпадала. На это обстоятельство как на главное указывалось, кстати, и в извещении Комитета народной власти о его самороспуске³⁰.

В сложившихся условиях среди большевистских руководителей в Екатеринбурге начались дебаты относительно времени и форм ликвидации Комитета народной власти. Так, по мнению Ф.И. Голощёкина, участвовавшего в работе II Всероссийского съезда Советов и накануне отъезда из Петрограда на Урал обсуждавшего положение в регионе с Лениным, это следовало сделать как можно скорее. Другие, в частности Сосновский, опасались, что с роспуском комитета ситуация в городе может вновь обостриться, и предлагали не форсировать события³¹. В середине ноября 1917 г. этот вопрос даже рассматривался на заседании большевистской фракции екатеринбургского Совета, однако какого-либо решения принято не было³².

Между тем на волне своих первых триумфов над противниками советская власть получила ощутимую поддержку среди рабочих и солдат Екатеринбурга. За короткий срок они приняли множество резолюций, выражавших доверие Совету и признававших Комитет народной власти «до тех пор, пока последний идёт в контакте с исполкомом Совета». Особенно непримиримо были настроены

²⁸ Уральский рабочий. 1917. 2 ноября.

²⁹ Там же. 7 ноября.

³⁰ Вольный Урал. 1917. 20 ноября.

³¹ РГАСПИ, ф. 70, оп. 4, д. 377, л. 105, 109.

³² Уральский рабочий. 1917. 16 ноября.

солдаты 10-й роты 108-го полка, отказавшиеся признать «тяжёлое ярмо» комитета и продолжавшие считать Совет единственной властью в городе³³.

Не учитывать такие настроения ни сторонники «постепенной» тактики, ни тем более их оппоненты, конечно же, не могли. 16 ноября этот вопрос обсуждался на заседании исполкома екатеринбургского Совета. Там было принято решение о проведении 21 ноября вооружённой демонстрации всех советских сил — «Дня Совета»³⁴, что, по существу, означало передачу вопроса о роспуске комитета на усмотрение «низов», ответ которых, как и следовало ожидать, оказался не в его пользу. Неудивительно, что уже 22 ноября комитет объявил о самоликвидации, и вся власть в городе вновь перешла к екатеринбургскому Совету³⁵.

Такая развязка имела важные политические последствия. В обстановке, когда правые эсеры и меньшевики по-прежнему отказывались признать советскую власть и бойкотировали работу Совета, он превратился в полную «вотчину» большевиков, и проблема сотрудничества этих политических сил отпала сама по себе.

К тем же результатам пришли, в конце концов, и сторонники однородной власти в Уфе. Здесь, как и в Екатеринбурге, местный Совет первоначально взял власть в свои руки. Для управления Уфимской губ. им был создан Революционный комитет в составе пяти большевиков и двух левых эсеров³⁶. Однако, получив известия о переговорах под эгидой Викжея, большевики Уфы согласились на реорганизацию нового органа с преобразованием в «контролирующий». В губернии сохранялась власть губернского комиссара Временного правительства, отстранение которого от должности было признано «нецелесообразным».

Взвешивая шансы такой модели власти, нельзя не признать, что в той конкретно-исторической ситуации она, несомненно, была ближе к демократическим формам государственности и в любом случае являлась менее разрушительной, чем установленная в Петрограде или Москве. В то же время было бы утопично ожидать от неё чудесного разрешения всех жгучих проблем местной жизни. Причём дело не только в том, что их, по-видимому, нельзя было решить «в одном городе». Важнее другое: достигнутый в Уфе компромисс, по существу, являл собой попытку вырваться из революционных катаклизмов, которые развивались в силу своих внутренних закономерностей и могли быть усилены или ослаблены, но не остановлены по желанию той или иной партии или группы партий.

В этих условиях властная комбинация, сложившаяся в Уфе, оказалась непрочной и недолговечной. Сохранение местных органов Временного правительства вызывало протесты «низов», требовавших ликвидации двоевластия и передачи всей полноты власти Советам. Такие резолюции были приняты на собраниях рабочих-деревообделочников, солдат местного гарнизона, ряда южноуральских заводов. На этом фоне в Уфимской организации РСДРП(б) (прежде всего в её рабочей части) нарастала радикальная тенденция, сторонники которой требовали от интеллигентских «верхов» «действовать смелее», опасаясь, что «рабочие и солдаты не простят нам такие колебания»³⁷. Под их давлением позиция ревкома ужесточилась, и 19 ноября он отстранил губернского комиссара от управления губернией и взял курс на единовластие Советов³⁸.

³³ Борьба большевиков Урала за победу Октябрьской социалистической революции: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957. С. 231; Уральский рабочий. 1917. 11 ноября.

³⁴ Уральский рабочий. 1917. 21 ноября.

³⁵ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 2, д. 28, л. 7–8.

³⁶ Октябрь в Башкирии... С. 22–23.

³⁷ Моисеев С. Указ. соч. С. 35–36; За власть Советов. Уфа, 1961. С. 30.

³⁸ ЦАОО РБ. ф. 1832, оп. 2, д. 40, л. 20 об.

Попытки создания однородной социалистической власти предпринимались и в других городах Урала – в Алапаевске, Глазове, Ижевске, Камышловe, Кунгуре, Осе, Перми. За исключением Алапаевска и Глазова участие большевиков в таких коалициях определялось относительной слабостью местных организаций РСДРП(б), опасавшихся, что в открытой борьбе за советскую власть они не только не добьются победы, но и утратят уже завоеванные позиции. Так было в Перми, где, в отличие от Екатеринбурга и Уфы, в окружном и городском Советах преобладали меньшевики и эсеры. В ответ на большевистское восстание в Петрограде они создали Революционный комитет, куда вошли по три меньшевика, эсера и большевика. Предполагалось, что он не будет касаться политических проблем и ограничит свою деятельность вопросами местного самоуправления. Однако по мере того, как советская власть, утвердившись в Петрограде, всё более демонстрировала неприятие противников большевистского режима, позиции сторон в комитете ужесточились и вышли за рамки первоначальной договорённости. В конце концов, после принятия СНК декрета о печати меньшевики и эсеры предложили большевикам его осудить. Те же, в свою очередь, отказались солидаризироваться с большинством комитета и 1 ноября вышли из него³⁹.

Последняя попытка создания однородной социалистической власти на Урале (да, пожалуй, и во всей России) была предпринята в конце ноября 1917 г., когда правые эсеры Перми предложили организовать Народный совет по управлению Пермской губ. в составе 25 человек. Пять мест в нём отводилось Пермскому губернскому совету рабочих и солдатских депутатов, пять – Пермскому губернскому совету крестьянских депутатов, по пять – органам местного самоуправления и профсоюзам, по одному – представителям эсеров, большевиков, меньшевиков, энесов и плехановской группы «Единство». Народный совет должен был выполнять функции «губернского парламента», сместить комиссара Временного правительства и создать новый орган исполнительной власти в губернии⁴⁰.

В целом предложения пермских эсеров совпадали с моделью однородной социалистической власти, выдвигавшейся меньшевистско-эсеровским центром ещё в период подготовки Демократического совещания. Неудивительно, что большевиками они были отвергнуты как «контрреволюционная затея» и попытка создать «ублюдочный орган с искусственно подобранным соглашательским большинством»⁴¹.

Таким образом, попытки реализовать идею многопартийной социалистической власти на Урале закончились неудачей. Причины такого финала обуславливались многими обстоятельствами. В условиях глубокого социального раскола и межпартийной вражды поиски властных комбинаций, предпринятые большевиками и их оппонентами, носили импульсивный характер, отягощались отсутствием единой концепции многопартийной социалистической власти, сталкивались с противодействием противников компромисса, давлением агрессивно настроенных социальных «низов» и разлагающейся армии. Это во многом предопределило дальнейшую эскалацию российского политического процесса, придав ему ожесточённые, перерастающие в гражданскую войну формы. В этой междоусобице большевики и умеренные социалисты оказались по разные стороны баррикад.

³⁹ Народная воля (Пермь). 1917. 30 октября, 3 ноября.

⁴⁰ Там же. 28 ноября.

⁴¹ Уральский рабочий. 1917. 3 декабря.

Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии)

Ирина Пушкарёва, Наталья Пушкарёва

**The women's movement in the socio-political life of Russia in 1914–1917:
some conclusions from the Soviet historiography**

*Irina Pushkareva (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow),*

*Natalia Pushkareva (Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Сегодня к истории Великой российской революции 1917–1922 гг. обращаются многие исследователи. Одни из них видят Россию среди великих держав XX в., другие замечают в ней «взрывчатую смесь воинствующего национализма, ксенофобии и шпиономании», приведших в феврале 1917 г. к трагическому финалу¹. Но редко российские учёные признают необходимость включения в историю революции фактов, связанных с общественно-политической активностью представительниц средних городских слоёв. Между тем наши коллеги из США и Западной Европы, всегда умевшие найти «белые пятна» в описании российской истории, уже не первый год напоминают: у столь выдающегося события прошлого, как революция 1917 г. в России было и «женское лицо»².

Имеющиеся и в отечественной, и в зарубежной историографии труды о политическом участии женщин в событиях революции 1917 г. пока практически не учтены создателями обобщающих работ, учебников, энциклопедий и словарей. Поскольку «женский фермент» (используем известную терминологию классика) в истории позволяет воспроизвести её значительно объёмнее, нам представляется важным обозначить те проблемы и факты, к которым прошлое женской общественно-политической активности имеет прямое отношение.

«Женская история» России с начала Первой мировой войны до Октябрьского переворота глазами некоторых российских и зарубежных исследователей

Как предмет исследования женская история долгие десятилетия вызывала то сомнения в правомерности отдельного существования, то даже скрытое

© 2017 г. И.М. Пушкарёва, Н.Л. Пушкарёва

Исследование выполнено при поддержке ПФИ РАН и РФФИ, грант № 16-01-00136.

¹ *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // *Российская история.* 2017. № 2. С. 12–14; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 572.

² *Ростова Н.* Революция с женским лицом. Интервью «Радио “Свобода”» проф. А. Линдербайер (URL: <http://www.svoboda.org/a/28384248.htm>).

противодействие. Считалось, что она не востребована обществом, поскольку «впервые в мире все права и свободы женщинам дал Великий Октябрь»³. Такое представление не изменилось даже во время политической «оттепели», ставшее периодом «актуализации революционного мифа»⁴; в выходявших тогда работах подчёркивалась лишь женская помощь в реализации большевистских идеалов.

И всё же именно в начале 1960-х гг. в СССР увидели свет первые исследования, связанные с участием женщин в революции. Кроме публикации документов о Международном женском социалистическом движении, где, по сути, было представлено и его российское направление⁵, появилась книга Э.Н. Бурджалова⁶, положительно оценённая общественно-политическим журналом «Новый мир», — о февральских событиях в Петрограде. По мнению ленинградских историков-рецензентов, автор впервые охарактеризовал начало революции 1917 г. не как «творчество» политиков, а движение масс, инициаторами которого стали женщины, возмущённые перебоями в продовольственном снабжении столицы. Хотя про их участие в «хлебных бунтах» было известно и ранее⁷, но именно Бурджалов одним из первых обратил внимание на женщин как «застрельщиц беспорядков».

По-иному виделся историкам и финал российской буржуазной демократии в октябре 1917 г., поскольку женский батальон, охранявший Зимний дворец и Временное правительство, как выяснил, например, Х.М. Астрахан⁸ в начале 1960-х гг., состоял из «простых учительниц, гувернанток, портних». К подобным публикациям руководящие партийные органы относились тогда настороженно, хотя исследователь и настаивал на том, что защитницы Зимнего были «втянуты в политику», будучи «обманутыми буржуазной пропагандой».

До реабилитации (хотя бы частичной) феминизма как движения и политической теории было ещё очень далеко. В СССР западный феминизм считался направлением буржуазной общественно-политической мысли, нацеленным на обособление женщин в их борьбе за равноправие. Участие же либеральных женских организаций в протестном движении начала XX в. «при сохранении основ капиталистического строя» определялось как враждебное революционному пролетариату. «Стремясь упрочить власть эксплуататоров, буржуазные феминистки, — отмечалось в одной из работ конца 1950-х гг., — надеялись охватить своим вниманием широкие слои трудящихся женщин, оторвать их от участия в революции. Пропаганда феминисток создавала опасность подчинения отсталых и неорганизованных работниц влиянию буржуазной идеологии»⁹.

---

³ *Любимова С.Т.* Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М., 1967; *Бочкарёва Е., Любимова С.* Светлый путь. Коммунистическая партия Советского Союза — борец за свободу, равноправие и счастье женщины. М., 1967.

⁴ *Тихонов В.В.* Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // *Российская история.* 2017. № 2. С. 103.

⁵ *Неволина В.С., Орлова В.П.* О международной женской социалистической конференции в 1915 г. Документы ИМЛ при ЦК КПСС // *Исторический архив.* 1960. № 4. С. 106–125.

⁶ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

⁷ Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957.

⁸ *Астрахан Х.М.* О женском батальоне, защищавшем Зимний дворец // *История СССР.* 1965. № 5. С. 93–94.

⁹ *Сердитова С.Н.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 г. — февраль 1917 г.). М., 1959. С. 22.

Американские и британские учёные давно заметили, что в СССР слабо изучена история русского либерализма¹⁰, о деятельности же связанных с ним женских организаций и вовсе ничего неизвестно. После 1977 г., когда в США вышел первый сборник статей, посвящённый «женской истории» России, там же, за рубежом, с завидной регулярностью стали появляться исследования по проблеме женского протестного движения в нашей стране¹¹.

Самым лучшим из них, бесспорно, и сегодня остаётся труд американского историка Р. Стайтса¹². В этой книге, основанной на архивных документах, отчётах российских женских пролетарских, феминистских организаций, трудах их лидеров, описаны события, происходившие перед Первой мировой войной и во время революции 1917 г.

Практически одновременно с публикацией в США книги Стайтса малоизвестный советский сборник напечатал статью З.В. Гришиной о деятельности «Союза равноправности женщин»¹³. В литературе тех лет любые попытки интеллигенции создать не связанные с большевиками женские организации оценивались негативно¹⁴. Однако Гришина показала перспективность целенаправленной работы женщин по защите своих интересов. Автор рассмотрела задачи и состав «Союза...», решения его съездов, взаимоотношения с политическими противниками, а также работу других политических союзов либерального толка по улучшению быта женщин (Женской прогрессивной партии, Российского женского взаимно-благотворительного общества). Впервые советские читатели узнали о том, что ещё до большевиков и «Великого Октября» в стране обсуждались вопросы доступности для женщин университетского образования и освоения любых профессий.

Особо отметим, что в конце 1950-х гг. росло число работ, особенно кандидатских диссертаций, где протестное движение женщин в России было представлено как «составная часть революционного движения рабочего класса», воплощавшегося в силу под руководством большевистской партии¹⁵.

В целом же тема идейной и организационной значимости феминистской составляющей в российском эмансипационном движении не была востребована

---

¹⁰ *Иоффе Г.З.* Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии М., 1970. С. 55–93.

¹¹ *Women in Russia* / Ed. D. Atkinson and others. Stanford (Calif.), 1977; *Ruthchild R.* The League of Equal Rights for Women // *Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History*. Gulf Breeze (Fl.), 1981. Vol. 1(19). P. 88–92; *Edmondson L.H.* Feminism in Russia (1900–1917). Stanford (Calif.), 1984; *Engel B.A.* Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in nineteenth-century Russia. Cambridge, 1986; *McDermid J., Hillyar A.* Midwives of the Revolution. Female Bolsheviks and Worker Women in 1917. L., 1999.

¹² *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia. Femenism, Nigilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton (N.J.), 1978. Перевод книги опубликован четверть века спустя (*Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004).

¹³ *Гришина З.В.* Союз равноправности женщин (1905–1908) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. М., 1977. С. 255–272.

¹⁴ *Строкова И.Х.* Женщины Самарской губернии в первой русской революции // Большевистские организации Поволжья в революции 1905–1907 гг. / Под ред. В.А. Степанова и др. Куйбышев, 1977.

¹⁵ *Женщины в революции.* М., 1959; *Конкина Е.И.* Деятельность большевиков по вовлечению женщин-работниц в массовое революционное движение 1910–1914 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1974; *Идейно-политическая борьба и некоторые проблемы женского движения.* М., 1981; *Денисов А.Г.* Деятельность большевистской партии по развитию пролетарского женского движения в России: июль 1914 – февраль 1917 г. (По материалам Центрального промышленного района и Петрограда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; и др.

в СССР до тех пор, пока не появился научный запрос на изучение истории формирования гражданского общества в дореволюционной России. Это стало возможным лишь с середины 1980-х гг. в связи с набиравшей в то время вес концепцией либеральной альтернативы общественного развития страны и, соответственно, необходимостью пересмотра всего российского прошлого. Тогда возникла потребность в «смене теоретической и методологической матрицы, в рамках которой выполнялись предшествующие исследования»¹⁶.

Воспользовавшись в 1990-е гг. открывшейся возможностью критики прежней концепции истории освободительного движения в России, С.Г. Айвазова, а также О.А. Хасбулатова и Н.Б. Гафизова¹⁷ обратились к реконструкции истории российского женского протестного движения, став первыми, кто решился на осторожную реабилитацию понятия «феминизм» и его производных.

Справедливо указав на замену проблемы решения «женского вопроса» задачами участия «женских масс» в социалистическом строительстве и общественно-политической жизни России в 1914–1917 гг., Хасбулатова и Гафизова открыли пути к изучению ранее не рассмотренных аспектов темы – периода до и во время Первой мировой войны, революции 1917 г. Они не обошли вниманием разные типы женских организаций, прежде всего связанные с либеральными партиями и проповедовавшие идеи незыблемости индивидуальных прав и свобод человека. Российская историография пополнилась исследованиями, где впервые были показаны особая роль женщин в революционном процессе начала XX в., их взаимодействие с различными политическими союзами и движениями, в том числе зарубежными.

В начале 1990-х гг. появились и первые публикации, авторы которых обратились к истории русского суфражизма – борьбы за избирательные права, ввели в научный оборот источники, позволившие признать получение россиянками этих прав ещё в марте 1917 г.

На факте получения женщинами России избирательных прав при Временном правительстве акцентировала внимание И.И. Юкина¹⁸, продолжив изучение темы феминистской альтернативы в освободительном движении¹⁹.

---

¹⁶ *Шацлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация программы и тактики. М., 1985; *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914. М., 1991; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России М., 1996; *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы.* М., 1999. М., 2016. С. 3–4.

¹⁷ *Айвазова С.Г.* Женское движение в России: традиции и современность // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2. С. 121–130; *Айвазова С.Г.* Феминистская традиция в России // *Женское движение в контексте российской истории. К 90-летию Первого Всероссийского Женского съезда.* М., 1998; *Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; *Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б.* Исторические источники по проблеме формирования и развития российского женского движения // *Женское движение в России. Вторая половина XIX – начало XX в.* Иваново, 2003. С. 22–39; *Хасбулатова О.А.* Женское движение в России второй половины XIX – начала XX века: исторический опыт и традиции / Там же. С. 40–111; *Хасбулатова О.А.* Хронология женского движения в России (1859–1917) // Там же. С. 156–183; *Гафизова Н.Б.* Взаимодействие российского женского движения и международных женских организаций в конце XIX – начале XX века // Там же. С. 112–155.

¹⁸ *Юкина И.И.* Истоки женского движения в России // *Все люди – сёстры.* Бюллетень Петербургского центра гендерных проблем. СПб., 1993.

¹⁹ *Юкина И.И.* Доктор Шабанова // *Харизматические личности в истории России.* СПб., 1997; *Юкина И.И.* Ольга Шапиро – идеолог российского феминизма // *Из истории женского движения в России.* Вып. 2. СПб., 1998; *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007; и др.

Менее изученными оставались вопросы, связанные с историей женской повседневности, быта, особенно в годы Первой мировой войны. Позже к ним обратился Ю.И. Кирьянов, проанализировав протесты низших социальных слоёв — рабочих, крестьян, горожан среднего достатка («бабьи бунты», столкновения с полицией, стачки) — из-за возникшей дороговизны, нехватки продуктов и товаров первой необходимости²⁰.

Хотя женщины в России составляли половину населения страны (на 1 января 1914 г. — 89 022 200 человек)²¹, нужды и чаяния их жизни практически историков не интересовали. Это было связано в том числе и с тем, что цели общественного прогресса страны определяла её ничтожно малая по численности интеллектуальная элита (согласно наблюдениям и подсчётам, всего 1.2–1.5% населения)²². К ней, как выяснилось в 1990-е гг., относились и теоретики женского движения, основательницы его первых организаций. Помогая созданию клубов, союзов и групп, они усиливали влияние общественно-политических сил, желавших реформирования, а то и революционного переустройства государственной системы, что касалось миллионов женщин — работниц, крестьянок, солдаток (последним была посвящена книга П.П. Щербинина)²³.

Бедственное положение основной части женского населения страны до и во время Первой мировой войны представлено в исследованиях по истории женской благотворительности (работа женщин в Земском союзе, Союзе городов, Красном кресте). По мнению Г.Н. Ульяновой²⁴, представительницы средних городских слоёв, дворянки, заботились о детях из беднейших пролетарских семей (создавая ясли и детские сады), инициировали через земские и городские организации получение работы для своих низкооплачиваемых современниц, открывая для них швейные и картонажные мастерские. В годы войны в губернских, уездных городах и крупных сёлах увеличилось число «дамских комитетов», занимавшихся благотворительностью²⁵, которая и стала «полем деятельности» женских организаций.

Если советская историография связывала выступления женщин во время войны и революции 1917 г. только с пропагандой радикальных политических партий, то с 1990-х гг. у российских историков возникло желание разобраться в этом вопросе подробнее. К сожалению, женские объединения рассматриваемого периода оказались вне исследования А.С. Тумановой (одна из лучших в новейшей историографии работа о российских общественных организациях)²⁶. Поэтому по-прежнему остаётся открытым вопрос: только ли большевистская пропаганда выступала триггером «бабьих бунтов»? Бесспорно, обсуждавшийся создательницами первых женских организаций «женский вопрос»

---

²⁰ Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.). М., 2005. С. 133–136, 140–145, 209–212.

²¹ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 22.

²² Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32.

²³ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004.

²⁴ Ульянова Г.Н. Филантропическая активность общества // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 446–468.

²⁵ Щербинин П.П. Указ соч. С. 466.

²⁶ Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014.

изначально не мог быть понятен простым работницам и крестьянкам (впрочем, как и размах самого движения), что более характерно для урбанизированной и «образованной» страны.

Не случайно современные исследователи периода войны и деятельности Временного правительства почти ничего не пишут о каких-либо проводимых тогда реформах или принятых нормативных актах, касавшихся положения женщин в России. Царская бюрократия не считала нужным «включать» эту часть населения в свои программы (исключением стали распоряжения о выдаче пособий семьям участников войны)²⁷. В законах и подзаконных актах Временного правительства женщины вообще не упоминаются, хотя известно, что они тогда получили избирательные права²⁸.

В посвящённой Учредительному собранию книге О.Н. Знаменского²⁹ — одной из лучших по его истории в советское время — «женский вопрос» тоже «затерялся». Такое положение немного «исправил» Л.Г. Протасов³⁰, но уже много позднее. В его книгах энциклопедического характера представлен образ российской революции, объяснён её финал, дана информация о судьбе лидеров интеллектуальной элиты революционного и либерально-демократического женских движений.

В силу особенностей исторического развития России первыми её партиями стали наиболее левые и оппозиционные и прежде других — социал-демократическая, защищавшая интересы лиц наёмного труда. Однако сначала были созданы непролетарские женские организации, и только через 5–6 лет — объединения работниц (образовательный уровень которых был намного ниже, чем у мужчин-рабочих). Их организаторами являлись женщины — члены социал-демократической партии, состоявшие в ней, как правило, вместе с мужьями и совместно занимавшиеся революционной пропагандой и агитацией. Хотя процент подобных союзов в общем протестном движении был незначителен, их активная деятельность влияла на простых работниц сильнее (особенно в обеих столицах при Временном правительстве), чем призывы к равноправию, звучавшие со стороны более многочисленных женских либерально-демократических организаций.

Последние, конечно, легально «оформляли» стремление людей к демократии, гражданскому обществу с его идеями справедливости, значимости каждой личности, независимо от пола, но для неграмотных работниц и крестьянок подобные требования казались лишь абстракциями. Поэтому, справедливо считает Хасбулатова, женским либеральным организациям нужно было проявить исключительную политическую гибкость как в отношении органов государственной власти и других партий, так и женщин, стремившихся к свободе и получению гражданских прав³¹.

Перед российскими историками времён перестройки, рубежа XX–XXI вв., изучавшими общественную жизнь страны со всей её «многопартийностью

²⁷ Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. В 4 т. Т. 3. М., 2016. С. 346.

²⁸ Там же. С. 361–404.

²⁹ *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. Из истории создания и крушения. Л., 1976. С. 127–140.

³⁰ *Протасов Л.Г.* Женщина и Всероссийское Учредительное собрание // От мужских и женских к гендерным исследованиям. Материалы международной научной конференции, 20 апреля 2001 г. / Отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2001; *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997.

³¹ *Хасбулатова О.А.* Женское движение... С. 101–103.

и многогранностью», возникла задача — сделать женские либеральные организации «видимыми». Одной из таких организаций (и едва ли не самой заметной) была в мае 1905 г. созданная и поддержанная Международным женским советом Российская лига равноправия женщин (Лига равноправия; впоследствии её название менялось). На её съезды в годы Первой мировой войны собиралось до 1 тыс. женщин. Сохранявшееся же тогда между членами лиги и женщинами-социалистками несоответствие было, по существу, разрывом между рабочими и интеллигенцией, корни которого восходят к давнему противостоянию: «цензовое общество» — лица наёмного труда. В российском женском движении оно тоже существовало, хотя и было несколько смягчено демократизмом участниц либеральных союзов и групп.

От Февраля к Апрелью 1917 г.: «женский фактор» российской общественно-политической истории

Реконструкция событий, начавшихся в России в феврале 1917 г. и закончившихся роспуском Учредительного собрания и ликвидацией всех женских организаций (январь 1918 г.), достойна специальной монографии. Мы лишь обобщим наработки российских и зарубежных исследователей, обозначив реперные точки воздействия «женского фактора» на политическую историю страны в годы войны и в ходе революции.

Объясняя причины возникшего в феврале 1917 г. революционного взрыва, советская историография в 1920-х гг. «ставила» на агитацию большевиков в «женский день» (Международный женский день 23 февраля, или 8 марта по новому стилю). Однако это было случайным совпадением в цепочке сложившихся в те дни обстоятельств. Массовым выступлением и ранее способствовала организация собраний, посвящённых дню солидарности женщин в борьбе за свои права. В России с 1913 г. социал-демократы отмечали его ежегодно — в разных городах, в зависимости от «полицейских условий», организовывали собрания и демонстрации.

Проводившуюся среди женщин Петрограда в самом начале 1917 г. агитационную работу Бурджалов³², например, представил в качестве деятельности «Женского кружка», где с работницами занимались «большевички и межрайонки» (этот вопрос был подробно исследован в 1970-х гг.)³³.

Социалисты приступили к распространению среди женщин листовок (в том числе с призывами к демонстрациям) на рубеже 1916—1917 гг.³⁴, а в канун 23 февраля 1917 г. «в помощь пропагандисткам» уже были подготовлены составленные подпольным Выборгским РК РСДРП тексты на тему: «Война и дороговизна». Их читали работницам, близким к революционному подполью. Тогда же этот комитет назначил ораторов, которым предстояли выступления на собраниях и митингах.

Бурджалов первым из исследователей подверг сомнению миф о том, что в те дни главной причиной массовых выступлений петроградских женщин стали перебои в доставке хлеба в рабочие районы столицы. Воздав должное «тысячам женщин», активность которых способствовала развёртыванию революции, он

³² См.: Бурджалов Э.Н. Указ. соч.

³³ См.: Конкина Е.И. Указ. соч.

³⁴ Дажина И.М. Большевистские листовки в России периода Первой мировой войны и Февральской революции. Опыт источниковедческого анализа сводной таблицы документов. М., 1981. С. 59, 75, 94, 105, 106, 108, 109, 115, 119, 120, 125, 130, 141, 147, 149, 155, 156, 160, 166, 167.

подчеркнул и то, что отмечало в своей листовке от 2 марта 1917 г. Бюро ЦК РСДРП: «женщина приняла на свои плечи небывалые тягости», на улицы её привели «сердечная боль за близких, взятых на войну» и «боль за голодных детей». Всё это, созвучное мнению «петроградской публики»³⁵, способствовало стремительной ликвидации старых порядков и триумфу «бунтующей массы» в феврале 1917 г.³⁶

Американский исследователь Д. Мандель считает, что если до Первой мировой войны женщины оказывали даже «сдерживающее влияние на общественную активность мужей»³⁷, то теперь из-за ухудшавшейся в стране обстановки начались их собственные антивоенные протесты. Это подчёркивается в некоторых новейших работах. В первые дни революции, например, работницы-солдатки Металлического завода заявляли: «Наших мужей на фронте бьют, а мы здесь день и ночь маемся. Довольно терпеть. Объявим всеобщую забастовку!»³⁸.

Можно найти массу подтверждений этого в источниках, если оценивать политическое демонстрационное движение не как проявление «бунтующей массы», а как свидетельство «стихийной сознательности». Согласно дневнику градоначальника А.П. Балка, где в донесениях приставов был представлен ход событий в решающие дни Февраля 1917 г., солдаты и казаки, посланные «на усмирение беспорядков», действовали вяло, будучи урезонены работницами — успешными «переговорщицами»³⁹.

Каждое новое исследование на эту тему даёт сегодня дополнительный фактический материал, увеличивая тем самым представление о роли и силе участниц демонстрационных шествий, ставших той поворотной точкой в развитии событий, с которой началось присоединение армии к народу.

Рухнул и такой оплот царизма, как казаки — обычно верная полицейская служба для подавления массовых выступлений. Когда столкновение с казаками казалось неотвратимым, избежать его помогли обратившиеся к ним работницы: «Здесь голод, непомерный труд, обиды, оскорбления, издевательства. У вас тоже есть матери, жёны, сёстры, дети: мы требуем хлеба и прекращения войны!». Они предлагали казакам «курево», уговаривая их: «Кончим войну, и вы поедете домой!». Казаки бросались в стороны, сливались с шествием, где люди их встречали криками «Ура!» и т.д. Это и была эмоциональная сторона движения⁴⁰.

Самоотверженность женщин буквально проступает в текстах очевидцев событий. Отмечена она и в мемуарах Л.Д. Троцкого: «Они шли на кордоны солдат смелее, чем мужчины, хватались за винтовки, просили, почти приказывали: “Бросайте оружие, присоединяйтесь к нам!”». Автор сокрушался, что женщины не соблюдали «сдержанность и дисциплину»: «Несмотря на все директивы, бастующие женщины на нескольких фабриках бастовали»⁴¹. Большевик В.Н. Каюров сетовал на то, что работницы не вняли призывам к «сдержанности» и «всё же объявили забастовку». Подобные высказывания в советской литературе

³⁵ *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С. 119, 138; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 9.

³⁶ *Петров Ю.А.* Указ. соч. С. 8.

³⁷ *Мандель Д.* Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.) / Пер. с англ. М., 2015. С. 38.

³⁸ Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. СПб., 2014. С. 75.

³⁹ Там же. С. 73–76, 78–122, 125, 129, 133, 138–143, 151–152, 158, 168–171; *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С. 118–122, 130, 137–138, 140–142, 147, 150.

⁴⁰ Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 3. С. 75.

⁴¹ Цит. по: *Смайк Р.* Указ. соч. С. 398. См. также: *Trotsky L.D.* The History of the Russian Revolution. Ann Arbor, 1964. Vol. 1. P. 109.

формировали образ «отсталой работницы», не согласной с предписаниями организаторов. В этих высказываниях – и констатация стихийности движения. Социалистические лидеры не предполагали, что выступления женщин станут катализатором революции.

Среди работниц (в 1916 г. на промышленных предприятиях Петрограда их было не менее 50 тыс.) вели агитацию профессиональные революционерки, которые ещё до войны занимались пропагандистской деятельностью в рабочих клубах и больничных кассах. Вслед за мужьями они входили в ряды столичных нелегальных партийных организаций, участвовали в стачках, проходивших в разных губерниях страны (ещё до войны шло становление женских социальных и политических движений и в провинции⁴²), выступали на международных социалистических конференциях (А.М. Коллонтай, А.И. Елизарова, К.Н. Самойлова и др.).

В книге И.П. Лейберова названы более 30 участниц восстания в Петрограде, среди них большевички – Н.Ф. Агаджанова, Т.Г. Толмачёва (её муж, большевик, погиб в те дни), межрайонки – А.М. Иткина, Б.А. Ратнер и др.⁴³ Они проводили собрания на предприятиях, увлекая народ на демонстрации.

Прав был Стайтс, утверждавший полвека назад, что «не имели себе равных» научные руководители, нацеливавшие сотни своих дипломников и аспирантов на сбор в партийных архивах уникального материала – о большевистской работе в массах. Можно только сожалеть, что эти «доказательства», собиравшиеся буквально по крупицам (с должной критикой «природной контрреволюционности» либералов и «соглашательской сущности» эсеров и меньшевиков)⁴⁴, сегодня не востребованы. Кроме того, из вышедших в 1990-е гг. справочников, посвящённых политическим деятелям России 1917 г., «пропали» многие имена наиболее активных участниц революции⁴⁵, а вместе с ними – и «живая событийная ткань», которой недостаёт сегодня в историографии восстания в Петрограде.

Всматриваясь в фотографии тех дней, мы видим «море людей», большинство которых – женщины в головных платках, здесь же – растяжки с лозунгами: «Хлеба!», «Долой монархию!», «Да здравствует республика!», «Долой войну!». Демонстрации маскировали социальную поляризацию, создавали почву для сближения женщин разных политических ориентаций. Но антивоенный лозунг «отделял» работниц (женщин-тружениц) от тех демократок, которые протестовали с позиций ярко проявившегося «революционного оборончества», совпадавшего с политикой парвительства.

С первых дней революции к работницам стали присоединяться поддержавшие их городские демократические слои, женщины-служащие, студентки учебных заведений. Вероятнее предположить, что в тех демонстрациях участвовали и лидеры женских либеральных союзов, Лиги равноправия, Женской прогрессивной партии, связанные с женскими учебными заведениями, служащими почты, телеграфа и других учреждений. В массовом движении они усиливали интеллектуальную

---

⁴² *Петайкина М.В.* Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900–1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009.

⁴³ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979. С. 43–52.

⁴⁴ *Стайтс Р.* Указ. соч. С. 411.

⁴⁵ См.: Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993 (из более 300 названных имён только 4 – женские).

составляющую протеста. Начался медленный процесс не только «переформатирования партийного пространства»⁴⁶, но и всего общества.

Представить настроения многих образованных женщин (членов различных групп, клубов и союзов либерального толка) поможет обращение к взглядам и поведению некоторых их современниц в дни восстания в столице. Скажем, известная деятельница кадетской партии С.В. Панина, до войны занимавшаяся главным образом благотворительной деятельностью, не осталась в стороне от революционных событий. Ещё в 1915 г. она создала Биржу труда в Петрограде, материально поддерживала Земский союз (мать Паниной, будучи во втором браке женой кадета И.И. Петрункевича, субсидировала начинания дочери из средств, доставшихся ей по наследству от первого мужа, миллионера-промышленника из рода Мальцовых). Полицейские в донесениях именовали Панину «красной графиней», ошибочно приписывая ей связь с большевиками.

К началу критических событий 27 февраля в Государственную думу прибыли Панина и её единомышленница А.В. Тыркова (деятельница русской дореволюционной либеральной оппозиции, член ЦК Конституционно-демократической партии, писатель и критик, работавшая с начала Первой мировой войны во Всероссийском союзе городов как организатор санитарных отрядов). Обе критично высказались в адрес растерявшихся «народных представителей», призвав их обратить внимание на подхалимщиков к Таврическому дворцу солдат: «Идите к ним, возьмите их в свои руки, иначе это может вылиться в солдатский бунт». 28 февраля Тыркова вошла в Продовольственный комитет, созданный «для нужд дня»⁴⁷, впоследствии была избрана гласной городской думы (выбранной представительницей с правом решающего голоса). Как все либералы, она думала, что в политике надо «считаться с государственностью»⁴⁸, но при этом полагала, что женщинам в стране нужен не только «хлеб» (как синоним улучшения тяжёлого материального положения в годы войны), но и равноправие, полученное легальным, мирным путём. «Хлеб» будет, считала Тыркова, лишь в случае влияния женщин на правительство, которое к тому времени уже полностью изменило и свой состав, и политический курс.

Вопрос о государственном устройстве был отнесён «к компетенции Учредительного собрания» 3 марта 1917 г., на следующий день после создания Временного правительства и в первом его документе — «Декларации»⁴⁹. Тогда к новому министру юстиции А.Ф. Керенскому обратилась небольшая группа учительниц и курсисток с заявлением: «Женщина-гражданка, женщина, шедшая в освободительном движении рука об руку с мужчиной, имеет право на участие в решении дальнейшей судьбы нашей родины, имеет право быть членом Учредительного собрания»⁵⁰. Так была открыта новая страница в политической истории страны — началась легальная борьба женщин России за получение избирательных прав. Однако председатель Временного комитета членов Государственной думы М.В. Родзянко как лицо причастное в тот момент к первым шагам в работе

⁴⁶ Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России... С. 35.

⁴⁷ Думова Н.Г. Кадетская партия в годы Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 51, 94–96, 130, 154, 184.

⁴⁸ Утро России. 1915. 6 июня.

⁴⁹ От Временного правительства // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 3 марта. № 7.

⁵⁰ Женский вестник. 1917. № 3. С. 41.

правительства принял это заявление, но пренебрежительно отнёсся к нему, что произвело на «женщин-гражданок» неприятное впечатление.

Тем не менее этот документ был доработан на состоявшемся 4 марта собрании членов Лиги равноправия и Русского женского взаимно-благотворительного общества. Врач П.Н. Шишкина-Явейн (с начала войны – председатель лиги) и небольшая группа представительниц женских организаций передали в правительство принятую на собрании резолюцию, содержащую требование рассмотреть вопрос о получении женщинами полноценных политических прав при выборах в Учредительное собрание.

9 марта аналогичное «заявление» на имя председателя Временного правительства подал и Петроградский клуб Женской прогрессивной партии. Одновременно Петроградское общество женщин-юристок обратилось ко второму «источнику власти» – Совету рабочих и солдатских депутатов с просьбой разъяснить: подразумеваются ли права женщин, когда речь идёт о всеобщем избирательном праве? Они получили утвердительный ответ.

В численном отношении женские либеральные организации были небольшими (несколько сотен членов), но их влияние на средние городские слои, особенно в Петрограде и Москве (прежде всего в женских учебных заведениях), стало довольно заметным. Текущие события оказались столь значительны, что их не могли оставить без внимания различные женские издания: например, далёкий от политики «Журнал для женщин» выпустил тематический номер «Женщины и революция».

В дальнейшем среди депутатий, договаривавшихся с Временным правительством, были либералки-феминистки и социалистки, принявшие поддержанный немалой частью меньшевиков и эсеров оборонческий лозунг «Война до победы». Это непролетарское демократическое крыло женских объединений возглавляли женщины-врачи – П.Н. Шишкина-Явейн и М.И. Покровская (председатель петербургского филиала лиги). В составлении обращений к Временному правительству чаще всего были задействованы близкие по взглядам к кадетам А.М. Калмыкова, С.В. Панина, А.В. Тыркова, Е.Д. Кускова, Е.Н. Щепкина-Куперник, Л.М. Горолиц-Власова. Этих организаторов депутатий поддерживали сотни человек, вовлечённых в женское движение: сотрудницы Кооперативной телефонной станции, студентки Бестужевских курсов и Медицинского института. В мартовском номере «Женского вестника» в статье «Справедливость и права женщин» Покровская восторженно писала о революции: «Свобода! Россия внезапно перевернула страницу своей истории и начертала на ней “Свобода”! Сколько обаяния заключается в этом слове для русского человека, которого беспощадно давил полицейский режим»⁵¹.

В те же дни оживился и социалистический фланг массового женского движения. Ещё 1 марта на заседании Петроградского комитета РСДРП Л.Н. Сталь и Б.К. Слуцкая (Вера) предложили учредить Бюро работниц и возродить издание журнала «Работница». В 1908 г. близкая к Коллонтай Слуцкая представляла большевичек на Первом Всероссийском женском съезде, участвовала в спорах с имевшими влияние на женские объединения представителями либерально-демократического движения. Вера заявила, что бюро будет независимым от РСДРП, что было вряд ли возможно ввиду его же «партийной задачи» – организовать женщин в профессиональные ячейки и начать пропаганду с «разъяснением

⁵¹ Там же. № 1. С. 3.

программы рабочей партии»⁵². Социалистический фланг не мог не спешить: вовлечение в лиги, союзы, комитеты равноправия с идеей борьбы за избирательные права происходило во многих крупных городах России – от западных губерний до Владивостока. Призывы доходили даже до Дальнего Востока: «Женщины! Собирайтесь на митинг для приветствия Временного правительства и организации Женского союза. Засияла заря новой жизни! Женщины должны принять участие в создании свободной России! Женщины, объединяйтесь!»⁵³.

Придя к власти, Временное правительство отменило смертную казнь, национальные и вероисповедные ограничения. Это дало лидерам женских демократических организаций надежду на то, что насущные проблемы страны (связанные со снабжением городов продовольствием, бедственным положением солдат на фронтах и др.) будут в скором времени решены и осталось только добиться женского политического равноправия.

По их инициативе 6(19) марта 1917 г. по улицам столицы прошли 40 тыс. женщин⁵⁴. На множестве сохранившихся фотографий и кадрах кинохроники запечатлены демонстрантки, которые несли растяжки и транспаранты, свидетельствовавшие, что именно Лига равноправия была инициатором шествия: «Война до победы!» (идея «революционного оборончества»), «Прибавка к пайку семьям солдат!», «Прибавка пайка семьям солдат, защитникам свободы и народного мира!», «Кормите детей защитников Родины!».

Из-за того что Временное правительство демонстрировало тогда нерешительность в отношении главного для женщин вопроса – о предоставлении им избирательных прав – политически активизировались Лига равноправия, Женская прогрессивная партия, редколлегии журналов «Женское дело» и «Женский вестник». В атмосфере неопределённости первых недель работы Временного правительства, ему и Петроградскому Совету было не до выполнения требований женских организаций, но резко отклонить их власть не решалась – за ними стояли массы людей. В Петрограде же продолжалось многочасовое стояние в очередях, распространялись слухи о введении хлебных карточек и установлении норм – по полтора фунта хлеба рабочим и по фунту – остальному населению.

Член «Женской лиги» О. Закута подробно описала переговоры, проходившие в те дни между представителями Временного правительства, Совета и главой Лиги равноправия⁵⁵. Шишкина-Явейн от имени тысяч демонстранток спросила у председателя Совета Н.С. Чхеидзе и председателя Временного комитета Государственной думы Родзянко о судьбе давно отправленного им запроса (о предоставлении женщинам права голосовать на выборах в Учредительное собрание). Одновременно она обратилась с просьбой о его реализации к председателю-министру Временного правительства кн. Г.Е. Львову, до того проявившему в этом вопросе «завидную уклончивость».

---

⁵² См.: *Алфёрова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. С. 14.

⁵³ *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 330.

⁵⁴ Цифра 40 тыс. демонстрантов во время, организованных в те дни повторяется и при упоминании шестивей женщин 19 марта (*Хасбулатова О.А.* Хронология женского движения... С. 182; *Юкина И.И.* Русский феминизм... С. 418) и 20 марта (*Стайтс Р.* Указ. соч. С. 400). Эти расхождения присутствуют и в воспоминаниях, написанных в разное время.

⁵⁵ *Закута О.* Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин // *Aspasia*. 2012. Vol. 6. P. 117–124.

Утром 20 марта Шишкина-Явейн и Тыркова, пригласив для поддержки 65-летнюю В.Н. Фигнер, потребовали от петроградской городской думы предоставить им право выступить перед её депутатами, а также попросили её содействия в переговорах с Временным правительством. В тот момент к зданию городской думы на Невском проспекте стекались сотни сочувствующих – не только представительницы профессиональных женских организаций, конторские служащие, студентки, но и огромное число работниц заводских и фабричных предприятий.

К полудню людское море оформилось в широкую манифестацию, которая, как и в феврале, направилась от городской думы к Таврическому дворцу, где находилось Временное правительство. Во главе этой колонны ехала открытая машина (в ней стояли Шишкина-Явейн и Фигнер), которую сопровождали те, кто оказался у здания городской думы. Манифестацию охраняла конная милиция. Мартовское солнце освещало развевавшиеся штандарты с лозунгами: «Место женщинам – в Учредительном собрании!», «Избирательные права женщинам!», «Женщинам – все права!», «Без участия женщин избирательное право не всеобщее!» и – теперь всегда сопровождавшие выступления Лиги равноправия – «Война до победы!», «Женщины к станкам!».

К собравшимся вышли Чхеидзе и Родзянко. Обращаясь к первому, глава Лиги равноправия изложила главное требование женских организаций. Председатель Петросовета заявил: «Мы будем вместе бороться за ваши справедливо заслуженные права!». «Против кого?» – выкрикнули из толпы, но ответа не последовало. Солдаты (они влились в шествие на Шпалерной улице, когда манифестантки подходили к Государственной думе) наполнили площадь выкриками: «Долой войну!». В кабинет Родзянко решительно направилась Шишкина-Явейн, к которой присоединилась Коллонтай, только что вернувшаяся из эмиграции. Она считала, что работницы Петрограда, как и большевики, должны были поддерживать любые требования, предъявлявшиеся к правительству. После получения заверений Родзянко о возможном выполнении выдвинутых делегатками требований «переговорщицы» покинули здание⁵⁶.

При входе в Таврический дворец Коллонтай пыталась убедить Шишкину-Явейн не сотрудничать с властью, но безуспешно. На следующий день в большевистской «Правде» была опубликована заметка Коллонтай с нелицеприятной характеристикой организаторов манифестации («буржуазные барыньки-равноправки»). Главными требованиями трудящихся женщин, писала она, должны быть: «Свободы! Хлеба! Мира!», а «Учредительное собрание не клуб, ключи от которого находятся в кармане господина Родзянко. Ни он, ни Временное правительство не смогут помешать той или иной части населения их получить»⁵⁷.

Не надеясь на Родзянко, 21 марта расширенная делегация общественниц⁵⁸ вновь посетила Львова и вручила ему очередной запрос о предоставлении женщинам избирательных прав при выборах в Учредительное собрание. К тому времени большинство министров Временного правительства, поняв, что за этими шествиями и делегациями стоят миллионы, сочло правильным срочно

⁵⁶ Манифестация женщин в Петрограде // Женский вестник. Спецвыпуск. 1917. С. 9; *Стаймс Р*. Указ. соч. С. 400–401.

⁵⁷ Правда. 1917. 21 марта.

⁵⁸ П.Н. Шишкина-Явейн, В.Н. Фигнер, А.В. Тыркова, председатель Национального и член Международного женского советов А.Н. Шабанова, главный редактор журнала «Женский вестник» М.И. Покровская, А.С. Милюкова (жена лидера кадетской партии П.Н. Милюкова), А.М. Калмыкова, С.В. Панина, А.Н. Рыткевич, Е.В. Горович, М.И. Никольская (*Хасбулатова О.А.* Хронология женского движения... С. 182–183).

рассмотреть «женский вопрос». Поэтому Львов вышел к делегации и сообщил, что её заявление не вызывает разногласия среди членов правительства, и оно «ратифицирует» положение о выборах в Учредительное собрание с соответствующими изменениями. Согласно этому положению в «Декларации» от 3 марта 1917 г., подтверждённой обращением Временного правительства «К гражданам России» от 6 марта, все лица «независимо от пола, достигшие 20 лет», могли участвовать в выборах в Учредительное собрание «на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»⁵⁹.

Но это решение не могло сильно взволновать миллионы рабочих и крестьян малограмотной аграрной страны, обычно передававших в семьях свои права мужчинам. Женщины ждали возвращения с войны тех, кто был срочно нужен в хозяйстве — и в деревне, и в городе. Тыркова с иронией вспоминала о том, как после объявления решения правительства одна из делегаток, общавшихся с Львовым, ринулась «в порыве энтузиазма» на улицу к толпе женщин, стоявших в очереди в булочную: «Поздравляю вас, гражданки! Мы, русские женщины, получаем права». Однако те посмотрели на неё «с безразличием и непониманием»⁶⁰.

Между тем решение министров о праве участия женщин в избирательном процессе, не оформленное юридически, не имело полной силы. Требовалось ещё добиться подписания и публичного оглашения такого документа. Борьба за женское равноправие продолжалась.

Общественно-политическая активность женщин в России с апреля 1917 г. до созыва Учредительного собрания

В начале апреля против Временного правительства стал активно оформляться другой фронт женского движения — во главе с большевиками. Во многих районах Петрограда формировались «женские комиссии», которые подчинялись Бюро рабочих, позиционирующемуся как общественная организация. Ещё в марте первые «женские комиссии» действовали (правда, временно) вместе с Лигой равноправия, активно предъявлявшей свои требования правительству. Но оказалось, что пути этих общественных организаций разошлись.

9 апреля у здания Таврического дворца Коллонтай выступила перед собранием солдаток и предложила направить их делегаток во «второе правительство» — Петроградский совет — для разговора по поводу получения положенных им по закону (от 12 июня 1912 г.) пособий, которых их лишили 3 марта 1917 г.

Деятельность этого направления общественного женского движения, опиравшегося на местные «союзы солдаток», оказалась весьма успешной. В некоторых губерниях в их собраниях участвовало до 400 и более женщин, выражавших недоверие общественным правительственным комитетам. Коллонтай предложила во всех попечительствах городов избирать «делегаток» на совещание в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов⁶¹.

Для поддержки делегации в назначенное время 11 апреля 1917 г. к Таврическому дворцу явилось несколько тысяч солдаток. Одна их часть прошла в зал заседаний Государственной думы, другая — с её трибуны заявила о понятных

⁵⁹ Реформы в России с древнейших времён... С. 370–371; *Стайтс Р.* Указ. соч. С. 402 (слова: «независимо от пола, достигшие 21 года» были им взяты из печатных изданий того времени).

⁶⁰ *Тыркова-Вильямс А.В.* Освобождение женщины. Пг., 1917. С. 15.

⁶¹ *Щербинин П.П.* Указ. соч. С. 474–475.

миллионам семей требованиям: увеличении продовольственного пайка до 20 руб., уравнивании прав солдаток с офицерскими жёнами и др. С этого момента ряд Советов приступил к рассмотрению вопросов, связанных с организацией помощи солдатским жёнам⁶².

Многие женские организации, следовавшие за меньшевистскими Советами, заявляли о поддержке курса Временного правительства на продолжение войны, собирали средства на нужды солдатских семей, выносили резолюции о борьбе с дезертирами⁶³.

Чтобы снять напряжённость нараставшего в Петрограде и провинции недовольства женщин, 15 апреля Временное правительство опубликовало в газетах ратифицированное им положение, но не обещанное Львовым, а иное — «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях». В этой избирательной кампании могли участвовать все граждане, достигшие 20 лет, без различия пола.

Когда в мае начались выборы в городские думы, включение женщин в состав избирателей вызвало на местах неожиданные вопросы. Они были далеки от политики и свидетельствовали о степени готовности населения принять новые законы: «вносятся ли в списки избирателей в городское общественное самоуправление проститутки», «могут ли послушницы женского монастыря принимать участие в выборах городских гласных»? В губерниях с преобладанием сельского населения деревенские мужики отказывались участвовать в выборах в волостное земство, пока рядом «присутствовали» женщины. А в некоторых поселениях последних вообще не допустили к земским выборам⁶⁴.

Представители новой высшей власти, не являвшиеся противниками предоставления женщинам широких избирательных прав и допуска их к голосованию в Учредительное собрание, конечно, не отказывались выполнять требования, которыми были одержимы все российские женские либеральные организации. Но в отличие от старых западноевропейских демократий, в России не оказалось крупных политиков, убеждённо выступавших «за» предоставление женщинам избирательных прав. Министры Временного правительства, руководители Петроградского совета не были врагами суфражизма, даже лидер кадетов П.Н. Миллюков, сначала выступавший «против», изменил свою позицию. Родзянко рассуждал так: предоставление избирательного права женщинам — акт положительный, потому что характеризует государство, считающее себя прогрессивным (эта тема постоянно присутствовала в документах множества партий за рубежом, особенно — социалистических). Он считал возможность предоставления женщинам гражданских прав способом заручиться их поддержкой в вопросе об отношении к событиям на фронтах⁶⁵. Но потребовался ещё не один месяц, чтобы этот вопрос в 1917 г. был решён окончательно.

Авторитет российских женских организаций рос благодаря их поддержке со стороны Международного женского совета. К тому времени Русское женское взаимно-благотворительное общество было переименовано в Национальный совет, а Лига равноправия (по инициативе

⁶² Карпецкая Н.Д. Работницы и Великий Октябрь. Л., 1974. С. 56–57.

⁶³ Женский вестник. 1917. № 9–10. С. 112.

⁶⁴ Ворошилова С.В. Женские общественные организации начала XX века и борьба женщин в России за гражданские права // Гражданское общество в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 92.

⁶⁵ Stoff L.S. They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution. Lawrence (Kansas), 2006. P. 74–76.

Шишкиной-Явейн) — в Республиканский Союз демократических женских организаций, однако это название не утвердилось в России. Программа данной организации, по-прежнему именовавшейся Лигой равноправия, включала общие требования принятия рабочего законодательства, осуществления реформ — аграрной и социальной (в частности, защиты материнства и детства). Вскоре стараниями этих организаций российские женщины-юристы получили право заниматься адвокатской практикой и являться присяжными поверенными.

В мае 1917 г. Шишкина-Явейн и член той же Лиги равноправия Е.А. Амосова были включены (благодаря поддержке Милюкова) в состав Особого совещания (83 человека), готовившего проект документа о выборах в Учредительное собрание. Результатом деятельности совещания стало «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание». 20 июля 1917 г. его утвердило Временное правительство (в период июльского политического кризиса власти, 2–23 июля).

Тогда на фоне провала июньского наступления русской армии на Юго-Западном фронте произошло усиление альянса женских либерально-демократических организаций с правительством. Армия разваливалась, в ней активизировались антивоенные настроения, росло дезертирство. В этих условиях в России возникли женские военные соединения, история которых подробно описана сегодня⁶⁶. Хотя это тема отдельной статьи, но, тем не менее, напомним, что всё началось с идеи Родзянко — создать женские подразделения во имя укрепления патриотического духа войск. Она не была нова ни для столичного общества, ни для военных, так как имела место и до Первой мировой войны. На этот призыв откликнулись представительницы разных социальных слоёв — дети известных богатых семей, выпускницы университетов, горожанки среднего достатка и крестьянки. Только в Москве в женские батальоны записались около 1,5 тыс. человек; к осени 1917 г. такие соединения насчитывали до 5 тыс. «Подъём духа феминизма», по оценке Тырковой, был выражением «разочарования тысяч женщин в пагубном ослаблении мужской силы» и её «неспособности выиграть войну»⁶⁷.

Эти батальоны делали видимыми новые права и обязанности женщин как равноправных гражданок. Для правительства во главе с А.Ф. Керенским было важно, что такую российскую инициативу положительно оценили союзники (британский премьер Д. Ллойд-Джордж и др.). Когда во 2-м коалиционном правительстве Керенский стал министром-председателем и военным и морским министром, наличие женских батальонов в русской армии явилось поводом для аккумуляции средств на военные нужды у стран-союзниц.

Положение (дополненное) о выборах в Учредительное собрание стало законом 11 сентября 1917 г., во время появления Директории (возникла после выступления генерала Л.Г. Корнилова и распада 2-й коалиции при

---

⁶⁶ *Стайтс Р.* Указ. соч. С. 341, 384, 403–406, 408–409; *Сенин А.С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 г. // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 176–182; *Васильев М.В.* 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 года // Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой: Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию юбилею Первой мировой войны. Калининград, 2014; *Edmondson L.* Women's Rights, Gender and Citizenship in Tsarist Russia, 1860–1920: the Question of Difference // *Grimshaw P., Holmes K., Lake M.* Women's Rights and Human Rights: International Historical Perspectives. Basingstoke, 2001. P. 160.

⁶⁷ Тыркова-Вильямс. Речь. 1917. 3 июня. С. 3 // Documents of Russian History, 1914–1917 / Ed. F. Golder. N.Y., 1927. P. 422.

министре-председателе Керенском; она состояла из пяти министров Временного правительства и работала до 24 сентября). На страницах либеральной прессы введение женского избирательного права оценивалось как инновация, достижение, достояние «очень немногих государств-пионеров в области культурных достижений»⁶⁸. В списке стран, допустивших женщин к голосованию на равных правах с мужчинами, Россия оказалась шестой в мире — после Новой Зеландии (1893), Австралии (1902), Великого княжества Финляндского (с 1906 г.), Норвегии и Дании (1913) и первой — среди крупнейших держав Европы и США (где аналогичный процесс только начался).

Это стало важным демократическим прорывом в России, примером успешной борьбы за политические права женских общественных организаций, проявлением «демократии классического либерализма», движением за «свободу и ограждение её от государственной тирании»⁶⁹. Но идеей продолжения войны Лига равноправия и другие близкие к ней женские демократические организации тесно связали себя с деятельностью эсеров и кадетов. В политической жизни России острейшим оставался вопрос особой социально-экономической и политической значимости — о войне и мире, и большевики не собирались ждать, пока его решат кадеты, меньшевики или Временное правительство.

Ещё с апреля 1917 г. данный вопрос всё чаще возникал при столкновениях разных политических направлений в женском движении. 7–8 апреля в Москве проходил Всероссийский делегатский женский съезд, организованный представительницами Лиги равноправия и связанными с ней женскими демократическими организациями. На этот форум прибыла и группа работниц во главе с И.Ф. Арманд. Изложив взгляды большевиков, в том числе и на «оборончество», она дала понять, что далее работницам не по пути с теми, кто защищает идею продолжения войны. Затем Арманд и её сторонницы покинули съезд⁷⁰.

Однако социал-демократы, выступавшие за «освобождение женщин от всякого рабства», не сразу подтвердили это делом: среди более тысячи делегатов I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.) было всего 12 женщин⁷¹.

В Петроградском промышленном округе ещё до 1917 г. число женщин-работниц составляло более 43% общей численности лиц наёмного труда, в Московском округе — 72%. Хотя эта статистика была неизвестна лидерам левых партий, но они прекрасно знали о том, как изменилось «рабочее лицо» городского населения.

Заинтересованные в массовой поддержке пролетариата большевики проявляли повышенный интерес к женскому движению, делали всё возможное, чтобы уменьшить влияние феминистских организаций, выдвигая их же социальные требования: охраны труда женщин, расширения возможностей образования, организации семейного быта и воспитания детей; главным же было требование прекратить войну, ликвидировать дороговизну и безработицу⁷².

⁶⁸ Макаров А. Закон о выборах в Учредительное Собрание // Вестник Европы. 1917. Кн. 9–12. С. 328.

⁶⁹ Кураев А.Н. Риски демократических систем власти. М., 2006. С. 125.

⁷⁰ Подляшук П. Товарищ Инесса. Документальная повесть. М., 1965. С. 176–183.

⁷¹ Покровский А.С. Первый рабоче-солдатский парламент России. М., 2001. С. 16.

⁷² См.: Алфёрова И.В. Указ. соч. С. 15.

Большевики возобновили издание журнала «Работница», официальным редактором которого стала печатница с четырёхклассным образованием К.И. Николаева. Содержание журнала определяли большевички К.Н. Самойлова, А.И. Елизарова, а также Л.Н. Сталь и признанная у большевиков главной по работе среди женщин А.М. Коллонтай. Первый (после перерыва) номер «Работницы» вышел 10 мая 1917 г. Общий тираж 40 тыс. экз. и невысокая цена номера (10 коп.) сделали журнал широко доступным. Обсуждая темы войны, поставок продовольствия, защиты материнства и детства, журнал стал объединяющим центром социалистических районных женских агитационных бюро и комиссий Петрограда. Каждое такое объединение было небольшим по численности, но изложенные в популярной форме большевистские программные требования работницы легко усваивали, в том числе и принцип «равной оплаты за равный с мужчинами труд»⁷³.

Это была одна из главных идей Лиги равноправия и ей подобных организаций. Но им легче удавалось привлекать на свою сторону известных персон (В.Н. Фигнер, Е.К. Брешко-Брешковскую и др.), нежели получить признание у обнищавшей женской части населения, которая ненавидела войну и склонна была больше верить большевистской пропаганде, лозунгам немедленного прекращения боевых действий и возвращения солдат домой⁷⁴.

Сотрудницы «Работницы» не пропускали в Петрограде ни одного собрания лиги, где говорилось о «поддержке войны» (подобные обсуждения участились в сложившейся обстановке неудач на фронте)⁷⁵. Редакция журнала критиковала эту позицию. Большевики считали задачу «поднять работниц для войны с войной» вполне «назревшей». В их публикациях распространялась и даже муссировалась идея: «мира можно добиться лишь революционным путём». Это формировало у читательниц убеждение, что такой путь передачи власти Советам «был возможен и с применением силы»⁷⁶.

Патриотические же устремления феминисток не только не ослабели за несколько лет войны, но даже проявлялись с новой силой в изменившейся в России внутривойсковой ситуации. Требование «Война до победного конца!» выдвигали все либеральные женские организации. Этим русские феминистки отгородили себя от женщин-солдаток.

Противоречия между социалистками и феминистками обострились во время июльского кризиса и начавшегося тогда со стороны Временного правительства преследования большевиков. В те дни отряды юнкеров разгромили редакции большевистских газет («Правда» и др.), напали на канцелярию журнала «Работница». Ситуация выправилась лишь после 24 июля 1917 г. (было сформировано 2-е коалиционное правительство во главе с министром-председателем Керенским). Издание журнала «Работница» возобновили, и его деятельность сосредоточилась на «выездах» на собрания фабрично-заводских работниц. Статьи журнала дополнили картины повседневной жизни пролетарок, чьи мужья оставались на войне.

---

⁷³ Д.Ф.К. О республиканском Союзе женских организаций при Лиге равноправия // Работница. 1917. № 5. С. 9–10.

⁷⁴ Стайтс Р. Указ. соч. 398–399.

⁷⁵ Карпейская Н.Д. Указ. соч. С. 44–51; Велецкая Н.А. Партия в борьбе за женские пролетарские массы // Борьба большевиков за создание политической армии социалистической революции (март–октябрь 1917 г.). М., 1967. С. 327–328.

⁷⁶ Дилина З. Как добиться мира // Работница. 1917. № 1–2. С. 9.

Казалось, уходила в прошлое женская дискриминация, унаследованная от монархического режима. Гендерная составляющая стала заметной на высшем уровне. Панина, сменив пост товарища министра призрения и став товарищем министра народного просвещения кадета С.Ф. Ольденбурга⁷⁷, подала в правительство проект преобразования высших женских курсов в женские университеты. Их программы не должны были отличаться от программ уже существовавших вузов, где обучались мужчины. В августе 1917 г. женщинам были гарантированы равные с ними оплата труда (на всех работах) и права на замещение государственных должностей.

1 сентября Директория объявила Россию республикой. 20 сентября Демократическое совещание, начавшее работу по инициативе эсеро-меньшевистских Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, приняло решение о создании Временного совета республики (Предпарламента). В него от Лиги равноправия вошли члены партии кадетов Е.Д. Кускова – публицист и издатель, известная участница либерального движения и Л.И. Аксельрод – доктор философии, разделявшая также идеи «оборончества», в прошлом из народников.

3-е коалиционное правительство, деятельность которого с 25 сентября направляли кадеты, промышленники и собственно сам министр-председатель и верховный главнокомандующий Керенский, в демократической по форме программе декларировало своё стремление к всеобщему миру, но не скрывало решимости продолжать войну «во имя общего союзнического мира» и «изгнания неприятельских войск из пределов родной страны». Это парадоксальное противоречие не смогло ослабить революционного подъёма, на что рассчитывало правительство. К осени покупательная способность рубля упала до 6–7 коп. (в феврале она составляла 27 коп.). Голод охватил не производившие сельхозпродукты промышленные районы. От недостатка продовольствия страдала и армия. В деревнях участились карательные экспедиции.

В общей разлуке правительству было не до «солдатских комитетов», а в провинции в каждой губернии они объединяли сотни женщин и низшего, и среднего сословий. Недовольство солдаток привело к самоликвидации ряда существовавших ранее общественных организаций, в том числе благотворительных. Требуя повышения пайка, эта категория женщин всё чаще стала открыто выдвигать радикальные требования, выступать за прекращение войны⁷⁸, усугубляя раскол женского движения.

Сотни Советов рабочих и солдатских депутатов, тысячи фабрично-заводских комитетов повернулись к большевикам. На проходивших осенью 1917 г. муниципальных выборах «выдвиженки» большевиков способствовали их победе в отдельных районах Москвы, Петрограда и в тех городах центра, где численно преобладали текстильщицы (Орехово-Зуево, Глухов, Иваново-Вознесенск)⁷⁹.

Большевики напоминали женщинам во время их жарких споров относительно вопроса о войне и мире: либеральные женские организации долгие

⁷⁷ Политические деятели России... С. 240.

⁷⁸ Шербишин П.П. Указ. соч. С. 477–478.

⁷⁹ Велецкая Н.А. Указ. соч. С. 327–328.

годы были связаны с царским режимом, а теперь же они полностью доверяют Временному правительству, но не «гласу народа»⁸⁰.

Лидеры женских демократических организаций как часть интеллектуальной либеральной элиты (Лига равноправия и др.) надеялись на созыв Учредительного собрания, призванного определить в целом будущую деятельность общества, которому они собирались доверить судьбы и дела российских женщин.

Подготовка к выборам в Учредительное собрание и его созыв слились в единовременный процесс (продолжался до февраля 1918 г., центром его оставался Петроград), децентрализованный «сверху» и хаотичный «снизу» (уже после выборов некоторые деятельницы долго выясняли, избраны они на местах или нет).

Подготовка к проведению выборов в Учредительное собрание началась после завоевания власти большевиками. На II Всероссийском съезде Советов (25–26 октября 1917 г.), решавшем вопрос о власти в стране, было не более 30 женщин⁸¹. 9 ноября «Правда» опубликовала список большевиков, рекомендованных к избранию в члены Учредительного собрания. Он состоял из 26 «обязательных кандидатур» (во главе с В.И. Лениным), где значилась лишь одна женская фамилия – Коллонтай, среди 118 других – «рекомендованных» – женщин было 7; у эсеров из 58 «обязательных» кандидатур присутствовали 4 женщины⁸².

Миллионы представительниц слабого пола были равнодушны к идее выборов, официально назначенных на 12 ноября 1917 г. Большевики же, считавшие нужным легитимировать свой приход к власти, заявили, что будут бороться за каждый голос.

Тем не менее право участвовать в голосовании касалось всех взрослых россиянок, и их политическая активность была заметна не только в обеих столицах⁸³. На выборах в Учредительное собрание русские женщины старше 20 лет впервые получили возможность не только голосовать, но и баллотироваться. Это были самые свободные выборы в истории России, в которых участвовали не менее 40 млн её жителей.

Стайтс, проанализировав «Избирательный список № 7 по выборам в Учредительное собрание Лиги равноправия в Петрограде», констатировал, что «как в социальном, так и политическом отношении лига была скорее демократической, чем буржуазной». Среди 10 кандидаток 2 являлись врачами, 2 занимались литературной деятельностью (журналистка, писательница), 5 – общественной (в кооперативах и профсоюзах). По политическим убеждениям это была «смесь» феминисток, либералок и умеренных социалисток (Шишкина-Явейн, Кускова, Калмыкова, Щепкина-Куперник, Горолиц-Власова и др.)⁸⁴. Судя по некоторым данным местной статистики, женщины своей активностью на выборах в Учредительное собрание превзошли мужчин⁸⁵.

Предвыборная кампания стала «войной всех против всех». Каждая партия отстаивала свои цели. Большевикам не удалось в полной мере захватить

⁸⁰ Алфёрова И.В. Указ. соч. С. 15–16.

⁸¹ Покровский А.С. Указ. соч. С. 16.

⁸² Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание... С. 243; Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания... С. 99.

⁸³ Протасов Л.Г. Женщина и Всероссийское Учредительное собрание... С. 46–54.

⁸⁴ Стайтс Р. Указ. соч. С. 410–411; см. также: Jus Suffragi (monthly organ of IWSA). 1918. March. P. 94.

⁸⁵ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания... С. 97.

контроль над образованной ещё в июле–августе 1917 г. Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание (во главе с кадетом Н.Н. Авиновым). Комиссия не поддержала Октябрьскую революцию, сочтя большевистский Совнарком незаконным. Межпартийная борьба продолжалась. По Невскому проезжали автомобили, с которых разбрасывались листовки, призывавшие голосовать за различные политические объединения; «скользя по первому снегу, прокатили и розвальни с укрепленными на них плакатами: “Лига равноправия женщин”»⁸⁶.

Утром 12 ноября в Петрограде возле здания городской думы, где должны были состояться выборы, собралась толпа. В одной из комнат Думы — и это явилось инициативой редколлегии журнала «Работница» — открылась конференция трудящихся женщин Петроградского района, куда пригласили представительниц разных столичных женских организаций. Это было сделано не с целью их объединения, а раскола. Кроме того, от инициаторов требовалось убедить всех присутствовавших голосовать на выборах за большевистский список.

От Лиги равноправия женщин на конференции выступила М.Г. Дорошевская (полное имя и профессия её не зафиксированы в протоколе): «Женщины везде подчинены; везде они борются за свои права. Женщины из Америки и Англии приехали сюда и полностью с нами солидарны, желают нам добра в нашей борьбе. Мужчины не могут защитить наши права, они нас не понимают». Желая привлечь внимание аудитории, Дорошевская завершила свою речь словами о том, что она не тунеядка, а «работающая мать, которую бросил муж». «И теперь, — заключила она, прося голосовать за список № 7 (Лиги равноправия), — я своим собственным трудом прокармливаю своих детей»⁸⁷. Слушали её неохотно⁸⁸.

В ответ на это выступление председатель конференции Николаева призвала голосовать за список № 4 — большевиков, представлявших интересы рабочего класса. Она заявила, что нельзя вводить себя в заблуждение относительно «кадетской Лиги за равноправие женщин» (список № 7). Обещая отстаивать права работающих женщин, её представительницы в случае своего избрания, подчеркнула Николаева, будут защищать лишь интересы богатых классов. «Мы, сознательные работницы, знаем, — констатировала редактор «Работницы», — что не должно быть отдельных женских организаций. Мы сильны лишь тогда, когда мы сорганизованы в одну братскую пролетарскую семью со всеми рабочими в борьбе за социализм»⁸⁹. Николаеву поддержала её сторонница, обратившись к набившимся в комнату «товарищам — домашней прислуге»: есть ли у них общие «интересы с барынями»? В заключение прозвучал её насмешливый вопрос: «Где была лига, когда рабочий день женщин на фабрике составлял четырнадцать часов и когда беременные женщины теряли ребёнка прямо у станка?»⁹⁰.

Точку в дискуссии поставила Коллонтай, «страстно убеждая собравшихся», что большевики смогут защитить «особые женские интересы», не прибегая

⁸⁶ Знаменский О.Н. Конец Учредительного собрания. Л., 1967. С. 55.

⁸⁷ Работница. 1918. 26 января. С. 10–11.

⁸⁸ Там же. 1917. № 13. С. 11.

⁸⁹ Там же. 8 декабря. С. 10–11.

⁹⁰ О разногласиях между большевичками и феминистками см. подробнее: Wood E.A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington (Indiana), 1997. P. 36–42.

к поддержке лиги. Она заявила аудитории, что выступление «гражданки Дорошевской» в сложившихся обстоятельствах нужно лишь, чтобы увидеть в лицо «нашего врага», который мутит головы «бедным младшим сёстрам» — работницам. Все они, заверила Коллонтай, смогут достигнуть равноправия «общими усилиями пролетариата независимо от пола». С такими идеями Коллонтай выступала уже не первый год (устно и в печати), но на данной конференции, констатировал Стайтс, её речь прозвучала как «приговор русскому феминизму»⁹¹.

После проведённого голосования на выборах в Учредительное собрание в Петрограде большевики получили 424 тыс. голосов (45%), кадеты (предлагали голосовать за интеллигенцию) — 246 (26.2, т.е. оказались на втором месте, за что и поплатились через две недели роспуском партии), эсеры — 152 (16.6), меньшевики-оборонцы — 17 тыс. (3.1%). За Лигу равноправия женщин был подан всего 5 231 голос (0.5%, однако более 5 тыс. защитников женских прав — это было не так уж и мало для столицы!)⁹².

При волеизъявлении от 40 до 50 млн россиян по всей стране «вышел другой расклад». Больше всего голосов на выборах получили эсеры (39.5%), за ними шли большевики (22.5), кадеты (4.5), меньшевики (3.2%)⁹³. В данной ситуации кадеты для новой власти были не просто политическими оппонентами, а воплощением иного мировидения для почти пятой части голосовавших. Эта партия и, соответственно, женские общественные организации страны стали первой мишенью для большевиков с их стремлением к однопартийности.

Открытие Учредительного собрания 28 ноября (день, назначенный Временным правительством) было внезапно отменено декретом Совнаркома. Одновременно утром на квартире Паниной арестовали членов кадетского ЦК. Всем им как противникам революции грозил трибунал⁹⁴.

Приметы Гражданской войны, разворачивавшейся на фоне ожиданий работы Учредительного собрания, становились всё очевиднее. В такой обстановке в нём не оставалось места женским демократическим организациям. Либеральные идеи — социального реформирования и правового общества, в том числе равноправия женщин, оказывались не только утопическими, но и опасными для жизни лидеров этого движения. В итоге в члены Учредительного собрания были избраны 767 депутатов из 74 округов, в их числе — всего лишь 8 женщин (4 — от партии большевиков, 4 — эсеров).

То, что подавляющее число женщин оставалось пассивным, а процент отданных за них в выборной кампании голосов был крайне низок, объяснялось двумя причинами. Во-первых, сами политические партии предпочитали видеть даже в районных думах представителей сильного пола, а не слабого. Во-вторых, если до революции женщины («отвечающие цензовым требованиям») допускались к участию в решении экономических или социально-политических вопросов, то они традиционно передавали свои голоса «по доверенностям» родственникам-мужчинам. Хотя такие привычные ограничения были сняты в ходе выборов в Учредительное собрание, но сохранились стереотипы,

⁹¹ Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 3, 27, 23; Работница. 1917. 18 октября. С. 5–7; Стайтс Р. Указ. соч. С. 418.

⁹² Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание... Приложение. Таблица 1.

⁹³ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания... С. 47, 108.

⁹⁴ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 161–162.

ориентировавшие женщин на семью и воспитание детей, а не на участие в общественно-политической жизни⁹⁵.

В третий раз после начала Первой мировой войны в стране поменялась власть. Если в монархической России женские демократические организации, борясь за равноправие, стремились к всероссийскому объединению, а в переходный для страны период 1917 г. уже либеральные феминистки содействовали укреплению демократических основ гражданского общества и добились права участия женщин в работе Временного правительства, то с приходом к власти большевиков ситуация кардинально изменилась. Последние утратили всякий интерес к работе среди женского населения, считая, что в этой сфере все задачи были уже выполнены. В январе 1918 г. новая власть прекратила выпуск журнала «Работница»⁹⁶.

Ранее российское женское движение – и либерально-демократического, и пролетарского направлений – весьма активно взаимодействовало с другими субъектами политической жизни: партиями, общественными организациями, органами местного управления, Государственной думой, Временным правительством всех коалиций. В условиях противостояния политических партий этому движению трудно было сохранять целостность, единство позиций, преодолевать групповые противоречия и формировать общую «женскую солидарность».

Во время Первой мировой войны и в 1917 г. женское движение было одной из составляющих незавершённой российской модернизации, со всеми её противоречиями. Оно отличалось, как можно понять при чтении документов женских организаций, слабостью волевого начала, преобладанием ориентации на примирительность и поиск компромиссов. Всё это было обусловлено состоянием общества, в котором идея создания правового государства и гражданского общества находила лишь слабый отклик.

Назначать женщин на ключевые посты управления страной большевики (обещавшие это даже кухаркам) не стали. На общей фотографии того времени из всех служащих Совнаркома (33 человека) – 19 женщин⁹⁷. Но почти все они выполняли «обслуживающие» функции, как правило, это был секретариат. На основных же государственных постах в советском правительстве женщин не было (за исключением Коллонтай и управленцев малозначимого ряда – Н.К. Крупской, Л.Н. Смидович, А.И. Ульяновой-Елизаровой)⁹⁸.

Обращение к истории женских движений в России в 1914–1917 гг. позволяет не только, как считает В.П. Булдаков, «облагородить» представление о социальном протесте в то время⁹⁹, но и сделать видимыми публицистическую активность женщин, их участие в различных общественных акциях и съездах, в

---

⁹⁵ Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011; Крадецкая С.В. Гражданская идентичность феминисток в России в начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 3.

⁹⁶ Еженедельный журнал «Работница» как орган ЦК РДРСИ(б) последний раз вышел в свет 26 января 1918 г. Издание было возобновлено лишь в 1943 г. уже как ежемесячное – ради новой политической мобилизации женщин.

⁹⁷ Красникова А.В. Мы новый мир построим! 1917 ноябрь – 1918 январь. Л., 1967. С. 19.

⁹⁸ Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 27; Тарабрина О.А. Политика советского государства в решении «женского вопроса» в годы Гражданской войны (ноябрь 1917–1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.

⁹⁹ Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 190.

международном движении на пути к демократии и гражданскому обществу. Всё больше источников свидетельствует об участии женщин в февральских событиях 1917 г., решительно опровергая традиционное мнение о том, что это были «отсталые работницы», лишённые социальной самостоятельности в политическом движении.

История женских демократических организаций в России 1910-х гг. тесно связана с жизнедеятельностью представительниц средних слоёв российского общества. Их политические устремления были созвучны как либерально-демократическим программам (необходимый минимум прав женской личности – на свободу, справедливое судебное разбирательство, профессию и т.д.), так и особым, ненасильственным, легальным формам протеста (петиции, публичные выступления, публикации).

Новые подробности о состоявшейся в Петрограде в марте 1917 г. 40-тысячной демонстрации перечёркивают давнее представление о том, что в России равенство женщинам дали большевики; обращение же к методологическим проблемам исследования женского движения заставляет в целом по-иному оценить и теоретический феминизм, и внесённый в него вклад «дерзких и беспокойных» россиянок¹⁰⁰.

Женщины России получили избирательные права благодаря активной организаторской работе либерально настроенных членов Лиги равноправия и связанных с нею организаций. Причём особое значение имели разумная последовательность и непротиворечивость их действий, а также правильный выбор лозунгов, которые смогли «сроднить» ранее непримиримых в общем движении феминисток и пролетарок. Российское женское движение как важная составляющая переломной эпохи было частью общеевропейского стремления к демократизации политических и правовых систем государств, созданию в них гражданских обществ. К сожалению, женское «вхождение в политику» нашей страны так и не смогло остановить её от «сползания» к Гражданской войне.

При изучении роли женских объединений в российской общественно-политической жизни наравне с крестьянским, национальным, религиозным, рабочим и иными движениями их история предстаёт в новом ракурсе. Поскольку в них всегда участвовали женщины, то вопросы преодоления их бесправия возникали по ходу любой общественно-политической деятельности. Каждой из них придавали дополнительные краски женские публичные выступления – как самостоятельные, так и являвшиеся частью общего протестного потока. Ведь недовольство женщин имело «собственный голос». При всей своей внутренней противоречивости, наличии разных «крыльев» и полюсов эти протесты играли особую роль на фоне нарастания революционных настроений в стране.

Изучение прошлого женского движения и женских организаций в России 1914–1917 гг., очерченного в рамках общей истории движений социального протеста, дополняет картину общественно-политической жизни нашей страны в ту сложную эпоху. Поняв причины участия женщин в политической борьбе, особенности формирования протестного мышления самых образованных и социально активных среди них, можно не только определить глубинные проблемы отсутствия социального равенства в демократизировавшейся России, но и выявить силы и условия, способствовавшие консервации её старых порядков и режимов.

---

¹⁰⁰ *Пушкарёва Н.Л.* «Дерзкие и беспокойные» (у истоков феминизма в России) // *Российская история.* 2002. № 6. С. 52–66.

Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.?

Андрей Усачев

Why did the «Volokolam hegemony» end in the Russian church of the 16th century?

Andrej Usachev (Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University), Russia; Russian State University
for the Humanities, Moscow)

Исключительная роль выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря в управлении Русской Церковью в XVI в. общеизвестна. Начало «волоколамской гегемонии» традиционно связывается со временем занятия митрополичьей кафедры бывшим волоколамским игуменом Даниилом (1522–1539 гг.)¹. Однако неясной остаётся причина ослабления роли Волоколамской обители. Оно неопределённо относится к последней трети XVI в.²

В работе 2014 г. я высказал предположение о том, что ослабление влияния волоколамских иноков могло быть связано с возможным конфликтом волоколамского постриженника казанского архиепископа Германа (Садырева-Полева) с Иваном IV в 1566 г.³ В настоящее время данная гипотеза не представляется достаточно убедительной. Во-первых, известий о каких-либо репрессиях по отношению к волоколамским инокам известные нам источники не содержат⁴. Во-вторых, после 1566 г. – в 1568–1581 гг. – 5 выходцев из обители Иосифа были поставлены на кафедры. В-третьих, царь, судя по его щедрым вкладам

© 2017 г. А.С. Усачев

¹ Здесь и далее сведения о сроках настоятельства и занятия кафедр приводятся по фундаментальному справочнику П.М. Строева (*Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви*. СПб., 1877).

² Например, см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 309, 311; *Алексеев А.И.* Иосифляне // *Православная энциклопедия* (далее – ПЭ). Т. 26. М., 2011. С. 80.

³ *Усачев А.С.* Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // *Исторические записки* (далее – ИЗ). М., 2014. Вып. 15 (133). С. 151–169.

⁴ Возможно, единственным исключением из этого правила стала гибель в годы опричнины выходца из Иосифо-Волоколамского монастыря архимандрита рязанского Солотчинского монастыря Исаака Сумина. Восходящую к «Истории» А.М. Курбского версию об убийстве архиепископа Германа во время его конфликта с царём счёл недостаточно убедительной ещё С.Б. Веселовский (*Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 372). Не усиливают гипотезу о насильственной смерти Германа и имеющиеся данные о представителях рода Полевых в эпоху Грозного. Судя по всему, систематические репрессии против них не проводились (*Шокарев С.Ю.* Полевы: потомки боярина Александра Поля // *История московского боярства XIV–XVII вв.: тезисы докладов и выступлений научной конференции*. Ноябрь 1997 г. М., 1997. С. 16–20; *Антонов А.В.* К родословию Полевых в XVI веке // *Русский дипломатий* (далее – РД). Вып. 6. М., 2000. С. 168–178).

и поездкам в монастырь, эту обитель своей милостью не забывал⁵. Чем же обусловлено окончание «волоколамской гегемонии»? Попытаемся сначала определить хронологические рамки этого процесса.

Есть веские основания относить падение влияния Волоколамской обители к периоду не позднее 1584–1585 гг. Этим временем датируется челобитная царю Фёдору Ивановичу рязанского владыки Леонида (Протасова), выходца из Иосифо-Волоколамского монастыря. В ней Леонид жалуется государю на поведение ростовского архиепископа Евфимия, с обителью Иосифа явно не связанного⁶. Суть жалобы архиерея сводится к следующему. На царском пиру на Рождество Христово Евфимий ему «с собою ести с блюда не дал и меня, богомольца твоего, конечно позоровал». Как специально подчёркивает Леонид, занимавший кафедру с 1573 г., ранее ситуация была принципиально иной: «При отце твоём, при нашем государе при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси аз, богомолец твой, едал со архиепископом с Новгородским с одного блюда». Особенно важно зафиксировать, что, судя по тексту челобитной, ростовский владыка «позорованием» одного Леонида не ограничился. Он подверг резкой критике всех постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря: «нас..., осифовских постриженников, называет всех не осифовляны, но жидовляны». Челобитную Леонид заключил перечислением заслуг связанных с обителью Иосифа лиц перед Церковью и русскими государями и просьбой «оборонить Пречистой дом (т.е. основанный Иосифом монастырь Успения Богородицы. — А.У.) от такого наветного и наносного слова»⁷.

Отдельные вспышки недовольства иосифлянами некоторых иерархов источники фиксируют и ранее⁸. Однако в данном случае речь идёт об оскорблении единственного архиерея-иосифлянина со стороны одного из руководителей Русской Церкви (в её иерархии ростовский владыка занимал 4-е место после московского, новгородского и казанского владык). Не приходится сомневаться в том, что это было возможно только в условиях значительного

---

⁵ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 123–126, 309–310; *Штайндорф Л.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* (далее — ДРВМ). 2002. № 2. С. 90–100.

⁶ Точно неизвестно, в какой именно обители Евфимий принял постриг. Известно лишь, что он давал вклады в Кирилло-Белозерский монастырь (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.: комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромов. СПб., 1998. С. 166). Однако, несмотря на то что выходцы из этой обители в XV–XVII вв. очень часто занимали Ростовскую кафедру, Евфимий, судя по всему, к их числу не принадлежал. Не упоминается он и в Летописце Кирилло-Белозерского монастыря, где есть сведения обо всех игуменах этой обители и связанных с ней архиереях (*Ульяновский В.И.* Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. // *Книжные центры Древней Руси: XVII век. Разные аспекты исследования.* СПб., 1994. С. 136–137).

⁷ *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией.* Т. 1. СПб., 1841. С. 410. Неизвестно, к каким последствиям привела челобитная. И ростовский, и рязанский владыки вскоре покинули кафедры. А.А. Зимин полагал, что их насильственно устранили по решению светских властей (*Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 315). Подтверждений этому предположению пока неизвестно.

⁸ Во время зимне-весеннего собора 1554 г. рязанский владыка Кассиан подверг критике иосифлян (Московские соборы на еретиков XVI-го века: Сказание вкратце на соборе на Матвее в Башкина на еретика, и о епископе Касьяне Рязанском // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете* (далее — ЧОИДР). 1847. № 3. С. 1). Суть его критических высказываний до конца неясна. Собор, большинство участников которого составляли иосифляне и близкие к ним лица, рязанского владыку не поддержал. Личное участие царя, для того чтобы «оборонить Пречистой дом», не потребовалось.

ослабления влияния постриженников обители Иосифа. В 1584–1585 гг. из 10 иерархов Русской Церкви лишь один Леонид являлся выходцем из Иосифо-Волоколамского монастыря. Очевидно, что к 1584–1585 гг. ни о какой «волоколамской гегемонии» в Русской Церкви говорить не приходится. При этом, судя по тексту челобитной, Леонид в период пребывания на Рязанской кафедре (1573–1585 гг.) ещё застал время, когда позиции волоколамских иноков оставались достаточно сильными. Этот период он неопределённо относит ко времени правления Ивана IV. В связи с проявленной рязанским владыкой в 1584–1585 гг. «ностальгией» по прежним временам поставим то, что в 1570-х – начале 1580-х гг. помимо самого Леонида архиереями являлись и другие выходцы из Иосифо-Волоколамского монастыря: казанские архиепископы Лаврентий (1568–1574 гг.), Тихон (Хворостин) (1575–1576 гг.), Иеремия (1576–1581 гг.), а также крутицкий епископ Симеон (1581–1582 гг.). Как уже отмечалось, в середине 1580-х гг. Леонид оставался единственным архиереем-иосифлянином.

В поисках ответа на вопрос о причинах этого казуса неизбежно встанёт другой вопрос: а на чём держалась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви до последней трети XVI в.? Важность ответа на этот вопрос определяется тем, что Иосифо-Волоколамский монастырь по ряду параметров не только не превосходил, но и уступал другим крупным обителям.

Общеизвестно, что относительная «молодость» Иосифо-Волоколамского монастыря, основанного лишь в 1479 г., заведомо лишала его каких-либо преимуществ по отношению к монастырям с более древней историей – владимирскому Рождественскому, новгородским Юрьеву и Спасо-Хутынскому, Троице-Сергиеву, московским Чудову и Симонову, Кирилло-Белозерскому и др. С незначительным по меркам того времени возрастом Волоколамской обители непосредственно связано и отсутствие в ней святых с общерусским почитанием⁹. Это также отличало её от других крупных монастырей. Общерусское почитание основателя обители Иосифа установилось лишь в 1591 г., т.е. в период, когда ни о какой «волоколамской гегемонии» речь уже не шла. Неудивительно, что относительно новый монастырь, не располагавший пантеоном широко почитаемых за его пределами святых, в церковной иерархии XVI в. занимал лишь 19-е место¹⁰, а его настоятель имел статус игумена, а не архимандрита.

⁹ Судя по состоянию рукописной традиции рассказов о Кассиане Босом, Фотии и других волоколамских старцах, их почитание в рассматриваемый период не вышло далеко за пределы Иосифо-Волоколамского монастыря (подробнее о соответствующих памятниках см.: Крушельницкая Е.В. Два автографа волоколамского книжника Вассиана Кошки в собраниях Отдела рукописей Российской национальной библиотеки // Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 322–328; Древнерусские патерики (Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик). М., 1999; Романова А.А. Иосифо-Волоколамский патерик // ПЭ. Т. 26. С. 122–124). Как уже отмечалось в историографии, осознавая явную нехватку связанных с Иосифо-Волоколамским монастырем святых, его иноки исключительное внимание уделяли прославлению наставника Иосифа Волоцкого – Пафнутия Боровского (об этом, например, см.: Кадлубовский А.П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899. С. 98–149; Демкова Н.С. Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 51. СПб., 1999. С. 353). Однако общерусское почитание ему установили лишь на соборе 1547 г., когда «волоколамская гегемония» уже утвердилась.

¹⁰ Алексеев А.И., Васильева Е.А., Масиель Санчес Л.К., Шевченко Э.В. Иосифов Волоколамский (Волоцкий) в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь // ПЭ. Т. 26. С. 95.

Говоря об авторитете той или иной обители и её месте в церковной иерархии в период Средневековья, важно отметить, что они далеко не всегда были напрямую связаны с её экономическими возможностями. Так, очевидно, что в соответствии с длительной традицией занимавший первое место в перечне русских обителей (до 1561 г.) владимирский Рождественский монастырь не располагал такими земельными владениями как Чудов, Симонов, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и некоторые другие. Это в свою очередь побуждает думать, что немалые земельные владения Иосифо-Волоколамского монастыря¹¹ не играли определяющей роли в установлении и удержании «волоколамской гегемонии» в Русской Церкви. В связи с этим поставим и то, что экономические возможности других крупных обителей были либо сопоставимы¹², либо даже значительно превышали земельные владения обители Иосифа¹³.

Благоволение могущественных светских лиц в XVI в., конечно, играло свою роль. Однако с точки зрения знатности постриженников и захороненных лиц и, соответственно, размера вкладов Волоколамская обитель не стояла в одном ряду с Троице-Сергиевым, Симоновым или Кирилло-Белозерским монастырями. В Иосифо-Волоколамском монастыре не постригали и не хоронили представителей наиболее знатных и влиятельных в России XVI в. родов – Бельских, Мстиславских, Воротынских, Шуйских или Романовых. Иосифо-Волоколамский монастырь был обителью представителей мелких и средних служилых родов, таких как Санины, Топорковы, Полевы или Ленковы¹⁴.

Личное расположение великого князя, конечно, имело значение. Однако очевидно, что его было недостаточно для закрепления и удержания позиций в течение нескольких десятилетий. Так, в 1520-х – начале 1530-х гг. поддержка, оказываемая Василием III волоколамскому игумену, а позднее митрополиту Даниилу, несомненно, сыграла значимую роль в установлении «волоколамской гегемонии». Однако применительно к длительному периоду «боярского правления» (1538–1547 гг.) ни о какой серьёзной поддержке со стороны малолетнего великого князя говорить не приходится. Тем не менее волоколамские постриженники и в этот период не только сохранили, но и укрепили свои позиции.

В поисках ресурса, обеспечивавшего длительное преобладание Иосифо-Волоколамского монастыря, обратимся к челобитной епископа Леонида, в которой чувствуется «ностальгия» по прежним временам его бывшего могущества. Автор челобитной приводит имена тех, на ком собственно его влияние и держалось – воспитанников, ставших архиереями: Даниила (1522–1539 гг. – Московская

---

¹¹ О них подробнее см.: *Тихомиров М.Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // Изд. Т. 3. М., 1938. С. 130–160.

¹² Об экономических возможностях Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей см.: *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII веков. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. Пермь, 1927; *Дмитриева З.В.* Вытныи и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.

¹³ Как отметил А.А. Зимин, Иосифо-Волоколамский монастырь даже в период своего расцвета не смог обзавестись земельными владениями, сопоставимыми с землями Троицы. Если последняя в данный период располагала примерно 143 тыс. четвертей пашенной земли (в одном поле), то Волоколамская обитель – лишь примерно 36 тыс. (см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 186). Об экономических возможностях Троицы подробнее см.: *Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVII в.: вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009.

¹⁴ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 115–118.

кафедра); Феодосия (1542–1550 гг. – Новгородская); Вассиана (Санина) (1506–1515 гг. – Ростовская); Акакия (1522–1567 гг. – Тверская); Саввы (Слепушкина) (1536–1538 гг. – Смоленская); Гурия (Заболоцкого) (1539–1555 гг. – Смоленская); Трифона (Ступишина) (1549–1551 гг. – Суздальская, в 1563–1566 гг. – Полоцкая); Вассиана (Топоркова) (1525–1542 гг. – Коломенская); Саввы Чёрного (1544–1554 гг. – Крутицкая); Нифонта (Кормилицына) (1554–1558 гг. – Крутицкая); Галактиона (1565–1568 гг. – Крутицкая); Симеона (1581–1582 гг. – Крутицкая); Гурия (Руготина) (1555–1563 гг. – Казанская); Германа (Садырева-Полева) (1564–1567 гг. – Казанская); Лаврентия (1568–1574 гг. – Казанская); Тихона (Хворостина) (1575–1576 гг. – Казанская); Иеремии (1576–1581 гг. – Казанская). К этому перечню следует прибавить и самого Леонида, занимавшего Рязанскую кафедру в 1573–1585 гг.¹⁵

Нетрудно подсчитать, что в XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря вышли 18 архиереев (Трифон (Ступишин) ставился на кафедру дважды). Вряд ли стоит сомневаться в том, что этими именами перечень лиц, обеспечивающих «волоколамскую гегемонию» в Русской Церкви, не исчерпывается. Леонид перечислил лишь архиереев. Однако известно, что из стен обители Иосифа выходили и настоятели монастырей, а также рядовые иноки¹⁶. К числу волоколамских иноков, ставших настоятелями, можно отнести Герасима (Замыцкого) – архимандрита Симонова монастыря в 1520–1526 гг., Вассиана Кошку – архимандрита Возмицкого монастыря в конце 1540-х – начале 1560-х гг.¹⁷, Алексея (Ступишина), являвшегося архимандритом Симонова монастыря в 1550–1555 гг., Пимена (Садыкова), настоятеля Николо-Угрешского монастыря в 1561–1571 гг., а также Гурия (Ступишина), ставшего строителем костромского Ипатьевского монастыря в 1585–1598 гг. Из старцев Иосифо-Волоколамского монастыря вышел и игумен Саввино-Сторожевского монастыря Каллист (1505–1507 гг.). Известно, что позднее он вернулся в Волоколамскую обитель и до конца жизни (1516 г.) оставался её соборным старцем.

Из Иосифо-Волоколамского монастыря вышел и игумен Селижарова монастыря Феогност (Руготин) (точное время его настоятельства неизвестно)¹⁸. Он принадлежал к тесно связанному с обителью Иосифа небогатому роду служилых людей¹⁹. С Иосифо-Волоколамским монастырём связано начало церковной карьеры Исаака Сумина – ученика Епифания (Ленкова).

¹⁵ В литературе к числу иосифлян относят и поставленного на Суздальскую кафедру из архимандритов Спасо-Андронникова монастыря Симеона (Стремоухова) (1509–1515 гг.) (*Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 282; *Алексеев А.И. и др.* Указ. соч. С. 95). Однако отсутствие упоминания имени этого суздальского владыки в перечне Леонида (Протасова) побуждает осторожно отнестись к этому мнению. Связь Симеона с Волоколамской обителью и лично с Иосифом Волоцким несомненна. Однако это ещё прямо не указывает на то, что Симеон – воспитанник данной обители.

¹⁶ Их выявление существенно облегчает подготовленный Т. Дайкстра перечень волоколамских иноков 1479–1607 гг. (*Дайкстра Т.* Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // *Именослов. Историческая семантика имени.* Вып. 2. М., 2007. С. 238–298).

¹⁷ Справочник П.М. Строева не содержит сведений о точном времени его пребывания в этой обители. Источником соответствующих сведений выступают иные данные. Подробнее см.: *Кузьмин А.В.* Вассиан Кошка // *ПЭ.* Т. 7. М., 2004. С. 265–266.

¹⁸ Исхода из имеющихся в нашем распоряжении данных об игуменах этой обители, можно предполагать, что время настоятельства в ней Феогноста относится либо к периоду между 1534–1551 гг., либо ко времени между 1555–1573 гг.

¹⁹ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 155–156 (о Феогносте см.: с. 156, примеч. 307).

Известна переписанная им рукопись — сборник, датируемый второй четвертью XVI в.²⁰ Учитывая то, что рукопись упомянута в Описи книг Волоколамской обители 1545 г.²¹, Исаак принял в ней постриг не позднее этой даты. Судя по всему, в 1550—1560-х гг. он перебрался в московский Симонов монастырь²², где сблизился с его настоятелем Филофеем (1561—1562 гг.). После поставления Филофея на Рязанскую кафедру (1562 г.) в Рязань уехал и Исаак, ставший казначеем рязанского владыки, а позднее (в 1568/69 г.) архимандритом рязанского Солотчинского монастыря²³. Последний он возглавлял по крайней мере до апреля 1570 г.²⁴

В связь с данным перечнем поставим и то, что архиереи из числа волоколамских постриженников, как правило, ставились на кафедры не сразу, а после некоторого времени настоятельства в той или иной обители, где они набирались опыта церковного управления. Вассиан (Санин) до поставления на Ростовскую кафедру являлся архимандритом Симонова монастыря (1502—1506 гг.), Вассиан (Топорков) до занятия Коломенской кафедры — игуменом Николо-Пешношского монастыря (1515 г.). Гурий (Заболоцкий) до Смоленской кафедры также какое-то время был настоятелем этой обители (не позднее 1539 г.), как и будущий суздальский владыка Трифон (Ступишин) (1542—1544 гг.), затем ставший архимандритом Симонова монастыря (1544—1549 гг.). Гурий (Руготин) после пребывания в игуменах Иосифо-Волоколамского монастыря до занятия Казанской кафедры успел побывать игуменом Селижарова монастыря (1551—1555 гг.). Германа (Садырева-Полева) на Казанскую кафедру поставили из архимандритов свияжского Богородицкого монастыря (1555—1564 гг.). Нифонт (Кормилицын) после пребывания в игуменах Волоколамской обители до своего поставления на Крутицкую кафедру некоторое время был настоятелем Новоспасского монастыря (1543—1554 гг.). Другой волоколамский игумен — Галактион — повторил путь Нифонта: от настоятеля Иосифо-Волоколамского монастыря до архимандрита Новоспасского монастыря (1558—1565 гг.) и крутицкого владыки. Иеремию поставили на Казанскую кафедру из архимандритов казанского Спасо-Преображенского монастыря (1567—1576 гг.) (ранее — в 1564—1565 гг. — архимандрит свияжского Богородичного монастыря). Акакия на Тверскую кафедру возвели из архимандритов Возмицкого монастыря (между 1517 и 1522 гг.). Феодосий до поставления на Новгородскую кафедру был игуменом Спасо-Хутынского монастыря (1531—1542 гг.). Савва Чёрный до

²⁰ Отдел рукописей Государственного исторического музея (далее — ОР ГИМ), Епархиальное собрание, № 350. Цит. по: Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина, И.В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 364—365.

²¹ Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь... С. 32.

²² Вероятнее всего, Исаак перешёл в Симонов между 1544 и 1555 гг. В это время архимандритами Симонова являлись волоколамские постриженники — братья Ступишины: Трифон (1544—1549 гг.) и Алексей (1550—1555 гг.).

²³ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. А.И. Алексеев // Вестник церковной истории (далее — ВЦИ). 2006. № 3. С. 51.

²⁴ См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 976—977 (№ 216); *Сметанина С.И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII — начала XVII века // РД. Вып. 6. М., 2000. С. 272 (№ 130). Возможно, именно об Исааке Сумине идёт речь в синодике опальных, где записан не названный по имени архимандрит Солотчинского монастыря (об этом см.: *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 88—89; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 399—400).

поставления на Крутицкую кафедру являлся архимандритом Симонова монастыря (1543–1544 гг.)²⁵.

Нетрудно заметить, что в XVI в. «волоколамская гегемония» определялась не только пребыванием 18 выходцев из этой обители на владычных кафедрах, но и службой ряда постриженников в роли настоятелей, по крайней мере в 11 монастырях (Симонов, Новоспасский, Возмицкий, Николо-Угрешский, Николо-Пешношский, Спасо-Хутынский, казанский Спасо-Преображенский, свияжский Богородичный, Селижаров, Савинно-Сторожевский, Солотчинский), не считая, конечно, самого Иосифо-Волоколамского. Основная их часть располагалась либо в столице, либо неподалёку от неё.

Однако этот перечень не полон. Известны имена далеко не всех игуменов – выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря²⁶. Важно также помнить, что архиереями и настоятелями обителей перечень выходцев из волоколамского монастыря не ограничивался. Есть веские основания полагать, что вместе с волоколамскими иноками, становившимися архиереями и игуменами, стены монастыря покидали и простые иноки. Благодаря палеографическим наблюдениям Б.М. Клосса установлено, что Даниил в свою бытность митрополитом не только поддерживал связи с ранее возглавляемой им Волоколамской обителью, но и привлекал к книгописным работам выходцев из неё²⁷. Известно, что в этот период в столице некоторое время жили известные волоколамские иноки – брат коломенского владыки Вассиана Досифей (Топорков) и ученик одного из основателей Иосифо-Волоколамского монастыря Кассиана Босого Иона Голова.

Судя по всему, отправляясь в ту или иную обитель или на кафедру, волоколамские постриженники брали с собой и других иноков (в ряде случаев, вероятно, речь могла идти о близких к ним лицах). На это указывает запись на рукописи, переписанной по поручению игумена Николо-Угрешского монастыря Пимена (Садыкова) (1561–1571 гг.). Он являлся выходцем из Иосифо-Волоколамского монастыря и некоторое время был его настоятелем (в 1558–1561 гг.). Речь идёт о толковом Апостоле 1570 г., по заказу Пимена переписанном «клириком Симеоном Голыгина, постриженником Иосифова монастыря»²⁸. Учитывая прошлое Пимена, трудно сомневаться в том, что появление Симеона (Голыгина) в Угрешской обители связано с переходом в неё волоколамского игумена.

---

²⁵ Наиболее полный (хотя и не исчерпывающий) перечень руководителей Русской Церкви – волоколамских иноков и близких к ним лиц см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 305–310. Историк к числу иосифлян причисляет и лиц, по его мнению, к ним близких. Эти имена в настоящей статье не приводятся.

²⁶ Согласно описям книг Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в., в нём хранились либо вложенные, либо каким-то иным образом попавшие в обитель рукописи настоятелей монастырей: калязинского игумена Иоасафа Телицы, игуменов тверского Саввина монастыря Ефрема и Иоасафа, архимандрита неназванного монастыря Филофея, игумена Черленковского монастыря Игнатия, игумена Селижарова монастыря Маркела, игумена волоколамского Ильинского монастыря Гавриила, игумена Николо-Пешношского монастыря Никона, игумена Борисоглебского монастыря Филофея, спиловского игумена Афанасия Волочанина, игумена Изосиминского монастыря Афанасия (Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь... С. 24–99). Конечно, нельзя утверждать, что все они выходцы из Волоколамской обители. Однако нельзя не заметить, что речь, как правило, шла либо о находящихся неподалёку от Волоколамска монастырях (Ильинский, Черленский), либо об обителях, в XVI в. тесно связанных с Иосифо-Волоколамским монастырём (*Кавельмахер В.В.* Никольская церковь в селе Черленкове (неизвестная постройка «осифовских старцев» середины XVI в.) // *Материалы творческого отчёта треста «Мособлстройреставрация»*. М., 1984. С. 69–72).

²⁷ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 81–87.

²⁸ ОР ГИМ, Епархиальное собрание, № 442, л. 775 об.–776.

Выходец из Волоколамской обители Гурий (Руготин) в 1555 г. отправился в Казань в сопровождении спутников. Точно известно, что среди них был волоколамский старец Герасим (Ленков) (последнего Иван IV в Казань послал «на время»)²⁹. Вероятно, вскоре к Гурию присоединились и другие волоколамские иноки, в частности Герман (Садырев-Полев), ставший архимандритом свияжского Богородичного монастыря. Спустя какое-то время в Казанскую епархию переселился Иеремия. Он сначала стал архимандритом свияжского Богородичного (1564–1565 гг.), а потом настоятелем казанского Спасо-Преображенского монастыря (1567–1576 гг.)³⁰. С Гурием в Казань отправился и волоколамский инок Исая (Ртищев), ставший казначеем казанского владыки³¹.

Неполнота представленных мною сведений о выходцах из Иосифо-Волоколамского монастыря очевидна. Тем не менее даже столь отрывочных данных достаточно, чтобы заключить, что речь шла, по крайней мере, о многих десятках волоколамских иноков, покинувших обитель Иосифа, но сохранивших связь как с ней, так и друг с другом³². Даже вернувшись «на покой» в родную обитель и, казалось бы, полностью устранившись от активной деятельности, они продолжали формировать и поддерживать среду, воспитывающую будущих руководителей Русской Церкви³³. Именно они и обеспечивали «волоколамскую гегемонию» в ней в XVI в.

Рассматривая Иосифо-Волоколамский монастырь как «кузницу» будущих настоятелей и архиереев, исключительно важно зафиксировать следующее: далеко не все даже самые активные иноки могли³⁴ и, вероятно,

²⁹ *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 20.

³⁰ Об особой близости иноков Иосифо-Волоколамского монастыря к Казанской кафедре см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 306–307; *Липаков Е.В.* Иосифо-Волоцкий монастырь и Казанская епархия во второй половине XVI века // Преподобный Иосиф и его обитель: Материалы научно-практической конференции, посвящённой пятилетию обретения святых мощей преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма – Успенского собора – и 80-летию со дня рождения митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М., 2008. С. 62–66.

³¹ О нём подробнее см.: *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 273.

³² Об Иосифо-Волоколамском монастыре как о «воспитательном учреждении с характером современной школы», которое готовило иноков, действовавших «как один человек», см.: *Жмакин В.И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 115–120. О сплочённости волоколамских иноков, спаянных отношениями учеников и учителей, также см.: *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. München, 2006. P. 139–143.

³³ Наиболее показательным примером такой «связи поколений» может служить судьба Феодосия и его учеников. В 1531 г. из иноков Иосифо-Волоколамского монастыря он поставлен игуменом новгородского Спасо-Хутынского монастыря, а в 1542 г. занял Новгородскую кафедру. В 1550 г. по не вполне понятным причинам он её покинул и вернулся в Волоколамскую обитель. Здесь он и жил до своей кончины в 1563 г. За эти годы Феодосий подготовил двух учеников – будущего игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия (Туркова) (1575–1587 гг.) и будущего казанского архиепископа Иеремию (1576–1581 гг.). О Феодосии см.: *Смирнова Д.Д.* Новгородский архиепископ Феодосий – видный постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (224). С. 66–74.

³⁴ Например, один из самых известных соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря Герасим (Ленков) после посвящения Даниила на Московскую кафедру в 1522 г. лишь на несколько месяцев стал игуменом, уступив это место Нифонту (Кормилищину). Учитывая то, что Герасим продолжал проживать в Волоколамской обители ещё 37 лет (до 1559 г.), можно думать, что его уход с игуменства конфликтом с братией, скорее всего, не сопровождался (*Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 260).

хотели³⁵ возглавлять монастыри или кафедры. Судя по всему, лишь очень небольшая часть от общего числа насельников даже такого влиятельного монастыря, как Иосифо-Волоколамский, заняла руководящие позиции в Русской Церкви. Нами приведены сведения о 26 его воспитанниках. Этот перечень не исчерпывающий, однако и его достаточно, чтобы понять, что отбор прошли лишь несколько процентов иноков³⁶. В 1479–1607 гг. в волоколамской обители проживало от 450 до 600 иноков³⁷.

В связи с вышесказанным поставим общеизвестный факт: в нормах канонического права существовали определённые требования, предъявляемые к кандидатам на занятие кафедры или место настоятеля в той или иной обители. К их числу наряду с наличием соответствующей подготовки и опыта относились и возрастные ограничения. Общеизвестно, что посвящение в священнический сан должно было происходить по достижении 30 лет. Очевидно, что занятие кафедры или места настоятеля требовало более солидного возраста³⁸. Имеющаяся в нашем распоряжении источниковая база не позволяет ответить на вопрос о том, в какой мере эти требования соблюдались, поскольку возраст подавляющего большинства игуменов и архиереев неизвестен. Вместе с тем даже отрывочные сведения источников дают основания полагать, что ранее определённого возраста, как правило, игуменами и тем более архиереями не становились.

Обратим внимание на любопытный фрагмент Жития Евфимия Суздальского. Оно составлено в XVI в. иноком суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Григорием, хорошо знакомым с церковной практикой того времени. Повествуя о реалиях XIV в., работавший два столетия спустя автор Жития подчёркивает, что Евфимия поставили игуменом суздальского Спасского монастыря в 36-летнем возрасте. Как следует из текста Жития, подобный возраст для игумена выглядел исключительным. Стремясь согласовать столь ранний

---

³⁵ Самый известный книжник обители Иосифа первой половины XVI в. – Досифей (Топорков), племянник самого Иосифа и ростовского владыки Вассиана, брат коломенского епископа Вассиана, предпочёл руководству монастырём или кафедрой занятия писательской деятельностью (*Кузьмин А. В., Макарий (Веретенников)*. Вассиан (Топорков) // ПЭ. Т. 7. С. 258–259). Не стали игуменом, но архиереем и едва ли не самый авторитетный волоколамский иннок первой трети XVI в. Кассиан Босой (*Усачев А. С.* Волоколамский иннок Кассиан Босой (ок. 1439–1532 гг.) и его современники // ДРВМ. 2012. № 2(48). С. 61–74). Судя по всему, не стремился к высшим постам в церковной иерархии и другой известный волоколамский книжник – Евфимий (Турков). Из его духовной известно, что он стал настоятелем Волоколамской обители лишь под давлением Ивана IV и монастырской братии. Не занимал высоких мест в церковной иерархии и известный книжник Фотий, сосредоточивший свои усилия на книгописной деятельности и подготовке учеников. В то же время нельзя не заметить, что их деятельность, не связанная напрямую с церковным управлением, также способствовала укреплению позиций Иосифо-Волоколамского монастыря. Например, Фотий был наставником будущего настоятеля Возмицкого монастыря Вассиана Кошки, писательская деятельность Досифея (Топоркова) вышла далеко за пределы обители, а авторитет Кассиана, крестившего так долго ожидаемого наследника престола (Ивана IV), на долгие годы связал обитель Иосифа с великокняжеским семейством.

³⁶ Это связано с общеизвестным фактом: значительную часть постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря составляли лица, принявшие постриг уже в очень зрелом (по меркам Средневековья) возрасте. Очевидно, что далеко не все из них могли пройти многолетнюю подготовку, без которой была немыслима церковная карьера.

³⁷ Т. Дайкстра говорит о 450 «беспорных» иноках волоколамской обители (*Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 241, примеч. 10). В более ранней работе историк приводил иную цифру – 438 «беспорных» иноков. Согласно его подсчётам, ещё 155 лиц могли быть монахами этого монастыря (*Dykstra T.E.* Op. cit. P. 120–121).

³⁸ *Бондач А. Г., Желтов М., Ткаченко А. А.* Епископ // ПЭ. Т. 18. М., 2008. С. 511, 515–516.

возраст с поставлением в настоятели обители, агиограф перечисляет достоинства Евфимия: «Еще телесным възрастомъ млад сын, но духовною мудростию превзыде многолетних сединъ, яко леть 36 тъгда сын бысть»³⁹. Исходя из текста Жития можно предположить, что в современную агиографу эпоху настоятели обителей иноки становились в более зрелом возрасте. Вероятно, с весьма почтенным возрастом⁴⁰ игуменов и архиереев и стоит связывать непродолжительность пребывания их на кафедрах: по истечении небольшого времени архиереи либо умирали, либо уходили «за немощью» на покой⁴¹. Сходным образом дело обстояло и с настоятелями⁴².

Закономерен вопрос: какой период был необходим для подготовки кандидата на руководство обителью или кафедрой? Обратимся к фактам биографии некоторых волоколамских иноков и близких к ним лиц. Наставник Иосифа Волоцкого Пафнутий Боровский принял постриг в 20-летнем возрасте и спустя 20 лет стал настоятелем⁴³. Иосиф Волоцкий (род. 1439 г.) стал игуменом боровской обители сразу после смерти Пафнутия (1477 г.), т.е. примерно в возрасте 38 лет. Судя по тексту Жития, постриг он принял примерно в 20-летнем возрасте. Следовательно, на момент поставления в игумены его монастырский «стаж» составлял 18 лет⁴⁴. Несмотря на то что возраст брата Иосифа – Вассиана – точно неизвестен, можно утверждать, что он стал архимандритом Симонова монастыря (1502 г.), а затем и ростовским владыкой (1506 г.), имея уже достаточно длительный опыт монастырской жизни. Известно, что он принял постриг в боровском монастыре ещё при жизни Пафнутия. Таким образом, он стал настоятелем, имея за своими плечами по меньшей мере 25-летний стаж монастырской жизни. Как отметил Дайкстра, до поставления в игумены Саввино-Сторожеского монастыря в 1505 г. Каллист с 1479 г. являлся волоколамским старцем. Как видим, к моменту поставления в игумены он располагал уже не менее чем 26-летним монастырским опытом⁴⁵. Судя по всему, принявший постриг в конце XV в. в Пафнутьево-Боровском монастыре Макарий (род. ок. 1482 г.) стал настоятелем Лужецкого монастыря примерно в 40 лет (в 1522 г.). Новгородскую кафедру он занял примерно в 44 года (в 1526 г.), а Московскую – в 60-летнем возрасте (в 1542 г.). Акакий (род. 1482 г.) стал настоятелем между 1517 и 1522 гг.⁴⁶, т.е. в возрасте 35–40 лет. Тверскую кафедру он за-

³⁹ *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 359.

⁴⁰ Достижение очень преклонного возраста даже в монастырской среде в данный период – нечастое явление (*Усачев А.С.* «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // ДРВМ. 2014. № 1 (55). С. 58–68).

⁴¹ На факт широкого распространения практики ухода архиереев с кафедр указывает появление не позднее XV в. особого формуляра отреченных грамот. Их, правда, сохранилось немного. Перечень ряда ушедших за «немощью» архиереев в XVI в. см.: *Усачев А.С.* Был ли конфликт Ивана IV с Рязанской кафедрой в 1569 г.? // Российская история. 2016. № 5. С. 74–75.

⁴² На то, что уход игуменов вполне обычен для России XVI в., указывает то, что в Симонове монастыре в 1568 г. проживало сразу 6 бывших игуменов разных обителей (Акты феодального землевладения и хозяйства. Л., 1983. № 171. С. 219–220).

⁴³ *Кадлубовский А.П.* Указ. соч. С. 119–120.

⁴⁴ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным: по двум рукописям Собрания П.А. Овчинникова // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 14, 17; Житие и пребывание въкратце преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламскаго // Великие Миней-Четьи. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 459.

⁴⁵ *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 273.

⁴⁶ *Строев И.М.* Указ. соч. Стб. 247.

нял в 40-летнем возрасте (в 1522 г.). Феодосий (род. ок. 1490 г.), приняв постриг, возможно, ещё при жизни Иосифа (т.е. не позднее 1515 г.)⁴⁷, стал настоятелем Спасо-Хутынского монастыря примерно в 41 год (в 1531 г.), а Новгородскую кафедру занял в возрасте около 52 лет (1542 г.). Точный возраст поставленного в 1536 г. на Смоленскую кафедру Саввы (Слепушкина) неизвестен. Однако первое известное его упоминание в качестве келаря в волоколамских источниках относится к 1516 г.⁴⁸ Таким образом, к моменту хиротонии иноческий «стаж» Саввы по самым скромным подсчётам составлял не менее 20 лет. Вероятно, его монашеский «стаж» более солиден: трудно представить, чтобы келарем стал молодой монах.

Точный возраст Гурия (Заболоцкого) к моменту занятия им Смоленской кафедры (1538 г.) также не установлен. В источниках он (в ту пору светское лицо) упоминается с 1504 г.: в относящейся к этому времени грамоте он вместе со старшим братом Иваном отмечен как владелец села и деревень в Дмитровском уезде. Хотя его точный возраст в момент составления документа неизвестен, можно думать, что ребёнком он уже не был. Являвшийся по некоторым данным около 1526–1528 гг. настоятелем Симонова монастыря Гурий с конца 1520-х гг. до поставления на Смоленскую кафедру был уже игуменом Николо-Песношского монастыря⁴⁹. Ко второй половине 1520-х гг. он уже располагал более или менее значительным опытом монастырской жизни.

Несмотря на то, что дата пострига Трифона (Ступишина) неизвестна, есть основания полагать, что до поставления на Суздальскую кафедру (1549 г.) он не менее 16 лет являлся иноком Волоколамской обители. Первое известное упоминание о нём относится к 1533 г. Важно отметить, что в купчей он упомянут вместе с наиболее авторитетными волоколамскими иноками (келарем Саввой (Слепушкиным), ставшим вскоре смоленским владыкой, и с Саввой Чёрным, занявшим позднее Крутицкую кафедру)⁵⁰. Не приходится сомневаться в том, что в 1533 г. Трифон — уже один из самых авторитетных иноков, имеющий за своими плечами немалый опыт. Брат Трифона — будущий архимандрит Симонова монастыря (1550–1555 гг.) Алексей (Ступишин) — в качестве инока Волоколамской обители известен в 1540–1550 гг.⁵¹ Однако в актах он начинает фиксироваться уже как опытный инок, располагающий необходимым опытом и «стажем». То же самое можно отнести и к Савве Чёрному. Он впервые упомянут под 1533 г. среди наиболее авторитетных старцев, совершающих сделку от имени монастыря⁵². Его поставление в настоятели Симонова монастыря состоялось спустя ещё 10 лет — в 1543 г.

Дата пострига Гурия (Руготина) (род. ок. 1495 г.) неизвестна (информация ряда источников о его пострижении ещё при жизни Иосифа Волоцкого (ум. 1515 г.), по-видимому, неточна)⁵³. Однако очевидно, что игуменом Иосифо-Волоколам-

⁴⁷ Подробное см.: *Пономаренко О.Н.* О времени пострижения Феодосия Новгородского // *Очерки феодальной России.* Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 264–272.

⁴⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее — АФЗХ). Ч. 2. М., 1956. № 72. С. 70; *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 285.

⁴⁹ *Кузьмин А.В., Макарий (Веретенников).* Гурий (Черлёного Заболоцкий Григорий Петрович) // ПЭ. Т. 13. М., 2006. С. 483–484.

⁵⁰ АФЗХ. Ч. 2. № 124. С. 116.

⁵¹ *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 250.

⁵² АФЗХ. Ч. 2. № 124. С. 116; *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 285.

⁵³ Из энциклопедической статьи следует, что Гурий принял постриг через несколько лет после смерти Иосифа. См.: *Липаков Е.В., Чугреева Н.Н.* Гурий (Руготин) // ПЭ. Т. 13. С. 464–465.

ского монастыря (1542/43 г.) он стал в достаточно зрелом возрасте — примерно в 47–48 лет. Казанскую кафедру (1555 г.) он занял в возрасте примерно 60 лет. Точный возраст поставления в игумены Николо-Угрешского монастыря ок. 1571–1572 гг. будущего казанского владыки Тихона (Хворостина) неизвестен. Источники фиксируют его активное участие в хозяйственной деятельности монастыря с 1558–1559 гг.⁵⁴ Не приходится сомневаться, что к этому времени Тихон — опытный и достаточно авторитетный старец. На это же указывает и то, что не позднее 1562 г. он упоминается как соборный старец⁵⁵. Судя по косвенным данным, к 1568–1569 гг. Тихон находился в очень зрелом возрасте: в данной его братьев Иосифо-Волоколамскому монастырю отмечается обязанность монастырских властей после его кончины внести его имя в монастырский синодик⁵⁶. Исаак Сумин, ставший в 1568/69 г. архимандритом рязанского Солотчинского монастыря, к этому времени являлся иноком уже не менее 23–24 лет, приняв постриг не позднее 1545 г. Немалый «стаж» до того, как стал игуменом Волоколамской обители, имел Евфимий (Турков). Он принял постриг в этой обители в 1551 г., а её настоятелем стал 24 года спустя — в 1575 г.⁵⁷ Впрочем, в качестве достойного кандидата на этот пост его рассматривали немного ранее — по крайней мере, с 1573 г. Ставший в 1585 г. строителем костромского Ипатьевского монастыря Гурий (Ступишин) в качестве волоколамского инока упоминается с 1566 г.⁵⁸, следовательно, к 1585 г. он имел не менее чем 19-летний опыт жизни в монастыре.

Очевидное исключение в этом ряду — митрополит Даниил, родившийся, вероятно, в начале 1490-х гг. Настоятелем Волоколамской обители он стал, судя по всему, в очень раннем возрасте — в начале 1510-х гг.⁵⁹ Согласно запискам С. Герберштейна, побывавшего в России в 1526 г., Даниил был «около тридцати лет отроду»⁶⁰. Комментируя это сообщение Герберштейна, А.И. Плигузов, исходя из канонических ограничений на поставление в священники (их нельзя было поставлять ранее 30 лет), предположил, что Даниилу в 1526 г. исполнилось около 45 лет⁶¹. Впрочем, в случае с Даниилом, пользовавшимся покровительством великого князя, правила могли быть и нарушены. На это косвенно указывает и то, что в послании к Василию III, написанном незадолго до смерти, Иосиф Волоцкий (ум. 1515 г.) среди своих возможных преемников Даниила не упомянул⁶². Можно полагать, что это связано с его молодостью и недостатком необходимого опыта.

Как следует из приведённого материала, для поставления в игумены и тем более в архиереи требовался значительный «стаж» монашеской жизни — около двух десятилетий⁶³. Случаи архиерейских хиротоний ранее 40-летнего возраста нам также неизвестны (вероятное исключение — Даниил). Сказанное хорошо

⁵⁴ АФЗХ. Ч. 2. № 275. С. 283; *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 290.

⁵⁵ АФЗХ. Ч. 2. № 295. С. 303.

⁵⁶ Там же. № 342. С. 360.

⁵⁷ *Клосс Б.М., Кузьмин А.В.* Евфимий (Турков) // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 420.

⁵⁸ *Дайкстра Т.* Указ. соч. С. 262.

⁵⁹ *Макарий (Веретенников), Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Даниил [митрополит Московский и всея Руси] // ПЭ. М., 2006. Т. 14. М., 2006. С. 66.

⁶⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 149.

⁶¹ Там же. Т. 2. М., 2008. С. 365.

⁶² *Послания Иосифа Волоцкого.* М.; Л., 1959. С. 239–240.

⁶³ Важно отметить, что примерно об одном «стаже» говорят как приведённые выше житийные источники, авторов которых можно заподозрить в стремлении сомкнуть церковную практику с каноном, так и хозяйственные документы.

согласуется с датами начала церковной карьеры выходцев из Иосифо-Волоколамского монастыря, основанного в 1479 г. Занятие руководящих постов в Русской Церкви представителями первого поколения волоколамских иноков относится к периоду не ранее начала XVI в.: Вассиан (Санин) архимандритом Симоновской обители стал в 1502 г., а Каллист игуменом Саввина-Сторожевского монастыря – в 1505 г. Как нетрудно заметить, эти позиции они заняли после получения более чем 20-летнего опыта монастырской жизни. На наличие в Иосифо-Волоколамском монастыре в начале XVI в. достаточного числа кандидатов, могущих возглавить обитель, указывает послание Иосифа Волоцкого Василию III. В нём основатель приводит перечень из десяти соборных старцев, рассматриваемых им как достойные преемники⁶⁴.

Поставление в игумены и архиереи основной части волоколамских иноков следующего поколения относится уже к 1520-м гг. Конечно, их карьерный рост во многом связан с поставлением на Московскую кафедру волоколамского игумена Даниила (1522 г.), имевшего возможность влиять на подбор кандидатов для поставлений на кафедры. Но не стоит забывать и о другом: кандидаты на замещение кафедр, пришедшие в Волоколамскую обитель в конце XV – начале XVI в., к 1520-м гг. уже получили необходимый опыт.

Сказанное побуждает думать, что людские ресурсы Иосифо-Волоколамского (как и любого другого) монастыря были ограничены. Во-первых, требовалось отобрать способных к церковной карьере иноков (речь шла об очень незначительной части от общего числа насельников). Во-вторых, требовался продолжительный период для их подготовки. Иосифо-Волоколамский монастырь в 1480–1560-х гг. успешно справлялся с этими задачами. Однако, как нетрудно заметить по числу поставлений на кафедры, а также упоминаниям волоколамских иноков в роли настоятелей монастырей, в 1570–1580-х гг. их поток начал иссякать. Неизбежно встает вопрос: что же произошло?

В конце 1550-х – 1560-е гг. скончались так или иначе связанные с Иосифо-Волоколамским монастырём иерархи, вступившие в активную церковную жизнь в 1520–1530-е гг.: крутицкий владыка Нифонт (Кормилицын) (1558 г.), митрополит Макарий, казанский архиепископ Гурий (Руготин), находящийся на покое новгородский архиепископ Феодосий (все трое умерли в 1563 г.), тверской владыка Акакий (1567 г.), казанский архиепископ Герман (Садырев-Полев) (1567 г.), крутицкий владыка Галактион (1568 г.)⁶⁵. Закономерен вопрос: а почему их место в конце 1560-х – 1570-х гг. не заняло следующее поколение волоколамских постриженников?

На мой взгляд, исчерпывающий ответ на этот вопрос содержат записи опубликованного А.А. Зиминым Летописца Иосифо-Волоколамского монастыря. В нём сообщается, что в 1568/69 г. в Москве и иных городах «мор был велик»; «в Иосифе монастыре преставились 53 браты да слуг и детей и шьвалей много вымерло». Ещё более разрушительная волна мора накрыла обитель в 1570/71 г. Как повествует Летописец, «лета 7079 мор был добре велик, в Осифе монастыре преставилося 74 браты, а миряня, слугы и дети и мастера, все вымерли, и села все пусты, отчясти ся что остало. А починали мерети с Ълиина дни да до Николина

⁶⁴Послания Иосифа Волоцкого. С. 239–240.

⁶⁵Нечто подобное происходило и в сфере культуры. В эти же годы умерли или отошли от дел писатели, олицетворявшие древнерусскую книжность времени митрополита Макария (см.: Усачев А.С. Некоторые размышления о верхней хронологической границе эпохи митрополита Макария в истории древнерусской книжности // ДРВМ. 2013. № 3(53). С. 136–137).

дни осеннего»⁶⁶. Таким образом, в Волоколамской обители за 2–3 года скончалось 127 монахов⁶⁷, а также значительное число монастырских слуг и крестьян. Зададимся вопросом: 127 иноков для такой обители, как Волоколамская, в XVI в. — это много или мало?

Согласно имеющимся в распоряжении А.А. Зимина сведениям, почерпнутым из хозяйственных документов монастыря, в 1578/79 г. (т.е. через 8–10 лет после мора) численность братии составляла 130 человек, в 1598/99 г.— 97, в октябре 1601 г.— 140, в 1603/04 г.— 110 человек. В целом, согласно Зимину, численность братии Волоколамской обители к концу XVI в. составляла «несколько более 100 человек»⁶⁸. Приведём некоторые сравнительные данные. В крупнейшем монастыре России XVI в. — Троице-Сергиевом — согласно данным ряда иностранных источников (вероятно, несколько завышенным), в 1560–1570-е гг. проживали от 200 до 350 иноков. Завещание троицкого старца Варсонофия (Якимова) (1595 г.) указывает более определённое число: «Ныне у Троицы двести двадцать братьев». Согласно подсчётам С.В. Николаевой, к концу XV в. численность троицкой братии возросла со 100 до 150 и к концу XVI в. достигла 220 человек. По мнению исследовательницы, одновременно в Троице в XVI в. проживало несколько более 200 иноков⁶⁹.

Сопоставима с Троицей численность другой крупнейшей обители — Кирилло-Белозерского монастыря. К 1601 г., по подсчётам З.В. Дмитриевой, она составляла 184 инока⁷⁰. В Соловецком монастыре, как сообщает запись на Псалтыри 1545 г., «братии же тогда бе числом 136»⁷¹. «Устав о монастырском платье» 1553 г. приводит более скромную цифру — 107 соловецких иноков⁷². В относительно небольших монастырях численность братии была существенно ниже. Как показала И.Н. Шамина, в XVI–XVII вв. число насельников вологодских монастырей — далеко не самых крупных (мелких и средних) — составляло от 20–25 монахов (Николо-Озерский монастырь) до 61 (Павлов-Обнорский монастырь)⁷³.

«Молодой» по отношению к другим крупнейшим русским обителям (Чудову, Симонову, Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому) Иосифо-Волоколамский монастырь занимал сравнительно невысокое положение в церковной иерархии. Однако, учитывая весьма значительное влияние его постриженников,

⁶⁶ Зимин А.А. Краткие летописцы... С. 21, 22.

⁶⁷ Зимин, обратив внимание на это известие, связал его также с возможными потерями в связи с походом крымского хана на Москву (1571 г.) и счёл возможным говорить об общей убыли иноков в 300 человек (см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 154). Данная цифра представляется сильно завышенной.

⁶⁸ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 153–154.

⁶⁹ Николаева С.В. Указ. соч. С. 87, 88, 98; Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1892. С. 132–133.

⁷⁰ Дмитриева З.В. Памяти келарей Кирилло-Белозерского монастыря «о поминках и запахах»: 1560–1630-е гг. // ВЦИ. 2014. № 1–2. С. 5–6.

⁷¹ ОР РНБ, ф. 717 (Соловецкое собрание), № 766/876, л. 254.

⁷² Лобакова И.А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. — один из неучтённых источников по истории Соловецкого монастыря времён игуменства Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 324. Наиболее полный перечень соловецких иноков XVI в. см.: Крушельницкая Е.В., Тутова Т.А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. С. 3–145.

⁷³ Шамина И.Н. Из истории вологодских монастырей XVI–XVII века (состав насельников) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 143.

а также немалые экономические возможности монастыря, по числу насельников его следует отнести к крупнейшим обителям. Численность братии таких обителей составляла 150–200 человек⁷⁴. Если это так, то убыль (127 человек) в Иосифо-Волоколамском монастыре могла составить от 63 до 85% от общего числа монахов. Очевидно, что после мора в обители осталось всего несколько десятков человек⁷⁵.

Видимо, за 8–10 лет после мора (к 1578/79 г.) численность братии достигла 130 человек путём активного пострижения в Волоколамской обители. Нельзя полностью исключить и возможность прихода какого-то числа иноков из других монастырей. Однако не приходится сомневаться в том, что, если в количественном отношении колоссальные демографические потери можно было, по крайней мере, частично восполнить за несколько лет, то для заполнения лакуны в «качественном» отношении требовались десятилетия. Обратим внимание на некоторые факты.

После поставления волоколамского игумена Леонида (Протасова) на Рязанскую кафедру в 1573 г. в обитель Иосифа на игуменство вызвали Тихона (Хворостина), лишь незадолго до того поставленного в настоятели Николо-Угрешского монастыря. Такая траектория карьеры волоколамского инока в XVI в. уникальна: другие случаи возвращения на игуменство в Иосифо-Волоколамский монастырь в рассматриваемый период неизвестны. Как правило, перемещения шли в обратном направлении. В Волоцкую обитель, как правило, её постриженники возвращались лишь на покой. Уникальное перемещение Тихона из игуменов Николо-Угрешского монастыря обратно в Иосифо-Волоколамский следует связать с фактами биографии едва ли не самого известного волоколамского книжника второй половины XVI в. Евфимия (Туркова). Он в 1575–1587 гг. был волоцким игуменом. Как сообщает духовная грамота Евфимия, после ухода Леонида из игуменов Волоколамской обители на Рязанскую кафедру в 1573 г. её старцы «много нудили» Евфимия «бых начальствовати» Иосифо-Волоколамским монастырём. Согласно этому источнику, братия «возвестила» о Евфимии царю. Он «начат ко мне кротце глаголати и понужати мою худость восприати началство великиа обители сеа, и мудрыми и тихыми глаголы увещаваа мя». Евфимий отказался. В результате из Николо-Угрешского монастыря спешно вызвали Тихона. Однако после того как спустя 2 года, в 1575 г., он был поставлен на Казанскую кафедру, на Евфимия вторично оказали давление как иноки, так и специально приехавший в обитель царь. В итоге Евфимий согласился стать игуменом. Литературное происхождение рассказа или какой-то его части исключать, конечно, нельзя⁷⁶. Однако не менее вероятным представляется и другой вариант развития событий: обезлюдевший от мора монастырь настолько остро нуждался в авторитетном настоятеле, что решение этой проблемы потребовало даже личного участия благоволившего монастырю Ивана IV. Именно благодаря его давлению на строптивного инока тот согласился возглавить обитель. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в таком давлении

⁷⁴ По мнению А.И. Алексеева, численность братии в XVI в. колебалась от нескольких десятков до 150 человек (*Алексеев А.И. и др. Указ. соч. С. 95*).

⁷⁵ Зимин, справедливо отмечая пагубность морового поветрия для хозяйственной жизни монастыря, с иными событиями, находящимися в центре нашего внимания, его последствия не связывал (см.: *Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 314*).

⁷⁶ *Демкова Н.С. Указ. соч. С. 344–347*.

на единственного кандидата не было бы нужды, если бы у волоколамских иноков и царя имелся более богатый выбор.

В конце 1560-х — начале 1580-х гг. пятерых иноков Иосифо-Волоколамского монастыря поставили на кафедры. Читатель вправе спросить: если этот монастырь в 1568—1571 гг. действительно понёс такие серьёзные людские потери, откуда взялись эти несколько кандидатов? Обратим внимание на то, что по крайней мере двоих из будущих архиереев в период мора в стенах Волоколамской обители не было. В начале 1568 г. Иосифо-Волоколамский монастырь покинул игумен Лаврентий, поставленный 2 февраля того года на Казанскую кафедру. Ещё раньше из Волоколамского монастыря отбыл будущий казанский архиепископ Иеремия, в 1564 г. ставший сначала архимандритом свияжского Богородичного, а потом казанского Спасо-Преображенского монастыря. Возможно, в Иосифо-Волоколамском монастыре во время второго мора не было и будущего казанского владыки Тихона (Хворостина). Известные П.М. Строеву источники фиксируют его в роли настоятеля Николо-Угрешского монастыря под 1572—1573 гг.⁷⁷ Когда именно он стал игуменом — неясно. Последнее известное упоминание его предшественника — также волоколамского постриженника Пимена (Садыкова) — относится к 1571 г. Это даёт основания думать, что Тихон мог стать настоятелем Угрешской обители в 1571 г. В этом случае в момент мора его могло не быть в Иосифо-Волоколамском монастыре. Где в это время находился будущий крутицкий владыка Семион (1581—1582 гг.), неизвестно: он мог проживать как в Волоколамской обители, так и возглавлять какой-либо иной монастырь. Последний вариант выглядит более вероятным: как правило, до поставления на кафедры волоколамские иноки в течение какого-то времени возглавляли те или иные обители. Таким образом, во время мора среди тех, кто позднее будет поставлен на кафедры, в Иосифо-Волоколамском монастыре бесспорно проживал лишь возглавлявший в эти годы обитель будущий рязанский владыка Леонид (Протасов). Вероятно, мор в стенах Волоколамской обители пережил и будущий строитель костромского Ипатьевского монастыря Гурий (Ступишин).

Подводя итоги, отмечу, что значительное ослабление влияния постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря на управление Русской Церковью не связано с политическими или внутрицерковными факторами. Вероятный конфликт Ивана IV с выходцем из Волоколамской обители Германом (Садыревым-Полевым) не привёл к полному разрыву царя с обителью. Могущество монастыря в XVI в. определялось не только благоволением к нему светских лиц, делавших щедрые вклады. Общеизвестно, что вклады в Чудов, Троице-Сергиев или Кирилло-Белозерский монастыри были не менее щедрыми, а их земельные владения сопоставимы. Обитель Иосифа не могла похвастаться древностью или наличием святых с общерусским почитанием. Основа могущества Иосифо-Волоколамского монастыря заключалась в другом. Главный его ресурс — многочисленные и активные постриженники. Десятки наиболее деятельных и способных к делам церковного управления иноков, покинув обитель, становились игуменами и архиереями, при этом не порывая связи со своей *Alma Mater*. На место состарившихся или умерших приходили следующие поколения постриженников Иосифо-Волоколамского монастыря, прошедшие в его стенах многолетнюю подготовку.

Падение влияния Волоколамской обители связано с почти полной утратой этого ресурса в результате резкого сокращения числа её иноков в ходе мора

⁷⁷ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 205.

рубежа 1560–1570-х гг. От мора в XVI в. пострадали и другие обители, «кузницами» руководителей Русской Церкви не являвшиеся⁷⁸. Отбор и подготовка кандидатов на роль настоятелей монастырей и архиереев, как правило, занимали не менее двух десятилетий. Именно поэтому для потерявшего до ¼ или даже более иноков Иосифо-Волоколамского монастыря потери оказались невосполнимыми. Отдельные уцелевшие постриженники, получившие подготовку в стенах обители до мора (в 1550–1560-х гг.), до середины 1580-х гг. ещё занимали кафедры, но заменить их было уже некому: основная часть потенциальных преемников не пережила мор 1568–1571 гг.⁷⁹

Главным результатом падения «волоколамской гегемонии» для системы управления Русской Церковью стало изменение всей структуры епископата. Нельзя не заметить, что его персональный состав в последней трети XVI в. с точки зрения духовного происхождения отличается гораздо более высокой степенью гетерогенности, нежели в значительной мере «волоколамский» епископат 1520–1560-х гг. Помимо воспитанников традиционных «кузниц» архиереев – Симонова, Чудова, Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей – в его ряды влились выходцы из владимирского Рождественского⁸⁰, Герасимова Болдина⁸¹, старицкого Успенского⁸², новгородского Юрьева⁸³, Псково-Печерского⁸⁴, Махришского⁸⁵, суздальского Спасо-Евфимьева⁸⁶ и костромского Ипатьевского⁸⁷ монастырей.

---

⁷⁸ В 1580/81 г. «в мор изомроша» 99 «валаамских старцев и слуг» (цит. по: *Шляпкин И.А.* Рукописи Валаамского монастыря // Библиограф. 1889. № 10–11. С. 198). О массовой гибели от мора в XVI в. иноков крупнейших обителей, постриженники которых ещё с XV в. замещали большинство кафедр (прежде всего Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей), известные нам источники не сообщают.

⁷⁹ Очевидно, что мор сократил число не только потенциальных кандидатов на руководящие посты в Русской Церкви, но и тех, кто их готовил, – опытных и, вероятно, уже немолодых старцев. С этим, по-видимому, и связано то, что из Иосифо-Волоколамского монастыря в последней трети XVI – первой четверти XVII в. не вышел ни один архиерей из поколения постриженных после мора рубежа 1560–1570-х гг. Очевидно, имел место полный разрыв между поколениями.

⁸⁰ Тверской епископ (архиепископ) Захария (1578–1602 гг.), ростовский архиепископ (митрополит) Варлаам (Рогов) (1587–1603 гг.), вологодский епископ (архиепископ) Иона (Думин) (1588–1603 гг.).

⁸¹ Вологодский епископ Антоний (1585–1587 гг.).

⁸² Коломенский епископ (1581–1586 гг.), ростовский архиепископ (1586 г.), митрополит (патриарх) Московский и всея Руси (1586–1605 гг.) Иов.

⁸³ Новгородского архиепископа (митрополита) Александра (1576–1591 гг.) поставили на кафедру из настоятелей Юрьева монастыря. Известно, что он был учеником Антония Сийского. Однако постриг он принял в одной из новгородских обителей.

⁸⁴ Тверской епископ Савва (1570–1572 гг.), казанский архиепископ Тихон (1583–1589 гг.).

⁸⁵ Суздальский епископ Варлаам (1570–1586 гг.).

⁸⁶ Коломенский епископ Савватий (1570–1571 гг.), суздальский епископ (архиепископ) Иов (1587–1592 гг.).

⁸⁷ Казанский архиепископ Вассиан (1575 г.).

«Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в.

Никита Башнин

The «budget» of the Vologda Archbishop house of St. Sophia in the early 17th century

*Nikita Bashnin (Saint Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences;*

*Saint Petersburg Repin State Academic Institute of Painting,
Sculpture and Architecture, Russian Academy of Arts)*

Вологодский архиерейский дом св. Софии в XVII в. являлся крупным церковным учреждением, в его ведении находились монастыри, пустыни и церкви обширной епархии (около 70 обителей и более 500 храмов)¹, а также вотчинные земли. Выстраивание отношений с царём и патриархом, регулирование церковной жизни, управление обширным хозяйством требовали многочисленного штата служилых людей и средств для содержания архиерейского двора². Для выполнения церковных и мирских функций архиерейскому дому требовались значительные суммы денег и сбалансированный «бюджет».

При изучении финансовой истории Московского государства в XVII в.³ возникает необходимость совокупного анализа поступлений и расходов

© 2017 г. Н.В. Башнин

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-99.2017.6.

¹ Кузьмин А.В., Шамина И.Н., Смирнова С.С., Шаршаков И., Берташ А. Вологодская и Великоустюжская епархия // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 245. Согласно моим подсчётам, по окладным книгам церковью Вологды и Вологодского уезда, в 1628/29 г. на посаде Вологды был 41 храм, в Вологодском уезде – 258; в 1647/48 г. в Вологодском уезде числилось 228 храмов (сведений о церквях на посаде Вологды и в Окологорожье нет, так как начало рукописи утрачено). Судя по окладной книге церковью Вологодского и Белозерского уездов, а также Чарондской округи и вновь присоединённых к Вологодской епархии территорий, в 1676/77 г. в ведении архиепископа Вологодского и Белозерского Симона было 359 церквей. В 1702 г. в окладной книге зафиксировано «в городе на Вологде» 9 храмов, на посаде 38 церквей и 6 церковных пустых мест, в Вологодском и Белозерском уездах и Чарондской округе – 389 церквей (Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016 (далее – ПРОК). С. 471–504, 505–550, 551–654, 655–703).

² Б.Д. Греков показал, насколько сложными и неоднозначными были внутренние отношения в Новгородском архиерейском доме св. Софии (Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. 1. СПб., 1914; Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. 1. Софийский двор в городе Новгороде // Летопись занятий Археографической комиссии (далее – ЛЗАК) за 1923–1925 гг. Вып. 33. Л., 1926. С. 201–332; Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. 2. Собственное сельское хозяйство // ЛЗАК за 1926 г. Вып. 1(34). Л., 1927. С. 91–155).

³ Обзор литературы по этой теме см.: Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997. С. 176–198; Иванов В.И. Бухгалтерский учёт в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005. С. 4–10, 96–106; Устинова И.А. Книги патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М., 2011. С. 3–16, 131–133.

денежных средств государственных и церковных организаций, в связи с чем оговорим возможности использования термина «бюджет». В историографии нет единого мнения относительно его применения в отношении экономического положения религиозных и светских организаций, а также государства в XVI–XVII вв. Е.Н. Швейковская считает, что особенности финансовой деятельности учреждений в XVII в. не позволяют в полном смысле употреблять такое понятие и предлагает заменить его терминами «смета» или «роспись доходов и расходов»⁴. С этой точкой зрения согласилась И.А. Устинова: анализируя движение денежных средств в патриарших приказах первой половины XVII в., она использовала понятия «смета» и «бюджет» как синонимы, заключив последнее в кавычки⁵. З.В. Дмитриева для характеристики «хлебного хозяйства» обители преподобного Кирилла Белозерского в годы великого голода начала XVII в. и Смуты использовала понятие «бюджет», также заключив его в кавычки⁶. В.И. Иванов, исследуя финансовое состояние Соловецкого монастыря в первой половине XVII в., пишет о его бюджете, но не оговаривает особенности применения этого термина⁷.

Д.В. Лисейцев, реконструируя бюджет Московского царства во второй четверти XVII в., справедливо отмечает, что понятия «государственный бюджет» в то время не существовало, а термин «государева казна» лишь отчасти соответствует нашему понятию о бюджете. Это обусловлено тем, что, во-первых, «в XVII в. не существовало единой для всего государства фискальной системы, равно как и единого органа, выступающего в качестве конечного адресата налоговых поступлений». Во-вторых, часть денег расходовалась на местах, не поступая в Москву. В-третьих, некоторые доходы поступали в государственную казну в виде различных товаров (европейская серебряная монета, мёд, пушнина и др.)⁸. Лисейцев, оговорив эти нюансы, далее в исследовании использует термин «бюджет» без кавычек.

Отметим, что словосочетание «архиерейская казна» также лишь отчасти соответствует современному понятию «бюджет». В ней хранились не только деньги, но и документы (жалованные грамоты, хозяйственные книги, кабалы), иконы, различная утварь⁹. Однако, если в государстве не существовало конечного адресата налоговых поступлений, то в епархиях ситуация была иная. Все финансовые потоки проходили через руки казначей архиерейского дома и помогавших ему дьяков. Деньги поступали в архиерейскую казну

⁴ Швейковская Е.Н. Из истории финансово-налоговой системы России XVII в. // История СССР. 1988. № 5. С. 56.

⁵ Устинова И.А. Указ. соч. С. 131–135.

⁶ Дмитриева З.В. Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков. СПб., 2015. С. 9–157. (Труды СПбИИ РАН. Вып. 1(17)).

⁷ Иванов В.И. Указ. соч. С. 96–149.

⁸ Лисейцев Д.В. Государственный бюджет Московского царства рубежа 1630–1640-х гг.: Опыт реконструкции // Российская история. 2015. № 5. С. 3–26.

⁹ Например, в 1676 г. казначей Вологодского Софийского дома старец Иосиф Васильев заболел и оставил должность. На его место назначили старца Подольного монастыря Никона. В связи с этим составили передаточную опись «казны». В преамбуле этого документа перечислены категории предметов, бывших в ведении казначей и подлежащих описанию: «в архиерейском дворе казне Божия милосердия образы, и великого государя жаловальные грамоты, и всякие домовые крепости, и денги, и заемные кабалы, и посуду всякую серебряную и медную и оловянную, и всякой завод и строение» (ОР РНБ, ф. 550, Q. IV, № 386, л. 1–2).

и уже потом распределялись по архиерейским приказам и другим органам управления епархией и вотчиной. Архиерей был верховным распорядителем денежных средств, часть их он хранил у себя¹⁰. Учитывая приведённые точки зрения и особенности функционирования архиерейской казны, далее термин «бюджет» будет использован в кавычках. Полностью отказаться от этого понятия не представляется возможным.

В современной историографии отмечена актуальность работ по экономической истории допетровской Руси. Д.В. Лисейцев считает, что дефицит таких исследований «сужает возможности анализа исторических процессов, протекавших в Московском государстве XVI–XVII вв. и ставит на повестку дня реконструкцию бюджета Московского государства в разные периоды XVII столетия». Хотя полная «реконструкция государственного бюджета Московского государства XVII столетия вряд ли возможна»¹¹, очевидно, что исследование финансовых вопросов в регионах и изучение «бюджетов» крупных церковных организаций будет способствовать более полному представлению о финансовом состоянии как государства в целом, так и его частей.

Исследованием «бюджета» архиерейских домов в XVI–XVII вв. занимались И.М. Покровский и Б.Д. Греков. Приходо-расходных книг Казанского архиерейского дома за вторую половину XVI–XVII в. не сохранилось, а наиболее ранний документ этого вида датируется 1706 г. Однако Покровский на основании свидетельств других источников выявил основные статьи прихода и показал направления расхода денежных средств Казанского архиерейского дома¹².

Б.Д. Греков, характеризуя источники для своего исследования, отметил, что из архива Новгородского Софийского дома за XVI–XVII вв. сохранилось менее десятка приходо-расходных книг. По мнению историка, эти источники представляют собой «фокус, куда сходились и откуда выходили нити, связывающие и объединяющие почти все хозяйственные учреждения Софийского дома», в них «отразилась вся тяглая церковная организация Новгородской епархии со всеми важнейшими переменами в ней на протяжении столетия». В 1914 г. Греков сосредоточил внимание на хозяйственных вопросах, а изыскания о «бюджете» Новгородского Софийского дома в XVI–XVII вв. содержат его работы, вышедшие в 1920-х гг. В частности, он привёл сведения о покупках дома св. Софии в Новгороде во второй половине XVI в. и отметил, что в XVII в. более 70% доходов архиерейского дома носило хозяйственный характер, а почти 25% это «нехозяйственный» доход¹³.

¹⁰ При поездке архиепископа Симона в Москву в 1676 г. для участия в церемонии венчания на царство Фёдора Алексеевича деньги на различные расходы выдавал лично вологодский владыка: «Выдал от себя сверху дьяку своему Кирилу Борисову на наймы подвод и на всякую издержку сто рублей денег» (Сектор письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, ф. 1, оп. 2, л. 20, л. 1).

¹¹ Лисейцев Д.В. Государственный бюджет... С. 3, 4.

¹² Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906. С. 187–266.

¹³ Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии... С. 13–14; Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства... 1. Софийский двор в городе Новгороде. С. 255–259, 332; Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства... 2. Собственное сельское хозяйство. С. 91–155.

Обращение к исследованию «бюджета» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. обусловлено следующими обстоятельствами. Первые десятилетия этого столетия пришлось на Смутное время, а в конце 1610—1620-х гг. правительство царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета сосредоточило силы на восстановлении государства¹⁴. В политической жизни значительную роль играли Земские соборы, а в экономической сфере распространялись сборы экстраординарных налогов¹⁵. Вологда, Вологодский Софийский дом, Вологодский уезд и другие северные земли неоднократно разорялись «ворами» в Смуту, а ликвидация казачьих отрядов на Русском Севере затянулась до конца 1610-х гг. Отряды поляков и литовцев после разорения и сожжения Вологды 22 сентября 1612 г. ушли в Заозерье. В это же время были разграблены Спасо-Прилуцкий, Воскресенский Череповецкий и другие монастыри¹⁶. Выстояла только обитель преподобного Кирилла Белозерского¹⁷. Отметим, что в 1615 г. в окрестностях Вологды, Белозерья и Каргополя действовали 74 атамана и 30—40 тыс. казаков¹⁸.

«Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. будет рассчитан по двум хронологическим срезам: 1612/13 г. и 1627/28 г. Осень—зима 1612 г. и зима—лето 1613 г. — период после разорения и сожжения Вологды и архиерейского дома «польскими и литовскими людьми, и черкасы, и козаки, и русскими воры», а 1627/28 г. — время, когда последствия Смуты во многом были преодолены, хозяйственное состояние Вологодской и Великопермской епархии, архиерейских вотчин и Вологодского уезда стабилизировалось и начался экономический подъём. Выбор обозначенных хронологических срезов обусловлен сохранностью источников. За 1612/13 и 1627/28 гг. выявлены и введены в научный оборот приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома св. Софии¹⁹. Финансовый документ 1612/13 г. является наиболее ранней сохранившейся приходо-расходной книгой Вологодского дома св. Софии, поскольку предыдущие документы утрачены после разорения Вологды в сентябре 1612 г.

---

¹⁴ Павлов А.П. Государев двор в первые годы царствования Михаила Романова: на путях выхода из политического кризиса Смуты // Смуты в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. М., 2016. С. 80—90; Лисейцев Д.В. Приказной строй Московского государства эпохи Смуты // Там же. С. 137—142.

¹⁵ Лисейцев Д.В. Земский собор 1616 г. и сбор третьей пятины в Московском государстве: механизмы взаимодействия правительства и податного населения на исходе Смутного времени // Российская история. 2016. № 5. С. 3—20.

¹⁶ Из отписки «государства Московскаго боярам и воеводам» // Вологодские губернские ведомости. 1839. № 3. С. 19—20; Суворов И.Н. Разорение Вологодского края в 1612—1613 годах // Вологодские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1881. № 21. С. 377—378. Осьминский Т.И., Озеринин Н.В., Брусенский И.И. Очерки по истории края (Вологодская область). Вологда, 1960. С. 94—95; Станиславский А.Л. Восстание 1614—1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 111—126; Станиславский А.Л. Казацкое движение 1615—1618 годов // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 104—116; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

¹⁷ Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897. С. 50—62.

¹⁸ Осьминский Т.И., Озеринин Н.В., Брусенский И.И. Указ. соч. С. 100; Васильев Ю.С. Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в. Учебное пособие к спецкурсу. Вологда, 1985.

¹⁹ ПРОК. С. 37—209.

Несмотря на то, что к осени 1612 г. Вологду укрепили, на подъездных дорогах устроили засеки и выставили сторожевые заставы²⁰, 22 сентября 1612 г. город был легко взят. Ф.Я. Коновалов полагает, что принятые меры усыпили бдительность вологжан и воевод, что и стало причиной падения Вологды²¹. Об этом известно из отписки епископа Сильвестра (он в 1612/13 г. занимал Вологодскую кафедру²²), сообщившего московским боярам и воеводам о разорении города²³. По словам иерарха, 22 сентября 1612 г. «с понедельника на вторник, на останошном часу ночи... польские и литовские люди, и черкасы, и козаки, и русские воры пришли на Вологду безвестно изгоном и город Вологду взяли, и людей всяких посекали, и церкви Божия опоругали, и город и посады выжгли до основания». Стольник и воевода кн. Иван Одоевский сумел уйти, а окольникового и воеводу Григория Долгорукого и дьяка Истому Карташева убили. По признанию архиепископа Сильвестра, он был в плену «четыре ночи, и многажды приводили к казне», но потом отпустили. Судя по его отписке, Вологду взяли при открытых воротах и отсутствии караула. Резюмируя, архиепископ Сильвестр написал крылатую фразу: «А все, господа, делалось хмелем, пропили город Вологду воеводы»²⁴.

Обратимся к приходо-расходной книге 1612/13 г. Первые записи в ней датированы 6 октября 1612 г. Традиционно документы такого вида заканчивали 31 августа и начинали с 1 сентября, поэтому можно предположить, что в пожаре сгорели не только приходо-расходные книги за предыдущие годы, но и недавно начатая книга, а дошедшую до нас рукопись стали вести после ухода вражеских отрядов. Сведений непосредственно о пожаре в приходо-расходной книге нет. Исключение составляет только одна запись от 23 ноября 1612 г. о покупке на 17 алтын «горелово» серебра²⁵. Из другой отписки архиепископа Сильвестра известно, что во время разорения города погибли 49 «попов и дьяконов»²⁶. В приходо-расходной книге содержатся сведения о тратах на погребение лишь одного человека. Подьячего Дениса, вероятно, ранили «воры», от чего тот позднее и скончался. По указу епископа Сильвестра его вдова Антонида 10 декабря 1612 г. получила 10 алтын «мужа погрести»²⁷. Таким образом, приходо-расходная книга 1612/13 г. не только является наиболее ранним сохранившимся документом этого вида из архива Вологодского архиерейского дома, но и содержит сведения о доходах и тратах архиерейской казны непосредственно после разорения Вологды в Смуту.

Сведения о доходах Вологодского Софийского дома в 1612/13 и 1627/28 г. сведены в таблицу I.

²⁰ Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. № 226, 227. С. 191–192.

²¹ Коновалов Ф.Я. О Вологде и вологжанах // Старая Вологда... С. 4.

²² Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 731, 1015.

²³ Бунаков Н. Историко-статистические материалы. Вологда в начале XVII в. (продолжение) // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1857. № 36. С. 249–251.

²⁴ Старая Вологда... № 231. С. 195–196.

²⁵ ПРОК. С. 77.

²⁶ Старая Вологда... № 234. С. 197.

²⁷ ПРОК. С. 80.

Приход денег в казну Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в.

Категории доходов	1612/13 г.		1627/28 г.	
	Сумма	% от общей суммы	Сумма	% от общей суммы
Разные сборы*	80 руб. 20 коп.	14.2	705 руб. 37 коп.	53.8
Венечные пошлыны	43 руб. 75 коп.	7.7	131 руб. 41 коп.	10.0
Церковная дань**	441 руб. 10 коп.	78.1	474 руб. 69 коп.	36.2
Итого дохода за год	565 руб. 95 коп.	100	1 311 руб. 47 коп.	100
Доход за год	—	—	1 311 руб. 47 коп.	63.3
Прошлогодний остаток	—	—	761 руб. 51 коп.	36.7
Итого с остатком за прошлый год	—	—	2 072 руб. 96 коп.	100

Составлено по: ПРОК. С. 37–209.

* В этот раздел включены оброк, кортомные деньги, доходы от продажи скота, продуктов и других товаров, а также иные денежные поступления.

** В этот раздел включены, помимо церковной дани, сбор в «дворовую поделку», в «софийскую кровлю», за «плаун-траву» и другие деньги, собираемые со священников.

Из таблицы 1 видно, что поступления в «бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии делятся на три статьи. Разные сборы состояли из оброка с домовых крестьян и бобылей, использовавших в хозяйстве архиерейские земли; доходов от сдачи в аренду (кортому) различных объектов движимого и недвижимого имущества; от продажи скота, продуктов, леса из вотчинных земель; сбора кабальных денег (выданных в долг). Венечные пошлыны — эта статья прихода состояла из денег, полученных при венчании крестьян и посадских людей первым, вторым и третьим браком (соответственно — 1, 2 и 3 гривны). При сборе денег не учитывалось, один или оба брачующихся вступали в брак во второй или в третий раз. Размер взимаемых венечных пошлын за первую треть XVII в. оставался неизменным. Церковная дань состояла собственно из церковного оклада, а также из различных сборов с церковью в пользу архиерейского дома («за фунт плаун-травы гривна», «соборного гривна», «дворецкого алтын», «в дворовую поделку», «заезд», «казенные платежные пошлыны», «в софийскую кровлю»²⁸). Иногда эти виды различных налогов скрывались за фразой «за все про все».

Любопытно свидетельство о сборе «плаун-травы». Плаун булавовидный (*Lusorodium clavatum*. — лат.) — лесное многолетнее вечнозелёное споровое растение, стелющееся по мху (обладает целебными свойствами, применяется

²⁸ Суворов Н.И. Несколько статистических и топографических сведений о Вологодской епархии от начала XVII столетия до настоящего времени // ВЕВ. 1865. Прибавление. № 21. С. 828–829; Раздел в приходе-расходных книгах о сборе церковной дани близок по содержанию к архиерейским окладным книгам. Подробнее см.: Черкасова М.С. Архиерейские окладные книги как источник по землевладению и народонаселению в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 133–147.

при лечении алкоголизма). Споры этого растения легко воспламеняются и горят. При этом если порошок брошен в огонь, то сгорает с яркой вспышкой без копоти, дыма и запаха. Этот эффект использовался вологодскими архиереями ежегодно в первой половине XVII в., когда перед праздником Рождества Христова в кафедральном соборе проводился «Чин пещного действия» (ввержение трёх отроков в Вавилонскую печь)²⁹. Для этого театрализованного представления собирали и покупали до 8 кг «плаун-травы».

Подсчёты поступления денежных средств в «бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в 1612/13 и 1627/28 гг. показывают, что его доход увеличился более чем в 2 раза. Из таблицы 1 видно, что пополнение архиерейской казны во время Смуты происходило в основном за счёт сбора церковной дани (78.1% общего дохода) и вечных пошлин (7.7%). Таким образом, в условиях Смуты и разорения Вологды архиерей опирался на церковно-приходскую сеть своей епархии. Несмотря на разорение уезда и рейды «воров», пополнение «бюджета» Вологодского архиерейского дома св. Софии происходило своевременно и покрывало текущие расходы. В целом приходо-расходная книга 1612/13 г. свидетельствует о том, что даже в тяжёлые годы жизнь простых людей в Вологде и Вологодском уезде не замирала: в церквях крестили детей, венчались, отпевали усопших. При архиепископе Сильвестре началось восстановление построек архиерейского дома, он также отдал указание о сборе в монастырях книг и церковной утвари для Софийского собора и «выбирал» с обителей лошадей с упряжью для перевозки своего имущества в Москву³⁰.

26 октября 1612 г. Москва была освобождена от поляков, и в ноябре от имени кн. Д.М. Пожарского и кн. Д.Т. Трубецкого разослали грамоты с предписанием светским и церковным лицам прибыть в столицу для выборов царя³¹. Сведения о приезде гонца в Вологду находим в приходо-расходной книге 1612/13 г.: «Ноября в 27 день приехал с Москвы от бояр з богомольною грамотою, как Господь Бог поручил Московское государство, Борис Семенович Дворянинов, дано ему по архиепископлю приказу три рубли денег да людем его дано две гривны»³². Судя по следующим сообщениям источника, в столицу пригласили архиепископа Сильвестра.

Вероятно, 30 ноября 1612 г. сын боярский Любим Столбицкий уехал провожать до Ярославля московских гонцов и одновременно разведал обстановку. Очевидно, после его возвращения через какое-то время в дорогу отправился и сам архиепископ Сильвестр. Точной даты отъезда иерарха в источнике не зафиксировано. 29 декабря 1612 г. к «государю архиепископу Селивестру в келью» отнесли 70 руб., а 12 января 1613 г. уже была «куплена бочка щучины живосольные к архиепископу к Москве». Предположим, что в январе 1613 г. вологодский

²⁹ Суворов Н.И. Несколько статистических и топографических сведений... № 21. С. 829; Стенишкова П.А. Церковно-театрализованные действия в России XVI–XVII вв. (на примере «Пещного действия» и «Шествия на осляти» в Вербное воскресенье). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006; Топычканов А.В., Шамин С.М. Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действия, выступления скоморохов и артистов, театр // Российская история. 2016. № 6. С. 98–99.

³⁰ Башинин Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 559, 560.

³¹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова / Сост. С.А. Белокуров. М., 1906. С. 1–2.

³² ПРОК. С. 78.

архиепископ уехал в столицу для участия в соборе. Запись о возвращении свиты архиепископа датирована 8 февраля 1613 г.: «сыну боярскому Сидору Аврамяеву дано три рубли пять алтын полпята деньги, что оне издержали собе на харчы, с Москвы едуци до Вологды дватцати дву человеком да на конской корм на сено и на овес 25 лошадей»³³.

21 февраля 1613 г. на царство выбрали Михаила Фёдоровича Романова³⁴, а 14 апреля на ещё одном заседании Собора постановили принести присягу новому царю и написать «утверженную» грамоту. На обратной стороне этого документа восьмой стоит подпись вологодского владыки Сильвестра с титулом «епископ Корельский и Ореский»³⁵. Такое титулование обусловлено тем, что иерарх после взятия шведами Орешка покинул этот город весной 1611 г. и перешёл в Вологду, где к тому времени не было правящего архиерея. Предыдущий архиепископ Иоасаф II скончался 3 июня 1609 г.³⁶ Архиепископ Сильвестр пребывал в Москве в течение зимы, весны и лета 1613 г. о чём свидетельствуют записи в приходо-расходной книге об отправке ему рыжиков, нельмушьеи икры, 30 руб. и о поездках туда архиерейских людей. В июне 1613 г. к иерарху отправили «полоть мяс свиных», пять лососей и «телегу-двоеколку»³⁷. В Вологду архиепископ Сильвестр не вернулся, а следующим архиепископом Вологодским и Великопермским стал Нектарий Грек.

После преодоления Смуты изменилась структура доходов Вологодского дома св. Софии. Из таблицы 1 видно, что в 1627/28 гг. более половины поступивших денег (53,8% общего дохода) – это разные сборы. При этом незначительно увеличилась доля венечных пошлин: с 7,7% в 1612/13 г. до 10 в 1627/28 г., хотя в денежном выражении их сборы возросли в 3 раза. Более чем в 2 раза упала доля церковной дани – с 78,1% в 1612/13 г. до 36,2 в 1627/28 г., при этом в денежном выражении сумма этих доходов незначительно возросла. Приведённые данные говорят о том, что церковно-приходская структура была наиболее устойчивым элементом, в меньшей степени затронутым кризисными явлениями, тогда как экономический рост и количество заключаемых браков в большей степени зависели от социально-политической обстановки в стране.

Увеличение разных сборов в процентном соотношении в 3,7 раза (с 14,2% в 1612/13 г. до 53,8 в 1627/28 г.) и в денежном выражении в 8,8 раз указывает на оживление экономических отношений к концу 1620-х гг. Посадские и архиерейские люди, крестьяне, бобыли активнее брали в аренду и на оброк пустоши, мельницы и другие угодья, оформляли займы (кабалы), увеличивались объёмы торговли.

Для того чтобы выяснить, как тратились деньги из «бюджета» Вологодского Софийского дома в первой трети XVII в., была проведена сплошная систематизация всех расходов, а сведения об их структуре в 1612/13 и 1627/28 гг. представлены в таблице 2.

³³ Там же. С. 79, 83, 85, 87.

³⁴ Павлов А.П. «Совет всея земли» и избирательная борьба в 1613 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. Рязань, 2011. С. 77–78.

³⁵ Утверженная грамота... С. 2, 75.

³⁶ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 731.

³⁷ ПРОК. С. 88, 89, 90, 94, 97, 98.

Таблица 2

Расход денег из казны Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в.

Категории расходов	Виды расходов	1612/13 г.		1627/28 г.	
		Сумма	% от общей суммы*	Сумма	% от общей суммы*
Расходы на содержание храмов и богослужение	Церковная утварь, одежда священников, ладан, фимиам, вино	1 руб. 70 коп. 0.5 деньга	0.3	14 руб. 63 коп.	1.1
	Архиерейское облачение, одежда, полсть, печать	6 руб. 16 коп. 1 деньга	1.1	2 руб. 50 коп.	0.2
	Иконы и церковные украшения	1 руб. 95 коп.	0.4	62 руб. 2 коп.	4.6
	Просвиры	6 коп.	<0.1	73 коп.	<0.1
	Свечи, «светилни», воск, лучина, ставцы, «сканье» свеч	4 руб. 89 коп.	1	20 руб. 3 коп.	1.6
	Масло красное	10 руб.	1.8	—	—
	Плаун-трава	—	—	91 коп.	0.1
Всего	24 руб. 77 коп.	4.6	100 руб. 82 коп.	7.6	
Потребности архиерейских людей	Продукты, напитки, специи	92 руб. 82 коп. 1 деньга	17.1	201 руб. 50 коп.	15
	Соль	1 руб. 20 коп. 1 деньга	0.2	—	—
	Одежда (в т.ч. шапки и рукавицы)	82 коп. 1 деньга	0.1	81 коп.	<0.1
	Обувь	2 руб. 68 коп.	0.5	96 коп.	0.1
	Посуда и столовые приборы, скатерти, кухонная утварь, кули, мешки, бочки, лагуны, рогожи	11 руб. 90 коп.	2.3	18 руб. 63 коп. 1 деньга	1.4
	Мыло, рукомойники, мочало	77 коп.	0.1	42 коп.	<0.1
	Выдача жалованья	67 руб. 86 коп.	12.5	199 руб. 26 коп.	14.8
	Поездки архиерейских людей (харч, корм лошадям, наём лодок)	13 руб. 91 коп. 1.5 деньга	2.6	10 руб.	0.7
Всего	191 руб. 98 коп. 0.5 деньга	35.4	431 руб. 58 коп. 1 деньга	32	
Строительство, содержание зданий и сооружений, интерьер	Строительство и ремонт (брёвна, избы, гвозди, краска, скобяные и др. изделия, печные и плотницкие работы)	67 руб. 63 коп.	12.5	192 руб. 59 коп. 1 деньга	14.2
	Предметы внутреннего убранства домов и др. помещений	2 руб. 35 коп. 1 деньга	0.4	4 руб. 58 коп. 1 деньга	0.3
	Дрова, уголь	3 руб. 80 коп. 1 деньга	0.7	16 руб. 31 коп. 1 деньга	1.2
	Покупка недвижимости	—	—	6 руб.	0.5
	Всего	73 руб. 79 коп.	13.6	219 руб. 49 коп. 1 деньга	16.2

Таблица 2 (продолжение)

Категории расходов	Виды расходов	1612/13 г.		1627/28 г.	
		Сумма	% от общей суммы*	Сумма	% от общей суммы*
Хозяйственные, с/х и культурные затраты	Расход поселских старшев и др. работников в архиерейской вотчине (без указания цели)	2 руб. 15 коп.	0.4	70 коп.	<0.1
	Хозяйственные, ювелирные, портные, сапожные, скорняжные, кузнечные и с/х работы с учётом покупки семян и материалов	19 руб. 70 коп. 1 деньга	3.7	109 руб. 71 коп. 1.5 деньга	8.1
	Секачи, топоры, лопаты, клещи, вёдра и др. хозяйственный и с/х инвентарь	3 руб. 15 коп. 0.5 деньга	0.6	1 руб. 61 коп.	0.2
	Ткань	15 руб. 33 коп. 1 деньга	2.8	50 руб. 70 коп.	3.7
	Мех, шкуры	1 руб. 20 коп.	0.2	—	—
	Книги (в т.ч. переплётные работы)	50 коп.	0.1	7 руб. 54 коп.	0.5
	Бумага	45 коп.	<0.1	2 руб. 1 деньга	0.2
	Обучение детей	—	—	70 коп.	<0.1
	Ужища липовые, лыко, бечева, конопля, ремни, гужи, пенька	3 руб. 17 коп.	0.6	2 руб. 15 коп.	0.2
	Наём извозчиков	75 коп.	0.1	2 руб. 11 коп.	0.2
Всего	46 руб. 41 коп. 0.5 деньга	8.5	177 руб. 23 коп. 0.5 деньга	13.1	
Скот	Покупка скота (быки, коровы, свиньи, кобылы)	12 руб. 50 коп.	2.3	22 руб. 50 коп.	1.6
	Содержание скота (уход, корм, подковывание лошадей, лечение)	3 руб. 93 коп. 1 деньга	0.7	3 руб. 90 коп. 1 деньга	0.3
	Сено	4 руб. 56 коп. 1 деньга	0.8	1 руб.	0.1
	Дровни, сани, телеги, оглобли, упряжь, дуги, сёдла, колёса, дёготь	22 руб. 37 коп.	4.2	3 руб. 22 коп.	0.2
	Всего	43 руб. 37 коп.	8	30 руб. 62 коп. 1 деньга	2.2
Почести и подношения	Почести должностным лицам и священникам	5 руб. 63 коп. 1 деньга	1	6 руб. 59 коп.	0.5
	Продукты в подношение	2 руб. 79 коп.	0.5	2 руб. 28 коп.	0.1
	Корм военным	4 руб. 27 коп.	0.8	—	—
	Всего	12 руб. 69 коп. 1 деньга	2.3	8 руб. 87 коп.	0.6

Таблица 2 (окончание)

Категории расходов	Виды расходов	1612/13 г.		1627/28 г.	
		Сумма	% от общей суммы*	Сумма	% от общей суммы*
Кредитно-финансовая деятельность	Возвращение долга	25 руб.	4.6	20 руб.	1.5
	Выдача займов	18 руб. 56 коп. 1 деньга	3.5	139 руб. 20 коп.	10.3
	Выдача денег по грамоте архиепископа (аккредитив)	4 руб.	0.7	—	—
	Прощение долга	—	—	50 коп.	<0.1
	Всего	47 руб. 56 коп. 1 деньга	8.8	159 руб. 70 коп.	11.8
Налоги	Ямские деньги	—	—	76 руб. 86 коп.	5.7
	Белый корм	—	—	1 руб. 10 коп.	0.1
	Стрелецкие запасы	—	—	25 коп.	<0.1
	Всего	—	—	78 руб. 21 коп.	5.8
Разное	Отнесено к архиепископу в келью, послано в Москву архиепископу	100 руб.	18.5	—	—
	Послано в Москву к стряпчему	—	—	86 руб.	6.4
	Золотые	—	—	37 руб. 74 коп.	2.8
	Милостыня	1 руб. 40 коп.	0.3	—	—
	За крестьянина (перешёл в архиерейскую вотчину)	—	—	20 руб.	1.5
	Всего	101 руб. 40 коп.	18.8	143 руб. 74 коп.	10.7
Итого	541 руб. 98 коп. 1 деньга	100	1 350 руб. 27 коп. 1.5 деньги	100	

Составлено по: ПРОК. С. 37–209.

* При подсчёте процентов значения < 0.1% не учтены.

Из таблицы 2 видно, насколько разнообразной и дробной была структура расходов Вологодского архиерейского дома в первой трети XVII в. По сравнению с 1612/13 г. в 1627/28 г. добавились новые статьи расходов, например,

выплата налогов (5.8% от общей суммы расходов), но при этом исчезли старые — «корм» казакам, охранявшим архиерейские владения и сопровождавшим лодки при перевозке зерна (0.8% от общей суммы расходов).

Дадим краткую характеристику динамике расходов архиерейского дома в первой трети XVII в. Как видно из таблицы 2, увеличились затраты на содержание и украшение церквей, а также на облачение священников и архиепископа: с 4.6% в 1612/13 г. до 7.6 в 1627/28 г. (от общей суммы расхода), а в денежном выражении — в 4 раза. Отметим, что более половины этих денег в конце 1620-х гг. ушло на иконы и украшение храмов.

Незначительно сократились в процентном отношении расходы на содержание архиерейских людей — с 35.4% в 1612/13 г. до 32 в 1627/28 г. (от общей суммы расхода), однако в денежном выражении они возросли в 2.2 раза, что в первую очередь связано с троекратным увеличением суммы, затраченной на выплату жалованья. Причём в приходо-расходной книге 1627/28 г. имеется особый раздел, где перечислены имена лиц, занимающих различные должности (ризничий, чашник, житник, крестовый священник, портной мастер, подьячие, певчие дьяки, конархист, повара, хлебник, плотники, сторожа, огородник, гвоздарь, подключник, конюхи, водовоз) и имеющих чины (дворовые дети боярские), с указанием размера получаемых денежных выплат (от 5 руб. до полтины в год)³⁸.

В сентябре 1612 г. многие постройки архиерейского дома и Софийский собор были сожжены и/или разграблены, а в 1627/28 г. пожаров и разрушений не зафиксировано, но расходы на строительство и содержание объектов недвижимости в процентном отношении различаются незначительно — 13.6% в 1612/13 г. и 16.2 в 1627/28 г. (от общей суммы расходов). В денежном же выражении расходы по этой статье увеличились в 3 раза в связи с предпринятой архиепископом Вологодским и Великопермским Варлаамом перестройкой архиерейских келий и другими строительными работами.

Показательно, что к концу 1620-х гг. в процентном соотношении (с 8.5 до 13.1%) и денежном выражении (в 3.8 раза) возрастают расходы на хозяйственные и культурные потребности, преимущественно за счёт трат на оплату труда привлечённым к выполнению работ кузнецам, портным, сапожникам, огородникам и другим работникам, а также на покупку материалов (железа, семян, кожи, ткани и др.). В процентном соотношении по этой статье произошёл рост с 3.7 до 8.1%, а в денежном выражении затраты возросли в 5.5 раз, что указывает на оживление хозяйственной жизни в Вологде и округе.

Изменились показатели в сфере кредитно-финансовых отношений: произошёл рост в процентном (с 8.8 до 11.8%) и денежном выражении (в 3.3 раза). Резко увеличилось количество выданных архиерейской казной займов: в процентном отношении с 3.5 до 10.3%, а в денежном выражении произошёл рост в 7.5 раз. Эти цифры указывают на возросшую востребованность кредитов, что свидетельствует об экономическом и хозяйственном оживлении, а также о возрастании экономической зависимости крестьян от архиерейского дома.

Сведения о балансе двух годовых «бюджетов» Вологодского архиерейского дома в первой трети XVII в. представлены в таблице 3.

³⁸ Там же. С. 204–209.

Баланс «бюджета» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в.

Статьи «бюджета»	1612/13 г.		1627/28 г.	
	Сумма	% от общей суммы	Сумма	% от общей суммы
Приход	565 руб. 95 коп.	100	1 311 руб. 47 коп.	100
Расход	541 руб. 98 коп. 1 деньга	95.7	1 350 руб. 27 коп. 1.5 деньга	102.9
Перерасход	—	—	38 руб. 80 коп. 1.5 деньга	2.9
Остаток по итогам года	23 руб. 96 коп.	4.3	—	—
Прошлогодний остаток	—	—	761 руб. 51 коп.	58

Составлено по: ПРОК. С. 37–209.

При сравнении годовых «бюджетов» Вологодского архиерейского дома 1612/13 и 1627/28 гг. видно, что в Смуту расход кафедры за год составлял 95.7% дохода, а в конце 1620-х расход превысил доход на 2.9%. Однако остаток от предыдущего 1626/27 г. в размере 761 руб. 51 коп. составлял 58% дохода в 1627/28 г. (1 311 руб. 47 коп.) и с избытком покрывал дефицит архиерейского «бюджета». Это указывает на то, что к концу первой трети XVII в. в архиерейской казне начали накапливаться денежные излишки, использованные архиепископом Варлаамом, казначеем старцем Митрофаном и дьяком Иваном Бебеховым для различных нужд без боязни превысить годовой доход кафедры. Важно, что после разорения Вологды и епархии в Смуту архиерейский дом смог пополнить свою казну и не брать крупные суммы в долг. За 15 лет годовой объём сбора денег в неё увеличился в 2.3 раза, причём в 1627/28 г., помимо собранных денег, имелся остаток от предыдущего года, и общая сумма бывших в распоряжении архиепископа средств была больше, чем в 1612/13 г., в 3.6 раза. В результате удалось расширить штат архиерейского дома, активизировать хозяйственную деятельность, произвести перестройку архиерейских келий, увеличить выдачу займов и украсить храмы новыми иконами.

Таким образом, исследование «бюджета» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. показало особенности движения денежных средств в крупной церковной организации в годы кризиса и в период относительного социально-экономического и политического благополучия.

Социальная организация монастырского новоземельского промысла в XVII – начале XVIII в.

Сергей Никонов

The social organization of monastic fisheriers in the Novaya Zemlya in the 17th – early 18th century

Sergey Nikonov (Murmansk Arctic State University, Russia)

Особенностью экономического развития Русского Севера в XVI–XVIII вв. была организация хозяйственной деятельности на арктических территориях, непригодных для жизни человека. Одна из них – архипелаг Новая Земля, группа из двух больших (Южного и Северного) и ряда малых островов, находящихся на 75°14' северной широты, омываемых Баренцевым и Карским морями. Архипелаг стал известен русским не позднее XVI в.¹, однако первые свидетельства о пребывании здесь русских промышленников сохранились в иностранных источниках. В июле 1556 г. с русскими в районе небольшого острова Междушарского повстречалась английская экспедиция С. Барроу². Многочисленные свидетельства пребывания русских промышленников на Новой Земле содержатся в описании голландской экспедиции Виллема Баренца (1594–1597 гг.), составленном её участниками Херритом де Вейром и Яном ван Линсхотеном. Это упоминания о деревянных поклонных крестах, избах и останках разбившихся судов, обнаруженных на островах, а также о встречах с поморами-промышленниками, с которыми столкнулись уцелевшие члены экспедиции, возвращавшиеся с Новой Земли летом 1597 г.³ С конца XVI в. архипелаг попадает и на европейские карты. Приоритет России в открытии архипелага не вызывает сомнений. Об этом говорит его название – Новая Земля, – закрепившееся в европейской географической и картографической традиции, многочисленные русские топонимы⁴, а также

© 2017 г. С.А. Никонов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства Мурманской области («Промысловая колонизация и коренные народы Крайнего Севера Европейской России в XVI–XVIII веках: опыт хозяйственного взаимодействия и разрешения конфликтных ситуаций»), проект № 17-11-51001 а(р).

¹ В научной литературе высказаны две точки зрения о времени открытия русскими Новой Земли и начала их хозяйственной деятельности на ней. Согласно первой, архипелаг открыли в XI–XII вв. По второй версии, основанной на русских и иностранных источниках, острова стали известны русским на рубеже XV–XVI вв. Анализ историографии проблемы см.: Булатов В.Н., Попов Г.П. Новая Земля: мифы и реальность // *Terra Incognita Арктики* / Ред.-сост. В.Ф. Толкачёв. Архангельск, 1996. С. 7–19; *Беляев Д.П.* Архипелаги акватории Баренцева моря: история освоения и изучения (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Мурманск, 2010. С. 26–28.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. Л., 1937. С. 107.

³ *Вейр Х.* Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг. / Пер. И.М. Михайловой. Под общ. ред. П.В. Боярского. М., 2011. С. 45, 77, 148–150, 153–156, 210–212. Я. ван Линсхотеном сделан и рисунок поморского креста, поставленного на Новой Земле (Там же. С. 210–211).

⁴ В конце XVIII в. зафиксировано 112 русских топонимов Южного и Северного островов Новой Земли. Около половины из них сохранились до настоящего времени (*Визе В.Ю.* Старинные русские названия на Новой Земле // *Летопись Севера*. Вып. 1. М.; Л., 1949. С. 107–122).

устойчивое представление об архипелаге как острове. В европейской географической традиции до начала XVIII в. Новая Земля рассматривалась как полуостров, являющийся частью материковой Сибири⁵.

Начатое ещё во второй половине XVIII в., изучение Новой Земли двигалось в основном в двух направлениях: истории географических открытий России в Арктике⁶ и государственной политики на архипелаге. Последнее предполагало исследование таких направлений деятельности, как изыскание серебра и колонизация на рубеже XIX–XX вв.⁷ В стороне от внимания исследователей оставалось стихийное промысловое освоение Новой Земли в XVI–XIX вв. Если этот вопрос и затрагивался, то только косвенно, как часть истории географических открытий⁸. Тем не менее непригодные к жизни острова в течение нескольких столетий притягивали поморов, отправлявшихся сюда на добычу крупных морских млекопитающих (моржа, нерпы, гренландского тюленя), белого медведя, пушных зверей, птицы и рыбы. Учитывая, что эти экспедиции были сопряжены со многими опасностями и нередко заканчивались гибелью целых отрядов, возникает вопрос: что обеспечивало их постоянную активность на архипелаге? По всей видимости, такая устойчивость основывалась на социальной организации промысла.

Уже первые исследователи истории Новой Земли обратили внимание на артель как форму трудовой кооперации и организации промысла. В работах учёных второй половины XVIII в., а также в «Атласе Архангельской губернии» 1797 г. нашли отражение некоторые черты новоземельской артели: численность, взаимоотношения с организатором (хозяином), внутренняя структура и распределение обязанностей, условия жизни в период промысла⁹. Эти данные, как

⁵ Сидоров К.В. Новая Земля на картах XVII в. // Летопись Севера. Вып. 2. М., 1957. С. 107–119.

⁶ Обзор плаваний к берегам Новой Земли. СПб., 1873. С. 1–69; Житков Б.М. Новая Земля. М., 1903. С. 11–59; Визе В.Ю. Моря советской Арктики. Очерки по истории и исследования. М.; Л., 1948. С. 94–115; Маеродин В.В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времён и до XVI века // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 94–108; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1956. С. 50–62, 382–390, 459–490; Пасецкий В.М. Первооткрыватели Новой Земли. М., 1980; Боярский П.В., Сметанин В.В., Соколов Ю.И., Химчук Н.В. История освоения полярного архипелага Новая Земля / Под общ. ред. П.В. Боярского. М.; Белушья Губа, 2005. С. 11–75; Окладников Н.А. Российские колумбы: Мезенские полярные мореходы и землепроходцы (XVI – начало XX в.). Архангельск, 2008. С. 7–80; Беляев Д.П. Указ. соч.

⁷ Белов М.И. Указ. соч. С. 62–66; Булатов В.Н., Попов Г.П. Указ. соч. С. 44–51; Беляев Д.П. Указ. соч. С. 59–78.

⁸ Аналогичная ситуация выявляется и в случае с изучением русского освоения Шпицбергена. Дискуссионным вопросом, по которому расходятся позиции российских и норвежских исследователей, остаётся проблема начала русского освоения архипелага. Организация промысла практически не исследуется. Бегло этот вопрос затронут в работе М.М. Дадькиной и А.В. Крайковского (Дадькина М.М., Крайковский А.В. «Грумант угрюмый»: источники по истории поморских промыслов на Шпицбергене в XVIII – начале XIX века // Материалы XVIII Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX веков», 26–27 июля 2013 г. Н. Новгород, 2014. С. 68–70.

⁹ Исследование В.В. Крестинина «Географическое известие о Новой Земле», первоначально опубликованное в «Новых ежемесячных сочинениях» (1788), затем включено в работу И.И. Лепёхина (Лепёхин И.И. Путешествия академика Ивана Лепёхина. СПб., 1805. С. 143–148). См. также: Озерецковский Н.Я. Описание моржового промысла // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 40. С. 605–606. Отрывок из «Атласа Архангельской губернии» опубликован О.В. Овсянниковым (Топографическое и историческое описание города Колы / Овсянников О.В. Север Кольского полуострова – контактная зона XVI в. // Исторические связи Русского Севера и Норвегии (к 200-летию города Вардø). Архангельск, 1989. С. 23–25).

правило, получены учёными от самих промышленников. Н.Я. Озерецковский опубликовал и «Морской устав» новоземельских промышленников, составленный в середине XVIII в. по распоряжению графа П.И. Шувалова¹⁰.

Глубокий анализ проблемы новоземельской артели нашёл отражение в работах П.С. и А.Я. Ефименко. П.С. Ефименко была охарактеризована иерархическая структура артели (руководители — хозяин и кормщик, работники — покрученики), формы объединений (простая артель, организованная хозяином; сложная артель, состоявшая из нескольких самостоятельных артелей, объединявшихся во время промысла)¹¹. Последний тип артели носил название «котляны». В отличие от предшественников А.Я. Ефименко опиралась не только на современные ей этнографические материалы второй половины XIX в., но и использовала источники XVII — начала XVIII в. Для XVII в. она выделила две формы артели: организованная на началах равенства и на началах покрута. В последней форме артели все издержки на судно, орудия промысла, продукты, рабочую одежду принимались на себя хозяином, а работники вкладывали только свой труд. Это вело к неравенству в распределении доходов, когда большая часть доставалась организатору¹². Такой тип артели выявлялся по материалам Холмогорского архиерейского дома.

Отмечу, что в предреволюционный период новоземельская артель не стала объектом специального исследования, как это произошло с артелью мурманского рыбного лова. Даже в обобщающей работе Н.Я. Данилевского, посвящённой развитию рыболовного и зверобойного промыслов Русского Севера, не нашлось места для её характеристики¹³. Причиной этого, на мой взгляд, стало то, что на протяжении XIX в. происходил упадок поморского промысла на Новой Земле, вытеснявшегося норвежскими китобоями¹⁴. Схожая ситуация наблюдалась и на Шпицбергене¹⁵. Вопрос о новоземельской артели исследован в работах выдающегося исследователя культуры Поморья Т.А. Бернштам. В ряду

---

¹⁰ Список устава Озерецковский получил от архангельского историка А.И. Фомина (1733–1802). Публикация устава: *Озерецковский Н.Я.* Указ. соч. № 41. С. 623–627; № 42. С. 638–640. Впоследствии устав несколько раз переиздавался.

¹¹ *Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. С. 171–173.

¹² *Ефименко А.Я.* Артели Архангельской губернии. Ч. 1. Артели для ловли морских зверей // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 10–11.

¹³ *Данилевский Н.Я.* Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 6. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1862. С. 158.

¹⁴ *Давыдов Р.А.* Российский опыт определения границ территориальных вод и охраны морских ресурсов в Евро-Арктическом регионе (1860-е — начало 1910-х гг.). Архангельск, 2009. С. 28–40. По данным Н.М. Книповича и Л.Л. Брейтфуса, в 1880–1890-х гг. на Новую Землю из Поморья отправлялось не более 5–7 судов (*Книпович Н.М.* О рыбных и звериных морских промыслах Архангельской губернии. СПб., 1897. С. 30; *Брейтфус Л.Л.* Морской звериный промысел в Белом море и Северном Ледовитом океане. СПб., 1905. С. 9–10).

¹⁵ *Нильсен Й.П.* «Прошай, багюшка ты Грумант!». Зверобойные промыслы поморов и норвежцев на Шпицбергене. Сопоставление традиций // «Уведи меня, дорога...»: Сборник статей памяти Т.А. Бернштам. СПб., 2010. С. 75–78; *Гортер А.А., Гортер В.Т., Минаева Т.С.* Памятники поморской промысловой культуры на 80° северной широты // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 10. Архангельск; М., 2011. С. 90–91; *Минаева Т.С., Гортер В.Т.* Поморское и норвежское освоение Шпицбергена в первой половине XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 4. С. 5–10; *Минаева Т.С., Гортер В.Т.* Освоение поморами Северного Шпицбергена в конце XVIII — начале XIX века // Скандинавские чтения 2012 года: Этнографические и историко-культурные аспекты. СПб., 2014. С. 117–128.

других артельных объединений, создаваемых для рыбного и звериного промыслов, объединения новоземельских промышленников отличались высокой формой организации. В целом, характеристика артели основывается на работах предшественников и «Морском уставе» новоземельских промышленников¹⁶.

Анализ историографии показывает, что организацию промысла в отдалённом районе Европейской Арктики исследователи сводили по преимуществу к артели как к форме трудовой кооперации, основанной на принципах иерархии и способной вступать в сотрудничество с другими артелями в период промысла. Понимание артели как социальной организации сформулировано А.А. Исаевым, выделившим такие её черты, как демократизм и равноправие в деле достижения общих хозяйственных целей¹⁷. Но если Исаев понимал артель только как временное объединение, то Бернштам видела в ней промысловую или даже мужскую общину, основанную на нормах обычного права крестьянской общины¹⁸. В изучении новоземельской артели исследователи не выходили за пределы второй половины XVIII – XIX в., что связано как с опорой на современный им этнографический материал (рассказы поморов), так и с отсутствием попыток выявить исторические свидетельства организации промысла в более ранний период.

Полагаю, что социальная организация не сводится только к артели, хотя последняя и составляет основу промысла. Организация связана с порядком комплектования артелей, распределением функций между организатором и работниками, ролью отдельных лиц в обеспечении успешного ведения промысла. Наконец, немаловажной является и проблема распределения доходов.

Ценным источником для изучения вопроса являются материалы монастырских архивов Поморья. Мною рассмотрены хозяйственные документы XVII – начала XVIII в. трёх духовных организаций: Николо-Корельского и Красногорского Богородицкого монастырей, а также Холмогорского архиерейского дома¹⁹.

По всей видимости, первым отправлять артели на моржовый промысел стал Красногорский Богородицкий монастырь. Этому могло способствовать его географическое положение (вблизи современного поселка Пинега Архангельской обл.). Начало промысловой деятельности монастыря относится к середине XVII в. На это указывает грамота царя Алексея Михайловича двинскому воеводе Б.И. Пушкину от 1 февраля 1653 г., предписывавшая не брать с монастырских артелей «рыбного, и звериного, и салного промыслу» дополнительные таможенные пошлины в Архангельске и Мезени. В грамоте сообщается, что в летнее время обитель отправляла на морской звериный лов два коча²⁰. Приходо-расходные книги Красногорского монастыря фиксируют его

¹⁶ Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 157–158.

¹⁷ Исаев А.А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 9–18, 21.

¹⁸ Бернштам Т.А. Поморы... С. 162–163; Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в начале XIX – начале XX в. // Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М., 2009. С. 83.

¹⁹ Детально исследованы только приходо-расходные книги Николо-Корельского монастыря (Иванов В.И. Бухгалтерский учёт в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005. С. 26–31, 52–56). Порядок ведения хозяйственной документации Красногорского монастыря и Холмогорского архиерейского дома пока остаются неизученными.

²⁰ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 309, оп. 2, д. 38, л. 2–3. Данная привилегия подтверждена жалованной грамотой царей Иоанна и Петра Алексеевичей Красногорскому монастырю, выданной 13 марта 1684 г. (Там же, д. 67, л. 1–6).

участие в новоземельском промысле с 1665 г. Казначейские книги за более ранний период не выявлены. Сохранившаяся хозяйственная документация позволяет проследить участие этой небольшой обители в промысле с 1665 по 1695 г., правда, с некоторыми хронологическими лакунами. В 1700 г. два коча, отправленных Красногорским монастырём на Новую Землю, были затёрты льдами, что вынудило промышленников зимовать на архипелаге, а на следующий год при возвращении домой один из кочей разбился у острова Вайгач. В результате крушения погибла вся добыча и инвентарь²¹. Понесённые убытки, скорее всего, не позволили возобновить деятельность.

С 1690 г. промысел на Новой Земле организовал Николо-Корельский монастырь²². Его деятельность на архипелаге прекратилась после 1701 г. по неизвестной причине²³. Возможно, этому способствовали неблагоприятные политические и экономические факторы, в частности, временный запрет на организацию промысла из-за военной угрозы со стороны Швеции²⁴.

Позже других начал отправлять артели на Новую Землю Холмогорский архиерейский дом. В 1694 г. в послании царям Иоанну и Петру Алексеевичам архиепископ Афанасий (Любимов) сообщал о начале промысла на Новой Земле²⁵. Но начатое предприятие оказалось неудачным. В августе 1695 г. во время возвращения три коча попали в шторм, два из них потерпели крушение под Нёноксой и в районе мыса Канин Нос²⁶. Погибли суда и добыча, но артель не пострадала. В 1696 г. ситуация повторилась: при возвращении разбился один из трёх кочей²⁷. Возможно, такая последовательность трагических обстоятельств могла привести к сворачиванию деятельности архиерейского дома на Новой Земле. Отправка артелей происходила в мае, а осенью они возвращались обратно. Случаи ведения промысла монастырями и архиерейским домом в течение

---

²¹ Историческое описание Красногорского монастыря / Сообщ. Макарий, епископ Архангельский и Холмогорский. М., 1880. С. 21. Коч – морское палубное парусное судно, предназначенное для хода во льдах. В литературе выделяются два типа кочей: малый и большой. Последний тип имеет два подтипа – новоземельский и грумантский. Отдельные части конструкции коча выявлены в ходе археологических экспедиций в приполярной Сибири (Мангазея) и на Шпицбергене. Предпринимаются и попытки реконструкции этих судов. (Михайлов С.В. Древнерусское судостроение // Летопись Севера. Вып. 1. М., 1949. С. 104; Белов М.И. Указ. соч. С. 203–212; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Т. 1. Мангазейский морской ход. Л., 1980. С. 108–127; Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. 2. Россия и северо-восточный проход. М., 2001. С. 53–77; Старков В.Ф., Черноswiftов П.Ю., Дубровин Г.Е. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. 1. Остатки судов. М., 2002; Наймарк М.Л., Кухтерин С.А., Филин П.А. Реконструкция коча XVII века // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 12. Архангельск; М., 2013. С. 8–20.

²² Первые данные в приходо-расходной книге приказчика Холмогорской службы старца Иесея (1690–1691 гг.) (ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18–19 об.).

²³ РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 686, л. 1–5.

²⁴ Царским указом воспрещался выход в море на Мурманском берегу и на Новой Земле ввиду военной опасности. Дата выхода указа не установлена. В.В. Брызгалов и Ю.Н. Беснятых датируют его временем после июня 1701 г. (Беснятых Ю.Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб., 2010. С. 325–326).

²⁵ Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще Русской Церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 423–424, примеч. 107.

²⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН), кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 135–135 об., 140 об.

²⁷ Там же, д. 108, л. 103 об. Эти факты уже отмечены в историографии. См.: Белов М.И. Указ. соч. С. 56.

года, как это делали крестьянские артели во второй половине XVIII – XIX в.²⁸, неизвестны.

Таким образом, для Николо-Корельского монастыря и Холмогорско-архиерейского дома организация морского звериного лова была скорее эпизодом в хозяйственной деятельности, Красногорский же помимо новоземельского промысла занимался добычей морского зверя в прибрежных районах Зимнего берега Белого моря – Моржовце и Кедах²⁹. Численность артелей связана с экономическими возможностями монастырей и архиерейского дома, в том числе и с тем, сколько кочей они могли выставить. Холмогорский архиерейский дом в 1695–1696 гг. отправлял на Новую Землю три коча; Красногорский монастырь в 1680–1690-х гг. – два³⁰. Николо-Корельская обитель, не имевшая своего судна, арендовала его у промышленников. Численность артели свидетельствует о том, что это был один коч. Для Холмогорского архиерейского дома полное количество работников артели выявляется только для 1695 г. – 45 человек³¹. Николо-Корельский монастырь снаряжал стабильные по количеству промышленников артели, состоявшие в 1690–1692 гг. из 13, а в 1700–1701 гг. – из 14 человек³². Численность артели Красногорского монастыря колебалась от 13 до 31 работника³³. Отмечу, что сведения приходо-расходных книг не всегда позволяют получить точное представление о количестве промышленников. В среднем на коч приходилось от 10 до 15 промышленников.

Приходо-расходные книги нередко раскрывают территориальное происхождение работников артели, что даёт возможность составить представление о районах происхождения промышленников. Анализ этих данных позволил прийти к выводу, что значительная часть промышленников связана с тремя районами Русского Севера – Подвиньем³⁴, Мезенью³⁵ и Пинегой³⁶ (см. табл. 1).

²⁸ Факты зимовок промышленников отмечены в этнографической литературе. См.: *Ленёхин И.И.* Указ. соч. С. 151–153; *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 390–394. Данные о зимовках новоземельских промышленников приводит Н.А. Окладников (*Окладников Н.А.* Указ. соч. С. 30, 32, 34–36, 68, 73, 76–80).

²⁹ Моржовец – остров в Мезенской губе Белого моря; Кеда – мыс Воронов Зимнего берега Белого моря. Оба района служили местом зверобойного промысла, продолжавшегося с февраля по март.

³⁰ В 1690 г. монастырь отправил на Новую Землю помимо двух кочей «малую лодью» (ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 2, л. 16).

³¹ Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 133–134 об., 138–140.

³² ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18–19 об.; д. 914, л. 12 об.–14, 34–34 об.; оп. 4, д. 64, л. 1–1 об., 2 об., 13–14; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 1 об.–4; д. 686, л. 2 об.–4 об.

³³ ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 6, л. 12 об.–13 об., 21; д. 13, л. 11 об.–13 об.; оп. 4, д. 4, л. 8 об.–11, 33–41 об., 67 об.–69 об., 87 об.–89, 92 об.–93, 95 об., 97 об., 99, 105 об.–109, 116–117, 118; д. 5, л. 9–10, 16–17, 31–31 об., 34; оп. 5, д. 5, л. 73 об.–74, 79, 88 об.; д. 8, л. 29 об., 31 об., 36; д. 9, л. 12 об.–13; д. 11, л. 26–30, 32–32 об., 34 об.; д. 12, л. 22 об., 26 об., 28–30 об., 42–43, 46 об.; д. 15, л. 5 об.–6 об., 26–27; д. 16, л. 3, 13–16, 49–50, 51–51 об., 57 об.–59, 74 об.–77, 101–103 об., 111.

³⁴ Города Архангельск, Холмогоры; волости Айногорская, Быстрокурская, Койдокурская, Койдокурье Нижнее, Кривецкая, Курейская, Куростровская, Матигорская, Матигоры Борисоглебские, Ровдогорская, Ухтоостров Богоявленский, Чухченемская; Емецкий стан.

³⁵ Волости Долгая Щель, Кузнецовская.

³⁶ Волости Валдокурская, Волок Пинежский, Вонгская, Немнюга, Перемская, Петрогорская, Пильегорская, Покшеньгская, Сояльская, Чакольская, Чушельская, Юрельская; деревни Володорская, Заозерская Волокпинежской волости, Малетинская, Озерки, Окатовская (Окатова Гора) Сояльского стана, Першковская, Хаймусовская, Чертковская, Чушельская, Чучепальская, Юберская.

**Территориальное происхождение промышленников
новоземельского промысла (количество человек)**

Район	Красногорский монастырь	Никола-Корельский монастырь	Холмогорский архиерейский дом
Подвинье	1	22	40
Мезень	1	3	—
Пинега	86	8	9
Другие районы (важане, онежане)	2	1	—
Итого	90	34	49

Составлено по: Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 133–140; д. 108, л. 95, 98 об.–103; ГА АО, ф. 31, оп. 3, д. 18, л. 13–13 об.; ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18–19 об.; д. 1049, л. 24; д. 1065, л. 45 об.; д. 1152, л. 2 об.; д. 1177, л. 36; оп. 4, д. 64, л. 13 об.–14; ф. 309, оп. 3, д. 13, л. 11 об.–13 об., 38 об.; д. 18, л. 40 об.–41, 44 об.; оп. 4, д. 4, л. 8 об.–11, 68–69, 88–89, 92 об., 99, 105 об.–109; д. 12, л. 46 об.; оп. 5, д. 12, л. 26 об.; д. 16, л. 13–16, 49–51 об., 57 об.–59, 74 об., 101–103; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 2 об.–4; д. 686, л. 2–5.

Из приводимых данных следует, что основу артелей (свыше 50% промышленников) составляли выходцы из районов, где находились сами духовные организации. Для Никола-Корельского монастыря и архиерейского дома это Подвинье, для Красногорского монастыря – Пинега. Полагаю, что это не случайное совпадение. В XVII–XVIII вв. крестьяне Пинеги активно занимались промыслом морского зверя на побережье Белого моря и на Новой Земле. Понятие «артель» для определения объединения промышленников используется только в приходо-расходных книгах Красногорского монастыря³⁷. В хозяйственных документах Никола-Корельского монастыря и архиерейского дома объединения определяются по территории ведения промысла как «новоземельские промышленники».

Как происходило рекрутирование работников, из источников не ясно. Известно, что с артелью заключался договор, где могли быть оговорены условия найма. Холмогорский архиерейский дом заключал его с артелью в целом: «договорено с ними, кормщиком и рядовыми промышленными людьми»; «определено на том коче всякой промысл»³⁸.

Красногорский монастырь заключал индивидуальные соглашения с промышленниками. Договор носил название «покрутной записи» или просто «записи» и составлялся перед походом промышленника на Новую Землю. В запись вносили размер выданной ссуды, которую промышленник отдавал по возвращении³⁹. Запись могла указывать район, куда отправлялся работник. Это было необходимо в том случае, если промышленник шёл не

³⁷ В приходо-расходных книгах Красногорского монастыря понятие «артель» часто используется в разных контекстах, а не только для обозначения промысловых объединений. В приходо-расходной книге строителя иеромонаха Авраамия (1664–1670 гг.) оно употребляется в следующих значениях: группа наёмных работников, выполнявшая различные поручения; спутники, сопровождавшие строителя во время поездок по делам в Холмогоры (ГА АО, ф. 309, оп. 5, д. 5, л. 10 об., 20 об., 40, 41).

³⁸ Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 134 об.–135, 140; д. 108, л. 95, 98 об.

³⁹ ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 13, л. 11 об.–13 об., 38 об.; оп. 4, д. 5, л. 31; оп. 5, д. 8, л. 29 об.; д. 11, л. 32 об., 34 об.; д. 12, л. 46 об.; д. 15, л. 5 об.–6 об., 26–26 об.; д. 16, л. 13–16, 49 об.–51 об., 57 об.–58 об., 101–103 об., 111.

только на Новую Землю, но и на остров Моржовец или Кеды. Составленная запись оставалась в монастыре и после окончания промысла и возврата ссуды передавалась промышленнику. Такую запись в декабре 1675 г. заключил крестьянин Малетинской деревни Лазарь Яковлев с условием идти в следующем году «на монастырском судне к Новой Земли кормщиком». Размер ссуды составил 4 руб.⁴⁰ Запись могла заключаться с несколькими промышленниками, если они являлись родственниками. Так, 9 декабря 1690 г. братья Федот и Кирилл Фомины, ходившие в тот год на промысел, вернули в монастырь по записи ссудные деньги в размере 2 руб. 8 коп. На документе была «уплата... подписана», а сама запись возвращена промышленникам⁴¹. В фонде Красногорского монастыря имелась запись крестьянина Еремея Лывина, данная игумену с братией за сына Ермолая в том, чтобы ему идти на новоземельский промысел в 1678 г.⁴² Индивидуальный характер носили соглашения и в артели Николо-Корельского монастыря, о чём говорит книга записная новоземельского промысла 1701 г. В ней указывается, что кормщик «порядился», а покрученики «покрутились» с монастырём. Соглашение определяло долю дохода, размер ссуды и натуральной дачи работнику⁴³.

Структура артели Николо-Корельской обители и Холмогорского архиерейского дома выглядит простой: её члены делились на кормщиков, возглавлявших артель и руководивших кочем, и покручеников – работников. Более сложной представляется структура новоземельской артели Красногорского монастыря, в составе которой числились самостоятельные промышленники на правах компаньонов. Примеры подобного сотрудничества известны для 1665 и 1668 гг., когда совместно с монастырской артелью на Новую Землю ходили уженники. Термин происходит от понятия «ужна»/«ужина», означающего часть или пай⁴⁴. Если в 1665 г. в артели был только один уженник, то в 1668 г. их насчитывалось семь. В отличие от рядовых членов артели уженники получали целый пай. Такое возможно только при условии равного с монастырём участия в организации предприятия, что предполагало вложение деньгами, предметами промысла, продуктами.

Включение в состав артели Красногорского монастыря самостоятельных промышленников известно и позже. Так, в ноябре 1675 г. доход «на их участок» получили священник Михаил и Федот Иванов⁴⁵, не принимавшие непосредственного участия в предприятии. Доход получен ими благодаря вложениям в монастырский промысел. В других записях о расчёте с артелью в приходо-расходных книгах уточняется, что некоторые покрученики получали плату из «Пахоручихины ужины», «покрута Василья Володимерова», или прямо говорится, что промышленник был «Константинов покрученик»⁴⁶. За этими формулировками скрывалась практика использования монастырём работников, нанятых другими хозяевами, не способными организовать самостоятельное предприятие.

⁴⁰ Там же, оп. 5, д. 12, л. 46 об.

⁴¹ Там же, оп. 3, д. 2, л. 16 об.

⁴² Там же, оп. 2, л. 11 об.

⁴³ РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 686, л. 1–5.

⁴⁴ Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 3. (П–Я). СПб., 2015. С. 440.

⁴⁵ ГА АО, ф. 309, оп. 5, д. 12, л. 42.

⁴⁶ Там же, оп. 4, д. 4, л. 34, 39 об.; оп. 5, д. 12, л. 42 об., 46 об.

В период промысла могли возникать объединения нескольких артелей, называвшиеся котлянами. «Морской устав» выделяет несколько типов котлян в зависимости от условий объединения и порядка раздела добычи. Приходо-расходные книги не отражают деятельность артели в период промысла. Исключение составляет сообщение приходо-расходной книги Холмогорской службы Николо-Корельского монастыря 1690 г. Здесь упоминается котляна, в составе которой промышляла монастырская артель⁴⁷.

Наиболее ответственные обязанности выполнял кормщик — руководитель артели. Источники используют также определение к этому понятию — кочевой кормщик. В приходо-расходных книгах Красногорского монастыря встречается его синоним — хозяин. Количество кормщиков равнялось количеству судов, отправляемых на Новую Землю. Холмогорским архиерейским домом нанималось трое, Николо-Корельским монастырём — один, Красногорским — двое кормщиков. Они составляли постоянную часть артели. В артели Николо-Корельского монастыря за период с 1690 по 1701 г. известны три кормщика; один из них (Василий Федотов сын Корытов) неоднократно выходил на промысел⁴⁸. В новоземельском промысле Красногорского монастыря за период с 1665 по 1695 г. участвовали десять кормщиков, шестеро из них возглавляли артель неоднократно⁴⁹.

Если для Николо-Корельского монастыря и Холмогорского архиерейского дома источники не позволяют выявить взаимоотношения духовных организаций и кормщиков за рамками хозяйственной деятельности, то приходо-расходные книги Красногорского монастыря дают такую возможность. Четверо из постоянно действовавших кормщиков были его вкладчиками. Один из них — Михаил Устьянец, известный по приходо-расходным книгам 1665—1694 гг. Он обладал определённым авторитетом в монастыре, о чём говорит его включение в состав собора обители, принимавшего наиболее важные решения⁵⁰. Устьянец выполнял различные поручения: сапожничал⁵¹, ездил по делам обители в города (Архангельск, Холмогоры, Мезень, Москву)⁵², был приказчиком монастырской службы в Пустозерске⁵³. Неоднократно его отправляли на звериную ловлю на Зимней стороне и Кеды, где он выполнял обязанности либо руководителя, либо закупщика промысловой продукции. Для этого ему вручались значительные суммы⁵⁴, что говорит о доверии к нему. Нередко рядом с Устьянцем в источниках упоминается другой монастырский вкладчик — Евдоким

⁴⁷ Там же, ф. 191, оп. 1, д. 897, л. 4 об.

⁴⁸ В 1690—1692, 1694—1696, 1698—1700 гг. (Там же, д. 896, л. 18; д. 897, л. 2, 3 об.; д. 914, л. 12 об.—13, 34; д. 970, л. 7—7 об.; д. 987, л. 66 об.; д. 988, л. 16, 69; д. 1049, л. 12, 24; д. 1054, л. 32 об.; д. 1082, л. 11, 19, 21 об., 23 об., 60—61 об.; оп. 4, д. 64, л. 1—1 об., 2 об.; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 1 об.

⁴⁹ Это Михаил Иванов сын Устьянец (1668, 1673—1674, 1680 гг.), Исаак Куроптев (1687—1689, 1695 гг.), Гришка Пыня (1665, 1668 гг.), Юуда (Юда) Семёнов сын Федухин (1683—1684, 1687—1689 гг.), Иван Сторожев (1673, 1675 гг.), Лазарь Яковлев (1675—1676, 1682 гг.).

⁵⁰ ГА АО, ф. 309, оп. 5, д. 12, л. 6 об., 45.

⁵¹ Там же, оп. 3, д. 6, л. 22 об.; оп. 5, д. 5, л. 53 об.—54, 69 об.

⁵² Там же, оп. 3, д. 15, л. 2 об., 4 об.; оп. 5, д. 5, л. 36, 48; д. 8, л. 22, 30 об.—31; д. 16, л. 4.

⁵³ Известно его пребывание в должности приказчика за 1680, 1684—1691 гг. (Там же, оп. 3, д. 11, л. 6; д. 13, л. 14 об., 20; оп. 4, д. 5, л. 10 об., 27 об.—28, 34 об., оп. 5, д. 5, л. 5, 6, 8—8 об.; д. 16, л. 30—31 об., 78 об., 85, 96 об., 108 об.).

⁵⁴ В марте 1684 г. было выдано 400 руб. «для салной и кожной покупки» (Там же, оп. 5, д. 16, л. 20). Для сравнения, стоимость постройки коча (без такелажа) колебалась от 8 до 11,5 руб. (Там же, оп. 3, д. 13, л. 2 об., 11; оп. 4, д. 4, л. 118 об.; оп. 5, д. 5, л. 78 об.). На выданную вкладчику сумму можно было купить целую флотилию — от 40 до 50 судов.

Фёдоров сын Брызгалов, ходивший в 1674 г. новоземельским кормщиком. Обоих вкладчиков совместно отправляли на зверобойные промыслы для закупки товаров. Через Брызгалова в Архангельске осуществлялся расчёт с вернувшимися новоземельскими промышленниками, он принимал деньги по кабалам и за аренду (кортому) монастырского двора, амбара и ямы, где вытапливали и хранили сало морских млекопитающих и складировали используемые для этого котлы⁵⁵.

Вкладчиками были ещё два новоземельских кормщика – Григорий Пыня и Исаак Куроптев. О Пыне известно мало: как и других вкладчиков, его посылали по монастырским делам в Холмогоры⁵⁶. Деятельность Куроптева прослеживается по приходо-расходным книгам с 1669 г., когда он совместно с семьёй поступил в обитель⁵⁷, до 1695 г. В отличие от Устьянца и Брызгалова этому вкладчику давали более однообразные поручения: деловые поездки в Холмогоры и участие в зверобойных промыслах (Зимняя сторона, Кеды, остров Моржовец).

Монастырские вкладчики и служебники были важным звеном в организации промысла: им вверяли руководство артелью, выдавали крупные суммы для закупок, через них осуществляли передачу денег, полученных по кабалам от артели, и реализацию добычи. Они выполняли и ответственные поручения, связанные с уплатой податей или закупками «про монастырской обиход». Обращает на себя внимание мобильность вкладчиков, заключающаяся в участии в длительных дальних поездках.

По приходо-расходным книгам неизвестна градация промышленников в зависимости от выполняемых обязанностей, описанная авторами второй половины XVIII в.⁵⁸ Организация промысла на артельных началах определяла порядок получения доходов. Вся предполагаемая добыча делилась на доли (паи), а единицей расчёта, в которую слагались эти доли, было судно – коч. Количество долей превышало число работников, что позволяло организатору извлечь прибыль. Рядовые промышленники получали не целую долю дохода, а её часть⁵⁹. Таков был порядок во второй половине XVIII – XIX в. Что можно сказать о более раннем времени? Ключевым понятием, используемым в приходо-расходных книгах, является ужина (ужна)⁶⁰, имевшая два значения: доля

---

⁵⁵ В Архангельске монастырь имел подворье, куда после окончания сезона доставлялась добыча. Здесь на Сальном берегу стоял троежирный амбар и были вырыты три ямы, где хранили бочки с салом морских животных (Там же, оп. 3, д. 15, л. 9 об., 14 об.; оп. 4, д. 5, л. 17 об.–18; оп. 5, д. 9, л. 12–12 об.; д. 13, л. 38).

⁵⁶ Там же, оп. 5, д. 5, л. 5.

⁵⁷ В августе 1669 г. совместно с братом и матерью продал монастырю за 100 руб. свою деревню и перешёл на положение вкладчика (Там же, л. 94 об.).

⁵⁸ В зависимости от степени участия в управлении артелью выделялись такие должности, как кормщик, полукормщик, полууженщик (*Лепёхин И.И.* Указ. соч. С. 143). В зависимости от выполняемых обязанностей члены артели делились на гарпунщиков, носошников (помощник гарпунщика), забочешников (работник, следивший за веревками, к которым привязывались гарпуны, и поплавками (бочешками), указывавшими на воде местонахождение убитого зверя). См.: *Ефименко А.Я.* Указ. соч. С. 13–14.

⁵⁹ Порядок раздела добычи неоднократно описан в историографии (*Лепёхин И.И.* Указ. соч. С. 143, 147; *Ефименко А.Я.* Указ. соч. С. 11–12, 27–28).

⁶⁰ В Поморье ещё в XIX в. фиксировались такие значения понятия, как запасаемые припасы и доля извлекаемого дохода (*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 117, 178). Современные составители словаря в соответствующей статье отмечают только одно значение слова – доля промысла (Словарь промысловой лексики... Вып. 3. С. 440).

вложений и доля извлекаемой из него прибыли. Ужины в первом значении этого слова различались по назначению. Приходо-расходные книги всех трёх духовных организаций знают кормовую, а также судовую/кочевую ужины⁶¹. В хозяйственных документах Николо-Корельского и Красногорского монастырей регулярно упоминаются мучные ужины. Хозяйственные книги архиерейского дома такого понятия не знают.

Что скрывалось за этими определениями? Как следует из договора Холмогорского архиерейского дома с артелью, кормщик, в отличие от рядовых промышленников (покручеников), получал целый пай — кормовую ужину. Эта была плата за выполнение им обязанностей капитана и руководителя артели⁶². Кочевые или судовые ужины целиком поступали организатору — владельцу судна. В хозяйственных документах Николо-Корельского монастыря судовые/кочевые ужины не упоминаются, что является прямым свидетельством отсутствия у обитателя собственного судна. Коч, по всей видимости, арендовался у промышленников. Об этом говорит то, что кормщик В.Ф. Корытов в 1690 г. получил три ужины, а в 1700 г. — две⁶³. В последнем случае одна из ужин названа кормовой, т.е. идущей в уплату за судно. Схожая ситуация наблюдалась и в артели Красногорского монастыря. Так, кормщик Стефан Дрёма в 1682 г. получил три с половиной ужины дохода. Свыше одной ужины получали и другие кормщики — Лазарь Яковлев и Иван Сторожев (Сторожихин)⁶⁴. Не исключено, что монастырь не всегда обладал достаточным количеством судов, что вынуждало арендовать кочи у состоятельных промышленников.

Мучная ужина — вложения в обеспечение артели продуктами и, возможно, предметами промысла, которые могли осуществляться либо в денежном, либо в натуральном эквиваленте. Красногорским монастырём на одну мучную ужину в 1673, 1681—1684 гг. выделялось по 6 алтын 4 деньги⁶⁵. Выделяемые средства расходовались на предметы промысла и продукты⁶⁶. Объёмы натуральных дач практически неизвестны (за исключением сведений, содержащихся в хозяйственных документах Николо-Корельского монастыря за 1695 и 1701 гг.)⁶⁷.

Если судовые/кочевые ужины составляли постоянную величину, то количество мучных колебалось. Красногорский монастырь, рассчитывая вложения в промысел, выделял четыре судовых ужины — по две на коч. Количество мучных могло составлять от 23.5 до 26⁶⁸. Полагаю, что эти колебания обусловлены численностью артели. Количество долей добычи, как правило, превышало численность промышленников. Согласно договору Холмогорского архиерейского дома с артелью, добыча распределялась на 17 участков, в то время как на

---

⁶¹ В приходо-расходных книгах Холмогорского архиерейского дома вместо понятия «ужина» используется аналогичное по смыслу понятие «участок».

⁶² Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 108, л. 95, 98 об.—99.

⁶³ ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 897, л. 2, 3 об.; оп. 4, д. 64, л. 1—1 об., 2 об.; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 1 об.

⁶⁴ ГА АО, ф. 309, оп. 4, д. 4, л. 33, 92 об.; оп. 5, д. 12, л. 43.

⁶⁵ Там же, оп. 4, д. 4, л. 10, 69 об.—70, 134 об.; оп. 5, д. 16, л. 26 об.—27.

⁶⁶ В июне 1667 г. монастырь выделил 4 руб. 10 алтын на печорский коч, пошедшие на покупку сетей, холста, паруса, гвоздей и карбаса (Там же, оп. 5, д. 5, л. 60 об.—61). В мае 1673 г. новоземельскому кормщику Михаилу Устьянцу выдали деньги на покупку масла «по четыре алтына на ужну» (Там же, д. 8, л. 31 об.).

⁶⁷ Натуральные дачи включали ржаную муку, крупы, масло, рыбу, соль (Там же, ф. 191, оп. 1, д. 1054, л. 32 об.; д. 1152, л. 2 об.).

⁶⁸ Там же, ф. 309, оп. 3, д. 2, л. 16—18; д. 15, л. 10—10 об., 20—20 об.; оп. 4, д. 4, л. 10, 69 об.—70, 134 об.; д. 5, л. 10—10 об., 17—17 об.; оп. 5, д. 8, л. 31 об.; д. 16, л. 26 об.—27, 79—79 об.

коче трудились 15 промышленников⁶⁹. Доля дохода рядовых промышленников колебалась от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$. Распределение ужин между рядовыми промышленниками можно проследить для Николо-Корельского и Красногорского монастырей. В последнем случае известно общее количество ужин, на которое распределялся промысел, что даёт представление о доле дохода артели в целом.

Таблица 2

**Доли дохода промысла новоземельских промышленников
Николо-Корельского монастыря (количество человек)**

Год	Четверть	Треть	Четверть и треть	Итого
1690	—	12	—	12
1691	1	8	3	12
1692	—	12	—	12
1700	2	6	5	13
1701	1	11	1	13

Составлено по: ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18–19 об.; д. 897, л. 2, 3 об.; д. 914, л. 13–14, 34–34 об.; д. 1152, л. 2 об.; д. 1177, л. 36; оп. 4, д. 64, л. 1–1 об., 2 об., 13–14; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 1 об.–4; д. 686, л. 2 об.–4 об.

Таблица 3

**Доли дохода промысла новоземельских промышленников
Красногорского монастыря (количество человек)**

Год	Мучных ужин	Пятая	Четверть	Треть	Треть и пятая	Четверть и треть	Итого
1681	24	—	6	8	—	9	23
1682	23.5	1	4	10	—	7	22
1683	26	1	3	13	1	5	23
1684	25	—	4	13	—	6	23
1685	26	—	4	14	1	9	28
1686	—	—	2	14	—	4	20

Составлено по: ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 6, л. 12 об.; д. 13, л. 11 об.–13 об., 38 об.; д. 18, л. 39 об.–41, 44 об.; оп. 4, д. 4, л. 8–11, 33–41 об., 67 об.–69 об., 87 об.–89, 92 об.–93, 95 об., 99, 105 об.–109; оп. 5, д. 5, л. 36 об., 73 об.–74; д. 11, л. 26; д. 12, л. 42–43; д. 15, л. 26–26 об.; д. 16, л. 13–16, 49–51 об., 57 об.–59, 74 об.–77, 101–103 об., 111.

Подавляющее большинство промышленников Николо-Корельского монастыря (от 67 до 100%) трудились из трети ужины. Исключением является 1700 г., когда количество третчиков составляло менее 50%. Доля промышленников, работавших из четвертой части ужины, составляла менее 10% работников артели. Те, кто трудился из большей (четверть и треть ужины) доли дохода, составляли в разные годы от 8 до 38%. В артели Красногорского монастыря представлена большая дифференциация групп промышленников в зависимости от

⁶⁹ Архив СПБНИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 108, л. 95, 98 об.–99.

получаемых доходов. Здесь были как те, кто получал минимальный доход — пятую часть ужины, так и те, на кого приходились большие, чем основные (треть и четверть) части дохода (треть и пятая, четверть и треть, т.е. 0.53 и 0.58 части ужины соответственно). Третчики оказались основной группой артели, составляя от 35 до 70%. Целые доли добычи, как уже отмечалось, получали кормщики.

Материалы таблиц убеждают в том, что доля рядовых промышленников, получавших средний доход промысла (треть), составляла 50% и более. Исходя из этого, можно говорить, что внутри артели наблюдались тенденции к сохранению уравнительного принципа распределения доходов. Если суммировать доли ужин промышленников Красногорского монастыря, то общий доход артели будет равняться примерно $\frac{1}{3}$ от общего числа мучных ужин⁷⁰. Этот расчёт соответствует и данным источников. В условиях договора архиерейского дома с промышленниками прямо говорилось, что из промысла «в дом архиерейской две доли, а им, кормщику и рядовым промышленником, треть»⁷¹. Такая система распределения доходов по долям существовала и на других зверобойных промыслах Поморья.

Таким образом, основу социальной организации новоземельского промысла монастырей Поморья и архиерейского дома составляла артель. Приходо-расходные книги дают основание рассматривать её как иерархическую структуру. В состав артели на правах компаньонов входили и самостоятельные промышленники (уженники). Кооперация в артели опиралась на традиции создания крестьянских складнических объединений как в земледелии, так и в промыслах (особенно соляном и рыболовном). Эта черта крестьянской экономики Поморья получила глубокое отражение в историографии⁷². Артели комплектовались в районах Поморья, выходцы из которых поколениями участвовали в промыслах на Новой Земле. Анализ приходо-расходных книг позволил выделить два таких района — Подвинье и Пинега. Для руководства артелью духовные организации использовали уже сложившиеся социальные структуры, в частности институт вкладчиков. Это ставит на повестку дня изучение роли монастырских людей в административной и хозяйственной деятельности обитателей Русского Севера. Важными элементами социальной организации промысла были и традиционные практики крестьянского общества: договор как условие формирования объединения, поддержание уравнительного распределения доходов, использование морального и материального поощрения промышленников⁷³.

---

⁷⁰ В 1681 г. доля промышленников составила 9.36; в 1682 г. — 8.56; 1683 — 8.67; 1684 — 8.77; 1685 — 11.37; 1686 г. — 7.44 части от общего количества мучных ужин.

⁷¹ Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 134 об.—135, 140.

⁷² Особенно выделим исследование П.С. Ефименко и М.М. Богословского: *Ефименко П.С.* Указ. соч. С. 86—184; *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. С. 1—19.

⁷³ Перед походом промышленникам в почесть покупалось вино (ГА АО, ф. 309, оп. 4, д. 4, л. 10, 134 об.; оп. 5, д. 5, л. 26 об.—27; д. 8, л. 31 об.; д. 12, л. 29—29 об.; д. 16, л. 26 об.—27, 79—79 об.).

Россия в лекциях для наследников престола (1860-е годы)

Фёдор Мелентьев

Russia in the lectures for the Heirs to the throne, the 1860s
Fedor Melentev (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Воспитание и образование наследников престола Российской империи в последние годы всё чаще привлекают внимание историков, педагогов и культурологов¹. Как отмечают исследователи, особое значение «царская педагогика» приобрела в эпоху Великих реформ, когда в стране менялся характер социальных отношений, усложнялось управление государством и возрастала роль общественного мнения². Всё это не могло не влиять на ход обучения сыновей Александра II. На его завершающем этапе (соответствовавшем по характеру и объёму прохождению университетского курса) основной формой учебных занятий великих князей Николая Александровича (1843–1865) и Александра Александровича (1845–1894), ставшего наследником престола после смерти старшего брата, были лекции. Они охватывали широкий круг дисциплин (история зарубежных стран, России, войн, русской литературы и европейской философии, логика, политическая экономия, финансы, статистика, энциклопедия законовещения, церковное, русское, гражданское, полицейское, государственное и международное право, стратегия, тактика, артиллерия, фортификация и военная администрация) и обычно читались профессорами Военной академии и университетов, специально приезжавшими для этого во дворец. Среди них – И.К. Бабст, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.Х. Бунге, Ф.И. Буслев, К.Д. Кавелин, К.П. Победоносцев, С.М. Соловьёв, М.М. Стасюлевич, А.И. Чивилёв, Б.Н. Чичерин и др. Характерно, что в их приглашении образованное общество увидело возможность повлиять на формирование взглядов великих князей³.

По окончании каждого занятия преподаватели, как правило, отдавали ученикам листы с текстом лекций для повторения и самостоятельного изучения.

© 2017 г. Ф.И. Мелентьев

¹ См., например: *Зимин И.В.* Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2010; *Бокова В.М.* Детство в царском доме. Как растили наследников русского престола. М., 2011; *Мазалова М.А.* Генезис воспитательных традиций в семье русских императоров в XVIII – начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 1. С. 90–94; *Подделкова П.Е.* Культурное пространство воспитания монарха в императорской России. Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015; *Лелина Е.И.* Формирование системы обучения и воспитания наследников престола в императорской России // Альманах современной науки и образования. 2016. № 6. С. 54–59.

² *Чернуха В.Г.* Утраченная альтернатива: Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 237.

³ *Секиринский С.С., Филиппова Т.А.* Родословная российской свободы. М., 1993. С. 89–105.

Значительная часть этих материалов сохранилась, и некоторые лекционные курсы уже рассматривались исследователями⁴. Однако до сих пор не выяснено, что собственно царские сыновья могли узнать на лекциях о России, которой их готовили управлять.

Не случайно при обучении наследников престола важная роль отводилась отечественной истории и литературе. Обращаясь к прошлому, великие князья должны были осознать место России в мире и увидеть перспективу её дальнейшего развития. «Чтобы безошибочно и разумно судить о современности, — утверждал профессор Московского университета Ф.И. Буслаев, в 1859—1860 гг. читавший лекции вел. кн. Николаю Александровичу, — надобно, вооружившись идеями всех прошедших веков, стать выше её, надобно над нею господствовать, и именно это-то нравственное, несокрушимое господство над случайностями временных направлений эпохи воспитывает в нас история литературы»⁵. Это заметно повышало значимость предмета, на первый взгляд казавшегося факультативным, и вполне соответствовало пожеланиям попечителя наследника гр. С.Г. Строганова (в семье которого Буслаев в своё время был домашним учителем). Приглашая учёного, граф призывал его продемонстрировать цесаревичу, что древнерусская словесность (и прежде всего — фольклор) «служит выражением духовных интересов народа»⁶. Именно так Буслаев и сформулировал цель своего курса⁷.

Знакомя вел. кн. Николая Александровича с народным творчеством, Буслаев не только пересказывал и цитировал русские и иностранные фольклорные произведения, но и сравнивал их друг с другом, обнаруживая между ними сходство и объясняя его единством исторических корней России и Европы. Близкий к западникам, но отрицавший крайности их учения, профессор подобно немецким романтикам считал русский народ молодым и ещё только начинающим действовать. «Жизнь русская, — утверждал он, — свежа и молода, и богата высокими залогами умственного, нравственного и художественного развития». Поэтому и в современном «бессилии наших писателей искренно любить своё, открывать в русской жизни хорошее и поэтически им воодушевляться» Буслаев видел «только временное,

---

⁴ См., в частности: *Ананьич Н.И.* Материалы лекционных курсов Н.Х. Бунге 60—80-х годов XIX в. // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 304—311; *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998. С. 12; *Арсланов Р.А.* К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000. С. 176; *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 141—145; *Тимошина Е.В.* «Я вижу ясно путь и истину» // *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть. Вотчинные права. М., 2002. С. 20—21; *Долгих Е.В.* К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М., 2006. С. 38; *Томсинов В.А.* Вопросы судебной реформы в творчестве К.П. Победоносцева // Закон. 2010. № 2. С. 7; *Полунов А.Ю.* Прошлое глазами консерватора: к вопросу об историко-правовых воззрениях К.П. Победоносцева // Ключевские чтения — 2011. Т. 2. М., 2011. С. 80; *Сидорова А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 18.

⁵ Лекции Ф.И. Буслаева е.и.в. наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859—1860 г.) // Старина и новизна. Кн. 8. М., 1904. С. 102. Подлинные тексты лекций Буслаева хранятся в коллекции рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца, куда они попали из библиотеки Александра III в Аничковом дворце (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2586, ч. 1—2). Копия лекционного курса была передана Буслаевым в Румянцевский музей: ОР РГБ, ф. 42, карт. 2, д. 4.

⁶ *Буслаев Ф.И.* Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М., 2003. С. 329.

⁷ ГА РФ, ф. 1463, оп. 2, д. 311, л. 4. Копию программы курса Буслаева см. также: РГАЛИ, ф. 69, оп. 1, д. 10, л. 12—39. Подробнее см.: *Злобина Н.Ф.* Проблема историзма в литературоведческой концепции Ф.И. Буслаева (по материалам РГАЛИ) // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. С. 323.

переходное», хотя и, «без сомнения, болезненное состояние нашей литературы». При этом, по его мнению, «прямым выходом из этого ненормального состояния может быть только истинное европейское просвещение»⁸. Так завершился курс Буслаева, настолько понравившийся вел. кн. Николаю Александровичу, что он сам читал эти лекции приближённым и даже собирался преподавать «русский язык и словесность» своей невесте — датской принцессе Дагмар⁹.

О Древней Руси вел. кн. Николаю Александровичу рассказывали ещё во время прохождения «общеобразовательного» курса «инспектор классов» великих князей Я.К. Грот¹⁰ и профессор Петербургского университета К.Д. Кавелин¹¹. Судя по конспектам цесаревича, в 1857—1858 гг. Кавелин рассуждал про лежащее в основе русской государственности «одно общее начало со всеми другими христианскими государствами, с тою разницею, что прочие государства развились на Западе, а России суждено было действовать на Востоке, вдалеке от образованного мира»¹². Лекции по истории России XVIII в. «с высочайшего его величества соизволения», но «по избранию» гр. Строганова в 1860—1863 и 1866 гг. читал наследникам престола другой западник — декан историко-филологического факультета Московского университета С.М. Соловьёв¹³. Записи его курса представляют собой комментарии к различным историческим сюжетам (от воспитания Петра I до третьего раздела Польши), изложенным в «учебной книге», которую должны были самостоятельно читать великие князья¹⁴. Изучали они и тома «Истории России с древнейших времён». По крайней мере, К.П. Победоносцев упоминал в дневнике, что на столе вел. кн. Александра Александровича в 1866 г. «лежал 13 т[ом] Ист[ории] Соловьёва, где Сол[овьёв] задал ему прочитать первую главу (“Россия перед эпохою преобразования”. — *Ф.М.*)»¹⁵.

В своём курсе Соловьёв исходил из того, что «не может быть истории правительства без истории народа, не может быть истории народа без истории правительства». Если Буслаев считал критерием развития народа словесность, то Соловьёв усматривал «измерение сил народных» в войнах и особо отмечал влияние природных факторов¹⁶. Однако между подходами историка и филолога не было резкого противоречия, в их изложении история русского народа органично сочеталась со становлением российского государства. При этом

⁸ Лекции Ф.И. Буслаева... // Старина и новизна. Кн. 12. М., 1907. С. 306.

⁹ Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826—1865. М., 1896. С. 40, 96. При этом, вопреки мнению некоторых историков, вел. кн. Александру Александровичу Буслаев не преподавал.

¹⁰ См. составленную Гротом «краткую записку о занятиях государя наследника по русскому языку и русской истории»: ОР РГБ, ф. 285, карт. 3, д. 10, л. 1 об.—2 об.

¹¹ Курс лекций Кавелина по русской истории и выдержки из него см.: ОР РГБ, ф. 548, карт. 10, д. 1; ГА РФ, ф. 665, оп. 1, д. 1, л. 40—48 об.

¹² ГА РФ, ф. 665, оп. 1, д. 1, л. 49.

¹³ РГИА, ф. 540, оп. 1 (17/1369), д. 67, л. 1.

¹⁴ Имелось в виду издание: *Соловьёв С.* Учебная книга русской истории. М., 1859. Следует отметить, что вместе с лекциями Соловьёва хранятся также печатные оттиски его статей «Алексей Петрович Бестужев-Рюмин», «Рассказы из русской истории XVIII века. Птенцы Петра Великого» и «Монах Самуил (страница из истории раскола)» (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 3, л. 80—114). Кроме того, профессор прочёл специальный курс по польской истории (Там же, д. 3132, ч. 4), с которого, судя по дневнику вел. кн. Александра Александровича, Соловьёв начал своё преподавание новому наследнику (Там же, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 146 об., 156).

¹⁵ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 99.

¹⁶ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 3, л. 59.

Соловьёв был в восторге от способностей вел. кн. Николая Александровича и говорил, что «если б из Московского университета выходил раз в десять лет один студент с познаниями русской истории, каковые имел цесаревич, то он считал бы своё призвание исполненным»¹⁷.

К вел. кн. Александру Александровичу Соловьёва пригласили, когда тот стал наследником престола, а до этого, в 1864–1865 гг., с историей России его знакомил К.Н. Бестужев-Рюмин (племянник казнённого М.П. Бестужева-Рюмина), занявший в 1865 г. кафедру в Петербургском университете. Его обстоятельный курс начинался с расселения славянских племён и заканчивался характеристикой царствования Екатерины II (учитывая полноту и систематичность этих лекций, замена преподавателя вызывает некоторое удивление и объясняется, видимо, исключительно личным авторитетом Соловьёва). Как и Соловьёв, Бестужев-Рюмин уделял особое внимание государственным институтам и политическим событиям, осуждал жестокость Ивана Грозного и бироновщину, осторожно касался болезненных сюжетов, связанных, например, с судьбой императора Ивана Антоновича или гибелью Петра III¹⁸. Поэтому неудивительно, что, узнав об исследовании барона М.А. Корфа, посвящённом Брауншвейгскому семейству, вел. кн. Александр Александрович выразил желание прочесть эту рукопись¹⁹.

Высоко оценивая значение петровских преобразований, Бестужев-Рюмин в то же время отмечал, что «внешний блеск, приданный России реформой Петра В[еликого] и составлявший главную цель стремлений его первых преемников, так и оставался только внешностью, внутри же Россия второй четверти XVIII века как по своим финансовым средствам, так и по своей администрации и в особенности по нравам и обычаям оставалась весьма близко к России XVII в.». И хотя Екатерина II, о которой, по словам Константина Николаевича, «старик со слезами умиления» вспоминали как о «матушке-государыне»²⁰, стремилась искоренить имевшиеся недостатки, наследие, доставшееся её преемникам, во многом оказалось тяжёлым.

Знакомство с событиями и процессами XVIII в. должно было облегчить великим князьям понимание организации и развития государственного управления империи. Ведь план Строганова предусматривал, что именно юридические и политические науки смогут «положить основание» высшему образованию наследника престола²¹. Вел. кн. Николай Александровича планировалось обучать законоведению ещё в рамках общеобразовательного курса. Для этого в 1857 г. тогдашний наставник великих князей В.П. Титов пригласил К.Д. Кавелина. «Я должен, — писал Константин Дмитриевич М.Н. Каткову о задачах, поставленных Титовым, — вложить в молодую душу и голову наследника, будущего русского царя, правильные понятия о праве, законе, справедливости, обязанности, внушить здравый взгляд на юридические и административные явления, в которых выражается жизнь каждого человеческого общества. Надобно сделать эти предметы доступными голове 13-летнего ребёнка,

¹⁷ Воспоминания Феодора Адольфовича Оома... С. 116.

¹⁸ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 2, л. 34, 169, 173. Так, Бестужев-Рюмин сообщал, что «Пётр был перевезён в Ропшу и через шесть дней он умер». Вместе с тем им приводилось и мнение кн. Е.Р. Дашковой, утверждавшей, что «Пётр убит Орловыми; но Екатерина в этом не участвовала» (Там же, л. 177).

¹⁹ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 8.

²⁰ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 2, л. 144, 207 об.

²¹ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 985, л. 1 об.

заинтересовать его к подобного рода занятиям и к предмету и поднять на известную нравственную высоту, которой требует вникание более сердцем, чем головою в такие материи»²².

Готовя курс «энциклопедии законоведения», Кавелин рассчитывал прежде всего на эмоциональное восприятие материала учеником. Поэтому вместо систематического обзора отраслей права он сосредоточился на рассмотрении и разъяснении наследственного дела вдовы крестьянина Гусарова. Разбирая вместе с вел. кн. Николаем Александровичем обстоятельства этого процесса, Кавелин раскрывал особенности социальной структуры Российской империи (например, пояснял статус приписного крестьянина, каковым являлся Гусаров), рассказывал о принципах завешания и наследования имущества, основах деятельности кредитных установлений и проч.²³ Однако весной 1858 г. занятия внезапно прервались: профессор был уволен от преподавания цесаревичу из-за своей статьи об условиях освобождения крепостных, противоречившей тогдашним правительственным замыслам и вызвавшей недовольство Александра II²⁴. «Занятия мои с его высочеством, — с горечью констатировал Кавелин в письме к Титову, который также был отстранён от руководства образованием наследника престола, — продолжались только несколько месяцев; никаких результатов они не принесли и не могли ещё принести»²⁵. В 1861 и 1863 гг. лекции по энциклопедии права великим князьям читал преподаватель Петербургского университета и Училища правоведения И.Е. Андреевский, но материалы его курса не сохранились²⁶.

Особое место в ознакомлении наследников престола с правовой системой Российской империи занимали беседы перед принесением присяги по достижении совершеннолетия. Ещё в 1834 г. Николай I поручил М.М. Сперанскому приготовить вел. кн. Александра Николаевича к присяге и изложить ему «понятие о законах вообще, разделение их и разные виды, краткий очерк истории русского законодательства и сущность основных законов нашей империи»²⁷. В свою очередь Александр II возложил ответственность за такие же беседы с великими князьями Николаем и Александром Александровичами в 1859 и 1865 гг. на ближайшего сотрудника и биографа Сперанского — барона М.А. Корфа (он же в 1847—1848 гг. читал курс законоведения вел. кн. Константину Николаевичу). Характерно, что записи «бесед»

²² ОР РГБ, ф. 120, карт. 4, д. 4, л. 4—4 об. Рассуждая об образовании наследника, Титов утверждал, что «прямая обязанность царя — научиться быть справедливым», а достичь этого было можно, обучая его праву и экономике, т.е. наукам «прав и обязанностей» и «нужд и средств» (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 970, л. 2 об.).

²³ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2519. Некоторые конспективные записи лекций Кавелина имеются в записной книжке вел. кн. Николая Александровича (Там же, ф. 665, оп. 1, д. 6а, л. 3 об.—4), а в материалах личного фонда Александра III можно обнаружить «окончательное решение дела Гусаровых» за подписью цесаревича Николая Александровича (Там же, ф. 677, оп. 1, д. 241, л. 38—38 об.).

²⁴ *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 158.

²⁵ Воспоминания Феодора Адольфовича Оома... С. 33.

²⁶ Имеются лишь разрозненные конспективные записи вел. кн. Николая Александровича (ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 241, л. 1—6 об., 9—11). Подробнее см.: *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 268, 298, 340, 345.

²⁷ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 344.

Корфа и Сперанского во многом совпадали²⁸. Первоначально барон вообще не собирался составлять собственный текст, однако вел. кн. Николай Александрович попросил его изложить содержание занятий на бумаге²⁹. В 1865 г. Корф поручил переписать этот курс для вел. кн. Александра Александровича³⁰, присовокупив «краткий очерк слов», сказанных перед началом бесед новому наследнику престола³¹.

Как и Сперанский, Корф рассказывал о «разделении законов», происхождении «общежительного союза, или государства», истории русского законодательства, основных законах Российской империи и некоторых государственных учреждениях. Однако в отличие от Сперанского, избегавшего оценивать законодательство XVIII – начала XIX в., Корф не скрывал критического отношения к либеральным проектам того времени. «Всё это было так преждевременно, – писал он о работах Уложенной комиссии Екатерины II, – так незрело и так тщетно, что один только внешний блеск предприятия мог на минуту ослепить людей малорассудительных». Столь же несвоевременным представлялось барону желание Александра I «увенчаться бессмертием, извлекиши свой народ из рабства и дав ему твёрдые политические установления» в виде конституции. Вместе с тем Модест Андреевич горячо одобрял издание Николаем I Полного собрания и Свода законов. Тем самым император избрал «путь, совершенно противоположный прежним, а именно от сочинения *новых* законов обратился к тому, чтобы прежде вполне собрать и привести в порядок те, которые *уже существуют*»³².

Осуждая «ложную» философию эпохи Просвещения, представители которой «ниспровергли нравственность и нравоучение, отторгли науку от религии, а народы и царства от Провидения», Корф, как и Сперанский, считал заблуждением теорию возникновения государства в результате «общественного договора». При этом барон полагал, что «стремление допытываться первоначальных оснований человеческих обществ... иногда столько же опасно, сколько и умствовать о догматах веры», и переносил проблему в религиозно-метафизическую сферу. Вслед за Сперанским он утверждал, что земные общества «суть преддверие другого, высшего общества, предназначенного нам в вечности, а выражение верховной власти на земле: “Божиею милостию” не есть выражение произвольное, но великая, коренная истина, которую люди ни изгладить, ни переменить не могут»³³.

Теории философов XVIII в. опровергались и преподавателем одной из столичных гимназий И.И. Пискарёвым, знакомившим в 1865 г. вел. кн. Александра Александровича с русским государственным правом. По мнению Пискарёва, само существование монархии свидетельствовало об ошибочности представлений, будто «государственная власть находится всегда

²⁸ *Сперанский М.М.* Четыре «беседы» с наследником престола // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4. С. 66–82.

²⁹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2613, л. 2. «Его лекции чрезвычайно занимательные, и он так хорошо говорит, что я слушаю его с большим удовольствием», – писал цесаревич отцу (Там же, ф. 678, оп. 1, д. 814, л. 1–1 об.). Содержательными и интересными считал впоследствии беседы Корфа и вел. кн. Александр Александрович (Там же, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 4, 8).

³⁰ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2593.

³¹ Там же, д. 2837.

³² Там же, д. 2613, л. 43 об.–44, 44 об., 48 об. Здесь и далее курсивом переданы подчёркивания, сделанные в подлиннике.

³³ Там же, л. 14–15.

у народа неотчуждаемо». В то же время он утверждал, что «нет государства, в котором не было бы своих основных органических законов, своего государственного устава, или конституции». И каждый новый законодательный акт «должен быть сообразован с духом времени, национальностью государства, его территориальными условиями, гражданским и политическим положением и, наконец, он должен быть согласован не только с системой законов действующих, но также с узаконениями прежнего времени: без исторического познания ряда прежних узаконений труд составления проекта часто бывает бесплоден». Однако впоследствии, когда в Зимнем дворце задумались о завершении образования вел. кн. Александра Александровича, лекции Пискарёва, нацеленные на изложение «общих теоретических положений» русского права и «главных оснований государственного устройства в других образованных государствах»³⁴, было решено дополнить более детальным и научным курсом.

Прочёл его в 1866 г. К.П. Победоносцев. «Новый цесаревич, — вспоминал Константин Петрович в письме к Николаю II, — слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания»³⁵. В отличие от Пискарёва Победоносцев подробно рассказывал о российских сословиях, городском имуществе и управлении, государственных и бывших крепостных крестьянах, земских и центральных учреждениях, особенностях развития социальных групп и институтов в России и на Западе, влиянии природных условий. «У нас, — напоминал Победоносцев, — огромные, пустые, ровные пространства, бедность промыслов, скудость населения, — всё это препятствовало людям утвердиться на месте и устроить прочную организацию местных союзов; напротив — способствовало передвижениям и переходам»³⁶. Видимо, именно эти представления о стране выразились затем в хрестоматийной фразе Победоносцева о том, что Россия — «ледяная пустыня без конца-края, а по ней ходит лихой человек»³⁷.

Если «учебной книгой» по истории России великим князьям служили труды Соловьёва, то лекции о русском государственном праве опирались на изучение Свода законов. «Был у меня Победоносцев и читал, — отмечал вел. кн. Александр Александрович в дневнике, — принёс записки для повторения и многое просил прочесть из Свода законов»³⁸. На полях своего курса Победоносцев давал ссылки на наиболее важные его части и статьи, а цесаревич ставил крестики цветным карандашом по их прочтении. Начало каждой новой лекции цесаревич отмечал S-образной кривой линией с двумя точками, которая в делопроизводстве того времени означала ознакомление с документом³⁹. Впрочем, Константин Петрович был не в восторге от способностей нового

³⁴ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 6, л. 10 об.—11, 12, 53, 1.

³⁵ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М., 1926. С. 331. В декабре 1866 г. Победоносцев также начал преподавать русскую историю цесаревне Марии Фёдоровне (РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 26, л. 8 об.).

³⁶ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 15, л. 4.

³⁷ Гунтус З.Н. Слова и люди (Заметки о Петербурге в 1904–1905) // Гунтус З.Н. Собр. соч. В 15 т. Т. 13. М., 2012. С. 493.

³⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 298, л. 158.

³⁹ В составленной Александром II в 1876 г. инструкции, определявшей порядок рассмотрения представлений наследником престола, говорилось, что такой знак следует ставить «на докладах, где не испрашивается какого-нибудь разрешения, а просто доводится до сведения» (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 657, л. 1 об.).

ученика. «Сегодня я пробовал спрашивать в[еликого] кн[язя] о пройденном, хотя он не приготовился, — записал профессор в дневнике 10 февраля 1866 г., — чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего — и бедность сведений или, лучше сказать, — бедность идей удивительная»⁴⁰.

Готовиться к занятиям с Победоносцевым, Соловьёвым и преподавателем финансов и статистики Ф.Г. Тернером вел. кн. Александру Александровичу помогал вращавшийся при Дворе выпускник Училища правоведения кн. В.П. Мещерский, служивший тогда чиновником особых поручений при министре внутренних дел. С трудом справляясь с большим объёмом лекций Победоносцева и его мелким почерком, цесаревич вынужден был прибегать к услугам князя, укреплявшего тем самым своё влияние на наследника престола. В частности, по материалам Победоносцева он составил конспекты о земских и центральных государственных учреждениях, а также таблицу о предметах ведения Государственного совета, Сената, Комитета и Совета министров⁴¹. «Высшая административная власть, — резюмировал Мещерский рассуждения Победоносцева о проблеме единства управления, — разбросана между I департаментом Сената, министрами, Комитетом министров, Государственным советом и Советом министров, но объединяющего учреждения нет — так же как нет учреждения с правом контроля над всеми министрами»⁴². В лекциях по гражданскому праву, которые в 1862 г. Победоносцев читал вел. кн. Николаю Александровичу⁴³, а с 1866 г. и вел. кн. Александру Александровичу⁴⁴, преподаватель не раз сетовал на отсутствие единства управления. Так, ещё 15 января 1862 г. он «описывал наследнику беспорядочность нашего законодательства, как у нас высоч[айшей] властью освящается не только обсуждённое Советом, но и единоличный доклад министра»⁴⁵. Конечно, к тому времени это была, по словам Е.В. Тимошиной, «довольно традиционная критика единоличных докладов»⁴⁶. Но любопытно то, что она звучала уже на учебных занятиях во дворце.

Будучи цивилистом по специальности, Победоносцев, опираясь на свои университетские лекции и «подробный конспект преподавания гражданского права и русских гражданских законов», составленный для студентов Московского университета⁴⁷, знакомил великих князей с гражданским правом и с особенностями данной сферы правовых отношений. При этом он подробно характеризовал права дворянских, городских и сельских обществ, рассматривая их в сравнительном историческом и международном контексте. В частности, зависимость русского дворянства от государства он объяснял тем, что, в отличие от Западной Европы, «у нас не было рыцарства; не было и организованного дворянского сословия»⁴⁸. Тем самым история социальных групп и институтов помогала понять их современное состояние.

⁴⁰ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 99.

⁴¹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 15, л. 36–37, 48–49 об., 82; ф. 677, оп. 1, д. 241, л. 42–42 об.

⁴² Там же, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 15, л. 49 об.

⁴³ Там же, л. 2725.

⁴⁴ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 243.

⁴⁵ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 3.

⁴⁶ Тимошина Е.В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К.П. Победоносцев. СПб., 2000. С. 140.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2725, л. 10–51.

⁴⁸ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 243, л. 91.

Большое внимание в лекциях уделялось крепостному праву. Вел. кн. Николай Александрович, конечно же, был наслышан о его отмене — именно старшему сыну Александр II подарил перо, которым подписал манифест 19 февраля 1861 г. Незадолго до этого вел. кн. Константин Николаевич, председатель Главного комитета по крестьянскому делу, беседовал с племянником о значении готовившегося преобразования⁴⁹ и, вероятно, упомянул про уступки, на которые пришлось пойти реформаторам. Так или иначе, перед лекцией о крестьянском «Положении» вел. кн. Николай Александрович ожидал, что речь пойдёт, «как следовало бы написать его и как не написали»⁵⁰. Во всяком случае, в некотором несовершенстве реформы в 1862 г. он уже был убеждён. Победоносцев же надеялся на то, что после его занятий цесаревич «будет теперь знать, чего стоило и как трудно было написать» это «Положение»⁵¹.

Не менее сложным представало в лекциях Победоносцева и устройство деревенского быта. Так, община изображалась в них своеобразной формой самосохранения «мира» и гарантом его стабильного существования: «Под прикрытием общей, круговой ответственности сельская община прожила несколько столетий, сохраняя в себе семена будущего развития, и в эпоху преобладания личной силы, под гнётом личного вотчинного произвола, успела удержать и целостность свою, и идею общего органического союза, и своё государственное значение. Настоятельность государственных повинностей, лежавших на *целой* общине, сделала неизбежным поддержание её целостности и тем самым обеспечивала политическое и юридическое значение сельского общества не только у свободных, но и у крепостных крестьян»⁵².

О законах благоустройства и благочиния вел. кн. Николаю Александровичу в 1863 г. рассказывал И.Е. Андреевский. Разработанная им концепция полицейского права предусматривала освещение различных сторон общественной жизни, включая структуру «полиции исполнительной», способы обеспечения внутренней безопасности государства, цензуру, паспортную систему, медицинские меры, государственную благотворительность, «попечение правительства о духовном благосостоянии народа» и формы поддержки сельского хозяйства, торговли, «фабричной, заводской и ремесленной промышленности»⁵³. Для сравнения преподаватель каждый раз приводил краткий обзор английских, французских, германских и австрийских законов.

Ознакомление великих князей с экономическим положением России в эпоху Великих реформ представлялось столь же важным, сколь и созвучным общественным настроениям⁵⁴. Однако оно наталкивалось на объективные трудности. «Высшее начальство было тогда озабочено завершением образования наследника престола Николая Александровича.., — вспоминал А.Н. Куломзин, которому была поручена подготовка материалов для ознакомления цесаревича с финансами. — Истории наших финансов

---

⁴⁹ 1857–1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 306, 286.

⁵⁰ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 7 об.

⁵¹ Там же, л. 8.

⁵² ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 243, л. 18 об.—19.

⁵³ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2749, ч. 1.

⁵⁴ *Христофоров И.А.* Самая либеральная из наук: политическая экономия и кружок либералов-фритредеров в эпоху Великих реформ // Историк и Художник: Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 157–170.

не существовало. Мало того, источники для такой истории не были раскрыты»⁵⁵. Неудивительно, что А.И. Чивилёв⁵⁶, который читал в 1862 и 1864–1865 гг. великим князьям Николаю и Александру Александровичам политическую экономию, вовсе не приводил никаких примеров, связанных с российским государственным хозяйством, – в основном всё сводилось к изложению основных экономических законов и рассуждениям «о мерах и учреждениях, посредством которых *можно* содействовать успешному достижению цели народного хозяйства, т.е. совершеннейшему удовлетворению нужд, как частных, так и общественных»⁵⁷.

Профессор Университета св. Владимира Н.Х. Бунге в лекциях по теории финансов, прочитанных в 1863–1864 гг. вел. кн. Николаю Александровичу, напротив, старался показать структуру расходов империи, указать средства, используемые для удовлетворения её потребностей, рассказать о государственных имуществах, доходах с горной промышленности и податях с промыслов, личных налогах и косвенных податях, таможенных податях, а также об акцизах на табак, соль, сахар и напитки⁵⁸. Отразились в его курсе и ожесточённые споры фритредеров и протекционистов. В период обучения великих князей действовал таможенный тариф 1857 г., смягчавший прежнюю запретительную систему⁵⁹. Как отмечал профессор, этот тариф, «несмотря на значительную сбавку пошлин, даёт защиту довольно существенную и содержит в себе подати с потребления колониальных товаров довольно высокие». Оправдывая его, Бунге утверждал, что ещё по замыслу Петра I тарифы следовало менять в соответствии с уровнем развития промышленности: поначалу «таможенная пошлина, оказывавшая покровительство известной отрасли промышленности, должна была постепенно возвышаться вместе с расцветом этой промышленности, переходя в полное запрещение тогда, когда внутреннее производство может удовлетворить запросу внутренних потребителей», однако впоследствии «Пётр Великий предполагал переходить к тарифу более свободному, по мере того, как русские фабрики в состоянии будут выдерживать соперничество иностранцев»⁶⁰.

Хотя Бунге не скрывал симпатий к умеренному фритредерству, он в то же время указывал вел. кн. Николаю Александровичу на пределы применимости низкого тарифа, доказывая на историческом материале вред резкого изменения пошлин. Так, в 1822 г., по его мнению, «от одной крайности перешли к другой, – от тарифа, который был гибелен для внутреннего производства, по внезапному предоставлению последнего свободному

---

⁵⁵ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 211.

⁵⁶ Чивилёв, бывший некогда профессором Московского университета, по рекомендации гр. Строганова был приглашён на должность наблюдателя за учебными занятиями великих князей Александра и Владимира Александровичей (РГИА, ф. 540, оп. 1 (17/1369), д. 99).

⁵⁷ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 9, л. 2.

⁵⁸ ОР РНБ, ф. 550, Ф. II, д. 235. Рукопись курса Бунге с пометками и записями вел. кн. Николая Александровича сохранилась в ГА РФ (ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 8). На переплёте золотыми тиснёнными буквами ошибочно указано: «Политическая экономия. Лекции пр[офессора] Чивилёва». Черновой вариант по завещанию Бунге был передан в Императорскую публичную библиотеку (Отчёт Императорской публичной библиотеки за 1898 год. СПб., 1902. С. 137–141).

⁵⁹ Степанов В.Л. Либерально-экономический «эксперимент» в России (вторая половина 1850-х – первая половина 1870-х гг.) // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 499–500.

⁶⁰ ОР РНБ, ф. 550, Ф. II, д. 235, л. 334, 332 об.–333.

соперничеству с иноземным производством, обратились к запрещениям и ограничениям, которые вызвали слишком быстрое и искусственное развитие разных отраслей фабрикации, причём предприниматели заботились не о дешевизне производства и не о качестве товаров, а только о количестве произведений, находя выгодным производить много, даже при самых неблагоприятных условиях»⁶¹. Тем самым профессор рекомендовал наследнику престола в первую очередь учитывать экономическую, а не идеологическую конъюнктуру.

Проблема изменения тарифных ставок затрагивалась и на лекциях по финансам и статистике, которые в 1865—1866 гг. читал вел. кн. Александру Александровичу статский советник Ф.Г. Тернер, окончивший Петербургский университет и служивший тогда вице-директором Департамента внешней торговли Министерства финансов⁶². Рассматривая историю и современное состояние таможенной политики, он заключал: «Нельзя не желать дальнейшего понижения нашего тарифа, но, с другой стороны, принимая в соображение интересы нашей фабричной и мануфактурной промышленности, возникшей под охраною высокого тарифа, нельзя не согласиться, что это понижение должно происходить постепенно, так как всякий слишком резкий переход мог бы нанести ущерб нашей промышленности»⁶³. Однако новый наследник престола не разделял взглядов своего преподавателя, понимая их слишком прямолинейно. «Когда я объяснял ему вредные последствия чрезмерного таможенного покровительства, — вспоминал Тернер, — его высочество, внимательно выслушав все мои объяснения, под конец высказал мне откровенно, что, по его мнению, русская промышленность всё же нуждается в значительной охране»⁶⁴. Протекционистские симпатии цесаревича отчасти объяснялись влиянием Мещерского, помогавшего ему готовиться к занятиям⁶⁵. Так, в мае 1866 г. вел. кн. Александр Александрович писал в дневнике: «В 10 пришёл В.П. Мы читали с ним записки Победоносцева о министерствах, а потом для Тернера о таможенном сборе; когда дошли до теории свободной торговли, то бросили читать эту глупость и начали разговаривать»⁶⁶.

Ещё одним противником фритредерства в окружении великих князей был профессор Московского университета И.К. Бабст, в 1862—1863 гг. преподававший вел. кн. Николаю Александровичу статистику и сопровождавший его в 1863 г. в путешествии по России⁶⁷. После смерти брата вел. кн. Алек-

⁶¹ Там же, л. 333 об.—334.

⁶² Следует отметить, что Тернер не читал цесаревичу лекции по политической экономии, как указывается, например, во вступительной статье к публикации его записки Александру III («Соображение об экономическом и финансовом положении государства». Записка управляющего министерством финансов Ф.Г. Тернера императору Александру III. 1892 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 159). «Политическую» эконом[ию] преподаёт наш милый Александр Иванович (Чивилёв. — *Ф.М.*)», — писал вел. кн. Александр Александрович старшему брату (ГА РФ, ф. 665, оп. 1, д. 22, л. 16 об. О переписке великих князей подробнее см.: *Мелентьев Ф.* Саша и Никса летом 1863 года // Родина. 2015. № 2. С. 8—10).

⁶³ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 8, л. 77.

⁶⁴ *Тернер Ф.Г.* Воспоминания жизни // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 49.

⁶⁵ См., например, составленный кн. Мещерским конспект о налогообложении в России: ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 195, л. 28—29 об.

⁶⁶ Там же, д. 299, с. 68.

⁶⁷ Это путешествие было описано им вместе с Победоносцевым в «Письмах о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» (М., 1864). Подробнее см.:

сандр Александрович просил Чивилёва пригласить Бабста для преподавания ему. Между тем Победоносцев отмечал в дневнике: «Чивилёв терпеть не может Бабста за то, что он не *free-trader*, а может быть, и по личным отношениям, и настоял, чтобы назначили не Бабста, а Тернера. Всё это они (Чивилёв и попечитель наследника гр. Б.А. Перовский. — *Ф.М.*) сделали, даже не переговорив с вел[иким] князем»⁶⁸. Это в известной мере объясняет то недоверие, с которым вел. кн. Александр Александрович смотрел на Тернера и его лекции. Характерно, что в окружении наследника престола не только не пытались сгладить имевшиеся противоречия, но ещё больше их обостряли. В 1867 г. кн. Мещерский предлагал цесаревичу позвать на вечер Бабста и Тернера «для споров и задушевной болтовни» и чтобы «заставить их друг с другом сцепиться», а затем пригласить только Бабста «для объяснения всего, что к вопросу о тарифе относится»⁶⁹. Вокруг будущего императора уже разворачивалась борьба различных влияний и взглядов.

Так или иначе, Бабст, вопреки мнению некоторых авторов⁷⁰, не преподавал вел. кн. Александру Александровичу, хотя действительно был близок к нему и сопровождал его в путешествиях по России в 1866 и 1869 гг.⁷¹ Наследник престола отзывался о нём как «о человеке, которого я знаю лично и которого я уважаю как лучшего профессора финансов, и которого мой покойный брат любил и уважал»⁷². Характерно, что хотя Бабст не читал великим князьям лекции о финансах, воспринимался он как специалист именно в этой сфере. К вел. кн. Николаю Александровичу Бабста пригласил ещё Титов, по поручению которого Иван Кондратьевич составил особую записку «об элементарном способе преподавать статистику в связи с государственным хозяйством»⁷³. Это сочинение Титов «имел случай подносить на усмотрение некоторых особ августейшей фамилии» (в первую очередь — вел. кн. Елене Павловне) и сообщал Бабсту, «что по прочтении слышал отзывы вполне одобрительные и лестные для автора»⁷⁴.

Записка профессора имела отчётливо публицистический характер, а некоторые особо важные её места были подчёркнуты карандашом одним из читателей. «Всякий произвол, — говорилось в одном из таких фрагментов, — может только потрясти и нарушить народное благосостояние». Соответственно, будущему самодержцу предстояло понять, что его власть имеет вполне осязаемые границы. Подчёркнуто в тексте было и указание на то, что главная задача преподавания — развить в наследнике престола «сочувствие ко всем нуждам народным». Неизвестный читатель обратил также

Мелентьев Ф.И. «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма»: краткая характеристика источника и обзор современных переизданий // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 215–230. См. также дневник, который вёл Бабст во время путешествия в 1863 г.: ОПИ ГИМ, ф. 44, оп. 1, д. 3, л. 37–55 об.

⁶⁸ РГИА, ф. 1574, оп. 1, д. 1, л. 100.

⁶⁹ *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011. С. 393.

⁷⁰ См., в частности: *Лаврычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). М., 1974. С. 180.

⁷¹ См., например, дневник Бабста о путешествии с наследником в 1869 г.: ОР РГБ, ф. 512, карт. 1, д. 13, л. 30–34 об.

⁷² ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 301, с. 145.

⁷³ Там же, ф. 647, оп. 1, д. 281.

⁷⁴ ОПИ ГИМ, ф. 44, оп. 1, д. 1, л. 83 об.

внимание на слова о необходимости учитывать европейский опыт и о том, что «общественное пользование землёю» позволит избежать пролетаризации населения⁷⁵. Последнее замечание в конце 1850-х гг. звучало весьма злобно-дневно⁷⁶. По сути эта программа представляла своего рода манифест либерально-реформаторских идей, которые предполагалось не только прививать цесаревичу, но и внушать императору. Тем не менее Бабст, по-видимому, не успел приступить к занятиям и в связи с отстранением Титова в 1858 г. был вынужден отказаться от преподавания⁷⁷.

Вновь приглашённый уже Строгановым, Бабст читал вел. кн. Николаю Александровичу лекции по статистике⁷⁸. Именно из этого курса наследник должен был узнать о населении Российской империи, его размещении, этнографии, быте и потребностях. Особое внимание Бабст обращал на сельских жителей Белоруссии и Литвы, которые находились под польским влиянием, но, по мнению профессора, ссылавшегося на историю и этнографию, являлись не поляками, а русскими, малороссами или белорусами. «Статистика и её цифры доказывают ещё лучше, как справедливы польские притязания на Западный край», — иронизировал Бабст, поскольку, по его сведениям, «говорящих русскими наречиями вообще в Западном крае в шесть раз более, чем говорящих на польском языке»⁷⁹. Таким образом, преподавание статистики становилось одним из инструментов формирования отношения цесаревича к западным окраинам.

Вместе с тем следует отметить, что лекторы, как правило, избегали конкретных рекомендаций и однозначных выводов. Некоторые из профессоров, как, например, Б.Н. Чичерин, полагали к тому же, что «специальный взгляд» для наследника престола «может быть вреден»⁸⁰. Неудивительно, что лекции по государственному праву, которые читали великим князьям Чичерин и Андреевский, были одними из наиболее «отвлечённых» и далёких от русской действительности⁸¹. Осмысление общих принципов государственного управления представлялось им более важным для будущего самодержца, чем казавшееся излишним погружение в детали.

Вел. кн. Николаю Александровичу импонировал теоретический характер читавшихся ему лекций. «Положительный и быстро схватывавший ум великого князя, — вспоминал Бунге, — требовал не популярного, но строго научного, серьёзного изложения предмета»⁸². «Самые отвлечённые

⁷⁵ ГА РФ, ф. 647, оп. 1, д. 281, л. 2 об., 3 об., 8, 9 об.

⁷⁶ Захарова Л.Г. Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1986. № 5. С. 36–43.

⁷⁷ Милотин Д.А. Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 272.

⁷⁸ РГИА, ф. 540, оп. 1 (17/1369), д. 133.

⁷⁹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 14, л. 24–25. Подробнее см.: Комзолова А.А. Арифметика русификации: статистика этноконфессионального состава населения Северо-Западного края Российской империи (середина XIX в.) // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. С. 550–564.

⁸⁰ К биографии цесаревича Николая Александровича: два письма Б.Н. Чичерина к К.П. Победоносцеву // Русский архив. 1910. Кн. 2. Вып. 6. С. 311–312.

⁸¹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2721, ч. 1–2; д. 2749, ч. 2. Впоследствии Чичерин издал «курс государственной науки», в основе которого лежали лекции для студентов Московского университета и наследника престола, однако между рукописью и опубликованным текстом имеются существенные отличия. См.: Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.

⁸² Бунге Н.Х. От переводчика // Гок К., фон. Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги. Киев, 1865. С. IV.

мысли, — писал Чичерин, — категорический императив Канта, философское учение Гегеля легко усваивались даровитым юношей»⁸³. «Все мои теперешние серьёзные лекции, — с явным удовлетворением сообщал цесаревич императрице Марии Александровне, — имеют связь между собою, имеют философический характер». Однако в этой теоретичности со временем всё сильнее ощущалась некоторая оторванность от жизни. Лекции, признавался вел. кн. Николай Александрович, «это мой дорогой, особый мир; в нём я живу и кроме него... почти ничего не знаю. Говорю и краснею, потому что мало знаю, что делается вокруг. Зато будет время это узнать, и этим можно утешиться; а если не составлю теперь себе свой маленький мир, то много потеряю. В том и состоит его прелесть, что он выше, чище мира настоящего, действительного»⁸⁴. Между тем вел. кн. Александра Александровича, который не признавал «умствований», излишняя учёность, по-видимому, только сбивала с толку. Сложные рассуждения казались ему неинтересными или вовсе лишёнными смысла. Недаром напротив одной из непонятых им фраз Победоносцева в курсе русского государственного права он со свойственной ему непосредственностью написал: «Глупость»⁸⁵.

Сведения о России, содержащиеся в лекционных курсах, которые читались наследникам престола в эпоху Великих реформ, складывались в противоречивую и фрагментарную картину. С одной стороны, Российская империя представлялась европейской страной с большим будущим. С другой стороны, по словам преподавателей великих князей, она имела существенные отличия от западного мира, а европейская социально-политическая мысль противоречила основам, на которых зиждилось русское самодержавное государство. Вместе с тем на деле лекционные курсы не так уж много давали для «профессиональной» подготовки наследников престола к управлению страной. Они способствовали сближению великих князей с университетской профессурой (а некоторые профессора заняли впоследствии высокие посты), но не позволяли в полной мере понять систему управления государством и не облегчили тому же вел. кн. Александру Александровичу последующее довольно болезненное непосредственное включение в работу правительственного аппарата (присутствие на всеподданнейших докладах, участие в заседаниях Государственного совета и различных комиссий)⁸⁶. Между тем, плохо понимая характер деятельности бюрократии, цесаревич всё менее ей доверял, что заметно повлияло на его политику после вступления на престол.

---

⁸³ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010. С. 66.

⁸⁴ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 33, л. 16–16 об.

⁸⁵ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 3132, ч. 15, л. 58.

⁸⁶ Подробнее см.: Астанков В.А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.

Советизируя евреев: из истории советской образовательной политики в Западной Белоруссии, 1939–1941 гг.

Янина Карпенкина

Sovietizing the Jews: the history of Soviet educational policy in Western Belorussia, 1939–1941

Yanina Karpenkina (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

После начала Второй мировой войны и раздела Польши между Германией и СССР в сентябре 1939 г. произошло воссоединение Западной и Восточной Белоруссии. К тому времени проживавшие на этих территориях евреи, формально являвшиеся одним народом, фактически существенно отличались друг от друга. По данным на 1 января 1941 г., население присоединённой к СССР Западной Белоруссии насчитывало 4815 500 человек (преимущественно белорусов и поляков, а также русских, украинцев и литовцев), среди них 404.5–500 тыс.¹ (8–9% общего числа) были местными евреями. В основном они проживали в городах, местечках и до установления советской власти составляли более 70% ремесленников и торговцев региона². Кроме того, из Польши от нацистского режима бежала масса евреев, точное число которых невозможно выяснить сегодня. По приблизительным подсчётам, до Западной Украины и Западной Белоруссии добрались в общей сложности от 200–300 тыс. до 1 млн этих беженцев³. Как правило, они уходили дальше, на восток – в глубь Советского Союза, но какая-то их часть осталась в пределах его западных областей.

Начавшаяся там интенсивная советизация населения реализовывалась разными способами – от предоставления людям прав и возможностей до социальной инженерии, осуществлявшейся нередко насильственными методами. В результате в присоединённом регионе возникли проблемы, сопряжённые с военной разрухой, трудностями переходного периода, а также социальными, экономическими и политическими осложнениями в самом Советском Союзе. С осени 1939 г. местное население постоянно сопровождали репрессии, дефицит товаров, инфляция, спекуляция, контрабанда, хищение имущества, произвол местных властей и бюрократии, рост преступности и т.п. На этом фоне

© 2017 г. Я.В. Карпенкина

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

¹ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993. С. 42; Levin D. The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia, 1995. P. 18.

² Levin D. Op. cit. P. 18–21.

³ Pinchuk B.-C. Shtetl Jews under Soviet Rule: Eastern Poland on the Eve of the Holocaust. Oxford, 1990. P. 107.

провозглашённые новой властью бесплатность и всеобщность образования оказались в крае едва ли не единственным её достижением.

Вопросы, связанные с советизацией еврейского населения Западной Белоруссии посредством реформирования системы образования, были рассмотрены в ряде работ американских, израильских и российских историков. Самой известной из них, пожалуй, является книга Я.Т. Гросса «Революция из-за границы: советская аннексия польских территорий Западной Белоруссии и Западной Украины»⁴. В отдельной главе, указав исключительно на негативные явления в новой советской школе (атеизм, тоталитарный контроль над программами преподавания и проч.), американский исследователь приходит к выводу о том, что вводимые в школе порядки привели к разрушению всей системы образования. В качестве основного источника Гросс использовал хранящиеся ныне в архиве Гуверовского института воспоминания поляков, служивших в армии генерала В. Андерса⁵. Поэтому в данной монографии освещены проблемы преимущественно польского населения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.

Историю же еврейского населения этого региона в рассматриваемый период впервые представил израильский исследователь Б.-С. Пинчук в книге «Местечковые евреи под советской властью: Восточная Польша накануне Холокоста»⁶. Проанализировав еврейские мемуары и периодику, Пинчук констатирует: благодаря налаженной системе образования молодёжь оказалась наиболее восприимчивой к советской пропаганде, что значительно ускорило процесс разрушения вековой традиционной культуры местечковых евреев бывшей Польши.

Монография известного израильского историка Д. Левина (во время Второй мировой войны узника гетто, затем партизана в Литве) «Меньшее из двух зол: восточноевропейские евреи под советской властью, 1939–1941 гг.»⁷ — о судьбе еврейского населения присоединённых в 1939–1940 гг. к СССР регионов. Книга базируется на источниках личного происхождения, написанных преимущественно на идише и иврите. В её «говорящем» названии отражена позиция автора: политика Советского Союза (по сравнению с нацистской Германией), осуществлявшаяся на его новых территориях, оказалась для проживавших там евреев всего лишь наименьшим злом.

Среди работ российских историков следует отметить статью О.В. Будницкого⁸, где охарактеризовано положение еврейского населения бывших польских земель, которое оказалось на распутье — между советской властью и соотечественниками-поляками. Историк стремится ответить на вопрос: кем же были евреи в 1939–1941 гг. — сторонниками большевиков, охотно отправившимися служить советской власти, предав тем самым поляков, или не имевшими реального выбора жертвами сложившихся обстоятельств? По мнению автора, образование, которым новый политический режим в равной степени

---

⁴ *Gross J.T.* Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Ed. 2. Princeton, 2003.

⁵ Владислав Андерс (1892–1970), польский генерал; в годы Второй мировой войны командовал военными формированиями, созданными на территории СССР из числа проживавших там польских граждан.

⁶ *Pinchuk B.-S.* Op. cit.

⁷ *Levin D.* Op. cit.

⁸ *Будницкий О.В.* Слишком поляки для Советов, слишком евреи для поляков: польские евреи в СССР в 1939–1945 // *Ab Imperio*. 2015. № 4. С. 213–236.

обеспечил всё население присоединённых земель, стало благом для еврейского народа. Вместе с тем, считает Будницкий, после 1939 г. в жизни местных народов появилось множество отрицательных социально-политических и экономических явлений.

Следует отметить, что вышеуказанные труды базируются преимущественно на источниках личного происхождения. Вне поля зрения историков всё ещё остаются материалы бывших советских архивов. Однако именно их изучение поможет уточнить ранее введённые в научный оборот источники, а также исследовать проблемы, касающиеся реакции евреев на кардинально изменившиеся условия их жизни и общих тенденций советской политики на присоединённых территориях.

В данной статье рассмотрена советизация еврейства Западной Белоруссии в общем контексте политики новой власти в сфере образования в 1939–1941 гг. Исследование основано на документах, хранящихся в фондах Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Гродненской области и Российского государственного архива социально-политической истории. Основную массу используемых источников составляют оперативные сводки НКВД БССР, докладные записки партийных работников высшему начальству, а также протоколы и стенограммы совещаний советской администрации. Кроме того, при написании статьи использованы ранее не опубликованные воспоминания представителей еврейского населения Западной Белоруссии и аудиointервью с ними, являющиеся частью архивной коллекции Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне.

Реформирование системы образования

В 1921–1939 гг. на западных территориях Белоруссии была распространена польская система образования, в соответствии с которой обучение делилось на три ступени: школа; гимназия и лицей; университет. В указанный период (согласно советским подсчётам, произведённым в октябре 1939 г.) в крае действовали 7 199 начальных школ, из которых 6 932 были польскими, 3 – русскими, 263 – еврейскими и 1 – немецкой. Все высшие учебные заведения функционировали исключительно на польском языке. Поступить туда можно было после окончания гимназии и лицея, образование в которых было платным: в государственных – 200–300 злотых в год, в частных – 500–900⁹. Кроме того, в гимназиях и лицеях существовал ценз на приём евреев. Также (по данным о состоянии дел народного образования в Западной Белоруссии от 25 октября 1939 г.) в регионе работали 75 средних специально-ремесленных школ¹⁰.

С падением Польской Республики в сентябре 1939 г. прежняя система образования на присоединённых территориях прекратила существование, а новая была создана не сразу. Почти всю осень (по крайней мере, до декабря) 1939 г. многие учебные заведения в регионе не функционировали. Ситуация начала меняться после официального присоединения Западной Белоруссии к БССР, т.е. после 2 ноября 1939 г. Так, с 1 декабря планировалось

⁹ *Малыхина Л.Ю.* Социальные преобразования осенью 1939 г. в Бресте // Осень 1939 года: Коренной перелом в судьбе белорусского народа. Брест, 2009. С. 110.

¹⁰ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НА РБ), ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 21–27.

перевести местную школьную систему на советскую: начальные школы (1–4 классы), неполные средние (1–7) и средние (1–10). При этом бывшие польские гимназии и лицеи объединили с начальными школами, в итоге возникли неполные средние школы либо средние¹¹. Тогда же было провозглашено всеобщее бесплатное образование¹².

Уже с 15 ноября началась организация трёх- и шестимесячных курсов по переподготовке учителей Западной Белоруссии – теперь их обязали преподавать не на польском, а на русском и белорусском языках¹³. Помимо этого, 1 января 1940 г. в каждом из городов – Белосток, Барановичи, Гродно, Пинск – открылось высшее педагогическое учебное заведение¹⁴.

Осуществлявшаяся осенью 1939 – летом 1940 г. реформа системы образования официально завершилась в начале 1940/41 учебного года¹⁵. Однако ввиду тяжёлой экономической и политической ситуации в регионе так и не удалось добиться желаемого результата – эффективного функционирования системы школьного образования. Как и прежде, наблюдался дефицит квалифицированных учителей, а также школьных помещений и учебных материалов.

Почти во всех делопроизводственных документах Коммунистической партии большевиков (КП(б)) Белорусской ССР 1939–1941 гг. имеются сведения о фактической нехватке квалифицированных специалистов. Причин тому было несколько. Во-первых, многие работавшие в годы Польской Республики педагоги, особенно поляки, не вызывали доверия у новой власти и их уволили. Во-вторых, с введением всеобщего начального образования потребовалось большее число педагогов. Например, в феврале 1941 г. в самом густонаселенном городе западных областей БССР Белостоке в начальных школах работали 227 учителей, в неполных средних школах – 219, в полных – всего 55¹⁶.

Для заполнения образовавшихся лакун власти организовывали курсы переподготовки местных педагогов (белорусов, русских, евреев), целенаправленно обучали выходцев из БССР, желавших работать учителями в её западной части, создавали учительские институты и училища. Однако почти сразу же на первый план вышла новая проблема – некомпетентность новых преподавателей, проявлявшаяся в их незнании языков.

Местные учителя¹⁷, окончившие курсы переподготовки, не знали обязательных для их работы русского и белорусского языков¹⁸. Быстрота ликвидации данного затруднения зависела от региональной специфики. Так, в самых западных регионах, большинство населения которых составляли поляки,

¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 228, л. 32.

¹² НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 12–13.

¹³ Это не относится к тем еврейским школам Западной Белоруссии, где обучение проходило на идише. Хотя, согласно указанному постановлению, и в еврейских школах в качестве обязательных предметов ввели русский и белорусский языки.

¹⁴ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 12–13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Государственный архив Гродненской области (далее – ГА Гр), ф. 309, оп. 1, д. 2, л. 38.

¹⁷ Имеются в виду и белорусы. Хотя белорусское население в то время всё ещё использовало в быту белорусский язык, преподавание в учебных заведениях Польской Республики в 1930-х гг. было уже почти полностью переведено на польский. Таким образом, белорусские учителя не владели литературным белорусским языком в достаточной мере, необходимой для преподавания.

¹⁸ Уроженка г. Белостока Э. Гессен, вспоминала, как её мама, полонист по образованию, попала на подобные курсы: «Помню, как вечерами она зубрила стихи Янки Купалы и Якуба Коласа... а своих учеников она опережала на один, максимум два параграфа по учебнику» (Гессен Э. Белосток–Москва: мемуары. М., 2014. С. 31–32).

решить эту проблему оказалось почти невозможно. В любом случае ситуацию могли изменить только местные власти, но нередко ввиду безвыходного положения они «закрывали глаза» на использование в процессе преподавания польского языка. Иная ситуация сложилась с работниками сферы образования, которые прибыли из восточных регионов Советской Белоруссии. Они, владея как русским, так и белорусским, совершенно не знали языка повседневного общения своих учеников — польского¹⁹.

На совещании секретарей райкомов КП(б) БССР и начальников РО НКВД её пограничных районов (19–20 сентября 1940 г.) районный комиссар Анисимов пожаловался П.К. Пономаренко, первому секретарю ЦК КП(б) республики (1938–1947): в качестве педагогов из Советской Белоруссии командировали только лиц, окончивших краткосрочные подготовительные курсы, совершенно не знавших польского²⁰. Та же картина наблюдалась и в Белостокской обл., где 92% населения составляли поляки. Однако, заявил один из секретарей райкомов Н. Ахимович, присланная из БССР администрация польского языка не знала, но была «директивка»: «командированных» ставить директорами. Вот и получилось, что в районе, которым руководил Ахимович, директор польской школы совершенно не говорил по-польски, поэтому его «не совсем» уважало местное население. На эту реплику из зала раздалось резонное замечание: «Что с ним делать, ведь прислали?»²¹.

Кроме того, прибывшие из восточных областей Белоруссии специалисты зачастую оказывались некомпетентны и как педагоги. Нередко на руководящие должности в учебных заведениях назначали приезжих работников, не имевших ни педагогического опыта, ни высшего образования. И всё это становилось возможным только потому, что существовала соответствующая «директивка»²².

В Барановичской обл., например, из 25 директоров средних школ только 8 имели высшее образование, а из 325 директоров неполных средних школ — 29²³. Что уж говорить о молодых людях, окончивших двухмесячные педагогические курсы. На упомянутом совещании комиссар Едвабновского района Устиновский сообщил, что к ним прислали 80 таких учителей. Некоторым из них ещё не исполнилось 16–17 лет, и они были не готовы к преподаванию²⁴.

В системе образования Западной Белоруссии существовали и материальные сложности. Судя по документам, не хватало всего — от школьных помещений до учебников и канцелярских принадлежностей. Отсутствие учебной литературы стало основной проблемой советских школ, училищ, институтов. Особый дефицит составляли советские учебники истории и географии, а также белорусской и русской грамматики. В делопроизводственных материалах

---

¹⁹ Незнание польского языка было проблемой не только учителей, но вообще всей новой советской администрации, назначенной сюда после присоединения к БССР.

²⁰ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 35.

²¹ Там же, д. 16767, л. 8–9.

²² Присланных из БССР в Белостокскую обл. учителей (251 человек) назначили на руководящие должности: директорами и завучами школ или методистами районных отделов народного образования (РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 228, л. 34).

²³ Там же, л. 69–70.

²⁴ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 16767, л. 8–9, 64.

1939–1941 гг. зафиксированы многочисленные жалобы на то, что учебной литературы не хватало, а кое-где и совсем не было²⁵.

После сентября 1939 г. по всей присоединённой территории новая власть отводила под школы помещичьи имения, дома осадников²⁶, религиозные здания и другие национализированные строения. Но учебные учреждения не всегда туда переезжали. Как правило, национализированному зданию был необходим ремонт, что в тех условиях оказывалось большой проблемой, решавшейся крайне медленно²⁷. Кроме того, ввиду возникшей в западных областях нехватки помещений отведённые под школы здания нередко занимали какие-либо советские учреждения, а иногда — частные лица, категорически отказывавшиеся «уступить свои места» учебным заведениям. Например, уже глубокой осенью 1940 г. в Несвижском районе в нескольких школьных зданиях разместились поликлиника и ясли, а в Лиде — Народный суд и прокуратура²⁸. В нескольких школьных помещениях Мостовского района были незаконно организованы жилые квартиры²⁹. При этом ещё 11 октября того же года вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об освобождении самовольно занятых школьных зданий. Однако его реализация шла крайне медленно — из-за обострившейся жилищной проблемы («захватчики» не уступали помещения, так как им было некуда переезжать). Поэтому в рассматриваемый период ученики ряда школ западных областей учились в три смены и в переполненных классах.

Еврейские школы

В межвоенной Польше существовали два типа еврейских школ — с обучением на идише и на иврите. Ни те, ни другие не имели статуса государственных учреждений и содержались исключительно на деньги еврейских общественных организаций, а также за счёт платы, вносившейся за обучение. Тем не менее во всех этих школах обязательными предметами являлись польский язык и литература, история и география Польского государства. После окончания начальной ступени образования еврейские дети из более зажиточных семей стремились поступить в гимназии, остальные же, получив ремесленные специальности, начинали работать.

В 1939 г. советская власть сознательно создавала на присоединённых территориях те государственные учебные заведения, от которых уже почти отказались в Советском Союзе, — с обучением на языках национальных меньшинств. С сентября родителям детей, обучавшихся в еврейских школах Западной Белоруссии, предложили выбрать: на каком языке те будут учиться, на русском или идише?³⁰ И хотя еврейские интеллигенты на родитель-

²⁵ Там же, д. 14630, л. 41–57; д. 14747, л. 62–64.

²⁶ Осадники (польск. яз. *osadnik* — колонист, поселенец) — польские военнослужащие в отставке, а также гражданские лица и их семьи, получившие по окончании Советско-польской войны 1919–1921 гг. земельные наделы в Западной Белоруссии и Западной Украине.

²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 221, л. 27, 147–148.

²⁸ Там же, л. 22–23; д. 222, л. 71–72.

²⁹ Там же, д. 221, л. 22–23.

³⁰ В начале XX в. иврит был тесно связан с религией и идеологией сионизма, с которыми советская власть решительно боролась, поэтому связанные с ивритом культура и система обучения были запрещены на государственном уровне ещё в 1918 г.

ских собраниях активно пропагандировали идиш³¹, эти учебные заведения именно по желанию родителей переходили на русский язык³². Только зная его, дети могли в дальнейшем продолжить обучение в средних специальных и даже высших учебных заведениях³³.

По подсчётам Левина, 14 февраля 1940 г. из 5 071 общеобразовательной школы региона на белорусском языке преподавали в 4 048 (79.8% общего числа), на польском — в 538 (10.7), на идише — в 197 (3.9; но к маю 1941 г. — уже в 134 учебных заведениях (2.3)), на русском — в 175 (3.5), на литовском и украинском — в 113 (2.1)³⁴.

Хотя в еврейских школах Западной Белоруссии все предметы преподавались на идише, изучение русского и белорусского языков было обязательным (начиная со 2-го класса, по два часа в неделю)³⁵. Однако их не знали работавшие там учителя (как и в остальных школах)³⁶, поэтому для них тоже организовали курсы переподготовки.

Материальная оснащённость еврейских школ находилась в плачевном состоянии. Самой большой проблемой стало отсутствие учебников на идише. Безусловно, в этих учебных заведениях межвоенной Польши имелась соответствующая учебная литература, но она не соответствовала идеологии Советского государства и поэтому её запретили. В начале 1940 г. в еврейские школы всё же поступили учебники на идише — ещё в 1920–1930-х гг. их использовали в СССР в таких же учебных заведениях, которые затем закрыли. На занятиях в качестве пособий широко применяли еврейскую периодику, особенно литературные журналы³⁷.

Согласно еврейской религиозной традиции суббота (Шаббат) является священным днём отдыха, в который запрещено работать. Однако 7 августа 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»³⁸. И уже с сентября того же года по субботам еврейские дети вынуждены были писать и рисовать, т.е. нарушать Шаббат. Правда, не совсем ясно, насколько строго исполнялся вышеназванный указ. Согласно секретному постановлению Бюро Белостокского обкома КП(б) Белоруссии от 19 апреля 1941 г., антирелигиозное воспитание в школах было «поставлено крайне слабо»: в дни пасхальных праздников не приходило и половины учащихся, а в еврейских школах многие дети отказывались писать по субботам (школы № 7, 9, 16, 21). Кроме того, некоторые учителя, исходя из своих религиозных убеждений, не проводили антирелигиозную воспитательную работу³⁹. Таким образом, до июня 1941 г. в западнобелорусских школах ещё не были распространены антирелигиозные настроения.

³¹ *Bender S.* The Jews of Białystok during World War II and the Holocaust. Waltham, 2008. P. 71.

³² *Shternshis A.* Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington, 2006. P. XV.

³³ *Bauer Y.* Death of the Shtetl. New Heaven, 2009. P. 41.

³⁴ *Levin D.* Op. cit. P. 94.

³⁵ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 46–51.

³⁶ Там же, д. 13974, л. 139.

³⁷ *Bender S.* Op. cit. P. 72.

³⁸ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 3, д. 265, л. 24.

³⁹ ГА Гр, ф. 309, оп. 1, д. 1, л. 2.

Внеурочная деятельность и отношение к ней еврейской молодёжи

По воспоминаниям бывшей жительницы г. Лиды Л. Эттингер, «успешными» видами советской пропаганды являлись танцы, театральные представления, фильмы, хоры и оркестры («толпы с энтузиазмом посещали эти представления, которые были бесплатными»)⁴⁰.

Действительно, в советской Западной Белоруссии «внеурочная» деятельность, в которую учающая молодёжь вовлекали пионерская и комсомольская организации вкуче со школьной системой, «была ключом». Упоминания о посещении кружков и секций, победах в спортивных соревнованиях, об участии в школьных спектаклях, походах в кино и на танцы достаточно часто встречаются в мемуарной литературе. Так, Н. Калеска⁴¹ вспоминает свою сестру, ставшую тогда выдающейся гимнасткой. Г. Басс рассказывает о том, что после прихода Советов каждый молодой человек занимался каким-нибудь видом спорта – в Советском Союзе этому уделялось чрезвычайное внимание. Сам же Басс достиг определённых успехов в лёгкой атлетике⁴².

В пионеры принимали детей с 9 лет, в Ленинский коммунистический союз молодёжи Белоруссии (ЛКСМБ) – с 14. Эти организации начали действовать на западнобелорусских территориях сразу же после их присоединения к СССР.

25 сентября 1939 г. Пономаренко в письме к генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину спрашивал о том, когда можно будет в подконтрольном ему регионе организовать комсомол, и тут же докладывал: «Сейчас готовим 400–500 человек комсомольцев для работы в Западной Белоруссии»⁴³. Этим молодым людям предстояло сыграть особую роль в деле создания там «ячеек» ЛКСМБ. И если сначала на этой территории действовали около 500 комсомольцев, то к маю 1940 г. их было уже 7 тыс.⁴⁴ Фактически на их плечи легла вся первичная работа по распространению на местах советской идеологии. Они занимались организацией кружков политической грамотности, библиотек и изб-читален, студий художественной самодеятельности, а также подготовкой и проведением советских праздников. Несмотря на ярко выраженный идеологический характер данных мероприятий, в их осуществлении местная молодёжь принимала самое активное участие.

Главными причинами успешности этих методов вовлечения молодых людей в деятельность такого рода стали отсутствие при советском режиме иных возможностей проявления общественной активности, а также размах и общедоступность массовых мероприятий, никогда не проводившихся в Польше. Подтверждением этого или иллюстрацией отношения еврейской молодёжи к комсомольской организации служит рассказ Р.А. Герасимовой о её вступлении в комсомол. На вопрос интервьюера о том, зачем она стала членом ЛКСМБ, был дан такой ответ: «Да что мы понимали тогда в комсомоле при Польше (так в тексте. – Я.К.)! Нас пригласили. Сказали: “Вот Вы будете комсомолкой, иди, Вас райком утвердит”. Были же гарцежи⁴⁵ при Польше... Так нас же не брали в гарцежи, только поляков

⁴⁰ *Ettlinger L.* From the Lida Ghetto to the Bielski Partisans (Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, США (далее – USHMM). RG-02.133. P. 3; здесь и далее перевод с англ. мой. – Я.К.).

⁴¹ Там же. RG-50.030*0101. 00:11:50.

⁴² Там же. RG-50.233*0005. 00:06:50.

⁴³ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14623, л. 210–211.

⁴⁴ Там же, д. 15137, л. 25.

⁴⁵ Związek Harcerstwa Polskiego, ZHP (Союз польских харцеров) – польская молодёжная скаутская организация патриотической направленности.

брали. Так мы уже пошли в комсомол. Ну что мы там?.. Единственное, мы собирались. Организовывали песни, танцы и так дальше»⁴⁶.

Зачастую определяющую роль при решении молодого человека стать членом пионерской или комсомольской организаций играло мнение его друзей, уже ставших юными помощниками Коммунистической партии. Например, Р. Марголис, как и Герасимова, вслед за близкими друзьями вступила в ряды ЛКСМБ⁴⁷. Судя по всему, в 1939–1941 гг. в Западной Белоруссии благодаря активной деятельности пионеров и комсомольцев местные молодые люди стали больше общаться. Такие встречи были всегда весёлыми и многолюдными, что, бесспорно, привлекало всё большее число юных жителей. «Я хотел стать пионером, потому что мои друзья были пионерами... – так, совершенно однозначно заявил интервьюеру Д. Каган (из г. Новогрудка). – Если в классе было, например, 30 человек, и 5 из них не являлись пионерами, потому что их не приняли, это было очень незавидная ситуация для этих пяти. Потому что после уроков будут мероприятия и все приглашены, кроме них»⁴⁸.

Таким образом, мероприятия, которые организовывали во внеурочное время комсомольцы и пионеры в школах и за их пределами, стали весьма популярны среди еврейской молодёжи. Это в значительной мере способствовало её советизации⁴⁹, что подтверждают многочисленные свидетельства. Например, Я. Хейфец пишет, что постепенно в его школе молодые люди привыкли к установленным новым правилам и образу жизни советских комсомольцев⁵⁰. Очевидно, поэтому никого не смущала постановка на идише школьного спектакля про героя Павлика Морозова⁵¹. Х. Борнштейн-Белицка, вспоминая фильмы о патриотах-стахановцах, которые шли в кинотеатрах г. Гродно, отмечает: «Мы отождествляли себя с тем, что видели на экранах. Это соответствовало нашим мечтам и тому миру, который мы хотели построить»⁵².

Важно отметить, что вышеприведённые сюжеты – это воспоминания о молодых годах, которые, как известно, одинаково прекрасны, независимо от того, проходили ли они в комсомольской или сионистской организации. Л. Фишер-Ли так характеризует особенность восприятия тех лет: «В конце концов, мы, дети, привыкли к галстукам... Пока взрослые решали свои проблемы, мы, наслаждались школьной жизнью и разнообразием развлекательных событий в городе»⁵³.

Высшее и среднее специальное образование

2 ноября 1939 г. на территории Западной Белоруссии были введены советские системы: школьного, высшего и среднего специального образования. Большинство работавших в 1939–1940 гг. средних специальных училищ

⁴⁶ USHMM. RG-50.378*0004. 00:38:30.

⁴⁷ См.: *Марголис Р.* Немного света во мраке. Вильнюс, 2006.

⁴⁸ USHMM. RG-50.149*0022. Part 2. 00:01:16.

⁴⁹ Подобное отношение к советской власти, школьной системе и молодёжным общественным организациям не было характерно для юных поляков.

⁵⁰ USHMM. RG-50.929*0001. Part 2. 00:09:00.

⁵¹ *Мардухович М.* Местечко Желудок // Желудок: память о еврейском местечке. М., 2013. С. 299.

⁵² *Izhar N. Chasia Bornstein-Bielicka: One of the Few. A Resistance Fighter and Educator, 1939–1947.* Jerusalem, 2009. P. 92.

⁵³ *Fisher-Lee L.* Girl from Oszmiany: The Story of My Life: As told to Georg Lee. [United States: Leah Fisher-Lee], 2009. P. 11–12.

возникли на базе существовавших в этом регионе польских ремесленных училищ, где в основном обучали ремесленным и техническим специальностям. При новой власти были объявлены наборы на новые специальности, в которых на тот момент имелась особая потребность. Так, житель г. Слонима А. Дерман в 1940 г. стал киномехаником. Он рассказал, что, «отрабатывая» бесплатность годового курса своего обучения, какое-то время развезжал по местечкам и деревням Западной Белоруссии и показывал их жителям советские пропагандистские фильмы⁵⁴.

Там не хватало и квалифицированных учителей, поэтому были открыты педагогические училища, где готовили воспитателей детских дошкольных учреждений (Волковыск) и учителей начальной школы (Белосток, Гродно)⁵⁵. Кроме того, в 1939–1941 гг. в регионе существовали Рабфаки и школы фабрично-заводского обучения⁵⁶.

С 1939 г. там же действовали четыре высших учебных заведения – все с педагогическим профилем. Среди них выделялся находившийся в Белостоке педагогический институт с четырёхлетним курсом обучения, выпускники которого становились преподавателями средних специальных учебных заведений. В Барановичах, Гродно и Пинске работали «учительские институты», готовившие в течение двух лет преподавателей для неполных средних и средних школ⁵⁷. Кроме того, местная молодёжь получила возможность учиться в институтах крупных советских городов. Зачастую молодые люди продолжали образование в вузах Львова и Минска. Но лишь немногие «пробовали счастье» в Москве и Ленинграде: выходцам из бывшей Польши поступить в высшие учебные заведения РСФСР было особенно трудно – требовалось выдержать вступительный экзамен по русскому языку. Его же к тому времени, как известно, жители западных областей ещё не освоили⁵⁸.

Однако со 2 октября 1940 г. высшее образование для многих жителей бывших польских территорий стало менее доступным. Тогда СНК СССР принял постановление № 637 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий» (отменённое только в 1956 г.)⁵⁹. В документе указывалось, что «согласно возросшему уровню материального состояния трудящихся» часть расходов на образование возлагалась на самих граждан. Стоимость обучения составляла в год от 200 руб. (в старших классах) до 500 (в художественных, музыкальных и театральных институтах)⁶⁰. Значительно ограничивалось и количество выплачиваемых стипендий⁶¹.

В партийном архиве КП(б) Белоруссии были собраны в отдельное дело материалы перлюстрации писем студентов – выходцев из западных областей.

⁵⁴ USHMM. RG-50.030*0299. 00:23:47.

⁵⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 1, д. 228, л. 33.

⁵⁶ Там же, оп. 22, д. 226, л. 53–54.

⁵⁷ Там же, оп. 1, д. 228, л. 31.

⁵⁸ Гессен Э. Указ. соч. С. 39.

⁵⁹ Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1940. № 27. С. 910–911.

⁶⁰ В ноябре 1940 г. в это постановление были внесены поправки: наполовину была урезана плата за обучение учащихся 8–10 классов, отменена плата за обучение военным, театральным, музыкальным и хореографическим специальностям.

⁶¹ Согласно данному постановлению, студенты обязаны были сдать экзамены так, чтобы не менее одной трети оценок были «отлично», а остальные – «хорошо».

В них описаны происходившие в учебных заведениях изменения и возникшие по этому поводу переживания студентов⁶². Безусловно, их общее настроение в связи с установлением платы за обучение было довольно пессимистичным. В письме, отправленном в г. Вилейку, читаем: «Сегодня настроение моё плохое. Пришёл на занятия, просидел лекцию и ушёл. Так сделали больше половины наших студентов... Маня, не можешь себе представить, что творится сейчас в учебных заведениях, — очень большая паника, шум, нет дисциплины»⁶³.

Для студенческой корреспонденции стало характерным и скептическое отношение к государственной политике в целом: «“Веселённое” настало время, нечего сказать. Что день, то легче дышится»; «Вот тебе и “молодым везде у нас дорога”»⁶⁴. Кроме того, здесь описаны протестные студенческие настроения, имевшие место в белорусских вузах. «Ты себе не представляешь, — отмечено в отправленном в г. Белосток письме, — что творится в институте. Если можно так выразиться, то целые бунты. Лекции не слушают, идут наперекор ассистентам, шумят, кричат, не идут вообще на лекции... Пишут такие записки, прямо ужасно. Например: “как Вас теперь назвать — товарищ профессор, или господин профессор, ведь мы идём к старому?”»⁶⁵. Из письма, отправленного в Пинскую обл.: «Сейчас ничего не делаем. Играем целый день в карты, пьём водку со всеми вытекающими отсюда последствиями... В Физкультурном институте все студенты ушли с митинга, а у нас митинг вообще боялись проводить»⁶⁶.

Когда начала искать работу масса молодых людей, отчисленных в одночасье из вузов, расположенных, как правило, в крупных городах, там возникла безработица. Так осенью 1940 г. многие учебные заведения Советского Союза резко обезлюдели. О том, как пытался решить данную проблему директор учительского института в г. Барановичи, узнаём из письма одного из его студентов: «У нас поднялась паника. Каждый пошёл либо в Облотдел народного образования, либо в другие места искать себе работы. Но директор, чтобы задержать учеников, зателефонировал во все учреждения, чтобы нас не принимали на работу. Он потешает (так в тексте. — Я.К.) нас, что за этот месяц мы стипендию получим, а дальше видно будет. Но так как в Указе Верховного Совета говорится о лишении стипендии, то нужно быть уверенным в том, что её не будем получать. Создаётся трудное положение, за институт нужно платить 300 руб. в год, кроме этого, нужно платить ежемесячно 13 рублей на государственные займы. Я тоже ходил в Областной отдел народного образования, чтобы получить работу в качестве учителя, но благодаря звонкам директора по всем учреждениям, меня не приняли. Они сказали, чтобы я принёс справку от директора, что он меня освободил. Директор этой справки не дал. Некоторые студенты устроились работать, но директор их оттуда снял с расчётом, чтобы учились. Одним словом, насильно держат учеников»⁶⁷.

⁶² НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 16849.

⁶³ Там же, л. 9.

⁶⁴ Там же, л. 30, 47; данные строки — из «Песни о Родине» (композитор И.О. Дунаевский, слова В.И. Лебедева-Кумача), впервые прозвучавшей в советском фильме «Цирк» (1936); впоследствии эти слова широко употреблялись как в прямом, так и в переносном смысле, в зависимости от ситуации.

⁶⁵ Там же, л. 8.

⁶⁶ Там же, л. 34.

⁶⁷ Там же, л. 47.

А вот — одно из самых оригинальных описаний реформ высшего образования осенью 1940 г. (в одном из писем, проверенных НКВД БССР):

«Осень подкралась густыми туманами,
Голые деревья стоят великанами,
Жёлтые листья безжизненно падают,
Кроны густые уж глаза не радуют...

Медленно, важно студенты идут,
Больше стипендии им не дадут.
Нечего, значит, сегодня спешить,
в ВУЗ за учёбу надо платить.

Утром в трамвае ужасная давка,
Очередь длинная липнет к прилавку,
Всюду свой нос эти бабы суют,
Что вы сидите? Там мыло дают.

Мне надоело без дела ходить,
Вот и решил я стихи настрочить,
Как они вышли, я им не судья,
В книгах, газетах печатать нельзя»⁶⁸.

К сожалению, никаких сведений о евреях-студентах в сложившейся ситуации пока не найдено. Очевидно, данные изменения коснулись их в той же мере, что и всех остальных.

Таким образом, в 1939–1941 гг. в Западной Белоруссии шло постепенное создание советской системы образования, главным достоинством которой должно было стать отсутствие всякой дискриминации в возможностях получения гражданами знаний. Данный принцип особенно привлекал еврейское население. Уроженка Гродно Борнштейн-Белицка подчёркивает, что тогда советская власть предоставила образовательные возможности для тысяч еврейских детей. Сама она на тот момент хотела учиться, поэтому была благодарна партии за то, что её, еврейского ребенка из семьи среднего достатка, приняли в государственную старшую школу, по окончании которой она могла поступить в университет⁶⁹.

Для школ Западной Белоруссии рассматриваемого периода был характерен постоянный дефицит школьных помещений, квалифицированных преподавателей, учебной литературы и канцелярских товаров. Всё это, безусловно, негативно сказывалось на ходе и результатах обучения. Несмотря на официальное введение преподавания русского и белорусского языков (а в некоторых школах — полный перевод на них учебного процесса), в западнобелорусских школах всё ещё широко использовался польский язык и идиш.

Наряду с некоторыми «провалами» в реформировании школьной системы успешной оказалась советизация (хотя и постепенная) местной молодёжи. Благодаря участию в работе пионерской или комсомольской организаций молодые люди наравне с взрослыми могли влиять на общественную и политическую жизнь региона. Именно поэтому мероприятия, проводившиеся пионерами и комсомольцами, были чрезвычайно популярны среди местной еврейской молодёжи. При советской власти тысячи еврейских детей могли обучаться, не опасаясь антисемитизма, и активно участвовать в жизни края. Этот немалочисленный контингент населения был наиболее восприимчив к советской пропаганде, впитывая, как губка, ценности и идеалы Страны Советов, чего нельзя было сказать о поколении их родителей. В 1939–1941 гг. они боролись за выживание в условиях распространявшихся по региону репрессий, бандитизма и других негативных социально-экономических явлений.

⁶⁸ Там же, л. 21.

⁶⁹ *Izhar N.* Op. cit. P. 92.

В Западной Белоруссии новая власть создавала государственные еврейские школы, преподавание в которых шло на идише. Их программы не отличались от тех, по которым работали остальные общеобразовательные учебные заведения. В еврейских школах также проходили уроки атеизма и истории ВКП(б), демонстрировались спектакли, посвящённые советским патриотам и героям труда. Однако и этим школам тоже не хватало преподавателей, помещений, учебной литературы и т.д. Кроме того, наблюдалась тенденция преобразования ряда этих учебных заведений в русскоязычные, причём по воле родителей учащихся.

В 1940 г. не слишком хорошо обстояло дело с распространением среди местной молодёжи среднего специального и тем более высшего образования. Причиной тому стало введение на данных ступенях образования неподъёмной для многих платы за обучение. Это нововведение способствовало разочарованию социальной политикой Советского Союза со стороны происходивших из небогатых семей студентов и абитуриентов высших и средних специальных учебных заведений.

В целом в 1939–1941 гг., проводя в Западной Белоруссии политику в сфере образования, новая власть (даже имея ряд материальных и технических недостатков) успешно осуществляла свою основную цель – воспитать из бывших подданных буржуазного государства верных «советских граждан». Особенно благодатной почвой для этого стало еврейское население, ведь слишком очевидной была разница между бесправностью евреев в Польской Республике и предоставленным им советской властью равноправием. Поэтому, несмотря на последовавшие тогда ограничения экономической⁷⁰, религиозной, политической и других гражданских свобод, отношение местного еврейского населения к советской политике в сфере образования (прежде всего общедоступного) было положительным.

В начале Великой Отечественной войны процесс советизации евреев Западной Белоруссии прервался. Поэтому сложно сказать, чем бы в большей степени обернулись для местного еврейского населения начавшиеся преобразования: новыми возможностями или разрушением этнической самобытности? Неизвестно, чем увенчалась бы, в конечном счёте, данная политика, ведь почти все жившие в этом регионе евреи не успели эвакуироваться и погибли во время Холокоста⁷¹. Тем не менее я полагаю, что рассмотренный в данной статье процесс всё же проходил достаточно результативно. Не будь войны и Холокоста, в скором времени произошла бы унификация положения «польских евреев» и советских граждан «еврейской национальности».

---

⁷⁰ См.: *Карпенкина Я.В.* Еврейское население и экономические преобразования в Западной Белоруссии, 1939–1940 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 25–29.

⁷¹ *Бернштейн Ю.* Шанс уцелеть // *Ab Imperio*. 2015. № 4. С. 172.

«Антикультовые» кампании 1956 г. в школьном образовании

Галина Иванова

The 1956 «anti-cult» campaigns in school education

Galina Ivanova (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

Одной из ключевых тем в новейшей истории России является XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.), ставший «своеобразным символом времени» и обозначивший «центральную тему эпохи: преодоление Сталина и сталинизма»¹. Современная историография содержит обширный перечень работ, в которых с разных точек зрения, в зависимости от мировоззрений и компетенций авторов, освещаются исторические явления, порождённые этим важнейшим событием XX в., осмысливаются проблемы культа личности, десталинизации, «оттепели», реабилитации и др.²

Предметом многих исторических исследований стали отклики и реакция различных групп и слоёв населения на секретный доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях». Широкий спектр мнений о нём представлен в работах Ю.В. Аксютин³, Ю.Ю. Батуриной⁴, М. Добсон⁵, О.Л. Лейбовича⁶, А.А. Тихомирова⁷, М.Ю. Чуканова⁸ и других исследователей.

© 2017 г. Г.М. Иванова

¹ *Зубкова Е., Беляева Т., Миндлер А.* XX съезд. Информационно-образовательный проект. Руководство пользования. М., 2003. С. 11.

² *Адлер Н.* Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа / Пер. с англ. И.П. Лейко. М., 2013; *De-Stalinisation reconsidered: Persistence and Change in the Soviet Union* / Eds. T.M. Vohn, R. Einax, M. Abeßer. Frankfurt; N.Y., 2014; *Тихомиров А.А.* «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М., 2014; *После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории.* М., 2016. Историографический обзор работ более ранних лет см.: *Эпоха «оттепели» и этапы эволюции сталинизма: вопросы историографии // Советская историография.* М., 1996. С. 316–348.

³ *Аксютин Ю.В.* Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; *Аксютин Ю.В.* Отклики на XX съезд в стране и за рубежом // XX съезд КПСС в контексте российской истории. М., 2012. С. 43–69.

⁴ *Батурина Ю.Ю.* Общественно-политические настроения научно-педагогической интеллигенции Саратова и Сталинграда после XX съезда КПСС // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 4. История. 2010. № 2(18). С. 175–179.

⁵ *Добсон М.* Холодное лето Хрущёва. Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина / Пер. с англ. Д.А. Благова. М., 2014. С. 92–122.

⁶ *Лейбович О.Л.* Отзывы на доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» в Молотовской области. Март–апрель 1956 г. // *Вестник архивиста.* 2010. № 4. С. 193–204; 2011. № 1. С. 254–269.

⁷ *Тихомиров А.А.* О политике и практиках десталинизации в ГДР. Реакция на секретный доклад Хрущёва «О культе личности и его последствиях» // *История и современность.* 2016. № 2(24). С. 98–124.

⁸ *Чуканов М.Ю.* Отклики социалистического интернационала на XX съезд КПСС // *Российская история.* 2006. № 1. С. 107–117.

В этих трудах подробно освещены прения на московских партийных собраниях, в частности, на расширенном заседании Союза писателей, в Теплотехнической лаборатории АН СССР, Институте мировой литературы им. М. Горького; на собраниях партактива обкомов Ленинграда, Ростова-на-Дону, Магадана и многих других городов СССР; реконструируются процессы борьбы с культом личности в низовых партийных организациях Молотовской обл., раскрывается роль интеллигенции Саратова и Сталинграда в процессе десталинизации. В фокусе исследовательских интересов находятся и такие темы, как публичные дискуссии о И.В. Сталине и сталинизме на Западе, реакция восточногерманского партийного руководства и общества в целом на развенчание культа Сталина в ГДР, отклики социалистического интернационала на XX съезд КПСС и т.д.

В историографии десталинизации наблюдается интересный парадокс: при наличии немалого количества работ, посвящённых обсуждению материалов XX партсъезда в учреждениях, общественных организациях, на заводах и в сельской местности, практически отсутствуют труды, раскрывающие процесс преодоления последствий культа личности в школьном образовании. Между тем советская образовательная система являлась форпостом формирования немеркнувшего образа мудрого Сталина в сознании детей и юношества, и в авангарде этого процесса стояли школьные учителя, прежде всего истории. Именно на них в условиях борьбы с культом личности легла тяжелейшая обязанность — отвечать на вопросы учеников.

Как пережила советская школа низложение кумира, каким образом реагировали учителя и ученики на иное прочтение советской истории и новый образ «вождя», кто и как организовывал «антикультовые» кампании в образовательной сфере, какова роль Министерства просвещения РСФСР и Отдела школ ЦК КПСС в ликвидации последствий культа личности, как проходил процесс цензурной чистки школьных учебников и детской литературы? Ответы на эти и аналогичные вопросы призвана дать предложенная публикация.

Школьные учителя, как и все советские люди, узнали, что в стране существует культ личности Сталина, только после XX съезда партии. Порядок ознакомления учителей с секретным докладом Хрущёва не был определён заранее, и в этом деле наблюдался некоторый разноречивый. Вот как вспоминала это неординарное событие учительница истории средней школы из маленького городка Западная Двина Светлана Оболенская, дочь репрессированного государственного и партийного деятеля В.В. Оболенского (Осинского), безвозвратно потерявшая отца и брата, на многие годы насильно разлучённая с матерью, вынужденная с 12 лет скитаться по детским домам и чужим углам: «Но вот XX съезд. Я была в Калининне на учительском совещании. Нас собрали в большом зале обкома партии, и перед нами выступил первый секретарь. Зачитали тот известный, читавшийся всем доклад Хрущёва. Я сидела ни жива, ни мертва. Конечно, среди собравшихся я была не одна, кто на своей шкуре испытал то, о чём говорилось теперь вслух. Но мне казалось, что только я понимаю то, о чём монотонно читает докладчик. Мне было страшно, холодно и жарко в одно и то же время. Наверное, я не могла бы сказать ни слова, зубы стучали. Тело напряглось, как будто его свела судорога, не отпуская во всё время чтения. Слышались знакомые имена, мелькали события, факты, ужасы.

Я была как в бреду и ничего не запомнила. Хотела записывать, но поняла, что не смогу. Да, оказывается, записывать и не разрешили»⁹.

Столь эмоциональная реакция по вполне понятным причинам была нехарактерна для основной массы учителей, но безразличного отношения к содержанию доклада не было ни у кого. Между тем в ряде школ преподаватели вплоть до конца марта 1956 г. всё ещё не были ознакомлены с докладом Хрущёва, причём не только на периферии, но и в Москве. Учителя с возмущением спрашивали: «Когда будет положен конец разнобою в отношении чтения доклада тов. Хрущёва Н.С. Многие из учителей... знают о нём понаслышке, в то же время в ряде школ доклад читали учащимся»¹⁰. Нам ученики задают много вопросов, а мы сами не можем им ничего сказать. Дело дошло до того, что в ряде школ собрали учителей для читки доклада, а потом им сказали, что доклад читать будут лишь коммунистам. Неужели раньше нельзя было продумать порядок ознакомления учителей с докладом тов. Хрущёва Н.С.?»¹¹.

Преподаватели оказались действительно в сложном положении: в ряде школ ребята начали активно уничтожать портреты Сталина, а учителя не знали, как реагировать на эти «безобразия», поскольку никаких партийных разъяснений не было. Они не знали, можно ли, отвечая ученикам на вопросы, сослаться на секретное выступление Хрущёва на XX съезде. Многие учителя высказывали опасения, не является ли широкое ознакомление с докладом о культе личности «серьёзной ошибкой», нет ли в этом вопросе спешки. Учащиеся, ознакомившиеся с содержанием доклада, начали проводить параллели и задавать «провокационные» вопросы: «В докладе тов. Хрущёва Н.С. “О культе личности и его последствиях” всех репрессированных коммунистов относят чуть ли не в “списки святых”, а как же быть тогда со Стаховичем из произведения “Молодая гвардия” Фадеева. Ведь этот юнец только под пытками, не менее жестокими, выдал своих друзей, но не оклеветал их, хотя у него и не было 30-летнего партстажа, каторги и ссылки?»¹².

В учительской среде пошли разговоры о том, что в этом году нужно отменить экзамен на аттестат зрелости по истории СССР. Школьную общественность тревожили слухи о тбилисских «демонстрациях» в защиту Сталина и вообще о «событиях» в Грузии, которые произошли в связи с разоблачением культа личности. В преподавательских кругах вдруг заговорили о нарушении ленинских принципов оплаты труда и стали интересоваться, «почему блага в виде Кремлёвской столовой даются лишь кругу имущих» и т.д. Но, конечно, учителей больше всего беспокоил вопрос, будут ли пересмотрены школьные программы и учебники по истории.

26 марта 1956 г. в Центральном клубе им. Ф.Э. Дзержинского состоялось собрание московских преподавателей истории и Конституции СССР по вопросу «О преподавании истории и Конституции СССР в свете решений XX съезда КПСС». На собрании присутствовали около 1600 человек. Перед ними по поручению Московского горкома КПСС выступил с докладом заведующий Отделом школ ЦК КПСС

⁹ Оболенская С.В. Дети Большого террора. Воспоминания. М., 2013. С. 168.

¹⁰ Данное свидетельство московских учителей опровергает высказывание публицистов П. Вайля и А. Гениса, которые писали: «Хрущёвские разоблачения, потрясшие всю страну, не коснулись детей. Им просто о них не сказали» (*Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М., 1996. С. 112).

¹¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 5, оп. 18, д. 78, л. 44.

¹² Там же, л. 45.

Н.Д. Казьмин. Именно на это структурное подразделение аппарата ЦК легла основная забота о проведении «антикультовых» кампаний в школьном образовании.

Учителя Москвы активно участвовали в обсуждении доклада и ещё активнее задавали вопросы, направив докладчику свыше 100 записок с просьбой дать соответствующие ответы и разъяснения. В первую очередь преподавателей волновала тема, связанная непосредственно с созданием культа личности. Вопросы были вполне естественными и закономерными, хотя по большей части риторическими: «Получается, что во всём виноват лишь Сталин, а где были другие руководители, почему же сами члены ЦК восхваляли Сталина?»; «Почему наши руководители — т.т. Хрущёв, Ворошилов, сами на предыдущих съездах КПСС восхваляли Сталина, говорили, что Сталин — это Ленин сегодня, не критиковали его, а после смерти Сталина заговорили о его ошибках?»; «Почему не вскрыты до конца причины и последовательность создания культа Сталина, начиная ещё со времени до XVII съезда партии. Почему не вскрыта роль ЦК КПСС в создании культа Сталина?»; «Как совместить “нерешающую” роль личности в истории с тем, что один человек, Сталин, вершил историю СССР до своей смерти?»¹³.

Также задавали вопросы, связанные с ликвидацией проявлений культа личности в школьных программах и учебниках истории. В частности, учителя интересовались, не являются ли «застой и мертвечина в исторической науке, наличие серьёзных антинаучных извращений в учебниках по истории... следствием установившейся в исторической науке диктатуры т. Панкратовой А.М., роль которой в свете решений XX съезда выступает особенно неприглядной?»¹⁴. Большое количество вопросов было посвящено порядку изучения в школе истории, конституции страны и материалов XX съезда, а также экзаменационной теме. Всех волновало, состоятся ли в текущем учебном году экзамены по истории в старших классах. Не остались в стороне и такие проблемы, как повышение заработной платы работникам школ и органов народного образования, улучшение их жилищных условий и т.д.

В обсуждении доклада участвовали более десятка учителей. «Выступление товарищей, — отмечал в отчёте в ЦК КПСС Казьмин, — в основном были правильными. Выступающие указывали, что культ личности широко проник в наши программы и учебники по истории и конституции СССР и нанёс большой вред в деле воспитания нашей молодёжи»¹⁵. Прозвучавшие на собрании критические замечания учителей в основном касались качества учебной литературы. Единодушным было мнение, что учебник под редакцией А.В. Шестакова¹⁶ не удовлетворяет ни учителей, ни учеников и должен быть заменён книгой для чтения по родной истории. Преподаватель московской школы № 16 историк Кантор доказывал, что существующие учебники «всю историю сводят лишь к отдельным фактам, личностям и датам. Научный уровень их низкий... Учебники и программы пишутся одними и теми же лицами, поэтому и ошибки прошлых учебников и программ повторяются». Преподаватель Корнилаев из средней школы № 722 обратил внимание присутствующих на то, что «учебники ориентируют учащихся на заучивание цитат. В учебнике для 10 класса имеется более 200 цитат из различных высказываний Сталина». Был назван

¹³ Там же, л. 45—46.

¹⁴ Там же, л. 46.

¹⁵ Там же, л. 47.

¹⁶ А.В. Шестаков, руководитель авторского коллектива учебника для III—IV классов средней школы «Краткий курс истории СССР», изданного в 1937 г.

и один из серьёзных недостатков в преподавании истории: не изучался курс Новейшей истории, и все познания школьников в области зарубежной истории ограничивались периодом до 1917 г.

Тем не менее не все преподаватели истории были в состоянии увидеть в учебном материале проявления культа личности. Например, кто-то из них бросил такую реплику: «В.И. Ленин посылал Сталина на самые ответственные участки Гражданской войны, а теперь мы принижаем роль Сталина. Правильно ли это?». Этот преподаватель не мог предположить, что в действительности имели место совсем иные события и факты, он изучал историю сам и учил детей этому предмету по одному и тому же школьному учебнику, он не располагал материалами для дополнительной подготовки. Преподаватели, в частности, жаловались, что «очень трудно достать стенографические отчёты съездов КПСС, так как в библиотеках на руки не выдают их».

Все выступавшие вносили предложение о том, «чтобы в текущем году в 10 классе снять экзамены на аттестат зрелости по истории СССР, так как учащиеся на протяжении последних лет изучали отечественную историю по учебнику под редакцией Панкратовой, который буквально пронизан культом личности. Этим страдает также и программа по истории СССР»¹⁷.

Среди тех, кто участвовал в обсуждении доклада, было двое учителей, чьи выступления, по мнению Казьмина, «носили несколько демагогический характер». Так, преподаватель московской школы № 715 Худанов отметил, что «в докладе тов. Хрущёва Н.С. не раскрыты причины, породившие культ Сталина. В докладе имеются противоречия, в результате чего не ясно, кто же был Сталин. Вместо того чтобы внести ясность в этот вопрос, народ должен сам решать, снимать его портреты или не снимать. Прошло три года после смерти Сталина, однако в методах работы лежат те же принципы». Учительница школы № 528 Шейкус сказала: «У нас всюду воспитывают на больших и малых культах личности. В школах имеется культ директора, завуча, заведующего районо и т.д. Критики у нас совершенно нет, мы не можем критиковать, мы боимся критиковать». По мнению Казьмина, Шейкус «пыталась под флагом борьбы с культом личности проповедовать отрицание единоначалия и роли руководителей».

С заключительным словом на собрании выступил Е.И. Афанасенко, на тот момент секретарь Московского горкома КПСС, назначенный через пару дней (28 марта) министром просвещения РСФСР вместо ушедшего в отставку И.А. Каирова. Будущий министр спокойно разъяснил, в чём, по его мнению, была не права Шейкус. Что же касается комментариев к выступлению Худанова, то Афанасенко допустил оплошность. Он не учёл текущий момент и квалифицировал выступление учителя истории «как вылазку обывателя и политически незрелого человека», чем вызвал отрицательную реакцию со стороны присутствующих¹⁸.

Многочисленные собрания педагогической общественности были важной составной частью «антикультовых» кампаний в школьном образовании. Московский областной комитет КПСС, не желая отставать от Московского городского комитета, 3 апреля 1956 г. провёл собрание преподавателей истории средних школ Московской обл. На нём присутствовали около 1600 человек. Доклад Казьмина на тему «Задачи преподавания истории в средних школах

¹⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 18, д. 78, л. 47.

¹⁸ Там же, л. 48.

в свете решений XX съезда КПСС» был дополнен выступлением действительного члена Академии наук СССР историка Панкратовой.

Активность учителей была чрезвычайно высокой. Однако наряду с «политически зрелыми» вопросами в президиум собрания поступило довольно много записок демагогического и провокационного характера, что, по мнению докладчика, говорило «о нечётком понимании вопроса борьбы с культом личности и его вредными последствиями».

Вот лишь несколько записок подобного рода: «Отрицая культ личности, в частности Сталина, делается как раз наоборот — Сталин, оказывается, мог делать всё, делал злодеяния и никакой роли не играл ЦК, коли не могли разглядеть вред такого единовластия за 20 с лишним лет. В частности, когда уничтожались целые народы — неужели никто не мог помешать этому, неужели так бессильны были остальные секретари ЦК и в целом ЦК, коли это творение одного Сталина. Как наивно говорить, что боялись последствий»; «Скажите, знали ли члены Политбюро о репрессиях Сталина, о его неправильных действиях перед началом Отечественной войны? Ведь они не могли не знать о массовых арестах, о подготовке немцев к войне, но почему молчали? Ведь не молчали старые большевики, которые погибли от репрессий? Почему молчали члены Политбюро? Из Вашего доклада это не ясно. Мы просим обязательно ответить»; «Не совсем ясно, как могли члены Политбюро не знать о тех фактах, о которых теперь сообщено в докладе тов. Хрущёва?»; «Из истории известно, что все цари России и др. стран опирались на господствующие классы и действовали в их интересах. На кого же опирался Сталин, сосредоточив в своих руках всю власть, и в интересах кого он действовал? Вы сказали, что все работающие не знали и, больше того, считали правильными, например, репрессивные действия Сталина... и т.д. Но ведь это говорит о том, что товарищи не только мирились и не понимали, что делается вокруг них. Тогда какие же это руководители? Известное положение говорит о том, что один человек не может всё открыть, создать, обобщить и т.д. Почему же сейчас отдельные наши руководители, например, Суслов в речи на XX съезде несколько раз указывал на то, что товарищ Хрущёв обобщил... товарищ Хрущёв правильно показал и т.д. Это, может быть, пережиток культа? Но известно, что в своё время именно с этого начался и культ личности Сталина»; «И всё-таки не верится и не хочется верить, что культ Сталину возвёл сам Сталин. Все члены ЦК в своих речах и выступлениях выпирали имя Сталина, даже после смерти (речи на похоронах и обращение ЦК партии к народу)»; «Последний вопрос. Нужно ли было так бороться с культом личности: а) читать письмо на всех общих собраниях; б) сваливать все ошибки на мёртвого Сталина; в) почему в стороне стоит ЦК и его секретари. Хотя бы говорили об ошибках ЦК в этом вопросе, а не сваливали опять на культ Сталина»; «Скажите, пожалуйста, как понимать Ваши слова: “Люди должны высказывать всё то, что думают, но в рамках партийности”... а) Вот, скажем, человек думает о том, что какая же это мудрость коммунистической партии, если большинство членов ЦК партии были не мудрецами, а прямыми подхалимами, ничего не имеющими общего с марксизмом в вопросе о культе личности при жизни Сталина; б) Такой вопрос выходит из “рамок” партийности?»¹⁹.

Как видим, под ударами учительской критики и сарказма в первую очередь оказался не сам Сталин, а его ближайшее партийное окружение. Преподаватели истории отнеслись к новым веяниям с большой настороженностью и не

¹⁹ Там же, л. 49–51.

спешили менять плюсы на минусы, далеко не все были готовы к пересмотру устоявшихся догм и стереотипов. Не все поняли, что же, по сути, произошло. «Общеизвестно, — писал один из преподавателей, — что Сталин является крупнейшим теоретиком современности. Являются ли по-прежнему произведения Сталина — “Экономические проблемы социализма в СССР”, работы по национальному вопросу, доклады на съездах партии — по-прежнему правильными, и [могут ли] быть руководством для работников средних школ и вузов?»²⁰. Для многих учителей изложенная в школьных учебниках история страны была истиной в последней инстанции. «В докладе тов. Хрущёва сказано: “90% из делегатов XX съезда не знали до 24 года, кто такой Сталин”. Как это понимать? История говорит о другом». Да, история в школьных учебниках говорила «о другом», но было ли это правдой, задумывались не многие.

Большинство учителей подходило к поставленной проблеме преподавания истории в свете решений XX съезда КПСС сугубо прагматично. Они хотели знать всё и сразу: какие труды «вождя» имеют теоретические ошибки; остаётся ли в силе его труд «Экономические проблемы социализма в СССР»; как быть с его работой о языкознании; можно ли на уроках истории иногда приводить цитаты Сталина по некоторым вопросам в период Отечественной войны; каким образом освещать деятельность Петра I, Ивана IV; как теперь трактовать движение Шамиля и освещать вопрос о ранней революционной деятельности Сталина в Закавказье и т.д. Учителя не догадывались о том, что в стране на тот момент вообще не существовало людей, готовых дать развёрнутые ответы на поставленные ежедневной преподавательской практикой вопросы.

Лишь некоторых учителей интересовали подробности репрессий и роль в этом деле Н.И. Ежова и А.Я. Вышинского. Возможно, из-за того, что на собрании присутствовала Панкратова, критика учебников истории СССР была сдержанной и безадресной. Областных преподавателей гораздо больше, чем московских, интересовали проблемы оплаты труда, пенсионного обеспечения, трудоустройства и т.д. Но поскольку всё это не относилось к теме собрания, то и предметом обсуждения не стало.

Министерству просвещения РСФСР некоторое время удавалось оставаться в стороне от «антикультурных» кампаний. Казалось, что оно заняло выжидательную позицию, что, возможно, было связано со сменой министра, либо сказывалась общая неповоротливость этого ведомства. Впервые тема «Задачи Министерства просвещения РСФСР и органов народного образования в ликвидации последствий культа личности» появилась в повестке заседания коллегии министерства только 17 мая 1956 г. В докладе заместителя министра П.В. Зимины отмечалось: «Культ личности нашёл широкое отражение в работе Министерства просвещения... Им пронизаны школьные программы, особенно по истории СССР и частично по литературе, программы по языковедческим и общественно-экономическим дисциплинам педагогических институтов и педагогических училищ, учебники как школьные, начиная с букваря, так и для педагогических учебных заведений, статьи в методических журналах Министерства просвещения, руководства для учителей, наглядные пособия, издаваемые для школ, кинофильмы, диафильмы и диапозитивы»²¹.

Конкретные проявления культа личности Сталина встречались в разных местах и в многообразных формах. С первых лет обучения у детей

²⁰ Там же, л. 52.

²¹ ГА РФ, ф. 2306, оп. 72, д. 5140, л. 2.

целенаправленно формировалось твёрдое убеждение, что все достижения советского народа — это результат мудрого сталинского руководства, все важнейшие свершения в стране осуществлялись по указанию «вождя». В букваре, в книгах для чтения в начальной школе, в учебниках географии утверждалось: «Наш народ под руководством Сталина построил новые города и заводы, богатые колхозы»; «Во главе со Сталиным советский народ победил злых врагов — фашистов»; «Полярные экспедиции организовывались по указанию И.В. Сталина»; «Метро в Москве построено по указанию И.В. Сталина» и т.д.

Культ личности, в частности, проявлялся при составлении указателей литературы, рекомендуемой студентам пединститутов, учащимся школ. Как правило, в списки включались такие труды Сталина, которые имели весьма отдалённое отношение к содержанию изучаемых курсов. Например, в программах по истории Древнего мира и Новой истории, изданных в 1954 г. для педагогических институтов, было рекомендовано изучение работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в программе по советской литературе для пединститутов — девяти его работ, большинство которых не имело никакого отношения к литературе. В список пособий для изучения курса методики преподавания литературы был включён труд Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

В работах по языкознанию все цитаты были исключительно из произведений Сталина, а не из трудов учёных-лингвистов. В учебнике старославянского языка, изданного в 1955 г. Учебно-педагогическим издательством (Учпедгизом) Министерства просвещения РСФСР под редакцией С.Д. Никифорова, значение изучения старославянского языка доказывалось исключительно отрывками из работы «Марксизм и вопросы языкознания». Притягательная сила сталинского имени была столь велика, что даже в учебнике «Школьная гигиена», изданном Учпедгизом для пединститутов под редакцией С.Е. Советова, многие вопросы освещались под углом зрения искусственно «притянутых» высказываний Сталина.

В целях устранения последствий культа личности Министерство просвещения разработало комплекс мероприятий. В него вошли исправление и переиздание учебных программ по разным предметам, корректировка и переработка учебников, проведение на местах в 1956 г. курсов по повышению квалификации учителей, пересмотр всего фонда учебных кинофильмов, изменение тематики научных исследований в пединститутах, переиздание методических руководств для воспитателей детских садов и детских домов и т.д.²²

В системе школьного образования в свете стоявших перед Министерством просвещения задач по ликвидации последствий культа личности главной «болевой точкой» был курс истории СССР. По собственному признанию академика Панкратовой, «учебники, выходящие под её редакцией, пронизаны культом личности, дают неправильное освещение многих вопросов исторической науки, перегружены излишним и устаревшим материалом. Наиболее ярко культ личности И.В. Сталина выражен в учебнике истории СССР для X класса»²³. Министерство просвещения РСФСР ещё в 1953 г. организовало конкурс на создание новых учебников по этому предмету. Были созданы два авторских коллектива, но в силу плохой организации дела конкурс не дал положительных результатов. Коренную переработку учебника для X класса поручили всё той же Панкратовой, однако именитый автор не смогла представить усовершенствованную рукопись к установленному сроку.

²² Там же, л. 5–9.

²³ РГАНИ, ф. 5, оп. 18, д. 76, л. 39.

27 марта 1956 г. Отдел школ ЦК КПСС обратился в ЦК с просьбой снять в текущем году в X классе средней школы экзамен на аттестат зрелости по истории СССР. В сопроводительном письме отмечалось: «Учащиеся средних общеобразовательных школ на протяжении последних лет изучают отечественную историю по учебнику под редакцией А.М. Панкратовой, который буквально пропитан культом личности. Этим страдает и программа по истории СССР. В свете решений XX съезда КПСС многие положения учебника несостоятельны в научном отношении и представляют из себя в ряде случаев извращение исторических фактов. ...Отдел школ принимает меры к подготовке новых учебников и к исправлению допущенных в преподавании ошибок, насколько это возможно сделать в оставшееся до конца учебного года время. В частности, снято изучение последних глав учебника истории СССР для 10 класса об Отечественной войне и введено изучение материалов XX съезда КПСС»²⁴. 4 апреля 1956 г. ЦК КПСС поддержал просьбу Отдела школ об отмене вышеназванного экзамена.

Обмен мнениями о запланированных мероприятиях по ликвидации последствий культа личности, состоявшийся на заседании коллегии Министерства просвещения РСФСР, показал, что в его руководстве имелись разные подходы к решению поставленных задач. С одной стороны, по признанию самих сотрудников, многое «делалось в спешном порядке без глубокого и серьёзного анализа». В Учпедгизе, например, по словам его руководителя С.М. Языкова, «было шараханье, когда редакторы решили просто вычеркнуть все указания Сталина». С другой стороны, некоторые мероприятия осуществлялись крайне медленно, в частности, из 473 школьных фильмов были пересмотрены только 46. При этом на заседании отмечалось, что «работники Главного управления школ как-то уходят от этого дела», хотя они отлично знали, что ни один учебный фильм не обошёлся без цитат Сталина и без демонстрации образа «вождя».

Некоторые руководители пошли по пути формального выполнения партийных указаний, понимая, что это не лучший способ решения проблемы. Так, сотрудники Учпедгиза получили указание Языкова снять с производства ряд учебников, при этом последний открыто признал, что «в результате II–IV классы не будут обеспечены учебниками “Родной речи” и не будет учебников по всем иностранным языкам». На коллегии Языков заявил: «В учебниках по иностранным языкам этот культ личности устранить невозможно, поэтому многим учащимся учебников по языкам хватать не будет». Он действовал по принципу: я выполнил, а остальное меня не касается. Член коллегии министерства А.М. Арсеньев попытался объяснить Языкову, что «именно в начальной школе нельзя работать без книг для чтения и именно без учебников иностранного языка нельзя обучать языку». По мнению Арсеньева, «может быть, даже нужно прекратить преподавание иностранного языка в тех школах, где нет учебников. Без учебников учиться — это напрасная трата времени». Он считал, что решительный отказ от старых учебников может иметь гораздо худшие последствия, чем продолжение их временного использования. С этим мнением согласились и другие члены министерской коллегии²⁵.

В заключительном выступлении новый министр образования Афанасенко предложил «не заниматься творчеством» в вопросе о культе личности и его последствиях, а «исходить из принципиальных установок, которые даны в решениях съезда». В качестве первоочередной меры, считал он, была необходима

²⁴ Там же, л. 31.

²⁵ ГА РФ, ф. 2306, оп. 72, л. 5139, л. 7, 8, 10.

разъяснительная воспитательная работа с учительскими кадрами («учителя должны проникнуть душой в постановление ЦК партии по вопросу культа личности, чтобы учителя поняли недостатки и пороки культа личности»).

Министр предложил также внимательно просмотреть и отредактировать темы выпускных сочинений по литературе, чтобы в формулировках названий не было указаний на культ личности. Он рекомендовал продумать, как эти темы будут раскрывать учащиеся, поскольку даже при самом безобидном названии они могли делать это «с позиций культа личности» — «так мы их воспитали».

Афанасенко просил активизировать работу министерства по преодолению последствий культа личности Сталина: «Мы в этом вопросе как будто бы ждём каких-то дополнительных указаний. Всё уже сказано совершенно ясно, а мы в министерстве по непонятным причинам занимаем выжидательную позицию». Министр призвал своих подчинённых «не ждать каких-то дополнительных указаний по этому вопросу, потому что их не будет»²⁶.

Стержнем «антикультовых» кампаний в школьном образовании стала работа по исправлению старых и подготовке новых учебников по целому ряду предметов. Этим занимались многие ведомства. Например, Учпедгиз вносил преимущественно механические исправления, используя такие приёмы, как «вычёркивание, вырезывание, вырывание», в ходу был также термин «выдирки»²⁷. Пересмотром содержания учебников занимались члены коллегии Министерства просвещения, но организовывал всю работу, контролировал и отвечал за её результаты Отдел школ ЦК КПСС.

Вскоре после закрытия XX съезда партии Секретариат ЦК КПСС поручил Отделу школ просмотреть все школьные учебники, готовившиеся к выпуску Учпедгизом. Проверка показала, что из 104 названий учебников в 24 восхваление Сталина проявлялось в большей или меньшей степени. Особенно ярко культ личности был отражён в учебниках истории СССР для начальной школы (под редакцией Шестакова), истории СССР для VIII, IX и X классов (Панкратовой), в букварях, книгах для чтения «Родная речь» для I, II, III и IV классов и в учебниках иностранных языков для VII, VIII, IX и X классов²⁸.

По результатам проверки часть учебников вернули на доработку, задержав их подписание в печать. Проблемы возникли с «Букварём», подготовленным коллективом авторов Академии педагогических наук. На одной из страниц букваря был помещён портрет Сталина и напечатан текст, расценённый сотрудниками отдела как проявление культа личности. Из 2,3 млн экземпляров букварей 1,3 млн были уже отпечатаны. Учпедгизу рекомендовали убрать соответствующую страницу, не нарушая при этом структуры книги. Интересно, что этот букварь, как и некоторые другие учебники преимущественно для начальной школы, изготавливали на полиграфической базе Германской Демократической Республики (ГДР). О том, что учебники печатались в типографиях этой страны, в выходных данных не указывалось. Этот факт тщательно скрывался от советской общественности, в том числе и от учителей. Необходимые изменения были произведены и в «Букваре» под редакцией А.И. Воскресенской, который также печатался в ГДР, но типографские работы по его изготовлению находились в начальной стадии.

²⁶ Там же, л. 1–16.

²⁷ Там же, л. 14; д. 5140, л. 6.

²⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 18, д. 76, л. 9, 10.

Согласно постановлению Совета министров СССР, издание учебников к новому учебному году начиналось в III и IV кварталах предыдущего года, а последний учебник должны были сдать в производство до 1 марта текущего года. Поэтому к началу работы XX съезда КПСС 180 названий учебников уже находились в производстве, т.е. основную их часть, содержащую какой-либо материал о Сталине, уже отпечатали полностью или в большей части тиража и в значительных размерах сдали в торговую сеть. На изготовление этих учебников государство затратило свыше 4 млн руб. валютой. Почти все учебники французского, немецкого и английского языков для VII–X классов также отпечатали полностью (на них было затрачено свыше 1 тыс. т бумаги), тиражи их находились в стадии изготовления и начали поступать в магазины.

Общий вывод Отдела школ ЦК КПСС был вполне прагматичным: «Ввиду того, что в отпечатанных учебниках материалы о культуре личности содержатся во многих местах, внести исправления без повторного изготовления тиражей не представляется возможным. По состоянию на 1 марта с.г. этих учебников изготовлено 22 млн экз., из них 16 млн экз. поступило в торговую сеть на места. Издание этих учебников заново потребовало бы нескольких тысяч тонн типографской бумаги и больших расходов. Кроме того, полиграфическая промышленность страны не сможет выпустить их к началу учебного года, что крайне осложнит работу школ. В связи с этим Отдел школ ЦК КПСС считал бы возможным разрешить министерствам просвещения использовать в предстоящем 1956–1957 учебном году эти учебники в изготовленном виде. Министерством просвещения необходимо к началу учебного года дать указание органам народного образования о том, какие тексты в этих учебниках изучать не следует. На 1957–58 учебный год все учебники должны быть соответственно переработаны и изданы на полный контингент учащихся без использования изданий предыдущих лет»²⁹.

Секретариат ЦК КПСС поручил Отделу школ ЦК просмотреть также издательский план Детгиза Министерства просвещения РСФСР и ознакомиться с книгами, находившимися в производстве. Среди печатной продукции, подготовленной к выпуску этим издательством, были обнаружены несколько книг, на страницах которых упоминалось имя Сталина. Поскольку тиражи в основном уже были изготовлены и «выдирки сделать невозможно», Отдел школ посчитал целесообразным разрешить Детгизу выпустить книги в свет, но в случае переиздания – переработать. Речь шла о книгах: «В Музее Ленина» С.В. Михалкова (9-е издание); «Слово о словах» Л. Успенского («полезная и интересная книга по истории языка»; 2-е издание; тираж 100 тыс. экз.); «Путешествие к далёким мирам» К. Гильзина (автор процитировал письмо К.Э. Циолковского Сталину и сделал ссылку на Сталинские премии) и некоторых других изданиях.

А вот книгу «Рассказы и стихи для внеклассного чтения» (из серии «Школьная библиотека для нерусских школ») ждала серьёзная переработка, поскольку она содержала в большом количестве стихи и рассказы, «прославляющие культ личности». Книга вышла тиражом 100 тыс. экземпляров, и в типографии издательства оставалось 95 тыс. Было решено внести исправления в текст книги, а также заменить некоторые произведения. Стоимость такой переработки оценивалась в 100 тыс. руб., а всего тиража – 600 тыс. руб. Детгизу после проверки предложили пересмотреть весь издательский портфель на предмет «преодоления вредных последствий культа личности»³⁰.

²⁹ Там же, л. 11.

³⁰ Там же, л. 25–26.

Новый виток «антикультовых» кампаний начался после выхода постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». Некоторые учебники вновь подверглись пересмотру. Ещё в декабре 1955 г. Учпедгиз выпустил книгу для чтения в IV классе «Родная речь» тиражом 1,9 млн экз. Учебник на 1956/57 учебный год был разослан во все республики, края и области для продажи населению. Эта книга содержала массу литературных и изобразительных материалов, где на все лады восхвалялся «вождь народов товарищ Сталин». Лозунги «Ура родному Сталину!» и «Сталину — слава» звучали чуть ли не с каждой страницы. В этом издании, отмечала Д. Мамедова, «Сталин, являясь персонажем наиболее выделенным, о чём свидетельствует наибольшее количество текстов лично о нём, особое изображение его на портретах, наличие посвящённых ему стихов (о Ленине в “Родной речи” 1956 года нет ни одного стихотворения), существует только как вождь и учитель. У него нет дореволюционного прошлого, нет родственников, он не превращается в памятник Сталину. Несмотря на то, что в 1956 году его уже три года нет в живых, “Родная речь” не говорит об этом ни слова... Он учит правильно говорить, отвечать на вопросы, то есть выполняет ту же функцию, что и сама “Родная речь”»³¹.

Повторная проверка показала, что «Родная речь» для IV класса по содержанию многих статей находилась в резком противоречии с вышеназванным постановлением ЦК партии. По этой причине Отдел школ не рекомендовал использовать это издание в учебных целях. Министерству просвещения РСФСР было предложено «отпечатать в III–IV квартале 1956 года новый тираж книги по чтению для IV класса, устранив из него материалы с культом личности, с тем чтобы заменить в школах все ранее выпущенные экземпляры этого учебника до 1 января 1957 года»³².

Опыт цензурной чистки текстов учебников от упоминаний имени Сталина, полученный в ходе «антикультовых» кампаний 1956 г., Хрущёв с успехом использовал в 1957 г. — для чистки учебников от упоминаний о членах «антипартийной группы». В соответствии с постановлением июньского Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.», Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР просмотрел учебники и некоторые учебно-методические пособия, выпускавшиеся Учпедгизом для начальных и средних школ. Как и следовало ожидать, проверка выявила в ряде учебников высказывания Молотова, цитаты поддержавшего «антипартийную группу» секретаря ЦК КПСС Д.Т. Шипилова, упоминания о деятельности Молотова и Кагановича в различные периоды советской истории, а также в связи с названиями городов, заводов, станций метро и т.д.

Письмо от 22 июля 1957 г., подготовленное заместителем заведующего Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР В.Н. Дербиновым в Бюро ЦК КПСС по РСФСР в связи с чисткой учебников «в духе решений июньского Пленума ЦК КПСС», едва ли не дословно повторяло аналогичные письма школьного отдела ЦК периода весны–лета 1956 г.: «В настоящее время из 110 учебников, за исключением двух по иностранным языкам, почти все отпечатаны, разосланы по областям, краям и республикам, большинство из них уже проданы учащимся. Поэтому задержать эти книги является делом

³¹ Мамедова Д. Персонажи власти в литературе для детей советского периода (URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/mamedova1.htm>; дата обращения: 31.01.2017).

³² РГАНИ, ф. 5, оп. 37, д. 4, л. 91.

трудным. Кроме того, их изъятие нанесло бы государству миллионные убытки, а переиздание потребовало бы дополнительных фондов бумаги. Полагаем, что следовало бы поручить Министерству просвещения РСФСР отпечатать и разослать по школам специальное письмо с указанием страниц в учебниках, которыми не следует пользоваться в работе с учащимися. При подготовке к изданию в 1958 году в учебники и учебные пособия Учпедгизом РСФСР будут внесены исправления»³³.

С осени 1956 г. «антикультовые» кампании пошли на спад. Их важнейшей составной частью были многолюдные собрания педагогической общественности, направленные на формирование в учительской среде правильного понимания «недостатков и пороков культа личности». Инициатором и куратором таких собраний выступал, как правило, Отдел школ ЦК КПСС.

Процессы десталинизации в школьном образовании позволили многим преподавателям критически взглянуть не только на школьные учебники по истории СССР, но и на всю историческую науку в целом. Их открытая критика «застоя и мертвечины» в ней и «антинаучных извращений» в учебниках истории находилась в русле зарождавшихся в советской историографии новых подходов и течений и способствовала, в конечном счёте, улучшению образования и воспитания молодого поколения. Благодаря многочисленным обращениям местных органов народного образования в высшие партийные инстанции в 1956 г. в средней школе отменили экзамен на аттестат зрелости по истории СССР. Кроме того, были отредактированы все темы выпускных сочинений по литературе с той целью, чтобы в них никоим образом не прозвучал мотив культа личности.

Анализ учительских выступлений в процессе обсуждения решений XX съезда партии позволяет сделать вывод о том, что в целом работники образовательной сферы оказались не готовы к десталинизации. На пересмотр устоявшихся догм и вымыслов были нацелены далеко не все учительские кадры, но практически каждый из них соглашался работать в соответствии с утверждёнными новыми учебными планами и школьными программами. Их интерес к проблеме культа личности носил сугубо прагматический характер и был порождён ежедневной преподавательской практикой. Например, учителей мало интересовали подробности политических репрессий, поскольку такой темы не было в школьных программах. Для многих преподавателей объектами критики являлись не лично Сталин и не отрицательные последствия его культа, а входившие в ближайшее окружение «вождя» члены ЦК и Политбюро.

Министерство просвещения РСФСР внесло вклад в десталинизацию образовательной системы в первую очередь тем, что организовало переработку и исправление учебных программ, а также осуществило масштабную цензурную чистку всех учебных изданий, наглядных пособий и учебных кинофильмов. Часто эта работа осуществлялась формально, поверхностно, в спешном порядке и порой приносила больше вреда, чем пользы, особенно в том случае, когда из-за одного только упоминания имени Сталина ученики лишались учебников, ничего не получая взамен.

В целом «антикультовые» кампании 1956 г., несмотря на скрытое сопротивление части учительства, запустили и сделали необратимым антисталинский процесс в школьном, а затем и в профессиональном образовании.

³³ Там же, д. 18, л. 55.

Андрей Беляков

Рец. на: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 / Отв. ред. М.В. Моисеев; подготовка текста: А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, комментарии: А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.

Andrey Belyakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Posol'skaia kniga po sviaziam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572. Moscow, 2016

Крымские посольские книги, отложившиеся в делопроизводстве Посольского приказа, являются важным источником для изучения не только истории русско-крымских взаимоотношений, но и целого ряда сопредельных территорий. Наряду с ногайскими посольскими книгами они помогают осветить взаимоотношения Московского государства с Казанским и Астраханским ханствами (книг по связям с ними не сохранилось), содержат подчас уникальную информацию по истории Турции, Ногайской орды, народов Северного Кавказа, Поволжья. Особо подчеркнута ценность ранних крымских книг, поскольку посольские статейные списки и отдельные грамоты по крымским делам сохранились только с 1579 г.

До настоящего времени в Российском государственном архиве древних актов сохранились 82 посольские книги по сношениям России с Крымом, охватывающие период с 1474 по 1695 г. Полностью опубликованы только наиболее ранние (книги 1–5)¹, относящиеся к рубежу XV–XVI вв. С разной степенью полноты осуществлены издания книг 8, 10, 13, 14, 17, 20, 21, 24, 61, 63, 80². Основной же их массив до настоящего времени не опубликован. Это касается и посольских книг XVI в. Последняя публикация книг по связям с Крымским ханством предпринята более 100 лет назад, если не считать небольшого отрывка из

13-й крымской книги, подготовленного в 1947 г. П.А. Садиковым³. Хочется надеяться, что появление рассматриваемой работы разрушит сложившуюся тенденцию и станет своеобразной отправной точкой в деле издания крымских посольских книг, что, безусловно, приведёт к росту исследовательского интереса к истории Крыма и русско-крымских отношений.

В настоящее время нет общепринятых правил издания посольских книг. Каждый публикатор сам решает, как следует передавать текст и чем его необходимо сопроводить, — здесь можно много дискутировать⁴. Рецензируемое издание снабжено обширным археографическим введением (составитель — А.В. Малов), обзором русско-крымских отношений (автор — А.В. Виноградов), краткой ретроспективной картины борьбы Крымского ханства за гегемонию на пространстве распавшейся Золотой орды (эта часть написана М.В. Моисеевым). Кроме того, работа включает собственно текст посольской книги, комментарии, указатели, список литературы и источников, используемых при комментировании.

Отмечу интересные терминологические наблюдения А.В. Малова о статейных и вестовых списках и вестовых отписках. По мнению исследователя, под статейным списком следует понимать итоговый отчёт, сдаваемый по возвращении дипломата

в Москву; вестовой отчёт — промежуточный, за определённый период при длительном пребывании дипломата за границей, пересылаемый в Посольский приказ с посланником или гонцом; вестовая отписка — это ситуационное донесение по факту получения важной информации. Важны для понимания приказного и посольского делопроизводства нюансы в использовании терминов «память» и «наказная память». Важны наблюдения Малова о «корявости» переводов ханских грамот, что, по мнению исследователя, «не оставляет сомнения в практически дословном переводе и аккуратном копировании» их в книге. С этим нельзя не согласиться. Добавлю, что подобные переводы являются и свидетельством уровня подготовленности переводчиков внешнеполитического ведомства. К сожалению, на настоящий момент нам практически неизвестны черновики подобных переводов, тем более примеры разных переложений одной и той же грамоты⁵. Редко наряду с переводом мы обладаем и подлинником послания. А ведь исследование на эту тему могли бы помочь установить степень адекватности восприятия дипломатической терминологии как с русской стороны, так и со стороны иностранного адресата.

Опубликованная книга хронологически охватывает период с 1567 по 1572 г. В то время наблюдалась устойчивая тенденция к обострению русско-крымских отношений, вызванная усилением позиций Москвы на Кавказе и отказом рассматривать крымские притязания на Астрахань, что в конечном итоге привело к фактическому разрыву отношений Бахчисарая с Москвой. При этом А.В. Виноградов особо подчёркивает такую особенность русско-крымских дипломатических отношений, как продолжение при любых обстоятельствах «ссылок» посредством гонцов и отказ от выдворения уже прибывших посольств. Исследователь большое внимание уделил русско-крымскому дипломатическому протоколу и острой борьбе за отдельные пункты в шертных грамотах. В центре внимания публикуемой книги — подготовка и непосредственное

проведение совместными турецко-крымскими войсками неудачного похода на Астрахань в 1569 г., а также переговоры после майской катастрофы 1571 г.

Астрахань, точнее, факт обладания ею, как показал М.В. Моисеев, играла важную роль на постордынском пространстве. Хаджи-Тархан и после «падения» Большой орды, и даже после завоевания города Москвой оставался знаковым центром для всех наследников Золотой орды. Исследователь активно выступает против идеи о едином татарском мире с центром в Крыму, куда он якобы переместился после 1502 г. На самом деле ситуация была значительно более сложной и подвижной, соответственно постоянно менялись и военно-политические союзы. Чаще речь шла о противостоянии Ногайской орды и Крыма. Что же касается возникшей время от времени идеи о гегемонии Крыма, то следует чётко разделять претензии и реальное положение дел. Последствия завоевания русскими всего течения Волги, по замечанию Моисеева, оказались для лидеров постордынского политического пространства губительными. Ногайская орда погрузилась в омут бесконечных усобиц, амбиции Крымского ханства лишились почвы. А претензии Османской империи на гегемонию в татарском мире привели к саботированию со стороны Крымского ханства турецкого похода на Астрахань 1569 г.

Следует отметить и отдельные недочёты. В ряде случаев у читателя могут возникнуть затруднения. Публикаторы регулярно ссылаются на предисловие к 14-й крымской посольской книге, подготовленной к печати тем же авторским коллективом, но по ряду причин не вышедшей в свет к моменту издания книги 13-й. Что касается самого текста посольской книги, то очень удачным следует признать решение выделять в тексте прямую речь. Это, конечно, нарушает прежнюю археографическую традицию, но делает восприятие документа более удобным, в особенности для неподготовленного читателя. В предисловии оговариваются правила

передачи текста. В частности, транскрибированные иностранные титулы присоединяются к именам посредством дефиса, но выделяются запятыми в случаях перевода титула на русскую систему титулатуры. Идея с запятыми, на мой взгляд, не совсем удачна, так как в ряде случаев сильно перегружает текст и делает его менее понятным, к тому же публикаторы не унифицировали данный подход. Текст посольской книги сопровождается обширными и подробными комментариями, объяснениями многих специальных терминов. Однако подобная форма осложняет работу с книгой для малоподготовленного специалиста, следовало термины вывести в терминологический словарь. К тому же в тех случаях, когда комментарий посвящён какой-либо персоналии, биографическую справку лучше строить по хронологическому принципу.

Книга снабжена указателями терминов, имён, географических и этнических названий. Однако авторы распространили их исключительно на текст самой посольской книги, оставив в стороне имена и географические объекты, упоминаемые во вводных статьях и комментариях. В отдельных случаях имена приводятся без указания титула (должности). То же самое произошло и со списком литературы и источников. В него включили только работы, использованные авторами при написании комментариев; в стороне остались труды, привлечённые при написании предисловий.

Публикация данной посольской книги в очередной раз ставит ряд проблем, давно назревших и требующих безотлагательного решения. Оговорюсь, что данная ремарка ни в коей мере не относится к публикаторам данного источника. Речь идёт о передаче восточных имён и титулатуры в русском делопроизводстве. Для исследователей, не являющихся специалистами в этой отрасли, требуется справочник, дающий, наряду с правильным и унифицированным прочтением того или иного термина, его по возможности корректное

определение. То же относится и к именам восточного происхождения. Справочник, соотносящий русские традиции написания восточных имён и их правильное (полное) написание, позволил бы избежать многих досадных ошибок.

Несмотря на отдельные недочёты, представленную работу можно признать одним из лучших примеров издания посольских книг. Она займёт достойное место среди подобных трудов. Выход данной посольской книги, безусловно, не останется незамеченным и приведёт к всплеску общего интереса не только к истории русско-крымских взаимоотношений, но и к смежным сюжетам. Смею надеяться, что эта публикация окажет влияние на развитие отечественной археографии, хотя предложенные в ней новшества могут вызвать дискуссию. Хочется верить, что подготовка к изданию посольских книг по связям России с Крымом продолжится, и мы в скором времени сможем увидеть новые публикации.

Примечания

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884; Т. 95. СПб., 1895; *Бережков М.Н.* Древнейшая книга крымских посольских дел (1474–1505 гг.) // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1894. № 21. С. 27–55.

² Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. Н.М. Рогожин. М., 1990. С. 150–165; *Виноградов А.В., Малов А.В.* «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодах»... // Единорогъ. Вып. 2. М., 2011. С. 244–251.

³ *Садиков П.А.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 153–158.

⁴ См., например: *Тимошина Л.А.* Публикация «Бранденбургской» посольской книги как явление археографии // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 5. М.; СПб., 2014. С. 20–118.

⁵ *Беляков А.В., Маслюженко Д.Н.* Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum pius*. 2016. № 6: Pax Mongolica и европейские потрясения XIII–XIV вв. С. 229–243.

Олег Волобуев

Рец. на: Аксаковы: семейная энциклопедия / Под ред. С.М. Каштанова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 536 с., ил.

Oleg Volobuev

(Moscow Region State University, Russia)

Rec. ad op.: Aksakovy: semeinaia entsiklopediia. Moscow, 2015

Аксаковы, которым посвящена энциклопедия, хорошо известны своим вкладом в историю и культуру России. В XVI–XVII вв. в их роду были наместники и воеводы, в XVIII в. — стольники и офицеры, в XIX в. — писатель Сергей Тимофеевич и его сыновья славянофилы Константин и Иван Сергеевичи. В XX в. судьбу рода, состоявшего из трёх ветвей — московской (позднее — московско-калужской), арзамасской (затем — уфимско-самарской) и тульско-рязанской, круто изменила революция, многие его представители оказались жителями разных европейских стран, Китая и США. Всего насчитывается 29 поколений Аксаковых, начиная от легендарного Африкана и Шимона Африкановича (родоначальника Аксаковых и Воронцовых) и кончая Ириной и Ольгой Сергеевнами, родившимися в Шанхае и умершими на исторической Родине. В конце энциклопедии помещена Поколенная роспись рода, включающая более 260 имён, и Родословная таблица («дерево»), с перечнем, начинающимся с 13-го поколения. Только за 1970–2005 гг. об Аксаковых опубликованы 943 биографические, генеалогические, филологические, литературно-философские и научно-популярные работы.

Идея подготовки специального энциклопедического издания принадлежит докторам исторических наук А.С. Кулешову и О.Н. Наумову, которые не один год изучали прошлое рода Аксаковых¹. Алексей Станиславович Кулешов стал, можно сказать, его историографом, и о нём самом в данной энциклопедии имеется даже особая статья. Олег Николаевич Наумов, подготовивший значительную часть этого справочника (именно им написаны «Историография Аксаковых», «Геральдика» и «Герб», «Ветви рода»), принадлежит к тем

учёным, которые внесли немалый вклад в возрождение, расширение и обновление генеалогии в нашей стране². Открывается книга обстоятельным введением «Аксаковы: взгляд через столетия», написанным доктором исторических наук В.В. Журавлёвым. В нём говорится о возможностях антропологического подхода к истории российской государственности и важности для её осмысления точных энциклопедических сведений о представителях дворянских родов, из поколения в поколение служивших Отчизне.

Статьи энциклопедии содержат богатый биографический материал, отражающий жизненный путь, семейные связи и «среду обитания» всех поколений Аксаковых. Биографии их наиболее видных представителей написаны А.С. Кулешовым, О.Н. Наумовым и Н.И. Цимбаевым по всем правилам создания научного портрета в справочном издании. Отдельные статьи посвящены также их многочисленным родственникам (Вельяминовым, Воейковым, Карамзиным, Тютчевым, Ульяниным и т.д.), знакомым, покровителям, например, А.С. Шишкову и его племяннику А.И. Казначееву, который ввёл в дом дяди своего друга С.Т. Аксакова (оба молодых человека увлекались тогда воззрениями адмирала и сочувствовали его полемике с Н.М. Карамзиным). Говорится в энциклопедии и о советском астрономе Б.А. Воронцове-Вельяминове, написавшем четырёхтомный труд «От варягов до строителей коммунизма» (рукопись хранится в ОР РГБ) о своих предках, происходивших от Шимона Африкановича, и об авторах генеалогических трудов Т.А. Аксаковой (урождённой Сиверс)³, Л.М. Савёлове⁴, кн. П.В. Долгорукове, составившем первую поколенную роспись рода Аксаковых.

Нельзя не отметить весьма нестандартную статью «Некрополь» — о погребениях Аксаковых, расположенных не только в различных областях России, но и в Австралии, Аргентине, Белоруссии, Сербии, США и т.д. К сожалению, большинство российских надгробий были уничтожены в 1920—1930-е гг. За рубежом все могилы сохранены. Фотографии надгробных памятников занимают в книге шесть страниц. Среди них — захоронения Сергея Тимофеевича и Константина Сергеевича в Новодевичьем монастыре, Ивана Сергеевича в Троице-Сергиевой лавре, надгробия на кладбищах сёл Ново-Аксаково и Завидово.

Помимо общей статьи «Источники исторические», написанной Наумовым и Кулешовым и разносторонне характеризующей делопроизводственные материалы, судебные дела и документы личного происхождения, в энциклопедии отдельно представлены содержащие сведения об Аксаковых Киево-Печерский патерик, Тысячная книга и Дворовая тетрадь 1550 г., писцовые и разрядные книги XV—XVII вв., вкладная книга Троице-Сергиева монастыря.

Немало статей энциклопедии посвящено учреждениям, в которых учились или служили Аксаковы. Здесь и Казанский университет, который закончил Сергей Тимофеевич, и Московский Константиновский межевой институт, чьим первым директором он оказался в 1830-е гг., и словесное отделение Московского университета, где слушал курс Константин Сергеевич, и Демидовский лицей, и Училище правоведения, и кадетские корпуса, и Александровское, Второе Константиновское, Павловское военные училища. Есть и обобщающая статья «Образование Аксаковых». В ней, в частности, отмечается, что «к концу 18 в. в каждой из ветвей рода сформировалась собственная образовательная стратегия, определявшая круг учебных заведений, где получали образование дети. Она была тесно связана с приоритетом службы, который существовал в каждой из семей, и с возможностями, определявшимися её положением внутри дворянства». Впрочем, такая «стратегия» могла и отсутствовать, как, например, у тульско-рязанской ветви рода. Весьма любопытно освещены формы и способы женского образования.

На протяжении столетий Аксаковы служили, занимались государственной и общественной деятельностью, участвовали едва ли не во всех войнах империи, проливали кровь во многих сражениях, награждались. Всё это отражено в энциклопедии, включая сведения о знаках отличия «За поземельное устройство государственных крестьян» и «За введение в действие Положений 1861 года», а также о медалях «В память Восточной войны 1853—1856 гг.», «За покорение Чечни и Дагестана», «В память царствования Александра III», «В память Русско-японской войны 1904—1905 гг.», «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.», «В память 300-летия дома Романовых» и т.д. Составители обратили внимание и на воинские части (лейб-гвардии Измайловский и Егерский, Астраханский драгунский, Екатеринославский гренадерский, Днепровский пехотный полки и т.д.), и на губернии, города и уезды, в которых служили или проживали Аксаковы, и на принадлежавшие им имения, например, три села, названные Аксаково — в Симбирской, Уфимской и Оренбургской (Самарской) губерниях, или Ново-Аксаково (Знаменское), где находится историко-художественный и литературный музей-заповедник федерального значения (с кабинетом С.Т. Аксакова). Читатели могут узнать, сколько крепостных крестьян числилось в них в разные времена и т.п.

Признавая бесспорные достоинства рецензируемого издания, нужно учесть и некоторые просчёты авторского коллектива. В статьях о губерниях, городах, уездах, а также о войнах, сражениях, военных и гражданских чинах, наградах и проч. собственно Аксаковым порою отводится один тощий завершающий абзац. Между тем в любой узко специализированной энциклопедии на первом плане должен быть именно материал, отражающий её основную тематику, и таких перекосов допускать не следует. Кроме того, необходимо более строго подходить к обоснованию принципов составления словника, некоторым современным энциклопедическим изданиям этого явно не хватает.

Книга богато иллюстрирована как монохромными, так и полихромными репродукциями фотографий и рисунков. Это, конечно, в первую очередь индивидуальные и групповые портреты Аксаковых.

Среди них воспроизведены картина К.А. Трутовского «С.Т. Аксаков диктует своей дочери Вере в Абрамцеве», «Автопортрет» Веры Сергеевны, забавная карикатура из сатирического журнала «Будильник» 1867 г., которая изображает И.С. Аксакова с гармошкой в руках и возле бочки с квасом, карандашный портрет заключённой Пезмоглага Т.А. Аксаковой, выполненный в 1942 г. ленинградским художником Коноплёвым, довольно редкие медали «За поход в Китай (1900–1901)» и «За поход в Японию (1904–1905)». А вот на репродукции картины художника А.И. Соломатина, написанной в 1993 г., на фоне яркого осеннего пейзажа запечатлён дом семьи Аксаковых в Калуге. Увы, сегодня этот дом увидеть уже нельзя: он снесён. На фотографии 2008 г. – молодая представительница рода Ю.А. Рябцова-Аксакова с сыном Кириллом: этим поколениям предстоит

продолжить протянувшуюся сквозь века семейную хронику.

В целом рецензируемая энциклопедия не только сводит воедино сведения о генеалогии Аксаковых, но и воссоздаёт типичный образ одного из старинных дворянских родов, внёсшего вклад в военную, административную и культурную историю России.

Примечания

¹ Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009; Кулешов А.С., Наумов О.Н. Аксаковы. Поколенная роспись. М., 2009.

² См., в частности: Наумов О.Н. Очерки по русской генеалогии. М., 2012.

³ Аксакова Т.А. (Сиверс). Семейная хроника. Paris, 1988; М., 2005.

⁴ Савёлов Л.М. Воспоминания / Публ. О.Н. Наумова. М., 2015.

Ольга Белоусова

Рец. на: Д.М. Софьин. Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. [М.]: Фонд содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», [2016]. 240 с.

Olga Belousova
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: D.M. Sofyn. Velikiy knyaz' Sergey Aleksandrovich: put' russkogo konservatora. Moscow, 2016

Исследование Д.М. Софьина фактически является первой современной научной монографией, в которой анализируются жизнь и деятельность вел. кн. Сергея Александровича (в книге Д.Б. Гришина¹ отсутствовал научно-справочный аппарат). Она написана на огромном массиве неопубликованных материалов из архивохранилищ Москвы, Петербурга и даже Крыма. Некоторые из наиболее интересных документов – выдержки из дневника великого князя и его переписки – опубликованы в приложении к монографии с необходимыми комментариями. Вместе с тем,

хорошо владея историографией темы, Софьин скрупулёзно учитывает и упоминает мнения предшественников и коллег, даже те, которые не разделяет. Так, утверждая, что вел. кн. Сергей Александрович стал «ближайшим и доверенным советником» Николая II, он тут же приводит гораздо более сдержанное мнение И.В. Лукоянова, отказывающегося считать великого князя «политическим гуру» царя (с. 106).

Из членов Императорской фамилии конца XIX – начала XX в. вел. кн. Сергей Александрович вызвал к себе, пожалуй, наиболее сложное отношение современников, а затем

и историков, уступая здесь разве что Николаю II и императрице Александре Фёдоровне. Поэтому вполне понятно и оправданно стремление автора критически рассмотреть ту одиозную «мифологему», которая «подменила в общественном сознании» подлинный облик великого князя и закрепилась в историографии (с. 53–54). Так, вел. кн. Сергея Александровича часто считали высокомерным, холодным и неприступным, однако Софьин, соглашаясь с А.Н. Бохановым², объясняет это весьма распространённое мнение своего рода маской, под которой скрывался застенчивый и неуверенный в себе человек (с. 53).

Приводя и подробно разбирая наиболее известные высказывания (вел. кн. Александра Михайловича, кн. Ф.Ф. Юсупова, гр. С.Ю. Витте, А.В. Богданович, кн. С.Д. Урусова) про «дурные инстинкты» и даже «противоестественные наклонности» вел. кн. Сергея Александровича, Софьин утверждает, что все эти суждения не могут считаться убедительными, поскольку представляли собой обычные сплетни, лишённые какой-либо фактической основы (если не считать не понравившееся неким неназванным генералам пение преображенскими офицерами цыганских романсов в присутствии великого князя и т.п.). Впрочем, достоверно известно лишь то, что такие слухи имели место, подтвердить же их справедливость или надуманность более чем проблематично.

Тем не менее Софьину удаётся показать несоответствие действительности отдельных пересудов — в частности, сохранившегося в дневнике А.В. Богданович сообщения о том, будто фрейлина А.Ф. Тютчева после Ходынки отказалась подавать руку вел. кн. Сергею Александровичу, «обвиняя его в слухившемся» (с. 120). Исследователь демонстрирует технологию формирования дискредитировавшей великого князя «мифологемы». Однако автор явно выдаёт желаемое за действительное, заявляя, что «каждое из обвинений» «при внимательном рассмотрении убедительно опровергается» (с. 164). Всё же бездоказательность «мифологемы» сама по себе ещё не свидетельствует о его лживости и преднамеренной фабрикации.

Возможно, историку вообще не стоило вступать в полемику со слухами, пытаясь доказать их несостоятельность. Гораздо

важнее, изучая созданную недоброжелателями великого князя «мифологему», выявить, как был устроен «эксперимент по десакрализации императорской власти, который дал блестящие для тех, кто его осуществил, результаты» (с. 167). С этой точки зрения следовало бы комплексно проанализировать — применительно ко всем представителям династии и высшей бюрократии — дневник хозяйки петербургского великосветского салона А.В. Богданович, на который неоднократно ссылается Софьин. Тем более досадна допущенная исследователем неточность, касающаяся этого источника. Автор пишет, что «оригинал дневника не сохранился», поэтому возникают «сомнения в аутентичности» опубликованных впервые в 1924 г. и впоследствии неоднократно переиздававшихся выдержек из записей генеральши (с. 20, 120). Между тем подлинник её дневника за 1879–1881 и 1888–1912 гг. находится в РГИА (ф. 1620), и в настоящее время при поддержке РФФИ готовится его научное издание.

Первые две главы монографии освещают детские и юношеские годы жизни вел. кн. Сергея Александровича — до достижения им двадцатилетнего возраста, почти совпавшего в апреле 1877 г. с началом русско-турецкой войны. Софьин отмечает важную роль К.П. Победоносцева в воспитании великого князя: между учеником и его наставником «сложились очень хорошие отношения, которые они поддерживали и после того, как образование августейшего воспитанника завершилось» (с. 37). В связи с этим, кстати, обращает на себя внимание одно упущенное автором из виду случайное совпадение: знаменитый Манифест о незыблемости самодержавия, составленный Победоносцевым, был подписан Александром III именно в день рождения его брата Сергея — 29 апреля 1881 г.

В третьей главе описано участие вел. кн. Сергея Александровича в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а также в послевоенной жизни империи вплоть до восшествия на престол Александра III. Кампания для великого князя завершилась в конце 1877 г., когда он, успев понюхать пороху и даже получить

Георгиевский крест 4-й степени за участие в сражении у Мечки 12 октября, вернулся в Петербург. Помимо прочего, Софьин упоминает тут любопытный факт: именно во время этой кампании – впервые после петровских преобразований начала XVIII в. – военнотружущим было разрешено ношение бород, чем воспользовались великие князья Александр и Сергей Александровичи. По окончании войны они сохранили эту привилегию, что стало одним из первых шагов к начавшемуся уже при Александре III развороту «в сторону допетровских традиций» (с. 51).

О событиях конца 1870-х гг. Софьин пишет сравнительно немного, ограничиваясь преимущественно изложением впечатления, оставшегося у вел. кн. Сергея Александровича от покушений террористов, смерти матери и поруганного брака отца. Мимоходом отмечается также, что великий князь являлся «убеждённым противником» курса, проводившегося гр. М.Т. Лорис-Меликовым (с. 60), однако подтверждается это только оценкой, высказанной вел. кн. Сергеем Александровичем уже после гибели Александра II. Но были ли его суждения столь же однозначны прежде?

В четвёртой главе несколько конспективно и описательно говорится о том, как, совершив вместе с братьями Павлом Александровичем и Константином Константиновичем паломничество в Святую землю, вел. кн. Сергей Александрович возглавил Палестинское общество. Впрочем, деятельность на этом посту представлена в книге лишь как своего рода фон для характеристики роли великого князя в политической жизни России. Неудивительно, что в этой части Софьин опирается на концепцию Н.Н. Лисового, изучившего непростые отношения данного общества с МИД³.

С большим интересом автор рассказывает в пятой главе о семейной жизни и военной службе великого князя, в том числе о его назначении командиром сперва 1-го батальона, а затем и всего Лейб-гвардии Преображенского полка (с. 70, 76). В командование старейшей гвардейской частью вел. кн. Сергей Александрович вступил одновременно с производством в генерал-майоры 26 февраля 1887 г. – в день рождения Александра III. А ровно через 4 года он стал московским генерал-губернатором.

По словам Софьина, к сожалению, не подкреплённым какой-либо ссылкой на источники, решение императора направить своего брата в Москву было во многом обусловлено тем, что незадолго до этого его жена вел. кн. Елизавета Фёдоровна приняла православие (с. 77–78).

В шестой главе подробно рассмотрено вступление вел. кн. Сергея Александровича в новую должность и его участие в культурной жизни Первопрестольной. Проследживается постепенное складывание московского окружения великокняжеской четы, характеризуются ближайшие сотрудники нового генерал-губернатора – московский губернатор Д.С. Сипягин и его преемник А.Г. Булыгин, городской голова Н.А. Алексеев и др.

В отдельной главе раскрываются обстоятельства выселения из Москвы в первые годы генерал-губернаторства вел. кн. Сергея Александровича значительного числа евреев. Исследователь стремится доказать, что делалось это не по инициативе великого князя, который, вопреки мнению многих современников и историков, вовсе не был антисемитом. Действительно, соответствующие законодательные акты готовились в МВД независимо от назначения в Москву царского брата и без его участия (с. 96). Но то, что прежний генерал-губернатор не препятствовал переселению евреев в город «в обход существовавших законов о черте оседлости», вовсе не означало, будто «высылка состоялась бы независимо от того, кто стал бы преемником князя В.А. Долгорукова», и после его замены «политика в данном вопросе не могла не измениться» (с. 97, 100). Едва ли в высылке евреев можно усмотреть «ответ на запрос московского общества», который автор предлагает рассматривать «не в рамках неких «антисемитских настроений», а скорее в русле борьбы с нелегальной миграцией» (с. 100). Нет никаких убедительных свидетельств и в пользу того, что идеологически она готовилась местным старообрядческим купечеством, опасавшимся конкуренции со стороны «еврейских предпринимателей», и «ревнителями московской старины». К тому же о наличии или отсутствии у вел. кн. Сергея Александровича антисемитских взглядов нельзя судить исключительно на основании

того, что в оставленных им письмах и дневниках нет «свидетельств о его расовой или религиозной нетерпимости» (с. 100).

Наиболее значимы, пожалуй, последние пять глав монографии (с восьмой по двенадцатую), в которых анализируется деятельность великого князя в царствование Николая II. Они написаны на основе добротного изучения источников, в значительной части неопубликованных. Однако, уточняя целый ряд фактов и опровергая их прежние идеологизированные интерпретации, исследователь порой предлагает упрощённые объяснения, явно нуждающиеся в более глубокой проработке. Так, рассказывая о подготовке знаменитого выступления молодого императора 17 января 1895 г. в Зимнем дворце перед депутатами дворянских и земских собраний и городских дум, Софьин указывает, что Победоносцев написал «проект текста речи» и отправил его в Москву «на рассмотрение» вел. кн. Сергея Александровича (с. 106–107). Может возникнуть впечатление, что обер-прокурор Святейшего Синода всего лишь стремился получить от него одобрение. Между тем для Победоносцева всё это являлось частью его интриги против министра внутренних дел И.Н. Дурново, о чём великий князь даже не догадывался⁴. Софьин фактически соглашается с распространённым мнением о том, что в начале царствования Николая II за влияние на монарха боролись две «партии» – вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и вел. кн. Сергея Александровича (с. 107–108). Однако если нечто подобное и наблюдалось в первые годы после кончины Александра III, то впоследствии многое изменилось. Во всяком случае, в 1904 г. великий князь пытался через гр. С.Д. Шереметева убедить вдову своего брата в политической неблагонадёжности кн. П.Д. Святополка-Мирского, назначенного не без её участия министром внутренних дел⁵.

Событием, окончательно и бесповоротно погубившим репутацию московского генерал-губернатора в общественном мнении, стала ходынская катастрофа – точнее, даже не столько сама трагедия, сколько попытки вел. кн. Сергея Александровича игнорировать её масштабы и неуместность продолжения увеселений в ходе коронационных торжеств. Особую роль в его дискредитации Софьин отводит братьям Михайловичам и прежде

всего – вел. кн. Александру Михайловичу (с. 116–119). Борьба группировок внутри Императорской фамилии, протекавшая при Николае II с оглядкой на те или иные круги общест­венности и высшей бюрократии, всё ещё нуждается в исследовании, и данная книга – важный шаг в этом направлении.

К сожалению, в оформлении монографии почему-то отсутствуют необходимые выходные данные, помещаемые обычно в макете аннотированной каталожной карточки, которой также нет на обороте титульной страницы. И если бы не указание ISBN, книгу можно было бы считать выпущенной «на правах рукописи». В целом же она, безусловно, нуждается в переиздании, что позволило бы дополнить текст деталями и избавиться от недостаточ­но продуманных и не опирающихся на источники интерпретаций.

Примечания

¹ *Гришин Д.Б.* Трагическая судьба великого князя. М., 2006.

² *Боханов А.Н.* Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М., 1997. С. 336.

³ *Лисовой Н.Н.* «Президенты Палестины»: памяти первых председателей Императорского Православного Палестинского Общества Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Преподобномученицы Елизаветы Фёдоровны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 103–131; *Лисовой Н.Н.* Великий князь Сергей Александрович – Председатель Императорского Православного Палестинского Общества (1882–1905) // Великий князь Сергей Александрович в истории русского государства и культуры. Материалы церковно-научной конференции, посвящённой 100-летию со дня трагической гибели вел. кн. Сергея Александровича (1857–1905) 17–18 февраля 2005 г. / Отв. ред. Н.Н. Лисовой, А.В. Назаренко. М., 2007. С. 95–101.

⁴ *Андреев Д.А.* Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2(20). С. 36–44.

⁵ *Белоусова О.В.* «Вот где главное наше горе». Граф Сергей Шереметев и его высокопоставленные родственники // Родина. 2012. № 7. С. 110.

Рец. на: В.Ф. Джунковский. Воспоминания (1865–1904). М.: Издательство им. Сабашниковых, 2016. 816 с.; В.Ф. Джунковский. Воспоминания (1915–1917). Т. 3. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2015. 728 с.

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: V.F. Dzhunkovsky. Vospominaniia (1865–1904). Moscow, 2016; V.F. Dzhunkovsky. Vospominaniia (1915–1917). Vol. 3. Moscow, 2015

С выходом воспоминаний В.Ф. Джунковского о 1865–1904 гг. и 1915–1917 гг. завершается издательский проект, начатый ещё 20 лет назад: опубликованный тогда двухтомник освещал события 1905–1915 гг.¹ Теперь мемуары этого государственного и военного деятеля, охватывающие более полувека, почти полностью доступны широкому кругу читателей. Структура текста во всех четырёх томах идентична и производит впечатление литературно обработанного дневника. О том, работая над воспоминаниями с начала 1920-х до начала 1930-х гг. (1865–1904, с. 14; здесь и далее перед ссылкой на страницу указан том воспоминаний по годам), автор пользовался не только своим архивом, переданным ранее в Пушкинский Дом, но и какими-то записями, составленными более или менее синхронно с упоминаемыми событиями, свидетельствует хотя бы обилие точных дат, трудно восстанавливаемых или вовсе не уточняемых по памяти, тем более за столь долгий период. Видимо, с этой спецификой связано и отсутствие обычно встречающихся у других мемуаристов развёрнутых характеристик исторических деятелей: Джунковский, как правило, просто фиксирует происходившее, придавая описанию тот или иной эмоциональный фон.

Материал первого из рецензируемых томов охватывает 1865–1904 гг. и разделён на четыре части. Первая посвящена детству и ранней юности автора – от рождения и почти до окончания Пажеского корпуса (1865–1883 гг.). Во второй рассказывается о годах его службы в Преображенском полку (1884–1891 гг.). В третьей и четвёртой (соответственно 1893–1897 и 1898–1904 гг.) описана служба Джунковского адъютантом московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича.

Воспоминания за 1892 г. были выделены их автором в отдельную папку и согласно его воле остались неопубликованными (1865–1904, с. 16). Внутри каждой части, кроме первой, события излагаются по годам.

На протяжении почти четверти века – с назначения адъютантом вел. кн. Сергея Александровича до отставки в августе 1915 г. с постов товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов – Джунковский был очень близок к власти. Впервые близко общаться с будущим последним императором ему довелось ещё в 1887 г., когда мемуарист был помощником дежурного по полку, а цесаревич вел. кн. Николай Александрович – дежурным. Джунковский вспоминал, что во время этого суточного наряда наследник вёл себя предупредительно, «исключительно просто, видимо, наслаждаясь отсутствием в полку придворного этикета», проявлял заботу о своём помощнике и вообще «поражал» «воспитанностью, любезностью и деликатностью» (1865–1904, с. 185–186). Вместе с тем Владимир Фёдорович отмечал, что на следующий год, когда он вновь оказался на полковых лагерных учениях помощником дежурившего по полку цесаревича, «самостоятельность и уверенность» наследника престола ощущались сильнее (1865–1904, с. 193).

Став адъютантом вел. кн. Сергея Александровича, Джунковский регулярно был в непосредственной близости от императора, его родственников и представителей высшей бюрократии. Так, в 1893 г. он присутствовал при закладке Александром III памятника своему отцу в Московском Кремле, подробно изложив в воспоминаниях программу пребывания царской семьи в Первопрестольной (1865–1904, с. 263–271). Осенью 1894 г. Джунковский

находился в Ливадии в последние дни жизни Александра III. В мемуарах он достаточно точно передаёт слова, сказанные императором незадолго до смерти врачу Н.А. Вельяминову (1865–1904, с. 325)². Тем более важны свидетельства Владимира Фёдоровича, указывающие на то, что манифест о вступлении на престол Николая II готовился в окружении гр. И.И. Воронцова-Дашкова (1865–1904, с. 326). Это, в свою очередь, позволяет судить о степени влияния министра императорского двора накануне и сразу после кончины Александра III³.

Естественно, Джунковский обстоятельно описал коронационные торжества 1896 г. и ходыньскую катастрофу. По мнению мемуариста, вел. кн. Сергей Александрович, считая себя «хозяином столицы», был явно задет тем, что организация и проведение празднования были переданы в ведение Министерства императорского двора, и демонстративно «совершенно устранился от всякого вмешательства» даже в дела, по-прежнему остававшиеся в сфере компетенции московского начальства. Обер-полицмейстер А.А. Власовский, «видя такое отношение со стороны хозяина столицы», также не уделил «должного внимания» обеспечению порядка на Ходыньском поле. Осуждая подобное поведение великого князя, Джунковский упрекает его и в том, что он не сумел «намекнуть государю» на желательность сразу же выехать на место трагедии (1865–1904, с. 389). Критически оценивается в воспоминаниях и добровольная отставка вел. кн. Сергея Александровича с должности генерал-губернатора в декабре 1904 г. Считая подобный шаг проявлением «малодушия с его стороны», Джунковский утверждал, что нельзя «уходить с поста в такое серьёзное время надвигающейся грозы» (1865–1904, с. 762). Видимо, он не знал, что данное решение нелегко далось и самому великому князю, записавшему 31 декабря 1904 г. в дневнике: «Последний мой день генерал-губернаторства! – странное чувство после 14 лет! ... всё же мне тяжело!»⁴.

Рассказ о событиях августа 1915 – начала 1918 г. разделён по годам на три части, каждая из которых разбита на мелкие сюжетные главки. В этом томе сокращений несопоставимо меньше, чем в воспоминаниях о 1865–1904 гг.: фактически публикаторы опустили лишь многочисленные

интерполяции – включённые Джунковым в свой текст войсковые приказы, благодарственные письма, документы Петроградского совета и Временного правительства, выступления А.Ф. Керенского (1915–1917, с. 12).

Содержательно заключительные разделы мемуаров Джунковского существенно отличаются от предыдущих. Передав императору досье, компрометировавшее Г.Е. Распутина, Владимир Фёдорович вынужден был 15 августа 1915 г. покинуть посты товарища министра внутренних дел и шефа жандармов и отойти от большой столичной политики. Теперь ему приходилось судить о ней лишь по сведениям, доходившим со стороны. Вскоре он по собственному желанию ушёл на войну, занимал разные командные должности в соединениях Западного фронта и завершил карьеру командиром 3-го Сибирского армейского корпуса (это назначение состоялось уже в октябре 1917 г., незадолго до падения Временного правительства). В декабре 1917 г. генерал-лейтенант Джунковский официально был уволен из армии большевиками. Неудивительно, что, говоря про этот период, мемуарист сообщает преимущественно о штабной и окопной повседневности.

Характерно, что он не только сожалеет об отставках считавшихся либерально настроенными министра внутренних дел кн. Н.Б. Щербатова и обер-прокурора Святейшего Синода А.Д. Самарина, но и ошибся почти на неделю при их датировке (1915–1917, с. 27–28). Судя по всему, не был он осведомлён и о происходившем тогда повороте во внутренней политике, завершившемся через месяц удалением из правительства ключевой фигуры – главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, на которого ориентировался Прогрессивный блок. Бывший руководитель жандармского ведомства довольствовался теперь открытыми источниками информации о ситуации в верхах. В свои воспоминания он поместил впоследствии без каких-либо дополнительных комментариев полный текст нашедшей статьи В.А. Маклакова «Трагическое положение», опубликованной в конце сентября 1915 г. в «Русских ведомостях» (1915–1917, с. 35–36).

Своеобразным отзвуком столичной жизни на фронте стала пришедшая в конце 1915 г.

в войска «совершенно секретная бумага», запрещающая как-либо обсуждать слухи о Распутине. Джунковский, карьера которого менее четырёх месяцев назад круто изменилась из-за попытки разоблачить «старца», не без колкости отметил, что именно после этого распоряжения в армии «начались всевозможные закулисные толки», тогда как раньше на эту тему вовсе не говорили (1915–1917, с. 67). Но он, похоже, не задумывался о том, зачем ведомству А.А. Поливанова, который также считался либеральным министром, потребовалось так широко извещать подчинённых о существовании «запретных» сюжетов.

Не менее любопытен рассказ Джунковского о разговоре с Б.В. Штюрмером, состоявшемся перед отъездом мемуариста из Петрограда в армию, видимо, в конце октября 1915 г. (1915–1917, с. 42, 86). Генералу показалось, что его собеседник, являвшийся ещё только членом Государственного совета, не случайно высказал «много практически жизненных мыслей, которые он находил необходимым провести в жизнь», но явно хочет «сделаться вторым Столыпиным». Видимо, уже тогда Штюрмер вовсю готовился заменить престарелого И.Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров. Правда, буквально несколькими строчками ниже мемуарист, как бы подводя итоги 1916 г., констатирует, что Столыпин из Бориса Владимировича не получилось, а все его идеи были «одними словами» (1915–1917, с. 86).

Крайне несвоевременным Джунковский считал арест в апреле 1916 г. бывшего военного министра В.А. Сухомлинова. Эта мера, действительно, лишь разжигала и без того немалые политические страсти. Между тем, по мнению мемуариста, отставки Владимира Александровича «было вполне достаточно, а разбирать его виновность было бы достойнее после войны». Более того, по словам Владимира Фёдоровича, император именно так и собирался поступить, однако затем «поддался окружающим» и санкционировал опрометчивое решение. При этом, «подавшись против своей воли», царь почувствовал «ещё большую неприязнь к Поливанову», которому и прежде не симпатизировал, сделав его министром «тоже против своей воли» – по желанию вел. кн. Николая Николаевича. И уже через несколько дней после того, как государь

согласился отдать Сухомлинова под суд, Поливанов был отправлен в отставку.

Данная реконструкция кадровых решений Николая II исключительно важна, поскольку Джунковский не зря признаётся в некотором знании «психологии» императора (1915–1917, с. 283). В подчас странной и противоречивой череде отставок и назначений, производившихся в кризисное военное время, подобные «психологические» разъяснения помогают увидеть не просто результат бездумного следования тем или иным влияниям, а некое выношенное – пусть даже возникшее под воздействием эмоций, а не холодного рассудка – самостоятельное решение, которое могло, конечно, подогреться извне и совпадать с теми или иными советами, но отнюдь не инспирировалось ими и не являлось их непосредственным итогом.

В воспоминаниях Джунковского можно прочесть и о том, как в армии узнавали о совершившейся в стране революции. Примечательно, что самому мемуаристу, стоявшему тогда во главе 8-й Сибирской стрелковой дивизии, о беспорядках в Петрограде стало известно только вечером 3 марта в штабе Гренадерского корпуса, в составе которого сражалось вверенное ему соединение. Вызвав начальников дивизий, командир корпуса Д.П. Парский показал собравшимся полученную из штаба армии депешу об отречении императора, подписанную «Юрий Данилов». Видимо, она шла от начальника штаба Северного фронта, но вызывали недоумение и столь неформальная подпись, и то, что известие пришло совсем не по команде: Гренадерский корпус входил в состав 4-й армии Западного фронта, и Ю.Н. Данилов являлся для него «посторонним лицом». И хотя речь шла не о приказе, а всего лишь об уведомлении, Джунковский незамедлительно заявил Парскому и всем остальным, что «депеше придавать значения нельзя», поскольку «сообщение о таком исключительном событии может быть принято только от своего главнокомандующего». Владимир Фёдорович не исключал, что «такая депеша, идущая по фронту, может быть ничем иным как провокацией с целью внести смуту в войсках передовой

линии». В результате было решено через штаб армии обратиться за разъяснениями в штаб фронта. После этого все разошлись, а на следующее утро выяснилось, что кн. Г.Е. Львов возглавил ответственное министерство, а вел. кн. Николай Николаевич назначен верховным главнокомандующим. К вечеру 4 марта слухи об отречении царя окончательно подтвердились (1915–1917, с. 446–448). Всё это косвенно свидетельствовало если и не о заговоре генералов, то о готовности руководства Северного фронта к неуставным действиям.

Ирина Махалова

Особенности Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе

Irina Makhalova

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Features of the Holocaust in the Crimea and the North Caucasus

Недавно в издательстве Международного института исследования Катастрофы вышла книга профессора Ариельского университета (Израиль) Кириллы Фефермана «Холокост в Крыму и на Северном Кавказе»^{*}.

Выбор таких регионов обусловлен рядом причин. Во-первых, значительную часть их жителей составляли мусульмане, которых пытались привлечь на свою сторону немецкие оккупационные власти. Взаимодействие этих народностей с еврейским населением в период оккупации является для автора важнейшим аспектом при сравнении регионов. Во-вторых, в них действовала айнзатцгруппа «Д» — одно из четырёх специально созданных немцами подразделений, непосредственно осуществлявших «окончательное решение» еврейского вопроса, а также боровшихся с любой оппозицией оккупационному режиму. Именно айнзатцгруппа «Д» занималась

Примечания

¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997.

² Ср.: Вельяминов И.А. Встречи и знакомства // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 307.

³ См.: Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011. № 4. С. 117–118.

⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 710.

уничтожением еврейского населения на Юге Украины, в Крыму и на Северном Кавказе. В-третьих, Кавказ и Крым играли особую роль в стратегических планах немецкого командования — они должны были стать для Германии плацдармом для дальнейшего продвижения на Восток, а также местом будущего расселения *Volksdeutsche*. В-четвёртых, особое место в политике оккупационных властей занимали «специальные еврейские группы», к которым относились крымчаки, караимы в Крыму и горские евреи Северного Кавказа (р. 18–23).

В историографии уже затрагивался вопрос о карательной политике немецких оккупантов в отношении определённых групп советского населения, в особенности еврейского. В монографии германского историка Н. Кунца¹, посвящённой истории Крыма в период немецкой оккупации,

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

^{*} *Feferman K. The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 540 p.*

рассматривается уничтожение евреев на полуострове в общем контексте немецкой оккупационной политики. Его коллега А. Ангрик даёт полный обзор деятельности айнзатцгруппы «Д»². Д. Поль и М. Ольденбург³ проанализировали участие солдат вермахта в уничтожении еврейского населения на захваченных советских территориях. И. Арад⁴ и И. Альтман⁵ сделали общий обзор Холокоста в Советском Союзе, не углубляясь, однако, в изучение особенностей отдельных регионов. Данные обо всех местах уничтожения евреев в Крыму были собраны и систематизированы М. Тяглым⁶, который представил также некоторые детали, характерные для тех или иных городов и населённых пунктов.

Феферман стремится ответить на вопросы, ранее не затрагивавшиеся в рамках изучения Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе: как проходила эвакуация еврейского населения, как местное еврейское и нееврейское население относилось к проводимой оккупантами политике, какую роль при этом играл исламский фактор? Кроме того, историк пытается проследить взаимосвязь между ходом военных операций и уничтожением евреев, а также определить масштаб сотрудничества солдат вермахта и айнзатцгруппы «Д».

Автор проанализировал период эвакуации из Крыма и Северного Кавказа до их оккупации немецкой армией (р. 53–109), охарактеризовав особенности этого процесса для еврейского населения полуострова. В силу его изоляции, предполагает Феферман, большинство жителей ничего не знало о преследовании евреев на уже оккупированных территориях (р. 60). Представители старшего поколения помнили о периоде Первой мировой войны и об оккупации Крыма в 1918 г. — тогда о немцах сформировалось впечатление, как о высококультурном и воспитанном народе, не способном унижать, а тем более уничтожать местное население.

Одни не хотели эвакуироваться из-за болезни кого-то из членов семьи (или беременности, как указывают некоторые источники), другие опасались, что если оставят свои дома, то их имущество достанется соседям. Перед сложной дилеммой оказались и смешанные

семьи, например, отец или мать, будучи евреями, не желали покидать свою семью, а эвакуироваться всем её членам не всегда представлялось возможным. Наконец, в силу географического положения полуострова чисто технически эвакуацию с него провести было трудно. Если до 24 сентября 1941 г. (войска вермахта захватили Перекопский перешеек) ещё можно было сделать это через континент, то после уже требовалось специальное разрешение для выезда морем.

Эвакуации евреев из сельской местности Феферман посвящает целый раздел одной из глав, но вопрос о еврейских совхозах, являвшихся одной из характерных черт предвоенного Крыма, раскрыт им лишь частично. Автор указывает только, что для советского правительства вывоз скота являлся более важным, нежели эвакуация колхозников евреев, в результате всего 30–40% их довоенного числа смогло покинуть полуостров (опять же неясно, откуда возникли именно эти цифры). Не совсем понятно также, чем отличались эвакуации евреев из совхозов и городов. В итоге рассматриваемая в разделе проблема представлена в виде разрозненных историй очевидцев тех событий, что не даёт читателю общей картины процесса эвакуации евреев.

На Северном Кавказе была иная ситуация. В отличие от Крыма, жители этого региона знали о близости немцев и могли более или менее запланировать свою эвакуацию. К тому же старшее поколение здесь не было свидетелем немецкой оккупации времён Первой мировой войны, поэтому люди понятия не имели о том, что такое оккупационная власть. Но от беженцев, прибывших из оккупированных областей (в основном с Украины), и солдат Красной армии они слышали о том, как немцы относились к евреям. Бюрократические и транспортные трудности также осложняли процесс эвакуации местного населения, но покинуть территорию Северного Кавказа, в отличие от полуострова, было легче.

Центральным вопросом монографии являются особенности Холокоста (р. 111–230). Помимо айнзатцгруппы «Д» в преследованиях и уничтожении евреев участвовали местные

и полевые комендатуры, полевая жандармерия, румынские войска и местная полиция. 11-я армия под командованием генерала Э. фон Манштейна, которая в сентябре 1941 г. оккупировала Крым, не только непосредственно участвовала в военных кампаниях вермахта. Немецкие солдаты разыскивали укрывавшихся коммунистов, воевали с партизанами и помогали уничтожать советских евреев.

Завоеванием и последующей оккупацией Северного Кавказа занималась немецкая армия под командованием генерал-фельдмаршала В. Листа. Официально регион находился под контролем военной администрации (фактически она обладала большей властью) и СС. Сразу после оккупации здесь было создано Высшее командование СС и полиции на Кавказе (Höhe SS- und Polizeiführer Kaukasien), полицейские части которого уничтожали евреев. В отличие от Крыма на Северном Кавказе, по мнению историка, оккупационные власти для осуществления своей карательной политики чаще привлекали коллаборационистов из числа местного населения (р. 490).

В крупных городах и населённых пунктах обоих регионов принимаемые в отношении еврейского населения меры были схожими: сначала следовал приказ об обязательной регистрации всех евреев, затем — о ношении шестиконечной звезды на одежде (для всех старше 16 лет). К ним добавлялись иногда оплата денежного взноса и выполнение тяжёлого принудительного труда (для людей 16–70 лет). Согласно источникам, на Северном Кавказе евреям был объявлен финансовый бойкот (запрет заниматься торговой деятельностью), а также издан приказ о закрытии всех еврейских магазинов, хотя смысл последней меры не очень ясен — частных магазинов в СССР давно не существовало.

Вспомогательную роль в этих процессах невольно играли еврейские советы. В период оккупации в Крыму их было создано четыре (в Евпатории, Симферополе, Севастополе и Ялте), а в Феодосии и Карасубазаре немцы назначали старост еврейских общин. На Северном Кавказе такие советы создали в городах, где проживали самые многочисленные еврейские общины: в Эссентуках, Кисловодске, Краснодаре и Ставрополе. Старосты

выполняли эти функции в Черкесске и Новороссийске. Старосты и члены этих советов должны были составлять списки евреев, отвечали за сбор денежных средств, отправляли людей на различные работы. В силу краткосрочности деятельности еврейских советов ни одному из них не удалось организовать на полуострове хоть какое-то сопротивление оккупационным властям. Это принципиально отличает еврейские советы на оккупированных советских территориях от аналогичных органов на Западе (правда, тоже не слишком успешных).

Гетто в Крыму (на Северном Кавказе их не было), находившиеся в Ялте, Джанкое и деревне Войковстат, просуществовали недолго, хотя евреев там уничтожили позднее, чем в остальных крымских населённых пунктах. За такой короткий срок местные жители, естественно, не смогли организовать даже минимальное сопротивление оккупантам.

Некоторые крымские города Красная армия отвоёвывала на короткий срок, что значительно уменьшало шансы для выживания еврейского населения. В Феодосии, Керчи и Севастополе оккупационные власти установили за евреями такой режим слежки и проверки, что скрыться, да и выжить им было практически невозможно. Ситуация усугублялась тем, что с ноября 1941 г. деятельность крымских партизан стала для немецкой армии серьёзной проблемой, поэтому оккупационное командование усилило меры контроля за населением. В городах регулярно проводились поиски людей, помогавших партизанам, проверялись документы (их получали только после регистрации со стороны оккупационных властей), был введён комендантский час (с 17 ч до 5 ч утра), ограничивавший перемещение местных жителей.

В книге фрагментарно представлен вопрос о судьбе евреев, состоявших к началу войны в смешанных браках. Исходя из единичных примеров показаний очевидцев, автор утверждает, что немцы не выработали единой линии поведения по отношению к таким семьям. Например, в Крыму имели место случаи, когда неевреям предоставлялся выбор — последовать за своей второй половиной и обречь себя на смерть или же остаться в живых, но

потерять семью. В начальный период оккупации немцы не всегда понимали, что делать с такими семьями, но на всякий случай регистрировали их, как и остальное еврейское население. Таким образом, позднее, когда было принято решение об уничтожении и этих семей, их легко находили.

Что же касается смешанных браков на Северном Кавказе, то немцы стремились убивать только евреев, оставляя жизнь их супругам нееврейского происхождения. Но иногда уничтожали и семьи целиком, т.е. при решении судьбы смешанных семей и их детей особое значение имел личностный фактор. Создаётся впечатление, что поведение оккупантов в отношении таких семей носило хаотичный характер, не подчинялось логике, но в это сложно поверить. Скорее всего, исследователю не удалось найти материал, который позволил бы проанализировать данную политику немцев.

Исходя из общей статистики, в Крыму в рассматриваемый период были уничтожены 30–35 тыс. евреев (р. 171), на Северном Кавказе – 35–45 тыс. (р. 230). Так, по мнению некоторых представителей немецкого верховного командования, можно было решить и проблему нехватки продовольствия и, как следствие, голода. Феферман, изучив ситуацию с наличием продовольствия в обоих регионах (р. 231–253), заявляет, что в начальный период оккупации у жителей Крыма было достаточно еды, потому что хаотичный характер эвакуации не позволил вывезти или уничтожить целиком продовольственные базы (р. 232–234). Это не относится к Керчи и Севастополю, где долгое время находилась Красная армия, к тому же эти города были опустошены в ходе военных действий. Анализируя отчёты оккупационных властей, историк констатирует: в отношении Крыма они использовали возникшую проблему в качестве мотива для начала уничтожения евреев, чтобы облегчить продовольственное положение остальной части населения (р. 239–240). Тем не менее даже тогда ситуация с питанием не улучшилась. Вместо того чтобы разрешать людям самим добывать еду в сельской

местности, немцы в целях собственной безопасности ограничивали свободу их передвижения.

Что касается Северного Кавказа, то в рапортах представителей его оккупационной власти (в отличие от Крыма и остальных захваченных территорий) никогда не указывалось на нехватку еды как на основной мотив уничтожения евреев.

Значительная часть работы Фефермана посвящена судьбе караимов, крымчаков в Крыму и горских евреев Кавказа (р. 255–308). Именно этот аспект, считает историк, был слабо исследован в историографии. Ещё до начала войны в Германии проводилось изучение «специальных еврейских групп» – их языка, религии, внешних отличий от «обычных» евреев. После долгих обсуждений (под руководством А. Розенберга) было принято решение их не уничтожать. Община караимов, проживавшая в начале войны в Крыму, являлась самой многочисленной в Восточной Европе. Можно сказать, что из всех «специальных еврейских групп» именно караимам «повезло» больше всего. Они не только избежали участи основной части евреев полуострова, но многие из них активно работали при оккупационном режиме в местных администрациях или полиции. Если они и испытывали притеснения со стороны немецких властей, то не больше, чем остальное гражданское население, состоявшее в годы войны преимущественно из русских. Тюркские корни караимов и схожесть с крымскими татарами позволили им выжить в период оккупации Крыма.

Крымчакам, в отличие от караимов, повезло меньше, и большинство их было уничтожено вместе с остальной частью крымских евреев. По подсчётам Фефермана, погибли 5,5 тыс. крымчаков, т.е. более 70% их довоенного числа (р. 291).

Автор пишет о том, как происходило обсуждение вопроса о судьбе этих групп населения, однако не поясняет, чем при этом руководствовались оккупационные власти. Также не дана общая характеристика караимов и крымчаков, не представлены различия между ними, не объяснён ключевой момент – разница между иудаизмом талмудического и караимского образцов. Последний вопрос отражён вскользь, исходя исключительно из нацистских документов.

Оккупационная политика в отношении горских евреев Северного Кавказа была менее определённой. Из Берлина не получили приказа, касавшегося их судьбы, поэтому фактор осведомлённости в данном вопросе конкретного карателя играл немаловажную роль. Члены айнзатцгруппы «Д» знали о необходимости «быть внимательными» к «специальным еврейским группам», однако отличить одних от других было сложно, отчего возникало замешательство на местах. В начальный период оккупации немцы, не видевшие различий между разными группами еврейского населения, в деревнях Северного Кавказа уничтожили наряду с остальными евреями и горских, но в городах их «не трогали». Таким образом, оккупанты убивали горских евреев лишь в том случае, если принимали за «обычных», утверждает Феферман, цитируя один из немецких документов (р. 303). Однако непонятно, как можно было вообще визуально отличить караимов, крымчаков и горских евреев друг от друга и от обычного еврейского населения? Видимо, оккупационные власти просто не знали, что делать с этими группами. Ожидая официальный ответ, они решали этот вопрос по-разному, в зависимости от обстановки на местах.

Особенностью Холокоста в Советском Союзе являлось относительно быстрое — чаще всего в течение месяца после прихода немцев — уничтожение евреев. Естественно, они не могли оказать оккупантам хоть сколько-нибудь действенное сопротивление, тем не менее имели несколько стратегий выживания. Многие евреи начинали их продумывать, пишет Феферман, ещё с момента появления первых слухов о готовившихся против них акциях (р. 309–376). Кому-то удавалось уйти в лес и пополнить ряды партизан, кого-то укрывали соседи или знакомые. Одни доставали поддельные документы, другие пытались «притвориться» татарами или греками. Были и те, кто принимали христианство, чтобы скрыть еврейское происхождение. В целом проживавшие или скрывавшиеся в сельской местности евреи имели больше шансов выжить, потому что им удавалось укрыться от регулярных облав, проводившихся немцами в крупных городах. В отличие от Крыма, где

уход в партизанские отряды был одной из возможностей спастись от смерти, на Северном Кавказе партизанское движение активизировалось только после уничтожения основной массы еврейского населения.

Последняя часть монографии посвящена проблеме отношения местного нееврейского населения к Холокосту (р. 377–459). Проанализировав немецкие и советские источники, Феферман пришёл к выводу: крымские татары, рекрутировавшиеся в части вермахта, непосредственно не участвовали в преследованиях евреев в Крыму (р. 409). Однако из крымских татар создавали другие части, которые должны были не только бороться с партизанами, но и помогать членам айнзатцгруппы «Д» в поимке нарушителей оккупационного режима. Согласно судебным делам, заведённым против бывших коллаборационистов, крымских татар использовали для захоронения трупов, проверки документов, а также для охраны лагерей, основанных немцами в Крыму (р. 410–411). Но это не значит, что коллаборационисты из числа русских, украинцев и представителей других национальностей не имели отношения к Холокосту. На его подготовительных этапах они участвовали в проверке документов, собирали информацию об укрывавшихся евреях, сопровождали их к местам расстрелов и проч. Коллаборационистов из числа местного населения массово не привлекали к расстрелам евреев, по крайней мере, документы, которые бы это подтверждали, не обнаружены.

Среди нееврейского населения Северного Кавказа лишь казаки приветствовали оккупантов. Более того, около 11 тыс. казаков вступили в ряды немецкой армии. Некоторые из них доносили на евреев и сыграли значительную роль в осуществлении Холокоста в регионе. Вместе с тем иногда казаки помогали им и спасали от смерти. На Северном Кавказе были сформированы специальные «татарские» или «казацкие» части, которые состояли из крымских татар, армян, грузин и действовали под прямым контролем айнзатцгруппы «Д». Данные подразделения непосредственно участвовали как в поисках и арестах евреев, так и в их расстрелах или уничтожении в душегубках (принципиальное отличие Холокоста на Северном Кавказе).

Наконец, важный фактор, косвенно отразившийся на положении еврейского населения оккупированных советских территорий, — особая политика немцев в отношении мусульманских народов. Большинство их проживало именно в Крыму и на Северном Кавказе. Ещё до войны с СССР представители немецкого командования спорили о том, на какую группу советского населения в качестве потенциальных союзников следовало сделать больший акцент. Окончательный выбор пал на мусульман, которые из-за гонений на их религию в 1930-е гг. испытывали неприязнь к большевистскому режиму и потенциально могли поддержать немцев. Оккупационные власти вновь открыли мечети, сделали пятницу выходным для мусульман днём, разрешили им издавать газету и транслировать новости по радио, в том числе на крымско-татарском языке и т.д. Сложно сказать, на какую группу мусульман — крымскую или кавказскую — сильнее повлияла такая политика немцев. Феферман считает, что в Крыму она нашла больший отклик в силу того, что начавшаяся в сентябре 1941 г. оккупация длилась там два с половиной года, на Кавказе (с середины 1942 г.) — всего пять месяцев (р. 483–484).

Таким образом, несмотря на ряд схожих вначале факторов, между Крымом и Северным Кавказом имелись существенные отличия, повлиявшие на характер и результат проводившейся оккупантами политики уничтожения евреев. В Крыму у них было меньше шансов спастись, так как в силу географического положения бежать оттуда было просто не на чем. К тому же в течение продолжительного оккупационного периода немцы постоянно «прочёсывали» полуостров в поисках спасшихся евреев. На Кавказе айнзатцгруппа «Д» физически не смогла уничтожить еврейское население в силу его малочисленности и больших шансов скрыться на просторах северокавказских территорий.

В обоих регионах представители еврейской национальности скрывались в заброшенных местах и лишь в крайних случаях обращались за помощью к местному населению. В Крыму из-за постоянных облав и бесконечных проверок поиск фальшивых документов стал основной стратегией выживания для евреев, а на Кавказе можно было выжить и без этого — «проверки» стали регулярными лишь

на последнем этапе оккупации. Известно, что в целом население Крыма (в отличие от Кавказа) симпатизировало советской власти, и традиционно с ней ассоциировавшимся евреям местные жители сочувствовали больше.

Беспорным достоинством работы является привлечение Феферманом различных видов источников: от воспоминаний очевидцев событий до официальных отчётов айнзатцгруппы «Д». Автор опирается на документы российских, американских, немецких и израильских архивов. Особую ценность представляют судебные дела (против бывших коллаборационистов), с которыми автору удалось поработать в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне. Данный вид источника, недавно используемый исследователями, и в отношении истории как Холокоста, так и оккупации СССР является уникальным, поскольку позволяет выявить ранее неизвестные места уничтожения еврейского населения⁷.

Огромную работу провёл Феферман и в области систематизации данных, касающихся политики насилия в отношении еврейского населения. В качестве приложения он представил таблицы, в которых дана информация обо всех известных местах уничтожения евреев, датах их расстрелов и количестве убитых, а также о помощи оккупантам со стороны местного населения и румынских солдат (р. 501–525).

Однако отмечу, что повествование автора часто сводится лишь к перечислению фактов, имевших место в рассматриваемых регионах. Особый вопрос вызывает представленная им статистика, связанная с Советским Союзом периода Второй мировой войны, которую очень сложно отследить и систематизировать. Например, исследователь пишет, что из Крыма до оккупации эвакуировалось 25–35 тыс. евреев. Откуда взяты эти показатели, он не объясняет. Официальную статистику по непонятным причинам он подвергает сомнению. К тому же разница в 10 тыс. человек в отношении Крыма довольно существенна, поэтому все названные автором цифры являются приблизительными и, на мой взгляд, подлежат перепроверке.

Феферман, характеризуя отношение местного населения к проводившейся оккупантами политике, ссылается на отчёты айнзатцгруппы «Д», которым, по-видимому, не стоит безоговорочно верить. В отношении населения Крыма большая их часть содержала информацию об антисемитских настроениях крымских татар и их массовой поддержке оккупационных властей. Критически должны быть рассмотрены также источники, появившиеся до 1990-х гг. и содержащие установки, характерные для господствовавшей тогда идеологии. В частности речь идёт о книге И.А. Козлова (руководителя подпольной организации во время первой оккупации Керчи, после 1943 г. секретаря симферопольского подпольного горкома партии)⁸, содержание которой неоднократно обсуждалось в Академии наук СССР. В числе прочего, в свете проводимой послевоенной политики на полуострове автору советовали ярче подчеркнуть предательскую роль крымско-татарского населения⁹.

Также вызывают вопросы высказывания исследователя о том, что смертность советских военнопленных в Крыму была ниже в силу тёплого климата (р. 167–169). Безусловно, это не является доказательством того, что люди в местных фашистских лагерях менее страдали и умирали в меньшем количестве, чем в Центральной России. В интервью с бывшими военнопленными крымских лагерей имеются многочисленные свидетельства о том, как в жару, на открытом воздухе страдали заключённые¹⁰. Кроме того, в материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков содержатся сведения, касающиеся условий содержания советских военнопленных. Так, в одном из лагерей в Ичкинском районе Крыма они круглосуточно находились под открытым небом, а в качестве еды получали прелое просо без соли, сваренное в цистерне из-под мазута. Местному населению было запрещено передавать пленным какую-либо еду, и они умирали от голода, холода и болезней¹¹.

Следует отметить, что многие важные для рассматриваемой темы проблемы освещены

автором фрагментарно и хаотично, а некоторые его выводы основаны лишь на одной–двух цитатах, взятых из воспоминаний очевидцев (иногда из интервью, состоявшихся позднее произошедших событий). Тем не менее К. Феферман, вводя в научный оборот новые источники, подробно представил ряд сюжетов, которые ранее лишь затрагивались исследователями (судьба караимов и крымчаков в годы нацистской оккупации, политика эвакуации из Крыма и Северного Кавказа, коллаборационизм местного населения). Кроме того, автор показал различия Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе, чего ранее в историографии сделано не было.

Примечания

¹ *Kunz N.* Die Krim unter deutscher Herrschaft 1941–1944: Germanisierungstypie und Besatzungsrealität. Darmstadt, 2005.

² *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003.

³ *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008; *Oldenburg M.* Ideologie und militärisches Kalkül: Die Besatzungspolitik der Wehrmacht in der Sowjetunion 1942. Köln, 2005.

⁴ *Арад И.* Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). Днепропетровск; М., 2007.

⁵ *Альтман И.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002; Холокост на территории СССР. Энциклопедия / Под ред. И.А. Альтмана. М., 2009.

⁶ *Тяглый М.* Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова (1941–1944). Симферополь, 2005.

⁷ Подробнее о судах над коллаборационистами см.: *Penter T.* Collaborators on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators // *Slavic Review*. Vol. 64. 2005. № 4. P. 782–791.

⁸ *Козлов И.* В Крымском подполье. М., 1948.

⁹ Архив ИРИ РАН, ф. 2, оп. 13, л. 20, л. 6.

¹⁰ Там же, оп. 10, л. 2, л. 7 об.

¹¹ ГА РФ, ф. Р-7021, оп. 9, д. 37, л. 43 об.

Мемуары профессора пореформенного времени*

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Memoirs of a reform-era professor

Воспоминания историков представляют особый интерес, и прежде всего — для самих историков. Человек, профессионально изучающий прошлое, привычно (пусть и не всегда удачно) вписывающий любое событие в контекст минувших столетий, как правило, остро ощущает и течение «своего» времени. Тем более если это время стремительных перемен во всех сферах общественной, научной, да и просто повседневной жизни, с которыми сталкивается молодой, кипучий учёный, с головой погружающийся не только в академические штудии и античных авторов, но и в злободневную публицистику, университетские конфликты, споры о судьбах русской школы и образования, а осмысливается это через одно-два десятилетия (в 1883–1885 гг.), когда впечатления ещё довольно свежи, дистанция покуда не мешает различать детали, но она уже достаточно велика и позволяет передать динамику и масштаб пережитого. Именно таковы мемуары профессора римской словесности Василия Ивановича Модестова (1839–1907), собранные и подготовленные к печати коллективом исследователей, глубоко знающих особенности университетов пореформенной России. В составлении книги и комментировании текстов приняли участие доктор наук А.Е. Иванов, А.И. Любжин и В.С. Шандра. Их работу нельзя не признать примером успешного сотрудничества московских и киевских историков.

Собственно воспоминания Модестова публиковались ещё при его жизни в различных журналах (с. 13), доступных теперь не только в библиотеках, но и в Сети. Однако в разрозненном виде эти очерки как-то затерялись в историографии и почти не привлекали к себе внимания специалистов. Сейчас, когда они собраны воедино и дополнены ранее не

издававшимися письмами В.И. Модестова к В.С. Иконникову, А.Ф. Кистяковскому, И.В. Лучицкому, выявленными В.С. Шандрой в Институте рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В.И. Вернадского, читатели должны оценить их по достоинству.

Модестов принадлежал к поколению профессоров-шестидесятников, начинавших свою деятельность непосредственно после введения университетского устава 1863 г. Уникальность его воспоминаний, помимо прочего, связана и с тем, что во второй половине 1860-х гг. он побывал на кафедрах в трёх провинциальных университетах, находившихся в разных частях империи и разительно отличавшихся своей историей и атмосферой. Едва защитив в 1864 г. в Петербурге магистерскую диссертацию о сочинениях Тацита, он становится доцентом только что учреждённого в Одессе в 1865 г. Новороссийского университета, но уже осенью 1867 г., женившись, переезжает в Казань, поскольку «прибавка в 800 рублей к моему доцентскому жалованью сделалась для меня драгоценною» (с. 44). Летом 1869 г. вновь переезд, на этот раз в Киевский Университет св. Владимира, где Василий Иванович, уже получивший докторскую степень, выбран ординарным профессором (через два дня после избрания на эту же должность в Казани). Семь лет спустя, в сентябре 1876 г., Модестов «выехал из Киева с пламенным желанием никогда более туда не возвращаться» (с. 98). С конца 1870-х гг., обосновавшись в Петербурге на посту профессора духовной академии, он превращается в заметную фигуру в либеральном кружке, образовавшемся вокруг редакции газеты «Голос» (В.А. Бильбасов, А.Д. Градовский), и втягивается в борьбу с М.Н. Катковым и министром народного

* Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма. М.: Принципиум, 2014. 416 с.

просвещения гр. Д.А. Толстым, являвшимся одновременно обер-прокурором Святейшего Синода. После серии критических статей о постановке классического образования в России Модестову предложили (буквально за несколько недель до отставки самого гр. Толстого) покинуть государственную службу, угрожая уволить без прошения. В 1883 г. гр. Толстой, возглавивший МВД, прекратил издание «Голоса». Характерно, что вернуться на кафедру Модестов смог только в 1889 г., когда граф скончался. В 1893 г. Василий Иванович завершил свою педагогическую деятельность там же, где начал – в Одессе, после чего сосредоточился на сугубо научных изысканиях (с. 367–368).

В воспоминаниях Модестова прежде всего бросаются в глаза огромные пространства империи и удалённость различных её частей друг от друга. Так, в середине 1860-х гг. «наиболее комфортабельным путём из Петербурга в Одессу был путь через Варшаву и Вену» – по Дунаю и Чёрному морю или же через Лемберг и Кишинёв. Проезд по российской территории (через Варшаву или Москву на Киев или даже через Нижний Новгород на Царицын и Ростов) занимал больше времени и был гораздо утомительнее (с. 21–25). Осенью 1867 г. железная дорога «дальше Тулы к югу не простиралась» (с. 44). Впрочем, уже летом 1869 г. по ней можно было проехать от Нижнего Новгорода практически до самого Киева (с. 55).

И всё же эта обширная и бедная коммуникациями территория, со множеством региональных отличий, оказывалась связанной единой интеллектуальной средой и прочными нитями государственной службы, которые делали возможными и успешными подобные перемещения молодого доцента, чуть ли не в дороге становящегося профессором. Сказывалась и цивилизационная близость. «Казань, при въезде в неё, показалась мне хорошим провинциальным русским городом московского типа, – отмечал Модестов. – Этому впечатлению не мешала её татарская часть, которая составляет лишь предместье города и может быть рассматриваема как отдельное целое» (с. 45). Довольно неуживчивый мемуарист, который едва переносил

этот «русско-провинциальный облик», «всегда любил Петербург и с трудом представлял себе возможность для человека, знакомого с удобствами европейского города, жить в России вне столицы нашего государства» (с. 21), одинаково легко вписывался в состав «университетской корпорации» и в Одессе, где она только возникла, и в Казани, где у неё уже сложились крепкие традиции.

Тяжелее всего ему пришлось в Киеве. «Я чувствовал, – вспоминал Модестов, – что попал в новую атмосферу, до тех пор нигде мне в России не встречавшуюся». Прежде всего «Киев являлся не только административным центром, но и политическим», и «в нём шла, хотя глухая, но заметная для внимательного наблюдателя политическая борьба национальностей». Вместе с тем «в нём живее проявлялось и умственное движение: чувствовалось в городе присутствие не только университета, но и духовной академии, высшего учебного заведения с богатым прошлым и умственными силами далеко не последнего разбора». Любопытно, что об этом говорится в ходе сопоставления Киева с Казанью, «где климат так суров и жизнь так скучна», хотя и там имелась духовная академия (о чём в мемуарах не упоминается). Но на Волге Василий Иванович прожил недолго, а на Днепре пять лет совмещал преподавание в университете и академии и мог их сравнивать. Кроме того, по словам Модестова, «заметна была также умственная деятельность и вне академии и университета – между учителями гимназий, кадетского корпуса и семинарии, в археографической комиссии; видно было, что в городе есть и неофициальные учёные, есть любители местной истории, археологии, и притом люди, для которых наука была важна не только сама по себе, но и как орудие борьбы за свою народность, за сохранение её особенностей» (с. 55–57).

При этом, как отмечал мемуарист, «Киев – город, где сталкиваются различные этнографические особенности, но так, что ни одна из них не может получить преобладающего значения»: «Если одна из них сильнее численно, то другая сильнее культурой, третья поддержкой администрации, четвёртая капиталом и т.д. Поэтому ни одна из этих этнографических разновидностей не считает себя

окончательно побеждённую и продолжает стремиться к борьбе за преобладание. С малых лет здесь человек, окружённый чуждыми элементами, приучается к вражде, ненависти и интриге. Малоросс ненавидит поляка, поляк ненавидит малоросса, оба ненавидят немца и еврея и чувствуют нерасположение к москалю, или кацапу. Вообще в подобных городах, стоящих на границе разных национальностей, население не отличается миролюбивым характером и всегда бывает значительно деморализовано. С врагами, как известно, люди не церемонятся, а житейские приёмы, выработанные для борьбы с враждебными элементами, легко переносятся и во всякую другую сферу деятельности» (с. 60).

Однако всё это производило по меньшей мере двойственное впечатление. Естественно возникало ощущение, «что там живут другие люди, господствуют другие нравы» и «там уроженец северной или средней России не может чувствовать себя вполне дома» (с. 55). Но в то же время это не столько вызывало отчуждение, сколько «интриговало, занимало, подстрекало к более живой деятельности» (с. 57). Сказывалось и особое обаяние древности. «Смотря на Киев, на эти господствующие над Днепром горы, на эти церкви, пережившие многие периоды русской истории, на эти места, освящённые преданием и соединённые воспоминаниями о самых первых временах истории нашего народа», Модестов «буквально упивался новыми и крайне приятными для меня впечатлениями» и «говорил себе: вот город, в котором стоит жить!» (с. 56). Впоследствии он признавался, что «горделивость киевлян историческим значением своего города разом пробудила во мне новгородское сознание, до тех пор совершенно дремавшее»: «Тут мне в первый раз в жизни показалось, что в моём новгородском происхождении есть нечто, так сказать, привилегированное, нечто такое, чего нет, например, у симбирца, самарца, калужанина и даже, пожалуй, москвича, что киевляне могут импонировать своими преданиями кому-нибудь другому, а не мне, кровному сыну земли Великого Новгорода, и что основывающийся на особом ходе истории юго-западной Руси некоторого рода малороссийский сепаратизм может заявлять о себе с бесцеремонностью перед уроженцами центральной или восточной России, чуждой автономических

преданий, а не перед теми, чья родина имела историю, которая стоит за себя не только перед историей Малороссии, но и перед всякой другой областной историей в Европе» (с. 58).

Собственно к украинофильству Модестов относился с почти не скрываемым пренебрежением. Этому, вероятно, способствовало и то, что в феврале 1869 г., через полгода после переезда в Киев, ему пришлось вместе с В.А. Бильбасовым, И.В. Лучицким и др. доказывать на публичном диспуте «крайнюю учёную несостоятельность» М.П. Драгоманова и его магистерской диссертации «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит» (с. 68–72). Когда же по возвращении Драгоманова из заграничной командировки осенью 1873 г. «стало заметно в Киеве необычайное украинофильское движение», а «в среде профессоров начались препирательства» из-за «пользы и основательности» данного идейного течения, Модестов «не скрывал своего взгляда на всю эту игру в малороссийские гении и их грошовую литературу, смеялся над политическими, иногда очень далеко хватавшими мечтаниями и прямо говорил своим приятелям из этого лагеря, что нелепее поднятого украинофилами движения не знает всемирная история» (с. 86–87).

В письмах к Кистяковскому Модестов выразил своё отношение к украинофильству более обстоятельно. Ещё 12 декабря 1881 г. Василий Иванович упомянул об их давних разногласиях «в вопросе, так сказать, малороссийского сепаратизма, выдуманного – поверьте мне! не только врагами русского государства, но и русского прогресса» (с. 307). 16 августа 1882 г. публицист, принадлежавший тогда к либеральной оппозиции, рассуждал: «Я в этих вопросах ставлю на первый план государственную точку зрения, которой, как она ни кажется некоторым отсталою, никогда не следует упускать из внимания. Русское государство для меня это вопрос не только прошедшего и настоящего, но и будущего, будущего не только нашего или славянского, но и всемирного. С этой точки зрения я и отношусь к малороссийскому или к украинскому вопросу. Мне думается, что такого вопроса и существовать не должно: он создан искусственно, благодаря общей неурядице в нашей политической и общественной жизни. Я не

признаю малороссов отдельным народом ни в этнографическом, ни в политическом, ни в литературном отношении. *Народа* малороссийского, по-моему, нет: есть лишь часть народа русского на Юго-Западе, на Юге и на Юго-Востоке России, говорящая южным наречием великого языка русского, как есть часть народа русского, живущая в северных губерниях России и говорящая северным наречием. Ни та, ни другая часть не составляет тело и не может никогда его составить, как не может его составить и так называемая Белоруссия, хотя и существует отдельное белорусское наречие» (с. 320–321).

Модестов решительно утверждал, что «никакой племенной ненависти между великими малорусскими нет» и «она развивается искусственно в интеллигентских кружках, да и то у одних малоруссов: у великоруссов же нет решительно и мысли о тех неприязненных отношениях к своим южным соседям, какие *стараяются* развить к великоруссам малороссийские литераторы». У него не было сомнений в том, что «масса южнорусского населения, несомненно, совершенно чужда и чувствам, и стремлениям, вскармливаемым по преимуществу в Киевском университете». «Повторяю, — настаивал Василий Иванович, — племенной ненависти между нами и малоруссами не существует, не существовало и не может существовать, так как тут нет отдельных племён, которые могли бы одно другое ненавидеть, а ненависть эта выдумывается в Киеве, в Варшаве, в Кракове, во Львове, по понятным соображениям» (с. 321).

В то же время либеральный публицист приветствовал то, что «малороссы дорожат своими племенными особенностями и хотят сохранить свой язык, предания, отдельные черты». «Чем более будет разнообразия в единстве, тем лучше и для частей, и для целого», — полагал он, критически отзываясь о «глупой политике», при которой «власти наши запрещают концерты из малороссийских музыкальных пьес» (с. 321–322). «Мой принцип в политике таков, — заявлял Василий Иванович, — та политика хороша, которая стремится к сближению, к единению, к соглашению, а не та, которая ищет разделения, разногласия, отделения. Украинofilы держатся этой последней политики. Я её глубоко осуждаю, и когда придётся, буду всегда бороться против неё. Эта

политика может принести пользу только нашим врагам — полякам, немцам и т.д., но уже никак не самим украинofilам и украинским мужикам» (с. 322).

Соответственно Модестов высказывался за полную свободу развития украинской письменности («смотреть на попытки к созданию малороссийской литературы как на политическую опасность может только российская бюрократия нашего печального времени») и одновременно требовал, чтобы в школах, за исключением «начальных училищ», использовался «не местный, деревенский», а только «общий язык всей страны, язык литературный и государственный» (с. 323). Противоречия в этой позиции он явно не усматривал. Более того, он был убеждён в том, что «таков должен быть взгляд русского образованного человека, стоящего на государственной, а не на поэтической или какой-нибудь подобной точке зрения»: «Прежде всего, Россия и русское государство (разумеется, благоустроенное и в полном смысле слова культурное), а затем уже малороссийский язык с его поэзией и малороссийский быт с его волами, салом и варениками. Одно другому не мешает, но нужно, чтобы второстепенное и третьестепенное не выставлялось как первостепенное, нужно, чтобы местная точка зрения не господствовала в политике над общею» (с. 324).

В следующем письме, 1 сентября 1882 г., русский либерал давал украинofilам безжалостную характеристику: «Перебирая в уме лиц, которых я знал в Киеве или видел в других местах, как представителей украинofilской партии, я почти ни в ком из них не вижу ни значительного ума, ни твёрдого характера, ни доброты, ни честности... У этих людей нет ни широты взгляда на задачи народной жизни, ни ясного политического смысла; но зато у них много самолюбия, много ненависти к людям другого прихода, много зависти к уму и таланту в людях не их шайки» (с. 327).

В подобных оценках явно выражался опыт столкновений, происходивших в Киевском университете в 1870-е гг. «Борьба, — вспоминал Модестов в середине 1880-х гг., — это — стихия каждого киевского жителя, имеющего какую-либо физиономию, а тамошняя университетская атмосфера до такой степени накалена ею, что нет и не может быть лица, принадлежащего к университету, которое бы так

или иначе не становилось деятелем борьбы или её жертвою» (с. 60). Друг другу противостояли «две партии» — «немецкая и местная (иначе малороссийская или украинофильская)». «Названия эти не точны, — пояснял мемуарист, — ибо, с одной стороны, к немецкой партии всегда принадлежало немалое количество русских, а с другой — местная партия далеко не включает в себя всех членов местного происхождения, так как многие из сынов Украины стоят по разным, более, впрочем, корыстным, чем бескорыстным, соображениям на стороне её противников» (с. 64). «Немецкая партия», «главные силы которой принадлежали медицинскому факультету», добивалась успеха благодаря «такту, ловкости и общественному значению в городе своих предводителей, единству и дисциплине своих членов». И поэтому «местная, или малороссийская, партия, обыкновенно небогатая ни умственными силами, ни дисциплиной своих членов, партия, принимающая по временам резко украинофильский характер, нередко в значительной степени поддерживается людьми, не имеющими никакой особенной связи с Киевом и ничего общего с украинофильством, но считающими необходимым пользоваться её услугами, чтобы сдерживать влияние немецкой партии». Именно «эта третья категория киевских профессоров, не составляющая никакой партии» и включавшая преимущественно «бывших воспитанников других русских университетов», и обеспечивала перевес той или иной стороне (с. 64–65).

Но каждая из этих групп преследовала исключительно личные цели, нередко действуя «вопреки всякой справедливости, а прямо в ущерб интересам университета». Ещё в начале 1870-х гг. Модестов констатировал, что «в Университете св. Владимира в решениях большинства профессоров интересы науки и преподавания играют наименьшую роль, а всё, напротив, отдаётся в жертву интриге» (с. 76). А «до какой ожесточённости могут доходить университетские столкновения, это ни один университет не показал в такой степени, как киевский» (с. 61).

Мемуары Модестова ярко показывают целую вереницу конфликтов, возникавших в условиях предоставленной университетам в 1863 г. автономии. Все они в большей или меньшей степени свидетельствовали о том,

что профессорам редко удавалось наладить конструктивные отношения в собственном кругу и поддерживать порядок среди студентов. Характерно, что об этом писал не сторонник «Московских ведомостей», а либеральный сотрудник «Голоса». Неудивительно, что ещё в 1873 г. он счёл «весьма рациональными» «некоторые мысли» Н.А. Любимова, выступившего с критикой устава 1863 г. (с. 298–299). Не менее любопытно, что, по словам Модестова, в начале 1880-х гг. Бильбасов и Градовский вполне разделяли его мнение об университетских порядках, но предпочитали «умалчивать об их недостатках» (с. 310–311).

Так или иначе, воспоминания Модестова убеждают в том, что проблемы, с которыми сталкивались русские университеты пореформенного времени, отнюдь не сводились к различию «либеральных» и «консервативных» («прогрессивных» и «реакционных») идей или же к спорам их последователей. Личного, «партийного», корпоративного и регионального в них могло оказаться значительно больше, чем специфически идеологического. И едва ли возможно объяснить их, как это делают публикаторы, тем, что «полицейско-охранительная система самодержавия искорёжила души этих представителей учёного сословия, превратив последних в своекорыстных, рептильных чиновников» (с. 12). Описанные Модестовым эпизоды заставляют усомниться и в категоричной оценке устава 1884 г. как «контрреформенной катастрофы российских университетов» (с. 12). Издержки отменённой тогда автономии были всё же слишком велики.

Вместе с тем книга помогает понять, как русские профессора второй половины XIX в. воспринимали не только отечественные, но и европейские реалии. «Заграничные воспоминания» Модестова передают и обобщают его впечатления от научных командировок и путешествий 1860–1880-х гг. по Германии, Италии и Франции (с. 101–180). При этом нельзя не заметить, что для мемуариста Россия и Европа, при всех их различиях, составляли некое единое пространство. Так, Казань представлялась ему «тогда как бы Ultima Thule образованного мира», где действовал «самый восточный университет в Старом свете», «находящийся, так сказать, на границах Европы с Азией» (с. 43, 53). Но и там молодого доцента

встречала «вполне сложившаяся, академическая жизнь, какую я находил в провинциальных германских университетах, но до которой ещё далеко было Одессе» (с. 47).

Свои «заграничные» наблюдения Модестов излагал, не придерживаясь строго хронологической последовательности событий. Но данную книгу вообще лучше читать не подряд. Поскольку воспоминания Василия Ивановича представляют собой не единый текст с общим замыслом, а ряд самостоятельных очерков, составители расположили их по степени значимости – в начале те, в которых рассказывается о его преподавании в Одессе, Казани и Киеве, затем – о поездках в Европу, далее помещены несколько биографических зарисовок, письма и приложения. Однако если читатель захочет проследить жизненный путь автора, то чтение нужно начать со статей о Н.М. Благовещенском, Н.А. Добролюбов и В.Г. Васильевском (с. 183–256). В них раскрывается обстановка конца 1850-х – начала 1860-х гг., атмосфера Главного педагогического института и Петербургского университета. После этого имеет смысл познакомиться с «Заграничными воспоминаниями» и тогда уже погружаться в профессорские истории 1865–1877 гг. Особый интерес, безусловно, вызывают 44 письма Модестова, которые отчасти позволяют сравнить суждения 1870-х гг. с позднейшими мемуарными оценками, а отчасти освещают петербургский период его деятельности. Вполне оправданно и решение публикаторов напечатать в виде приложения к основному тексту вступительную лекцию по римской словесности, прочитанную Модестовым в Киеве 18 сентября 1869 г., его статью «Будущее средней школы, классицизм и учителя», впервые вышедшую в «Голосе» 2 августа 1880 г., и некролог, написанный И.В. Цветаевым и удачно дополняющий предисловие составителей.

Но насколько бы ценной ни была данная публикация воспоминаний и писем Модестова, видимо, в наше время ни одно издание не обходится без тех или иных небольших курьёзов. Так, в рассказе об Одессе в 1865 г. мемуаристом упоминаются «доценты Леонтович и Вольский, из которых первый уже заявил себя до этого времени дельными работами из истории русского права (“Литовский статут”», а последний большим трудом по политической экономии (“Об обработке земли

крестьянами собственниками”))» (с. 28). К этим словам без каких-либо пояснений даны две сноски: «Леонтович Ф.И. Древнее хорватско-деламатское законодательство. Одесса, 1868» (досадная опечатка в слове «хорвато-далматская» на совести издательского корректора) и «Вольский М.М. Рабская обработка земли. Одесса, 1869». Почему комментаторы решили указать именно эти работы, написанные в иное время и на другую тему, сказать трудно. Модестов же явно имел в виду серию статей Леонтовича «Русская правда и Литовский статут в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права»¹, а также, возможно, его «рассуждение *pro venia legendi*», названное «Крестьяне Юго-западной России по литовскому праву XV и XVI столетий» и опубликованное в Киеве в 1863 г., и книгу Вольского «Историческое и народно-хозяйственное значение обработки крестьянами-собственниками» (М., 1865).

В довольно просторном комментарии о М.Л. Магницком и его деятельности на посту попечителя Казанского учебного округа (с. 53–54) публикаторы ссылаются исключительно на обзорную работу М.К. Корбута «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет», вышедшую в Казани в 1930 г. и проникнутую вполне определённым отношением к царизму, его политике и слугам. Можно только сожалеть о том, что при этом не учтены более современные работы, в которых данный сюжет рассмотрен гораздо более подробно и взвешенно².

11 июня 1872 г. Модестов иронично спрашивал в письме Иконникова, «не дали ль Линниченко Андреевской ленты?». По словам комментаторов, ирония объяснялась тем, что действительному статскому советнику Линниченко «оставалось только получить орден Св. Андрея Первозванного, который считался в России самым престижным» (с. 286). Между тем действительный статский советник мог быть награждён этим орденом примерно с такой же вероятностью, как действительный студент занять профессорскую кафедру. Собственно в этом и заключалась шутка.

В письме Модестова к Иконникову, датированном 16–18 октября 1872 г., по мнению комментаторов, «речь идёт о настиплении министра народного просвещения

Д.А. Толстого на демократические принципы университетского устава 1863 г. и о намерении организовать его переосмотр». Между тем «киевские профессора, как и профессора других университетов, не спешили осуждать устав 1863 г. и при обсуждении министерского проекта предлагали к рассмотрению второстепенные вопросы» (с. 290). Действительно, как и писал Модестов, «относительно перемены устава комиссия составила ответ в таком смысле, что нужно увеличить хоть пенсию, если нельзя в то же время увеличить и жалованья». Факультет хотел ещё «прибавить жалованья профессору педагогики», но по настоянию Модестова «ответ был изменён на более приличный» (с. 290–291). При этом всё «наступление» гр. Толстого «на демократические принципы» сводилось к рассылке циркуляра, в котором советам университетов предлагалось представить свои соображения о желательных изменениях в уставе³. Никакого «министерского проекта» ещё не существовало, его подготовка, в том числе и вследствие позиции профессуры, затянулась до конца 1870-х гг. Об этом тем более следовало упомянуть, поскольку 22 октября Модестов отметил: «До сих пор упорно держится слух о том, что реформа университетского устава собственно уже готова и лежит в портфеле министра и что запрос университетов сделан только для блезиру» (с. 291).

27 октября 1876 г. Модестов сообщал из столицы Лучицкому: «Петербург живёт ещё военным вопросом: в мир не верят. Приготовления к войне продолжают». Как отмечают комментаторы, «имеется в виду подготовка к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Рейхштадтское соглашение, подписанное 26 июня 1876 г.» (с. 301). Но откуда киевский профессор мог узнать о личных договорённостях Александра II с Францем Иосифом, державшихся тогда в строжайшем секрете и, как известно, не «подписывавшихся», а сохранившихся в двух существенно различавшихся записях, сделанных русскими и австрийскими дипломатами? А вот «перемирие», о неожиданности которого писал Модестов, не комментируется вовсе, как и рассуждения о том, «до какой степени война считалась в правительственных кругах делом решённым» (с. 301).

Отсутствует и комментарий о Деляновской комиссии и роли в её деятельности А.И. Георгиевского, особенно раздражавшего Модестова (с. 301–302).

Комментируя возобновление в январе 1882 г. выхода «Голоса», выпуск которого ранее был приостановлен на полгода цензурой, и появившиеся в первом номере материалы, публикаторы отмечают: «Действительно, благодаря статьям А.Д. Градовского, В.И. Модестова и других “Голос” вступил в борьбу с охранителями и противопоставил идее “твёрдой власти” Д.А. Толстого требование “правового порядка”. Расхождение “Голоса” с официальной точкой зрения вызвало его окончательное закрытие в 1884 г.» (с. 309). Создаётся впечатление, будто редакция заранее вступила в борьбу с гр. Толстым, который возглавил МВД только в мае 1882 г., а до того с апреля 1880 г. состоял лишь одним из членов Государственного совета и не имел какого-либо влияния на дела. Кстати, фактически издание «Голоса» прекратилось ещё в феврале 1883 г.

Несколько странно комментируется убийство народниками киевского военного прокурора генерал-майора В.С. Стрельникова, который будто бы отличался «излишней суровостью при вынесении смертных приговоров» (с. 311). Однако приговоры выносил всё же не прокурор, а суд, после чего они утверждались генерал-губернатором. Стрельников, руководивший всей следственной частью по политическим преступлениям, серьёзно мешал организации революционного подполья, за что и был убит. В комментарии же чувствуется неловкая попытка косвенно оправдать террористов, как это делалось в советской историографии.

Ещё более удивительная формулировка встречается в комментарии про показательный суд во Львове над А. Добрянским, О. Грабарь и др., которых австрийские власти обвиняли в государственной измене и панславизме. Прокурор требовал вынесения смертного приговора, но обвинение провалилось из-за полной бездоказательности, и подсудимые отделались несколькими месяцами тюремного заключения⁴. Модестов активно поддерживал в печати галицийских русофилов. Комментаторы же пишут: «На этом процессе москвофилы продемонстрировали национальную

и политическую беспринципность, что помогло народолюбцам укрепить свои политические позиции» (с. 319). К сожалению, смысл этой фразы никак не поясняется.

Конечно, отдельные неудачные выражения не снижают значения высокопрофессионального издания. Оно, безусловно, послужит широкому кругу историков и, хочется надеяться, тем, кто займётся подготовкой специального исследования, посвящённого научной, педагогической и публицистической деятельности В.И. Модестова. В ценности и необходимости такого труда нет никаких сомнений.

Пётр Гордеев

Особенности юбилейного издания: Сборник протоколов и постановлений Кронштадтского совета 1917 г.*

Petr Gordeev

(The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

Particular features of a jubilee edition: The collection of minutes and decisions of Kronstadt Soviet of 1917

Издание сборника протоколов Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов, осуществлённое к столетию революции Российским государственным архивом военно-морского флота (РГАВМФ), имеет давнюю предысторию. Впервые идея публикации документов этого революционного органа, сыгравшего заметную роль в политической драме 1917 г. («кронштадтская республика» в мае, участие кронштадтцев в июльских и октябрьских событиях в Петрограде), появилась ещё в начале 1930-х гг. (а не в 1964 г., как утверждает Л.И. Спиридонова в «Археографическом предисловии» к сборнику (с. 3)) в Институте советского строительства и права¹. Однако ни в то время, ни в 1960–1970-е гг., когда такая возможность вновь активно обсуждалась, выпустить подготовленный сотрудниками архива текст так и не удалось. Причины

Примечания

¹ Киевские университетские известия. 1865. № 2–4.

² См., в частности: *Минаков А.Ю.* «Погром» или ревизия? // Консерватизм в России и мире. Ч. 3. Воронеж, 2004. С. 122–125; *Минаков А.Ю.* Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 267–307.

³ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 503.

⁴ Подробнее см.: *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М., 2011. С. 89–90.

этого, к сожалению, в вышедшем в свет сборнике не указаны. И теперь, готовясь к столетию революции, Федеральное архивное агентство «предложило РГАВМФ вернуться к неизданной рукописи и подготовить новый текст с учётом проделанной ранее работы, современных исследований в области истории революционного движения в России и требований в области археографии» (с. 4).

С поручением «учесть современные исследования» составители сборника, к сожалению, не справились. Авторы комментариев к документам ссылаются преимущественно на труды советских историков 1940–1960-х гг. и ленинские работы. Между тем в начале XXI в. история Кронштадтского совета в 1917 г. освещалась не только в ряде статей, но и в диссертации, основанной на материалах 17 архивов и рукописных

* Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1: Март–июнь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 576 с.

отделов музеев и библиотек². Однако ответственный составитель Л.И. Спиридонова и её коллеги, ссылающиеся в «примечаниях» даже на заметку в форме экскурсии по Кронштадту в современной газете «Кронштадтский вестник» (с. 484), эти исследования практически полностью проигнорировали (единственное упоминание о диссертации можно обнаружить в одной из сносок к вступительной статье А.В. Смолина (с. 12)). Трудно сказать, почему коллектив авторов решил ограничиться научными знаниями полувековой давности, но это неизбежно привело к ошибкам и неточностям в комментариях.

В частности, уже приводились аргументы, подтверждающие новую дату основания в Кронштадте Совета рабочих депутатов — 4, а не 5 марта, как считалось ранее³. С новой датировкой можно согласиться (как это сделала, например, в официальном отзыве на диссертацию выдающийся историк революционной эпохи Б.Д. Гальперина) или полемизировать, но в сборнике её просто не заметили (с. 11). А.Н. Ламанов (пожалуй, центральная фигура кронштадтской политики в 1917 г.) родился не в 1879 г., как следует из «Указателя имён» (с. 528), а десятилетием позже⁴. Председатель Совета военных депутатов И.А. Красовский, по его собственному признанию, был не эсером (с. 527), а меньшевиком⁵. Газета «Котлин», являясь частным изданием Е.П. Тверитинова (инициалы которого публикаторами указаны ошибочно), никак не могла быть «официальным органом командования Кронштадтского порта и комиссара Временного правительства» (с. 473). Неверно, будто ранее из материалов Кронштадтского совета «для публикации отбирались только те документы, которые относились к событиям октября 1917 г.» (с. 4). К примеру, в 1926 г. в журнале «Пролетарская революция» были напечатаны, хоть и с купюрами, некоторые протоколы совета и его исполкома, относящиеся к маю 1917 г. (что, кстати, отражено и в комментариях к этим документам в сборнике (с. 310, 321, 323, 343)).

Во вводной статье А.В. Смолина, научного редактора рецензируемого издания, деятельность Кронштадтского совета представлена явно апологетически. Это,

наряду с использованием несколько подзабытых речевых оборотов, настраивает читателей на ностальгический лад. Говорится, например, о «буржуазной печати», начавшей «поход против Кронштадта», не обошлось и без «соглашателей из Петроградского совета» (с. 16, 18). Но настоящим подарком для ценителей языка брежневской эпохи являются примечания к сборнику, сравнительно немногочисленные (125 комментариев к 140 опубликованным документам (с. 471–501), но написанные с партийной прямоотой: «Содержание заявления т. (! — П.Г.) Николаева о деятельности баронов в Эстляндской губернии установить не удалось» (с. 479); «буржуазная печать поспешила оклеветать кронштадтцев., извращение было настолько очевидным, что Переверзев поместил в печати письмо с опровержением» (с. 481); «один из руководителей датской социал-демократической партии, связанной с социал-шовинистами Германии» (с. 482); «большевики решительно отказались от участия в конференции, разоблачив линию эсеро-меньшевистских соглашателей на затягивание империалистической войны» (с. 483); «буржуазная пресса начала кампанию травли Ленина и большевистской партии., были направлены агитаторы, чтобы разъяснить провокационный смысл буржуазной кампании» (с. 483); «удержать армию и флот в руках буржуазии и реакционного командования» (с. 486); «в своей речи Ф.Ф. Раскольников дал одностороннюю оценку деятельности А.В. Луначарского и допустил грубые ошибки» (с. 488); «Временное правительство и соглашательский Петроградский совет использовали инцидент для травли Кронштадта, давно беспокоившего их своей революционностью и считавшегося в буржуазно-помещичьих кругах «гнездом большевизма»» (с. 489) и т.д. Характерно, что авторы примечаний в сборнике не указаны — вероятно, было признано неудобным помещать фамилии сотрудников, работавших в архиве в 1960-х гг., среди авторского коллектива, готовившего публикацию.

Содержательная часть комментариев к протоколам Кронштадтского совета вполне гармонирует со стилистической.

Наиболее авторитетный источник для составителей сборника — сочинения и мнения В.И. Ленина (с. 476, 483, 484, 489, 490). Само по себе обращение к его наследию оправданно, хотя он и не посещал в 1917 г. Кронштадт (в отличие от многих других политиков — А.Ф. Керенского, Л.Г. Корнилова, Н.С. Чхеидзе и др.), но следил за событиями на Котлине и писал о них. Однако для авторов примечаний, написанных, видимо, 50 лет назад, ленинские оценки — не суждения современника, а выражение непреложной истины, завершающее исторический комментарий. Никакой критической оценки их в сборнике нет, хотя в книге неоднократно бичуются «соглашатели», «буржуазная пресса» и Временное правительство. Подобная односторонность в современном издании вызывает, по меньшей мере, недоумение.

Готовя масштабную публикацию (солидный по размерам том спустя несколько месяцев дополнится вторым), следовало учесть, что бесхитростные рассуждения солдатских и матросских депутатов едва ли способны заинтересовать массового читателя. Но в книге, адресованной специалистам, странно видеть не современные, содержательные комментарии, а бесконечно устаревший текст.

Другой недостаток сборника — его бесцветность, в настоящее время ничем не оправданная, поскольку уже проделана немалая исследовательская работа, позволяющая раскрыть за серыми шинелями членов Кронштадтского совета целую галерею любопытных и по-своему ярких исторических личностей. Так, на страницах опубликованных протоколов мелькают имена А.И. Гуйтова, Л.А. Животовского, В.П. Семенникова, о которых составители не сообщают ничего, кроме скурых сведений о принадлежности к воинским частям и членстве в совете разных созывов (с. 516, 520, 543)⁶. Между тем, например, жизнь Александра Ивановича Гуйтова была полна приключений. Опытнейший агент охранного отделения, где служил ещё с 1906—1907 гг., он разъезжал по России под фамилиями Зиновьева, Каменского, Кириллова, Сизова, способствуя провалу и аресту десятков революционеров. Бывалый конспиратор не растерялся и в дни

Февральской революции — в качестве делегата вошёл в Комитет движения, а чуть позднее был избран в состав Следственной комиссии, сформированной Советом военных депутатов для... разоблачения провокаторов! Лишь случайное опознание одним из новых сослуживцев, знавших его ранее как Зиновьева, поставило крест на революционной карьере Гуйтова, оказавшегося в кронштадтской тюрьме. Секретарь Совета военных депутатов Людвиг Абрамович Животовский — сын известного миллионера А.Л. Животовского и близкий родственник (племянник или двоюродный брат) Л.Д. Троцкого, не разделявший, впрочем, его радикальных взглядов и быстро прекративший свою политическую карьеру на Котлине. Владимир Петрович Семенников — не только «меньшевик-интернационалист», но и автор интересного дневника, профессиональный историк, собравший, по его позднейшему признанию, «абсолютно полные» комплекты всех постановлений и протоколов Кронштадтского совета, отдельных воинских частей и кораблей, а также местных газет. Часть этих документов отложилась в фондах петербургских архивов и музеев, другие, увы, были «распылены» — возможно, из-за своеобразных личных особенностей самого собирателя, страдавшего алкоголизмом и психическими заболеваниями (в 1926—1928 гг. он не менее пяти раз попадал в больницу соответствующего профиля). Кстати, видимо, не отличался трезвостью и Н.Д. Присёлков, брат знаменитого историка русского летописания, выдвинутый в мае Кронштадтским советом в начальники городской милиции, а в декабре смещённый и арестованный за пьянство⁷.

Дополнить примечания этими и другими подобными сюжетами можно было бы без существенного увеличения их объёма. Стоило лишь обновить историографию, сократить ленинские цитаты и целый ряд справок об общенациональных (не кронштадтских) газетах, таких как «Известия Петроградского совета», «Единство», «Вечернее время», «Биржевые ведомости», «Окопная правда», «Земщина», «Выборгский солдатский вестник» (с. 472—473, 492—493, 498—500), и не связанных с историей Кронштадтского совета деятелях. Едва ли стоило посвящать 25 строк

один раз упомянутому в тексте протоколов датскому социал-демократу Ф. Боргбьергу (с. 199, 482–483), если о председателе совета А.Н. Ламанове читатель сборника может узнать только из трёх скудных строк в Указателе имён (с. 528). А ведь биография Ламанова достаточно хорошо изучена – не рабочий, не солдат и не матрос, он на многие месяцы завоевал доверие кронштадтцев и стал их представителем⁸. И конечно, отсутствие хотя бы краткого рассказа об этом человеке – существенный пробел в рецензируемом издании.

Хочется верить в то, что второй том будет свободен от недостатков первого. Характеризуя же уже вышедшую книгу, приходится признать, что российская историческая наука получила красиво изданный, но бесконечно устаревший труд, или, как говорили во времена В.И. Даля, «подержину». Впрочем, в научной терминологии аналогичному явлению, кажется, имени нет, поэтому назовём его... особенностями юбилейного издания.

Примечания

¹ Подробнее см: *Гордеев П.Н.* Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–октябре 1917 года. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 527–528.

² Коллектив сотрудников РГАВМФ, готовивший сборник, напротив, предпочёл обойтись

собственными силами – кроме двух документов, взятых из Государственного музея политической истории России и РГВИА (с. 20, 24), составители использовали, в том числе и в комментариях, исключительно материалы, находящиеся в архиве Военно-морского флота. В «Списке сокращений» указан также Центральный военно-морской музей, но в самой книге нет отсылок к фондам этого музея, где, действительно, содержатся ценные источники, отражающие происходившие в Кронштадте события (в частности, дневник В.П. Семенникова, даже не упомянутый в рецензируемом издании).

³ *Гордеев П.Н.* Кронштадтский Совет... С. 169–173.

⁴ Там же. С. 556.

⁵ Там же. С. 553.

⁶ Несколько более подробно сообщается о Животовском, но при этом составители сборника не только не ссылаются на источник своих сведений, но и неточно их заимствуют. Так, мною было обнаружено и процитировано в диссертации заявление Животовского, обратившегося 13 июня 1916 г. к ректору Петроградского университета с просьбой об исключении его из числа студентов для поступления вольноопределяющимся на военную службу (Там же. С. 549). Между тем в рецензируемом издании дата этого заявления почему-то указана как момент поступления Животовского добровольцем в армию.

⁷ Там же. С. 524–529, 535–545, 547–551, 563–565.

⁸ *Гордеев П.Н.* Анатолий Ламанов – председатель Кронштадтского совета в 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2006. Вып. 4. С. 139–143.

Александр Фокин

Рец. на: В.А. Бердинских, В.И. Меньковский. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. 132 с.

Alexandr Fokin

(Chelyabinsk State University, Russia)

Rec. ad op.: V.A. Berdinskikh, V.I. Menkovskii. GULAG: ideologija i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke. Syktyvkar, 2017

Несмотря на популярность сталинской эпохи – это, пожалуй, самый хорошо изученный период всей советской истории, – он не теряет своей актуальности. Во многом такая ситуация связана с социальной значимостью темы, поскольку в российском обществе не сформировался консенсус относительно «советского опыта» и не произошло проработки травмы массовых репрессий. Поэтому публикация о ГУЛАГе – вклад не только в историографию, но и в общественную дискуссию. Выход в свет совместного труда двух известных специалистов вселял оптимизм относительно того, что произойдёт синтез результатов анализа мировой историографии и многолетнего изучения лагерной системы. В целом получилась публикация, которую можно рекомендовать для знакомства с темой.

Совместный труд В.А. Бердинских и В.И. Меньковского обозначен как мини-монография. В «Предисловии» указано, что данный термин предложил Бердинских, однако его смысл в работе так и не прояснён. По сути, в книге представлены две полноценные статьи, их перевод на английский язык и приложение, добавленное для отчёта по проекту Уральского отделения РАН. В содержании не указано, кто является автором разделов, поэтому сложно определить с первого взгляда, писалась ли вся работа совместно или составлена из авторских текстов. Но в предисловии (с. 6) отмечено: «Основной текст публикации подготовлен В.А. Бердинских, историографический обзор – В.И. Меньковским, научное редактирование – И.Л. Жеребцовым». Исходя из этого, можно предположить, что фрагмент «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии» был написан Меньковским, а Бердинских является автором остальных частей. Будем придерживаться данной версии авторства.

Отметим, что разделы «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии» и «Лагерь и советская экономика 1930-х годов» имеют крайне мало точек соприкосновения и объединены скорее формальным моментом, нежели концептуально. Данный факт также может свидетельствовать в пользу того, что авторы писали свои части работы раздельно. Если взглянуть на список источников и литературы, то совпадение между частями ограничивается только работами В.Н. Земскова. Получается, что за последние несколько десятков лет в англосаксонской традиции сформировалось целое направление по изучению ГУЛАГа, о чём пишет Меньковский, Бердинских же прекрасно обходится в своём исследовании без ссылок на эти многочисленные работы.

Монография состоит из шести разделов. В «Предисловии» определяется встроенность монографии в тенденции изучения ГУЛАГа. Так, авторы говорят о наличии «двух ведущих языковых научных сообществ исследователей сталинизма». Делая акцент на языке публикации, они стремятся подчеркнуть универсальный характер собственной публикации, которая оказывается вписана как в русско-, так и в англоязычную традицию. При этом методологическая основа работы оказывается второстепенна по отношению к тому языку, который используется для обнаружения результатов исследования.

Авторство «Введения» принадлежит Бердинских. Это можно установить, сопоставив текст введения и текст его доклада «ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика

подневольного труда» на симпозиуме «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны»¹. Сравнивая тексты 2013 г. и 2017 г., можно сказать, что во «Введении» мини-монографии представлен немного переработанный фрагмент из доклада на симпозиуме. Для иллюстрации приведём небольшую выдержку.

<p><i>Бердинских В.А.</i> ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда / Доклад на пленарном заседании международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.). Сыктывкар, 2013.</p>	<p><i>Бердинских В.А., Меньковский В.И.</i> ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.</p>
<p>В отличие от античного раба советский заключённый формально бесплатен: он взятся «ниоткуда» — из общества, где НКВД–МВД–МГБ могли набирать в рабский «контингент» кого угодно и сколько угодно. Поэтому стоимость заключённого есть цена его физической силы. Но государство, торгуя собственными гражданами в царстве «плановой экономики», тем самым ставит себя вне этического и правового пространства. А ведь и в эпоху античности рабы стоили довольно дорого. Так что покупка раба являлась серьёзным вложением капитала, что предопределяло и соответствующее отношение владельца к «живому товару» — к нему относились, во всяком случае, не хуже, чем к скотине... (с. 10).</p>	<p>В отличие от античного раба «простой советский заключённый» формально бесплатен: он взятся «ниоткуда» — из общества, где ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ могли набирать в рабский «контингент» для своего «основного производства» кого угодно и сколько угодно. Стоимость заключённого — есть цена его физической силы. Но государство, торгуя собственными гражданами в царстве «плановой экономики» (этапный вагон «зеков» — за десяток-другой кубометров пиломатериалов, или за пару-другую тракторов либо автомобилей, или за цистерну «солярки», или за партию запчастей и т.п.), тем самым ставит себя вне этического и правового пространства. А ведь в эпоху античности рабы стоили довольно дорого. Так что покупка раба являлась серьёзным вложением капитала, что предопределяло и соответствующее отношение владельца к «живому товару» — к нему относились, во всяком случае, не хуже, чем к скотине... (с. 8).</p>

В обоих текстах автор высказывает спорную мысль — уравнивает античных рабов и заключённых ГУЛАГа. Такое сравнение не является в полной мере научным, оно не позволяет лучше понять или по-новому интерпретировать труд заключённых в СССР, зато несёт однозначный морально-идеологический посыл через использование эмоциональных терминов «рабский труд» и «раб». Видимо, автору важно обозначить определённые рамки восприятия текста и эпохи. Стоит также добавить, что во «Введении», которое занимает полторы страницы, слово «раб» встречается чаще, чем во всём остальном тексте рецензируемой книги — при том, что в историографическом разделе оно не фигурирует вообще.

Наибольший интерес в мини-монографии представляет раздел «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии». Написавший данный раздел В.И. Меньковский указан в предисловии как автор историографического очерка. Ему принадлежит авторство одной из лучших работ по англоязычной историографии сталинизма². Историографические обзоры всегда будут пользоваться спросом, поскольку позволяют быстро ориентироваться в теме, обозначают основные аспекты и ключевые работы. Несомненным

¹ *Бердинских В.А.* ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда / Доклад на пленарном заседании международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.). Сыктывкар, 2013. URL: <http://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/berdinskih.pdf>

² *Меньковский В.И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007.

достоинством текстов Меньковского является чёткость, умение грамотно и ясно продемонстрировать развитие темы и ход дискуссий в мировой историографии. Читатель, не знакомый с обилием англоязычных работ о сталинизме, сможет составить представление об основных направлениях и темах. При небольшом объёме раскрыты проблемы изучения террора и ГУЛАГа иностранными авторами. Правда, присутствует и ряд спорных моментов. Например, неясны критерии отнесения к классической и не классической историографии. Судя по списку источников, основным признаком выступают хронологические рамки. Без внимания остаются работы, написанные после 2000 г. Однако представляется, что книги Э. Эпплбаум и Д. Пристланда³ уже вполне можно отнести к классическим исследованиям.

Ещё один вопрос, возникающий при чтении данного раздела: насколько тождественны тема массовых сталинских репрессий и тема ГУЛАГа. Конечно, они тесно переплетены, но при этом не равнозначны. Изучая цели и механизмы террора, исследователи не переходят автоматически к проблемам функционирования системы лагерей — хотя бы потому, что не все жертвы террора доживали до лагеря. Меньковский обзревает работы преимущественно по истории именно репрессий и террора и почти не касается историографии ГУЛАГа как отдельного объекта изучения.

Но главный вопрос возникает при сопоставлении текстов мини-монографии и монографии 2013 г.⁴ Сравнивая их, мы видим, что фрагмент издания 2013 г. (с. 84–91) был перенесён в издание 2017 г. лишь с небольшими дополнениями в начале и в конце раздела. Для иллюстрации приведём примеры.

<p><i>Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А.</i> Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.</p>	<p><i>Бердинских В.А., Меньковский В.И.</i> ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.</p>
<p>В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчёта численности заключённых в лагерях. Он проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключённых в лагерях составила около 2 млн чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приводивших цифру 5–6 млн чел. (с. 85).</p>	<p>В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчёта численности заключённых в лагерях. Он проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключённых в лагерях составила около 2 млн чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приводивших цифру 5–6 млн чел. (с. 12).</p>
<p>Следует признать, что, несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например, «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хафом, или более 60 млн жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем, представляются маргинальными, официально признанная оценка так и не появилась (с. 89).</p>	<p>Следует признать, что, несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например, «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хафом, или более 60 млн жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем, представляются маргинальными, официально признанная оценка так и не появилась (с. 19).</p>

³ *Applebaum A.* Gulag: A History of the Soviet Camps. N.Y., 2003; *Priestland D.* Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in inter-war Russia. Oxford, 2007.

⁴ *Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А.* Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.

<p>Р. Конквест, не соглашаясь с подобными выводами, писал, что, конечно, западному жителю трудно представить себя на месте советского человека. Не случайно русские часто говорят о западных исследователях: «как много они знают, как мало они понимают». Хотя в отношении некоторых ревизионистов вызывает сомнение и знание, и понимание (с. 91)</p>	<p>Р. Конквест, не соглашаясь с подобными выводами, писал, что, конечно, западному жителю трудно представить себя на месте советского человека. Не случайно русские часто говорят о западных исследователях: «как много они знают, как мало они понимают». Хотя в отношении некоторых ревизионистов вызывает сомнение и знание, и понимание (с. 21).</p>
---	--

Поэтому, если говорить о достоинствах данной части, то скорее следует хвалить издание 2013 г.

Следующая часть мини-монографии озаглавлена «Лагеря и советская экономика 1930-х годов», автором её выступает В.А. Бердинских. На это указывают как упоминание во «Введении», так и совпадение с тематикой ранее упоминавшегося доклада 2013 г. Главным плюсом этого раздела является краткий обзор использования труда заключённых ГУЛАГа с 1930-х гг. до реорганизации всей системы лагерей после смерти Сталина. Автор пишет о том, почему советская власть делала ставку на лагеря и колонии как на главный источник рабочей силы. Для полноты картины стоило было добавить несколько слов о формировании системы принудительного труда в СССР. Бердинских удачно соединяет в тексте статистические данные и примеры из литературы, создавая яркий образ экономики принудительного труда. Важным моментом является структурирование форм стимулирования труда заключённых. Автор показывает, как лагерное начальство экспериментировало в поисках способов заинтересовать заключённых и, несмотря на то, что главным стимулом было возможное наказание, активно использовало различные виды поощрений — от денежных выплат и увеличения пайки до участия в слётах лагерных передовиков и сокращения срока заключения. При этом «бесплатный», по мысли властей, трудовой ресурс на деле оказывался весьма затратным и часто обходился даже дороже, чем привлечение свободных граждан. Бердинских отмечает, что подневольный труд становится своеобразным экономическим наркотиком, который негативно влияет на функционирование всей системы, но может создать иллюзию эйфории.

Несмотря на чёткую и последовательную позицию автора в описании системы ГУЛАГа, основой его текста является уже известная литература. Так, из 79 ссылок только 4 — на архивные фонды, все остальные — на работы других авторов. В этой связи создаётся впечатление реферативности, удачного обобщения опыта других исследователей.

Главная проблема при чтении данного раздела возникает при попытке определить, где текст Бердинских, а где — другого автора. Так, в сносках нет одной из главных работ по истории ГУЛАГа, написанной Г.М. Ивановой⁵. Более того, активно используется более ранняя публикация данного автора — она цитируется 14 раз (в 3.5 раза чаще, чем архивные документы). Однако в сносках указано только общее название издания⁶, без уточнения, что ссылки идут на статью Ивановой. Похоже, это неслучайно, ведь сравнение текстов выявляет подозрительно много общего.

⁵ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

⁶ В мини-монографии ссылка приводится в таком виде: «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М.; СПб., 1998». Корректный вариант такой: *Иванова Г.М.* Как и почему стал возможен ГУЛАГ // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Россия — по дорогам фанатизма и мученичества). М.; СПб., 1998. С. 5–68.

<p><i>Иванова Г.М.</i> История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.</p>	<p><i>Бердинских В.А., Меньковский В.И.</i> ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.</p>
<p>Говоря о развитии лагерной экономики, следует отметить, что, несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в начале 1930-х годов были не заключённые, а спецпереселенцы (в основном крестьяне), численность которых в тот период в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, только за 1930–1931 гг. в ссылку на спецпоселение было отправлено 1 803 392 человека. Число заключённых, содержащихся в лагерях ОГПУ, составляло на 1 января 1932 г. (по официальным данным) 268 700 человек (с. 233).</p>	<p>Несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в начале 1930-х гг. были всё-таки не заключённые, а спецпереселенцы, численность которых в то время в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным Отдела спецпереселений ОГПУ, только за 1930–1931 гг. в ссылку на спецпоселение были отправлены 1 803 392 чел., а число заключённых, находившихся в лагерях ОГПУ, составляло на 1 января 1932 г., по тем же данным, «лишь» 268 700 (с. 31).</p>
<p>В годы первых пятилеток партийная пропаганда всеми доступными средствами насаждала в лагерной среде «пафос созидания». Девизом лагерных газет стал лицемерный постулат «Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и геройства». Жизнь заключённого, оторванного от семьи, нормальной работы, дома, заполняли лозунги такого содержания: «Лагерники! На 150 процентов завершим земляные работы!»; «Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок!»; «Каждый лагерник может и должен быть перекован!»; «За новую перекованную женщину!»; «Ударникам – лучшее питание»; «Лагкор не только разоблачитель, но и организатор лагерников на выполнение программ»; «Стахановская работа – дорога к льготам». Позднее к этой лозунговой вакханалии прибавилось лагерное радио. Мощный динамик-громкоговоритель, приделанный на высоком столбе, чтобы не повредили заключённые, не умолкал с утра до конца рабочего дня, пропитывая сознание лагерника идеологическими штампами, приучая мыслить в заданном направлении. Пропагандистский прессинг сочетался с «исправительно-трудовым». Для заключённых придумывались всевозможные «почины», «трудовые вахты», «салюты», насаждалось ударничество, стахановское движение и трудовое соревнование, которое, если верить отчётам лагерного начальства, охватывало чуть ли не 95% заключённых (с. 237–238).</p>	<p>В годы первых «сталинских» пятилеток коммунистическая пропаганда всеми возможными средствами насаждала в лагерной среде «пафос созидания». Девизом лагерных газет-многоотиражек стал лицемерный сталинский постулат: «Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и геройства». Пропагандистский прессинг при этом сочетался с «исправительно-трудовым»: для подневольных изобретались всевозможные «почины», «трудовые вахты», «салюты», насаждались «ударничество», «стахановское движение» и «трудовое соревнование», которое, если верить отчётам гулаговского начальства, «охватывало» чуть ли не 95% «производственников» (с. 35).</p>

<p>Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общем объёме народного хозяйства страны составлял: никеля – 46.5%, олова – 76, кобальта – 40, хромитовой руды – 40.5, золота – 60, лесоматериалов – 25.3%. Объём лагерного производства цветных металлов достиг 40% от объёма продукции, выпускаемой предприятиями Наркомцветмета (с. 244).</p>	<p>Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общегосударственном объёме составлял: никеля – 46.5%, олова – 76%, кобальта – 40%, хромитовой руды – 40.5%, золота – 60%, лесоматериалов – 25.3%. Объём лагерного производства цветных металлов составлял 40% от объёма продукции, выпускаемой предприятиями Наркомцветмета СССР (с. 36).</p>
---	---

Сразу же возникает вопрос, почему Бердинских ссылается на вышедшее достаточно давно научно-популярное издание, а не на новое и гораздо более подробное монографическое исследование. Конечно, автор сам выбирает, какой текст использовать в качестве основы, но такое предпочтение выглядит странно. Проблема, однако, в другом. Сложно понять, является тот или иной фрагмент статьи прямо списанным или автор всё же самостоятельно сформулировал мысль, отталкиваясь от данных своих предшественников. Обилие порой дословных совпадений с более ранними текстами других авторов однозначно указывает на первый вариант. Аксиомой научного исследования же является то, что профессионал должен уважать работу коллег и корректно цитировать их, не создавая впечатления неэтичного заимствования.

В «Заключении» высказывается мысль, что режим Сталина, создав лагерную систему, привёл к «криминализации всей страны». Большое количество граждан, прошедших через систему лагерей и тюрем, стали носителями криминальной культуры и языка. Выдвигается идея, что в ГУЛАГе сложился комплекс норм поведения, характерный для советского человека: «отвращение к труду; бесхозяйственность; безразличие, равнодушные; повседневное жульничество (приписки, халтура, “туфта”, взаимный и всесторонний обман); цинизм; подозрительность и враждебность к любой инициативе; нетерпимость к любым проявлениям человеческого достоинства; зоологический эгоизм; культ грубой силы». Этот комплекс норм «по наследству» достался современной России.

Подобная точка зрения представляется весьма интересной, поскольку массовые репрессии и ГУЛАГ были важной частью как политической модели, так и повседневности СССР. С другой стороны, подобные яркие обобщения возникают лишь в заключении, без опоры на текст основной части мини-монографии и выводы историографии. По сути, они постулируются без возможности верифицировать их, что переводит текст из научной в идеологическую плоскость.

Последней частью мини-монографии является приложение «Изучение истории политических репрессий в Республике Коми». Исходя из указания в предисловии, можно сделать предположение, что автором этой части публикации является Меньковский. На это указывает и совпадение фрагментов её текста со статьёй, написанной им совместно с И.Л. Жеребцовым⁷.

⁷ *Жеребцов И.Л., Меньковский В.И.* II международная научная конференция «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе» (Сыктывкар, Воркута, 15–19 октября 2013 г.) // *Российские и славянские исследования: научный сборник.* Вып. 9. Минск, 2014. С. 312–314.

<p><i>Жеребцов И.Л., Меньковский В.И.</i> II международная научная конференция «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе» (Сыктывкар, Воркута, 15–19 октября 2013 г.) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 9. Минск, 2014.</p>	<p><i>Бердинских В.А., Меньковский В.И.</i> ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.</p>
<p>Обратим внимание на ключевые положения публикаций, которые стали предметом дальнейших дискуссий участников конференции. В.А. Бердинских отметил коренные недостатки лагерной экономики: повышенную секретность и бесконтрольность, хищническое использование природных ресурсов, отторжение технического прогресса, высокую себестоимость гулаговской продукции, торможение развития рынка труда и социальной инфраструктуры. Автор сделал вывод о том, что «подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования и существенно сдерживал её развитие» (с. 312).</p>	<p>Обратим внимание на ключевые положения публикаций, которые стали предметом дальнейших дискуссий участников международной конференции. В.А. Бердинских отметил коренные недостатки лагерной экономики: повышенную секретность и бесконтрольность; хищническое использование природных ресурсов; отторжение технического прогресса; высокую себестоимость гулаговской продукции; торможение развития рынка труда и социальной инфраструктуры. Автор делает доказательный вывод о том, что «подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования и существенно сдерживал её развитие» (с. 111–112).</p>
<p>Во время конференции особенно подчёркивался тезис о том, что всё более глубокое знание о системе рабского труда в сталинское время не должно привести к банализации этой системы или же её принятию. Участники конференции возложили цветы у памятника жертвам политических репрессий и на кладбище, где похоронены участники воркутинского восстания 1953 г. (с. 314).</p>	<p>Во время конференции особенно подчёркивался тезис о том, что всё более глубокое знание о системе рабского труда в сталинское время не должно привести к банализации этой системы или же её принятию. Участники конференции возложили цветы у памятника жертвам политических репрессий и на кладбище, где похоронены участники воркутинского восстания 1953 года (с. 113).</p>

Базой для изучения сталинского террора в Коми является благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», который совместно с ИЯЛИ Коми научный центр УО РАН подготовил несколько конференций по теме репрессий. Они прошли в 2007, 2009, 2011 и 2013 гг., причём две последние носили международный характер. К сожалению, основной акцент в приложении делается именно на описание докладов на конференциях, без возможности выйти на обобщающий уровень, а многие работы просто перечисляются в назывном порядке. А ведь историографический анализ данной темы в одном конкретном регионе мог бы стать хорошим примером изучения как региональной специфики, так и общих факторов, определяющих работу историков над проблемой.

Подводя итоги, можно сделать заключение об определённом парадоксе. Книга написана интересно, читается легко, как специалист, так и интересующийся может найти в ней важный фактологический материал и продуктивные обобщения. Но проблема заключается в том, что всю представленную информацию можно почерпнуть в других книгах. Конечно, сейчас сложно отыскать полностью оригинальное историческое исследование, но в данном случае вторичность и компилятивность выступают как основа мини-монографии и, видимо, призваны минимизировать усилия по её созданию. Однако у книги есть одно неоспоримое достоинство – данная публикация является практически идеальной формой отчётности сразу по двум проектам Программы фундаментальных исследований УРО РАН.

Юрий Георгиевич Алексеев (1926–2017)

13 апреля ушёл из жизни Юрий Георгиевич Алексеев – выдающийся российский учёный, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, крупнейший специалист по истории средневековой Руси. Он скончался после двух недель болезни; через два дня ему исполнился бы 91 год.

Юрий Георгиевич родился 15 апреля 1926 г. в Ленинграде в семье инженера-кораблестроителя Георгия Михайловича и преподавателя французского языка Наталии Андреевны. От отца Юрий Георгиевич перенял любовь к флоту, что повлияло на его стремление сделать карьеру морского офицера. Наталия Андреевна привила сыну интерес к языкам. Ещё в детском возрасте будущий учёный увлёкся историей.

После первой суровой блокадной зимы Юрий Георгиевич вместе с матерью был эвакуирован в Тбилиси, где осенью 1943 г. его призвали в армию. В сентябре 1945 г. он стал курсантом Каспийского высшего военно-морского училища, а спустя год перевёлся в Ленинград, в Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе, по окончании которого служил на кораблях ВМФ СССР. После тяжёлого ранения, полученного при исполнении служебных обязанностей, старший лейтенант Алексеев в ноябре 1953 г. уволился в запас.

Ещё будучи на флотской службе Юрий Георгиевич поступил в экстернат исторического факультета Ленинградского государственного университета. Его дипломная работа была посвящена истории армии («Русское войско в Ливонской войне: состав и организация»). Дальнейшие научные интересы Юрия Георгиевича определились после знакомства с «Актами социально-экономической истории Северо-Восточной Руси». Документы, отражавшие жизнь людей XIV–XVI вв., увлекли исследователя, всегда утверждавшего, что прежде всего следует изучить источники и составить представление о пути решения научной проблемы, а потом уже – ознакомиться с историографией, поскольку только так можно избежать «очарования» существующими гипотезами и сохранить «трезвый» взгляд на события прошлого.

С 1957 по 1962 г. Юрий Георгиевич, работая над кандидатской диссертацией, изучал хозяйство и быт Переяславского уезда как по сохранившимся текстам, так и по сообщениям местных жителей о топонимике края. Итог этой работы воплотился в его первой книге «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд» (М.; Л., 1966). В ней Юрий Георгиевич продолжил исследования феодальной земельной собственности, начатые С.Б. Веселовским в общерусском масштабе и А.И. Копаневым – на материале Белозерского уезда.

Один из существенных выводов, к которым пришёл Алексеев, заключался в том, что наличие «чёрных» земель и их постепенное исчезновение в течение XVI в. свидетельствовало о процессе феодализации на территории Переяславского уезда. А поскольку в центре России до середины XVI в. сохранялась черносошная волость, говорить о развитии феодализма в России можно только с конца XVI в. Это утверждение стало центральным в дискуссии о «чёрных землях», которая длилась почти три десятилетия, с начала 1960-х до конца 1980-х гг. Наряду с И.И. Смирновым, Г.Е. Кочиным, Н.Е. Носовым и А.И. Копаневым Ю.Г. Алексеев полагал, что процесс формирования крупной привилегированной земельной собственности в XVI в. был далёк от завершения, в тот период ещё существовал достаточный массив территорий, на которых проживали крестьяне, объединившиеся в общины и распоряжавшиеся своей землёй как собственностью. А так называемое «верховное право великого князя» лишь обозначало явление, которое позже назовут «суверенитетом», или «верховенством государственной власти».

Дискуссия о «чёрных землях» в известной мере повлияла и на создание в Ленинградском отделении Института истории аграрной группы под руководством А.Л. Шапира. В её состав вошёл и Юрий Георгиевич, принявший участие в создании четырёхтомного комплексного труда, освещавшего состояние населения, землепользования и землевладения на Северо-Западе России на протяжении более чем двух столетий.

Однако собственно аграрная история интересовала Юрия Георгиевича лишь постольку, поскольку она выходила на социальную проблематику, помогала понять поступки и судьбы

людей и развитие общества. Повседневность XV–XVI вв., в той степени, в которой она отражена в сохранившихся документах, была во многом обусловлена существованием определённых норм поведения, выражавшихся, в первую очередь, в форме обычаев, а с другой стороны, фиксировавшихся правом. Размышляя над ними в конце 1960-х гг., Юрий Георгиевич начал изучение Псковской судной грамоты. Если ранее основными источниками для него служили акты и материалы земельных описаний, то теперь юридические памятники требовали применения иных подходов. В результате целый ряд терминов Псковской судной грамоты получил неожиданную трактовку. Более того, выяснилось, что одно и то же выражение в разных юридических текстах могло нести разную смысловую нагрузку.

Значительно сложнее, чем это представлялось ранее, оказался и характер отношений между отдельными категориями населения в ту эпоху. Так, наблюдалось противоречие интересов смердов (крестьян) и «чёрных» людей Пскова, линия размежевания проходила здесь между псковичами и жителями Псковской земли. Монографию «Псковская судная грамота и её время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв.» (Л., 1980) Юрий Георгиевич защитил как докторскую диссертацию.

Анализ Псковской судной грамоты убедительно показывал, что наличие или отсутствие социальных конфликтов зависело не от характера и формы государственного устройства, а от конкретной политики, проводившейся в тех или иных исторических условиях. Вот почему личность Ивана III, его действия, сподвижники, созданный им аппарат управления постепенно всё больше привлекали внимание Юрия Георгиевича. В 1978 г. он приступил к созданию большого исследования об эпохе Ивана III. Впоследствии оно переросло в несколько книг: «Освобождение Руси от Ордынского ига» (Л., 1989), «Государь всяя Руси» (Новосибирск, 1991), «“К Москве хотим”»: Закат боярской республики в Новгороде» (СПб., 1991) и «Под знамёнами Москвы. Борьба за единство Руси» (М., 1992). Все они раскрывают процесс создания единого Русского государства, выработки механизмов, позволяющих регулировать неизбежную общественную борьбу и обеспечивать баланс между справедливостью в её христианском понимании и политической целесообразностью. Весь цикл преобразований в сфере управления и суда представлен Юрием Георгиевичем в работах «У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв.» (СПб., 1998) и «Судебник Ивана III. Традиция и реформа» (СПб., 2001). Эффективность этих преобразований наглядно проявилась в сфере международных отношений — на границах католического мира сложилось православное государство, с которым уже нельзя было не считаться. При этом его выживание во многом зависело от способности Ивана III находить оптимальные решения возникавших проблем. Нередко это требовало применения военной силы, чему были посвящены последние книги Ю.Г. Алексеева — «Походы русских войск при Иване III» (СПб., 2007) и «Русское войско и военное искусство IX–XVII вв.» (СПб., 2015).

Вместе с тем исследовательские интересы Юрия Георгиевича не ограничивались временем Московской Руси. Уже в XXI в. он сосредоточился на изучении деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова. Круг замкнулся — учёный возвращался к истории флота, которая некогда привела его на студенческую скамью.

Юрий Георгиевич прошёл в жизни большой творческий путь, который с ним разделяла его жена Мария Андреевна Алексеева (1930–2011), урождённая Римская-Корсакова, правнучка контр-адмирала Воина Андреевича Римского-Корсакова. С искренним радушием Алексеевы принимали у себя дома гостей, учеников, коллег, родственников, друзей. Каждому из пришедших Юрий Георгиевич давал добрые советы, для всех находил нужные слова поддержки. Будучи человеком православным и глубоко верующим, сам часто находил утешение в молитве. Вера укрепляла у него, убеждённого государственника, надежду на будущее возрождение России.

Юрий Георгиевич был человеком с феноменальной памятью и энциклопедическими знаниями о русской и всеобщей истории. Он великолепно знал художественную литературу, свободно читал на языке оригинала произведения зарубежных авторов, мог целыми поэмами наизусть цитировать русских и советских поэтов, помнил исторические события на каждый день календаря. А яркие лекции и неповторимые семинары Юрия Георгиевича запомнило не одно поколение студентов. Для многих современных исследователей путь в науку начался именно с этих незабываемых занятий и бесед.

Все, кому посчастливилось с ним работать и общаться, навсегда сохранят образ светлого человека, подвижника, Учителя — Юрия Георгиевича Алексеева. Вечная память!

Наши авторы

Аксёнов Владислав Бэнович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Башнин Никита Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина

Белоусова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Беляков Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Войтиков Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, главный специалист Центрального государственного архива города Москвы

Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, почётный профессор Московского государственного областного университета

Гайда Фёдор Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Гордеев Пётр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Иванова Галина Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Карпенкина Янина Валерьевна, стажёр-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), аспирант Школы исторических наук НИУ ВШЭ

Колоницкий Борис Иванович, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Кружинов Валерий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель главного редактора журнала «Российская история»

Махалова Ирина Андреевна, стажёр-исследователь Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), аспирант Школы исторических наук НИУ ВШЭ

Мелентьев Фёдор Ильич, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Никонов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент Мурманского арктического государственного университета

Пушкарёва Ирина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Розенберг Уильям (Rosenberg William), почётный профессор Мичиганского университета (Энн-Арбор, США) (University of Michigan, Ann Arbor, USA)

Сапон Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина

Сокова Зинаида Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета

Усачев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел РФ и кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

Фокин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета Челябинского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог о книге

В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. Война, породившая революцию	3
<i>Б.И. Колоницкий: Многоликий патернализм</i>	4
<i>У. Розенберг: Трагедия конкурирующих невозможностей</i>	10
<i>Ф.А. Гайда: Обратная сторона русского мессианства</i>	16
<i>С.С. Войтиков: Империя в системном кризисе</i>	21
<i>В.Б. Аксёнов: Эмоции как фактор революции</i>	24

Революция на местах

<i>В.П. Сапон</i>	
Нижегородская либеральная оппозиция накануне Февральской революции 1917 г.	30
<i>М.А. Фельдман</i>	
Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции.....	44
<i>В.М. Кружинов, З.Н. Сокова</i>	
Органы многопартийной социалистической власти на Урале осенью 1917 г.	62

Профессия и сообщество

<i>И.М. Пушкарёва, Н.Л. Пушкарёва</i>	
Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии).....	73

Церковь и государство

<i>А.С. Усачев</i>	
Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.?	97
<i>Н.В. Башнин</i>	
«Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в.	114
<i>С.А. Никонов</i>	
Социальная организация монастырского новоземельского промысла в XVII – начале XVIII в.	127

Идеи и образы

<i>Ф.И. Мелентьев</i>	
Россия в лекциях для наследников престола (1860-е гг.).....	140

Сюжеты и эпизоды

<i>Я.В. Карпенкина</i>	
Советизируя евреев: из истории советской образовательной политики в Западной Белоруссии, 1939–1941 гг.	154

<i>Г.М. Иванова</i>	
«Антикультовые» кампании 1956 г. в школьном образовании.....	167

Обзоры и рецензии

<i>А.В. Беляков</i> – Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572.....	180
<i>О.В. Волобуев</i> – Аксаковы: семейная энциклопедия.....	183
<i>О.В. Белоусова</i> – Д.М. Софьин. Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора.....	185
<i>Д.А. Андреев</i> – В.Ф. Джунковский. Воспоминания (1865–1904); В.Ф. Джунковский. Воспоминания (1915–1917). Т. 3.....	189
<i>И.А. Махалова</i> – Особенности Холокоста в Крыму и на Северном Кавказе.....	192
<i>А.В. Мамонов</i> – Мемуары профессора пореформенного времени.....	199
<i>П.Н. Гордеев</i> – Особенности юбилейного издания: Сборник протоколов и постановлений Кронштадтского совета 1917 г.	206
<i>А.А. Фокин</i> – В.А. Бердинских, В.И. Меньковский. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке.....	210

Pro memoria

Ю.Г. Алексеев (1926–2017).....	217
Наши авторы.....	219

CONTENTS

Discussing recent books

V.P. Buldakov, T.G. Leontieva. The war that gave birth to the revolution	3
<i>B.I. Kolonitsky (European University at Saint Petersburg; Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): A multifaceted paternalism</i>	4
<i>W. Rosenberg (University of Michigan, USA): A tragedy of competitive impossibilities</i>	10
<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia): The reverse side of Russian messianism</i>	16
<i>S.S. Voitkov (Central state archive of Moscow city, Russia): The crisis-ridden Empire</i>	21
<i>V.B. Aksenov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Emotion as a factor of revolution</i>	24

Regional dimension of the revolution of 1917

<i>V.P. Sapon (Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Russia)</i> Liberal opposition in Nizhny Novgorod on the eve of the February Revolution of 1917	30
<i>M.A. Feldman (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg branch)</i> Industrial workers of Russia in 1917: some approaches to the «socialist» revolution.....	44
<i>V.M. Kruzhinov, Z.N. Sokova (both – Tyumen State University, Russia)</i> Multi-party socialist authorities in the Urals in the autumn of 1917.....	62

Professional community

<i>I.M. Pushkareva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow), N.L. Pushkareva (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> The women's movement in the socio-political life of Russia in 1914–1917: some conclusions from the Soviet historiography.....	73
---	----

The Church and the State

<i>A.S. Usachev (Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow)</i> Why did the «Volokolam hegemony» end in the Russian church of the 16 th century?	97
<i>N.V. Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture, Russian Academy of Arts)</i> The «budget» of the Vologda Archbishop house of St. Sophia in the early 17 th century	114
<i>S.A. Nikonov (Murmansk Arctic State University, Russia)</i> The social organization of monastic fisheriers in the Novaya Zemlya in the 17 th – early 18 th century	127

Ideas and images

<i>F.I. Melentiev (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Russia in the lectures for the Heirs to the throne, the 1860s.....	140
---	-----

Scenarios and episodes

<i>Y.V. Karpenkina (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)</i> Sovietizing the Jews: the history of Soviet educational policy in Western Belorussia, 1939–1941	154
<i>G.M. Ivanova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> The 1956 «anti-cult» campaigns in school education	167

Reviews

<i>A.V. Belyakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: Posol'skaia kniga po sviaziam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572	180
<i>O.V. Volobuev ((Moscow Region State University, Russia)</i> Rec. ad op.: Aksakovy: semeinaia entsiklopediia	183
<i>O.V. Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Rec. ad op.: D.M. Sofiyn. Velikiy knyaz' Sergey Aleksandrovich: put' russkogo konservatora	185
<i>D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Rec. ad op.: V.F. Dzhunkovsky. Vospominaniia (1865–1904); V.F. Dzhunkovsky. Vospominaniia (1915–1917). Vol. 3	189
<i>I.A. Makhalova (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)</i> Features of the Holocaust in the Crimea and the North Caucasus	192
<i>A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Memories of a reform-era professor	199
<i>P.N. Gordeev (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)</i> Particular features of a jubilee edition: The collection of minutes and decisions of Kronstadt Soviet of 1917	206
<i>A.A. Fokin (Chelyabinsk State University, Russia)</i> Rec. ad op.: V.A. Berdinskikh, V.I. Menkovskii. GULAG: ideologiia i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke	210

Pro memoria

Yu.G. Alekseev (1926–2017).....	217
Contributors to this issue.....	219

Сдано в набор 02.06.2017 Подписано в печать 01.08.2017 Дата выхода в свет 23.09.2017
Формат 70 × 100¹/₁₆ Печать офсетная Усл.печ.л. 18,2 Усл.кр.-отт. 11,4 тыс.
Уч.-изд.л. 25,2 Бум.л. 7,0 Тираж 617 экз. Зак. 1373 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции и: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 8-499-723-69-10

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099 Москва, Шубинский пер., 6